АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

Георгий Алексеевич
ДЗИДЗАРИЯ

ТРУДЫ

I ТОМ

АбИГИ
Сухум – 2014

63.3 (5Абх)
Д43

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

Научный редактор:
Салакая С.Ш. – кандидат исторических наук.

Георгий Алексеевич Дзидзария. Труды. I том.
«Дом печати». Сухум, 2014 г. –436 с.

Этой книгой предворяется издание трудов выдающегося абхазского историка Г.А. Дзидзария (1914-1988). Предполагается издание всего научного наследия ученого. В первый том вошли работы, посвященные присоединению Абхазии к Российской империи. Тексты публикуются без редакторского вмешательства – в том виде, в каком они были изданы при жизни автора.

Книга рассчитана на специалистов – историков и широкий круг читателей.

© АбИГИ им Д. И. Гулиа

ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЗИДЗАРИЯ

Выдающийся абхазский историк Георгий Алексеевич Дзидзария родился 6 мая (23 апреля по старому стилю) 1914 г. в с. Лыхны Сухумского округа, как тогда называлась Абхазия, в крестьянской семье. Рано потеряв отца, будущий ученый ощутил на себе все тяготы жизни в период меньшевистской оккупации и первые годы советской власти. В 1924 – 1929 гг. он учился в Гудаутском детском доме-интернате, затем в Сухумской образцовой абхазской школе-интернате им. Н. А. Лакоба (ныне – Сухумская 10-я Горская школа), где проявилась его тяга к истории. В 1934 – 1939 гг. Г. Дзидзария учился в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), одном из ведущих вузов СССР того времени, основанном на базе историко-философского отделения МГУ. Там он получил прекрасное историческое образование. После окончания МИФЛИ был принят на работу в Абхазский научно-исследовательский институт (название АбНИИ несколько раз менялось, ныне – АбИГИ им. Д. И. Гулиа АНА). Здесь он проработал до конца жизни, пройдя путь от младшего научного сотрудника до директора института. Одновременно читал лекции в Сухумском государственном педагогическом институте (с перерывом). В 1953 – 1957 гг. Г. Дзидзария – заместитель директора Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В 1957 – 1966 гг. – директор Сухумского гос. пед. института. С 1966 г. – директор АбНИИЯЛИ. В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1958 г. – докторскую. Профессор (1960), член-корреспондент АН ГССР (1974), заслуженный деятель науки ГССР (1961) и Абхазской АССР (1964).

Учёный не только занимался научной и преподавательской деятельностью, но и активно участвовал в общественно-политической жизни Абхазии. В 1947 г. стал одним из авторов письма в ЦК ВКП(б) об искажениях национальной политики в Абхазии, за что подвергался гонениям, как «абхазский националист». В частности, был уволен из Сухгоспединститута. После смерти Сталина участвовал в реабилитации национальных прав и истории абхазского народа. Был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Абхазской АССР, председателем ВС Абхазской АССР, делегатом ряда партийных форумов, председателем Абхазского отделения Общества «Знание» и исторического общества и т. д. За свою научную и общественную деятельность Г. А. Дзидзария награжден орденами и медалями СССР и другими правительственными наградами. Лауреат Государственной премии Грузинской ССР в области науки и техники (1979) и Государственной премии Абхазской АССР им. Д. И. Гулиа (1980).

Новая история – один из наиболее сложных, противоречивых и в то же время наиболее изученных периодов многовековой истории Абхазии. В освещение новой истории Абхазии внесли существенный вклад ученые разных поколений: С. П. Басария, К. Д. Кудрявцев, А. В. Фадеев, А. А. Олонецкий, И. Г. Антелава, Ш. Д. Иналипа, З. В. Анчабадзе, А. Э. Куправа, Б. Е. Сагария, О. Х. Бгажба, Т. А. Ачугба, С. З. Лакоба и др. Однако, несомненно, наиболее весомый вклад в изучение истории Абхазии XIX – начала XX веков внёс Г. А. Дзидзария. Он являлся крупнейшим специалистом по новой и новейшей истории Абхазии, при этом в сферу его научных интересов входили практически все стороны истории Абхазии данной эпохи. Ему были одинаково интересны вопросы присоединения Абхазии к России и установления советской власти, социально-экономическая история дореформенной Абхазии и вопросы формирования абхазской интеллигенции, проблемы махаджирства и исследования революционного движения и многие другие проблемы истории Абхазии. При этом исследователь стремился показать события, происходившие в Абхазии, в сравнении с аналогичными процессами в соседних регионах, искал не только конкретные факты, но и общие закономерности.

Ещё в годы учёбы в МИФЛИ Г. А. Дзидзария проявил склонность к исследовательской работе. Его дипломная работа «Завоевание Абхазии царской Россией» заслужила высокой оценки научного руководителя проф. Г. А. Кокиева. И хотя сам Г. А. Дзидзария никогда не стремился публиковать ее, она была включена в посмертно изданный III том его «Трудов»[1]. Работа содержит большой фактический материал и охватывает промежуток времени с 1810 по 1864 годы. Оценка присоединения к России, хотя и характерна для историографии того времени, но однозначна – завоевание Абхазии. Впоследствии большинство фактов, приведённых в данной работе, если и не утаивались, то замалчивались, поэтому работа не утеряла до сих пор своей научной значимости.

Вскоре после прихода в Абхазский научно-исследовательский институт Г. А. Дзидзария издаёт первую самостоятельную научную работу – «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века»[2]. Несмотря на небольшой объём (32 стр.), книжка содержит богатый фактический материал. В ней ярко обрисована борьба ведущих держав за Абхазию и Кавказ в целом в начале XIX века, дан яркий образ владетеля Абхазии Келешбея Чачба-Шервашидзе, внешняя и внутренняя политика которого оценивается автором высоко. Дзидзария являлся сторонником традиционной точки зрения по поводу убийства Келешбея, т.е. считал виновником смерти отца его старшего сына Асланбея. При этом Дзидзария писал, что Абхазия была всё же завоевана Россией и что власть Сафарбея (Георгия) Чачба держалась лишь на русских штыках.

Период борьбы за советскую власть являлся для Г. А. Дзидзария – сына киаразовца – одним из любимых: он уделял этому времени много внимания и неоднократно к нему возвращался, ввел в научный оборот множество архивных материалов, документов, мемуаров и т.д. В 1946 году Г. А. Дзидзария защитил кандидатскую диссертацию по теме «Абхазия в 1917–1918 гг.»[3], в которой основное внимание уделялось борьбе за установление советской власти в 1918 году.

[1] Дзидзария Г. А. Завоевание Абхазии царской Россией. Труды. Т. III. – Сухум, 2006.

[2] Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. – Сухуми, 1940.

[3] Дзидзария Г. А. Абхазия в 1917–1918 гг. // Тезисы диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Тбилиси: 1946.

Г. А. Дзидзария был патриотом своей страны, переживал за свой народ, находившийся в то время в очень непростой ситуации. Учёный стал одним из авторов (вместе с К. С. Шакрыл и Б. В. Шинкуба) письма в ЦК ВКП(б) о грубых нарушениях в национальной политике Абхазии[1]. После этого письма началась травля его авторов, их обвинили в том, что они буржуазные националисты и антисоветчики, им было вынесено строжайшее партийное взыскание. Вскоре после этого Г. А. Дзидзария уволили из Сухгоспединститута. По его собственным словам, ему было выражено политическое недоверие и предъявлено требование освободить жилплощадь, принадлежавшую пединституту[2]. Возможно, именно в связи с начавшейся травлей так и не была опубликована написанная в эти годы статья «Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западе Кавказа в первой половине XIX века»[3] (позднее включена в III том его «Трудов»[4]), а также монография о Келеш-бее, за которую на VIII Сухумской городской партконференции учёный был подвергнут резкой критике со стороны директора Сухумского пединститута Р. Цулукидзе, который работу не читал и даже не держал в руках[5]. Дальнейшая судьба монографии не известна, не обнаружена она и в личном архиве ученого.

Г.А. Дзидзария был среди тех, кто активно боролся за преодоление последствий «культа личности» Сталина и его приспешников в Абхазии. В многочисленных выступлениях на различных съездах, собраниях, конференциях он ставил вопросы о грубых нарушениях национальной политики в Абхазии, искажениях и преступлениях, допущенных в освещении истории и настоящего абхазского народа[6].

В эти годы выходит его первая большая монография «Восстание 1866 г. в Абхазии»[7]. В этом фундаментальном исследовании, автор использует документы, многие из которых были впервые введены

[1] Абхазские письма (1947-1989) // Сборник документов. Т. I. – Сухум, 1994. – С. 81, 87.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум, 2006. – С. 474, 514, 515.

[3] Дзидзария Г. А. Указ. соч. – С. 105 – 141.

[4] Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии Х1Х – начала XX века в абхазской историографии. – Сухум, 2009. – С. 44-45.

[5] Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. Сухум, 2006. – С. 473-474.

[6] См. Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум, 2006 г.

[7] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 г. в Абхазии. – Сухуми, 1955.

им в научный оборот. Главный упор в монографии делается на раскрытие антифеодального характера восстания 1866 года; вскрывает и обосновывает общие и непосредственные причины восстания, широко освещает его ход, определяет характер и движущие силы. Г. А. Дзидзария приходит к заключению, что восстание 1866 года было, прежде всего, направлено против крепостнических отношений и что главной его движущей силой были крестьяне. Исследователь считал, что привилегированные сословия преследовали цель использования этого движения в своих классовых интересах. Правда, ряд положений данной монографии могут быть оспорены. Основная причина этого, конечно же, кроется в самой господствовавшей тогда концепции исторического материализма – попытке объяснять все исторические события с точки зрения классовой борьбы. В частности, именно с этим связана недооценка роли феодальных кругов Абхазии в восстании и их негативная оценка. Даже попытки восстановления абхазского княжества воспринимались Г. А. Дзидзария, верным последователем марксистско-ленинской историографии, отрицательно, как шаг назад – в прошлое. Однако, несмотря на эти вынужденные недостатки, огромный фактический материал делает эту книгу по-прежнему основным источником для исследователей Лыхненского восстания и в целом крестьянского движения в Абхазии в XIX веке.

Г.А. Дзидзария проявлял серьёзный интерес к вопросам социально-экономического развития Абхазии дореформенного периода, посвятив ему целую серию интересных статей[1]. Свои исследования в области народного хозяйства и социальных отношений в XIX в. учёный обобщил в докторской диссертации «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.)», которая была успешно защищена в Тбилиси в 1958 г. (Г. А. Дзидзария стал первым абхазом-доктором историче-

[1] Дзидзария Г. А. К истории крестьянства предреформенной Абхазии: повинности категории анхаю (пиоши). // Тезисы докладов научной сессии АбНИИ. 20, 21 января 1953 г. – Сухуми, 1953; Антифеодальные крестьянские выступления в предреформенной Абхазии // Труды АбНИИ. Т. 26. – Сухуми, 1955; Крепостные крестьяне в предреформенной Абхазии: категория ахоую. // Труды АбНИИ. Т. 27. – Сухуми, 1927; Развитие торговли в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.) // Труды АбНИИ. Т. 28. – Сухуми, 1957; там же: Ахашъала – самая низшая социальная категория феодальной Абхазии XIX века.

ских наук). В том же году диссертация была издана в виде отдельной монографии[1]. В ней на основе большого архивного и мемуарного материала, а также данных этнографии, фольклора и языка, автор исследует следующие вопросы: 1) территория и население Абхазии в первой половине XIX в.; 2) народное хозяйство Абхазии; 3) сдвиги в экономике Абхазии в предреформенный период; 4) классовая структура феодальной Абхазии; 5) упразднение владетельской власти и введение русского управления; 6) борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта[2].

Эта работа является одной из вершин абхазской исторической науки. Она содержит ценнейший материал и таким образом содействует значительному расширению наших знаний по истории Абхазии XIX века. Конечно, в ней имеются и определённые недостатки, главным образом связанные с общими, характерными для советской марксистской историографии огрехами и, в первую очередь, это касается чрезмерного преувеличения классового фактора. Также имелись и так называемые «местные» особенности – обязательное увязывание с грузинской историей и т.д. Однако в целом, работа является крупнейшим исследованием социально-экономической истории Абхазии XIX в.

Сделанный Г. А. Дзидзария анализ классовой структуры дореформенной Абхазии имел большое значение для абхазской исторической науки, следовавшей ему на протяжении почти всего советского периода. Он отмечал, что Абхазия в предреформенный период оставалась краем господства феодальных отношений и натурального хозяйства с весьма слабым развитием торговли и городской жизни. Здесь всё ещё ощущались родовые пережитки и патриархально-общинные традиции. С одной стороны, существовала владетельская власть и иерархия сословий, с другой – противоречащая феодализму абхазская община в её своеобразной форме. В Абхазии не было общинной собственности на пахотные земли: каждый крестьянин имел свои участки усадебной и пахотной земли, закреплённые за ним. При этом крестьяне были объединены

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми, 1958.

[2] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария (К 90-летию со дня рождения). – Сухум, 2006. – С. 59.

в сельские общины; в общинном пользовании находились леса и пастбища; в общину включались и феодалы, что носило черты дофеодального быта[1].

Анализ он начинает с господствующего класса, выделяя при этом в отдельные параграфы владетельного князя, князей (аҭауад), дворян (аамысҭа). Исследователь, в частности, отмечал, что владетель Абхазии (аҳ) имел высшую военную и административную власть, представлял княжество во внешних делах, считался главой страны, и всё население считало себя его подданным. Однако далее указывалось на то, что власть владетеля часто носила номинальный характер по причине раздробленности княжества и феодальных междоусобиц. Власть правителя, прежде всего, опиралась на военную силу, в его руках находился также определённый государственный аппарат, – владетельный князь также являлся верховным судьёй, а остальные судьи избирались народными сходами при его участии. В пользу владетеля изымалась часть налогов, например, за право пастьбы скота на лугах горных пастбищ и т.д., пошлина за вывоз и ввоз товаров, определённая пеня за различные преступления и т.д. Конечно, всё влияние владетельного князя определялось силой, на которую он опирался. В частности, Дзидзария справедливо указывает на то, что власть последнего абхазского владетеля М. Г. Чачба-Шервашидзе заметно усилилась благодаря поддержке со стороны России, однако при этом, как только он перестал быть необходимым России, его лишили власти, а Абхазское княжество было упразднено.

Исследователь отмечал, что княжеское сословие являлось высшим среди феодалов. Среди князей он выделяет удельных князей, хотя отмечает, что их статус не был определён. Далее останавливается на дворянах, отмечая при этом неоднородность различных категорий дворян – высшее место среди них занимали так называемые «чистые» или «настоящие» исконные дворяне. Многочисленную группу составляли мелкие аамысҭа, которые распадались на ряд категорий. При этом отмечается, что некоторые из дворян, например, такие как Кац и Хасан Маан, занимали первенствующее положение в княжестве.

Промежуточному сословию между дворянством и крестьянами – ашьнаԥҳәма, Дзидзария даёт определение «стремящиеся к

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство… С. 142.

дворянству», которое прижилось в исторической науке. Он показал, что, несмотря на однокоренное происхождение термина с грузинским шинакма, они диаметрально противоположны: абхазские ашьнаҟәма выделились из крестьянства и превратились в отдельное сословие, в то время как в Грузии шинакма составляли самую низшую категорию крестьян.

С тщательностью и полнотой, опираясь на большой фактический материал исследует Г. А. Дзидзария категории крестьян: анхаѡ, ахоуѡ, ахашәала, аматҵуразку и азаты. Он выясняет условия возникновения и формирования каждой из указанных категорий, различия между ними в правовом и экономическом отношении, удельный вес каждой из них в общей массе крестьянства, отношение их к владетелю, подати и повинности, лежавшие на них[1].

Около 2/3 всей крестьянской массы Абхазии составляли анхаѡ. Автор приводит выдержки из многочисленных источников, свидетельствующих, что анхаю являлись свободными крестьянами, собственниками земли и т.д. и что их зависимость от феодалов носит внеэкономический характер. Сам Г. А. Дзидзария придерживался мнения, что крестьяне – анхаю были зависимым элементом и что шёл процесс их дальнейшего закабаления.

Г. А. Дзидзария придерживается точки зрения, что в Абхазии существовала феодальная собственность на землю, следовательно, и крепостные отношения, хотя и отмечает, что из-за низкого уровня социально-экономического развития они ещё не достигли высокой степени. Это утверждение является не бесспорным, в особенности, в отношении анхаѡ. Собственно крепостными крестьянами, по мнению Дзидзария, являлись ахоуѡ, известные также под наименованием «агыруа». Он считал их таковыми, так как они, по убеждению учёного, должны были не только отбывать натуральные повинности, но и не являлись собственниками земли, которая давалась им лишь в условное владение. Число повинностей, отбываемых ахоуѡ, было достаточно велико: барщина, приношение владельцу продуктов и предметов домашнего промысла, своеобразный вид калыма, отдача в услужение в дом помещика детей, приготовление пищи и т.д. Все эти данные, приведённые Г. А. Дзидзария, позволили ему сделать вывод, что, несмотря на утверждения дореволюционных авторов, ахоуѡ действительно являлись крепостными. Особую, небольшую группу феодально-зависимого населения Абхазии составляли аматҵуразку, которые, говоря языком официальных документов, составляли среднее крестьянское сословие между анхаѡ и ахоуѡ. На них в основном лежала обязанность прислуживать феодалам. Аматҵуразку стояли по объёму своих гражданских прав выше, чем ахоуѡ и, как считал Дзидзария, являлись, по-видимому, наиболее закрепощённой частью анхаѡ, но ещё не перешедших в разряд крепостных ахоуѡ. На последней ступени социальной лестницы Абхазии стояла категория домашних рабов – ахашәала или атәы.

[1] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. – С. 61.

Исследовал Дзидзария и некоторые другие аспекты социальной жизни, например, асасство – в данном случае не только гостеприимство, но и переход из одной общины в другую и все нормы, связанные с этим переходом[1].

Весьма интересны две последние главы монографии – «Упразднение владетельской власти и введение русского управления» и «Борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта». В первой из них Дзидзария характеризует политику России и владетельного князя Михаила на завершающем этапе Кавказской войны. Упразднение абхазского княжества он увязывает с завершением Кавказской войны, после которой отпала нужда в его существовании. Автор справедливо указывает на то, что упразднение абхазского княжества являлось продолжением политики царской России по дальнейшей колонизации Абхазии и Кавказа в целом.

В главе, посвящённой антиколониальной борьбе трудящихся, основное место занимает Лыхненское восстание. Это и другие выступления Г. А. Дзидзария рассматривает с классовых позиций, видит в них эпизоды социальной и классовой борьбы, а также указывает на то, что основной движущей силой народных выступлений являлось крестьянство, которое одновременно вело борьбу как с царскими колонизаторами, так и с местными феодалами. Участие же представителей господствующих слоёв в этих движениях он рассматривает как случайное явление или как попытку феодальной верхушки вернуться к прежним порядкам. Написанные в духе

[1] Салакая С. Ш. Изучение общественного строя Абхазского княжества XIX века в абхазской советской историографии // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. Сухум, 2012. – С. 32 – 33.

традиционной советской историографии, эти моменты, в которых чрезмерно выпячивается классовый подход, являются сейчас наиболее спорными в работах Г. А. Дзидзария и вообще абхазской историографии советского периода, что в целом понятно и объяснимо[1].

Две последние главы несколько выпадают из общего контекста монографии «Народное хозяйство и социальные отношения…» и поэтому во второе издание, включённое в первый том трудов Г. А. Дзидзария, они не вошли («Труды» вышли посмертно, но были подготовлены автором)[2].

Ещё одним вкладом в изучение истории Абхазии стала следующая монография Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение»[3], вышедшая к 150-летию этого знаменательного события. Вопрос о присоединении Абхазии к России давно привлекает историков и получил частичное освещение в целом ряде работ, однако он исследуется впервые в данной монографии. Автор вводит в научный оборот значительный конкретно-исторический материал из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара, Сухума и других городов, использует большое количество опубликованных источников.

Присоединение Абхазии к России рассматривается в тесной связи с развитием восточного вопроса на широком фоне сложной и быстро меняющейся в начале XIX века обстановки на Ближнем Востоке. В данной работе Г. А. Дзидзария придерживается мнения, что присоединение к России являлось единственно правильным решением, избавившим абхазский народ от этнической раздробленности и междоусобных воин, усугублявших замкнутость хозяйственной жизни. В присоединении к России автор видит устранение угрозы окончательного порабощения Абхазии со стороны султанской Турции. Он считал, что султанское правительство в годы своего господства над Абхазией стремилось консервировать отсталые способы производства, насаждало мусульманство и уничтожало христианские памятники, превращало местных феодалов в прямых своих пособников, поощряло работорговлю, опустошало

[1] Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии… С.54-55.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. Т. I. – Сухуми, 1988.

[3] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми, 1960.

край во время своих нашествий. Присоединение Абхазии к России в 1810 году явилось, по мнению автора, закономерным итогом предшествующей борьбы абхазского народа против турецких завоевателей.

Рассматривая вопрос об упразднении владетельской власти и введении русского управления в 1864 году, проф. Г. А. Дзидзария пишет, что с упразднением Абхазского княжества и учреждением царского управления здесь непосредственно распространялся колониально-политический режим Российской империи. Тем не менее, как подчёркивается в книге, этот акт объективно имел положительное значение: «С упразднением пережиточной формы местного феодального управления, являющейся помехой на пути социально-экономического развития, Абхазия начинает всё более втягиваться в пореформенную общероссийскую хозяйственную систему, в частности, в общую экономическую жизнь и всего Закавказья»[1]. Как указывалось выше, это весьма спорное утверждение, однако такова была тогда официальная точка зрения по данной проблематике.

Несмотря на то, что Г. А. Дзидзария считал присоединение Абхазии к России исторически прогрессивным, это не помешало ему, опираясь на большой архивный и источниковедческий материал, показать отрицательное значение колониальной политики царизма, его цели и задачи, жестокость царских военачальников, неограниченный произвол местной администрации. Он указывает на умышленную консервацию, культурную и экономическую отсталость края. При этом автор тепло отзывается о прогрессивном влиянии русского народа на развитие края, показывает деятельность передовых русских людей в Абхазии, внёсших неоценимый вклад в развитие культуры абхазского народа. Создание письменности и школы, появление первых учёных и учителей абхазов, сближение с передовой русской духовной культурой и другие положительные моменты явились результатом деятельности передовых представителей русской интеллигенции. В Абхазии побывали многие известные учёные, художники, классики русской литературы и т.д. В книге говорится и о роли грузинской интеллигенции в распространении просвещения, развитии культуры и науки Абхазии. Это была

[1] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России… – С. 78.

не только дань господствовавшему тогда тезису о дружбе народов в национальной политике, без подобных включений любые книги, посвящённые истории и культуре Абхазии, в тот период просто не могли быть изданы[1].

Затем учёный возвращается ко второй главной теме своих исследований, а именно к событиям революционных лет и борьбе за установление советской власти. В 1963 г. вышла в свет очередная капитальная монография Г. А. Дзидзария «Очерки истории Абхазии. 1910–1921»[2]. В этой работе автор не ограничивается только революционной борьбой. Он освещает панораму весьма сложной и противоречивой жизни Абхазии начала XX века. Подробно рассмотрены народное хозяйство Абхазии и глубочайший кризис, фактически разрушивший всю экономику Абхазии в годы Первой мировой войны и особенно меньшевистской оккупации. В книге впервые обстоятельно рассматриваются события нового революционного подъёма и Первой мировой войны в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Показана деятельность большевиков Абхазии, их роль в борьбе против царизма в ходе войны, их работа, направленная на поддержку ленинского курса, широкого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Специальные главы посвящены истории советской власти в Абхазии в 1918 г., обстановке в Абхазии в конце 1918 – начале 1919 года, революционному движению 1920 г., победе советской власти в Абхазии в марте 1921 года. Богатый фактический материал, научная достоверность, опирающаяся на архивный и документальный материал, глубокий анализ делают эту книгу одним из главных исследований по данному, очень сложному периоду истории Абхазии, несмотря на некоторые недостатки, характерные для советской исторической науки.

В продолжение темы изучения борьбы за советскую власть, в 1967 году выходит книга, посвящённая видному абхазскому революционеру, первому руководителю Советской Абхазии Ефрему Эшба[3]. Через год книга вышла на абхазском языке, а в 1983 году – новое, дополненное издание. В ней показано формирование Эшба

1 Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии... – С. 59.

2 Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921. – Тбилиси, 1963.

3 Дзидзария Г. А. Ефрем Эшба (Биографический очерк). – Сухуми, 1967.

как революционера, превращение его в видную фигуру в революционном движении и в крупного деятеля общегосударственного масштаба после победы советской власти. Всё это показано на фоне исторических событий в сложнейший период борьбы за советскую власть в Абхазии.

В 1970 г. вышла очередная книга Георгия Алексеевича «Декабристы в Абхазии»[1]. Эта относительно небольшая книга содержит весьма ценный материал по истории Абхазии первой половины XIX века. События в Абхазии того периода связаны с пребыванием здесь ссыльных дворянских революционеров-декабристов. Показано, что многие из декабристов – А. Бестужев-Марлинский, П. Бестужев, С. Кривцов, В. Норов и другие сделали немало для того, чтобы обратить внимание общественности России на положение в Абхазии. Резко осуждали военно-колониальный режим, установленный царизмом, делали всё в меру своих возможностей, чтобы оказать плодотворное влияние на развитие Абхазии. Книга содержит яркие зарисовки, показывающие всю тяжесть национально-колониального гнёта со стороны царской России. При этом заметно ретушируется роль самих декабристов, многие из которых, несмотря на свои революционные идеалы, оказались на Кавказе типичными проводниками колониальной политики России.

В начале 70-х годов основное внимание Г. А. Дзидзария уделял событиям, связанным с революционной борьбой в 1917–1921 годах. В 1971 году вышла небольшая книга Г. А. Дзидзария «Роль Советов и «Киараза» в истории революционной борьбы в Абхазии»[2]. Вообще необходимо отметить выдающуюся роль, которую сыграл Г. А. Дзидзария в изучении «Киараза». Нужно сказать, что революционная крестьянская дружина «Киараз» давно находилась в поле зрения учёного, однако научным изучением этой революционной силы вплотную он занялся несколько позже. Этой теме он посвятил несколько статей и написал вышеуказанную специальную работу, переизданную в 1981 году[3], к 60-летию установления советской власти в Абхазии. Г. А. Дзидзария исследовал историю зарождения

1 Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. – Сухуми, 1970.

2 Дзидзария Г. А. Роль Советов и «Киараза» в истории революционной борьбы в Абхазии. 1917–1921. – Сухуми, 1971.

3 Дзидзария Г. А. Киараз. – Сухуми, 1981.

«Киараза», состав этой организации, охарактеризовал руководителей этого движения. Он всесторонне осветил участие «Киараза» в установлении советской власти в Абхазии в 1918 году и её героической защите. Роль киаразовцев в борьбе против меньшевиков в 1919–1920 гг. и в победе советской власти в 1921 году.

Той же тематике была посвящена очередная книга Г. А. Дзидзария «Советская власть в Абхазии в 1918 году»[1]. Эта небольшая по объёму книга содержит громадный материал, почерпнутый главным образом из архивов Сухума, Москвы, Тбилиси, Краснодара, Ленинграда и т.д. Установление советской власти в Абхазии весной 1918 года и её героическую защиту в течение нескольких месяцев автор неразрывно связывает с историей Октябрьской революции и развитием революционного движения на Кавказе[2].

Вслед за серией исследований, посвящённых борьбе за советскую власть, учёный возвращается к истории Х1Х века. В 1975 году вышла в свет, несомненно, главная книга Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», ставшая классическим трудом не только абхазоведения, но и всего кавказоведения[3]. Это исследование отличается необычайной глубиной и размахом, охватывая почти все стороны истории Абхазии XIX века, начиная от присоединения Абхазии к России и до конца столетия.

Огромное место в монографии занимает махаджирство, самая большая трагедия в истории абхазского и большинства других горских народов Кавказа. Проблема махаджирства – насильственного и вынужденного переселения значительной части жителей Кавказа в Турцию – всегда волновала историков-кавказоведов, но была недостаточно глубоко изучена. Долгое время эта тема была под негласным запретом. Её изучение не поощрялось, так как, по мнению кремлёвских идеологов, могла навредить дружбе народов и привести к национальной розни. Даже когда тема перестала быть закрытой, практически не было сделано никаких специальных исследований по этому вопросу, вплоть до появления монографии Дзидзария. И хотя впоследствии, особенно с конца 80-х годов, появилось

[1] Дзидзария Г. А. Советская власть в Абхазии в 1918 году. – Сухуми, 1981.

[2] Куправа А. Э., Сагария Б. Е. Указ. соч. – С. 16.

[3] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975; второе дополненное издание. – Сухуми, 1982.

большое количество работ, посвящённых изучению махаждирства, особенно в республиках Северного Кавказа, работа Г. А. Дзидзария до сих пор остаётся основным фундаментальным исследованием по этому вопросу. Книга написана на основе тщательного изучения обширного фактического материала, извлечённого автором в различных архивах, а также документальных публикаций, мемуаров, прессы и других источников. Г. А. Дзидзария ввёл в научный оборот много ценных документов, десятилетиями пылившихся в архивах.

Абхазское махаджирство рассматривается как часть переселенческого движения народов Кавказа, а проблема выселения горцев с родной земли в целом на широком фоне международной политики ряда европейских держав на Востоке. Такой подход позволил автору глубоко и всесторонне охарактеризовать историческую обстановку переселения и вскрыть основные причины махаджирства. Из всего содержания книги совершенно ясно вытекает, что махаджирское движение не имело причинной связи с внутренними процессами развития края, наоборот, оно было чуждо народу, который был крепко привязан к родной земле и на протяжении тысячелетий мужественно защищал её от многочисленных завоевателей[1].

В решении вопроса причин махаджирства Г. А. Дзидзария твердо придерживался господствовавшей тогда концепции. После целого ряда смены концепций национально-освободительной борьбы горцев Кавказа в советской историографии утвердилась теория многопричинности махаджирства, т.е. вина за выселение горцев перекладывалась сразу на нескольких виновников. Г. А. Дзидзария принял активное участие в её разработке и утверждении в научном кавказоведении. По его мнению, главными причинами переселения являлись: колониальная политика царизма на Кавказе; агрессивные акции султанской Турции, стремившейся к удержанию этого края; провокационная роль западных, особенно английских колонизаторов, стоявших за спиной Турции и добивавшихся ослабления России на Ближнем Востоке; предательская роль местной реакционной туркофильствующей феодальной знати, религиозный фактор. Также, по мнению исследователя, переселению содействовали и такие факторы, как стремление трудящихся избавиться от тяжёлой и обидной жизни на родине; стремление царских властей и

[1] Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария… – С. 104, 105.

местной знати избавиться от «ненадёжных» и «вредных» элементов и получить дополнительные земельные фонды; родоплеменные и псевдородственные отношения и т.д.[1]

Монография не ограничивается только изучением махаджирства, а рассматривает это явление в комплексе со всем историческим процессом. Чтобы подойти к решению главной проблемы, автор должен был глубоко изучить социальное, экономическое и политическое положение Абхазии XIX века, рассмотрев их в связи с общекавказскими проблемами. Поэтому Г. А. Дзидзария глубоко и внимательно рассматривает социально-экономическую и политическую обстановку в Абхазском княжестве в первой половине XIX века Отдельная глава посвящена завершению Кавказской войны и её результатам. Активизация военных действий вызвала отчаянное сопротивление горцев Западного Кавказа, их попытки объединиться для совместной борьбы против царской России. Показано, что именно западные абхазы-садзы и убыхи, являлись последним оплотом сопротивления горских народов Кавказа. Г. А. Дзидзария убедительно показал, что завершающий этап Кавказской войны являлся одной из самых крупных волн махаджирства. В книге детально воссоздана трагическая картина этого самого крупного переселения коренных жителей Кавказа в пределы Турецкой империи. По подсчётам Г. А. Дзидзария, общее количество махаджиров в этот период достигло около миллиона человек, из них почти 100 тысяч абхазо-абазинской и убыхской этнической принадлежности.

Большая глава посвящена Лыхненскому восстанию 1866 года и его последствиям. Подробно рассматриваются причины восстания, к которым в первую очередь Георгий Алексеевич относил неумелую подготовку царской администрации к проведению крестьянской реформы, усилившийся после завершения Кавказской войны и упразднение Абхазского княжества национально-колониальный гнёт и т.д. Показан ход самого восстания, его основные этапы; репрессии, обрушившиеся на участников восстания; подробно описывается массовое махаджирство 1867 года и особо подчёркнут его насильственный характер. Также обращается внимание на то, что махаджирами стали в основном жители горной Абхазии (Цабал, Дал), к которым царские власти относились с особым недоверием.

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство… – С. 5, 8.

Значительное место в книге занимают восстание 1877 года и Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Усиление национально-колониального гнёта, ухудшение положения абхазского населения после крестьянской реформы привели к новому массовому восстанию в Абхазии, совпавшему по времени с началом очередной Русско-турецкой войны. Показано, что неумелые и нерешительные действия военной администрации не позволили организовать эффективную оборону Сухума и других приморских пунктов Абхазии. При этом результатом военных действий на территории Абхазии было её полное разорение. Результатом войны стало самое массовое выселение абхазов в пределы султанской Турции. Автор считает, что в 1877–1878 годах махаджирами стали почти 50 тысяч человек. Всего же, по мнению Г. А. Дзидзария, за все годы махаджирства вынужденными переселенцами стали вместе с убыхами около 180 тысяч человек.

В заключение дана небольшая иллюстрация судьбы махаджиров, рассказано о наиболее видных представителях абхазской диаспоры за рубежом.

Как уже отмечалось, работа Г. А. Дзидзария является многоплановым исследованием. Помимо главной проблемы, здесь рассматривается ряд других проблем истории Абхазии и Кавказа в целом: русско-турецкие противоречия на Западном Кавказе, деятельность европейских держав в регионе, колонизация Абхазии, экономическое, социально-политическое и культурное состояние Абхазии в XIX веке. Автор крайне негативно оценивает колониальную политику царизма в Абхазии, считая её важнейшей причиной махаджирства. Но вместе с тем, через всю книгу проходит мысль об объективно прогрессивном значении присоединения Кавказа к России. Народы Кавказа, в том числе и абхазы, после присоединения к России были избавлены от угрозы порабощения отсталыми странами – султанской Турцией и шахским Ираном, и вступили в новый период своей истории.

Конечно, с точки зрения современного исследования в книге имеются и определённые недостатки, в первую очередь они связаны с идеологическими установками того времени. Среди них традиционно характерные для марксизма – преувеличение роли классовой борьбы в истории.

Вскоре вышла очередная книга Г. А. Дзидзария, которая благодаря глубокому изучению автором разнообразных источников, обширного документального материала по истории Абхазии и всего Западного Кавказа, выходит за рамки собственно истории Абхазии «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы»[1]. Эта работа посвящена жизни и деятельности (литературной, военной, политической и дипломатической) Ф. Ф. Торнау – одного из ярких представителей русского общества, периода присоединения Кавказа к России. Торнау собрал и опубликовал, а частью оставил в рукописном виде многочисленные материалы по истории, этнографии, исторической географии, топонимике Западного Кавказа, дающих широкую картину жизни кавказских народов первой трети XIX века. Книга Г.А. Дзидзария содержит подробную характеристику этих материалов на фоне широкого освещения биографии самого Ф. Ф. Торнау.

Итогом многолетних исследований учёного по изучению истории, культуры и общественного движения в Абхазии в X1X – нач. XX вв. стала очередная капитальная монография Г. А. Дзидзария «Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции»[2]. Эта проблематика частично затрагивалась как в прежних работах автора, так и в трудах других исследователей, но специального исследования не было. В ней автор прослеживает процесс формирования абхазской интеллигенции от присоединения Абхазии к Российской империи до момента установления советской власти в Абхазии. Отмечается, что если в начале это были представители высших сословий, в основном члены владетельской фамилии и их приближенные, то затем были охвачены более широкие слои, включая и крестьянство. Особо подчеркивается роль российской интеллигенции в создании абхазской письменности и их положительном влиянии на абхазское общество. К началу XX в. интеллигенция составляла уже достаточно значительную прослойку в абхазском обществе, весьма неоднородную в своем составе и интересах.

Как и всякий научный труд, монография Г. А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» имеет и некоторые недостатки с точки зрения современного читателя. Среди них можно отметить недостаточное внимание представителям интеллигенции Абхазии, не вставшей на сторону советской власти или даже боровшейся с ней. Практически умалчивается деятельность Абхазского Народного Совета, в котором были сосредоточены крупнейшие деятели абхазской интеллигенции либерально-демократического и умеренного толка. Говоря о значительном вкладе в формирование абхазской интеллигенции, в развитие науки, образования, культуры, общественной мысли со стороны Грузии и её интеллигенции, тщательно обходятся острые моменты межнациональных отношений, уже в то время весьма серьёзно осложнившиеся абхазо-грузинские отношения (правда, надо учесть, что писать о подобных вещах тогда было невозможно). Большое место занимает деятельность марксистов и большевиков, в то время, как об остальных партиях и движениях сказано гораздо меньше[1]. Но, конечно, отдельные недостатки не снижают научного и познавательного значения этого фундаментального труда, по праву получившего Госпремию Абхазской АССР имени Д. И. Гулиа.

Г. А. Дзидзария являлся одним из соавторов первого учебного пособия по истории Абхазии, написанного совместно с другими ведущими абхазскими историками З. В. Анчабадзе и А. Э. Куправа[2]. Книга была подготовлена за несколько лет до этого, однако из-за многочисленных препон (даже название «История Абхазии» вызвало недовольство многих чиновников и учёных в Грузии), смогла выйти лишь в 1986 году, когда один из авторов (З. В. Анчабадзе) уже ушел из жизни. В ней охватывается вся история Абхазии от возникновения первобытнообщинного строя вплоть до середины 80-х годов XX столетия. Раздел «Новое время» написан Г. А. Дзидзария. В него включены семь глав (VI–XII), охватывающих время от присоединения Абхазии к России до установления советской власти в Абхазии в 1921 году.

Также у Г. А. Дзидзария есть много научных статей, посвящённых различным вопросам истории Абхазии XIX – начала XX веков. Кроме того, он подготовил к печати и был редактором целого ряда сборников документов, в основном связанных с борьбой за совет-

[1] Дзидзария Г. А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976.

[2] Дзидзария Г. А. Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции. – Сухуми, 1979.

[1] Салакая С. Ш. Указ. соч. – С. 86-88.

[2] Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. – Сухуми, 1986.

скую власть в Абхазии. Учёный также являлся главным редактором и членом редколлегии «Трудов АбНИИ» и Сухумского госпединститута[1].

Только после смерти Г. А. Дзидзария были изданы два тома его «Трудов»[2]. Значительно позднее вышел третий том «Трудов», включивший неопубликованные работы учёного[3] и подготовленный Г.А. Дзидзария сборник материалов по истории Абхазии[4].

В руках у вас первый том «Избранных трудов» Г. А. Дзидзария, которые будут переизданы. В него вошли разновременные работы, посвященные присоединению Абхазии к России. Они даются в том виде, в котором были изданы.

С.Ш.Салакая,
кандидат исторических наук

[1] Подробную библиографию работ Г. А. Дзидзария см.: Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. – С. 174 – 209.

[2] Дзидзария Г. А. Труды. кн. 1, 2. Сухуми, 1988, 1990.

[3] Дзидзария Г. А. Труды. кн. 3. Сухум, 2005.

[4] Материалы по истории Абхазии Х1Х века. 1803-1839. Ч.1 (сост. Г.А. Дзидзария) . – Сухум, 2008.

ЗАВОЕВАНИЕ АБХАЗИИ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ

В июле 1810 г. русский десантный отряд занял Сухумскую крепость. Сафар-бей переехал на жительство в Сухум, единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя безопасно под защитой русских штыков.

Захват Сухум-Кале – это начало завоевания Абхазии. Но то, что последовало дальше, в конце концов, оправдывает возникший у некоторых неправильный вывод, будто бы взятие Сухум-Кале означало взятие Абхазии. Для прочного укрепления в Абхазии, понадобилась полувековая война с абхазским народом, отстаивавшим каждую пядь родной земли. Захват Сухума лишь способствовал достижению этой цели, и в конечном итоге, колониальная экспансия царской России в Абхазии закончилась завоеванием последней[1].

Сафар-бей-Георгий неоднократно обращался к русскому военному командованию о помощи в борьбе с феодальной оппозицией, возглавляемой Аслан-беем. Из его писем видно, что «партия его слишком слаба, – писал генерал Симонович[2] Тормасову – против него соперники, не более как в 20-ти верстах от крепости приверженные Аслан-бею абхазцы грабят скот и похищают лошадей. Для истребления сих беспорядков и вообще дабы мог он управляться с Абхазиею «как изъясняет Сафар-бей просил меня прислать к нему родственника его кн. Манучара Шервашидзе с войском и мингрельского протопопа Иоанна Иосиляни об

[1] Первые два абзаца отсутствуют в рукописи. Они восстановлены по книге Г. А. Дзидзария «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. – Сухуми, 1940. – С. 27, 31.

[2] Правитель Имеретии, Мингрелии и Гурии, должность которую получил в 1810 г.

удовлетворении каковому требованию и писал я к мингрельской правительнице»[1].

В апреле 1818 г. Сафар-бей снова обращается с письмом к ген.-м. Курнатовскому, где извещал последнего о неповиновении народа и просил, чтобы дали хотя бы мингрельские и имеретанские войска «дабы силою оружия унять их (неповинующихся – Г. Д.) от противных правительству поступков»[2]

В Абхазию, русским командованием, по просьбе Георгия был послан полк кн. Николая Дадиани. Удалось привести в повиновение Хасан-бея и мать его Ребиа–Ханым, которые дали аманатов и поруку. Усмирили и двоюродного брата Али-бея с его князьями и дворянами, Тележи Лакырба, Джамулета Лакырба, Каца Маргания с его братьями и сыновей Тамучока Маргания, взяв от каждого из них аманатов. Но этим Сафар-бей нисколько не унял феодальную вражду. Многие князья и дворяне не повиновались, как, например: Нарчо, Дарукель и Георгий Инал-ипа, Едги Званбая и др. Да и подчинившиеся, в силу обстоятельства только сделали вид, что примерились, вовсе и не отказывались от мысли дальнейшей борьбы.

Владетельская власть Сафар-бея была полнейшей фикцией, лишенной всякой поддержки и силы в народе. Это был самый непопулярный владетель, которого когда-либо знала Абхазия. Занятие Сухума русскими войсками основательно подмочило репутацию и без того мало популярного владетеля. «Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом – рапортовал ген.-м. Курнатовский ген-м. Сталью 2-му – ежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться».

Абхазский владетель все настоятельнее требует от русского военного командования помощи, но оно, заняв Сухум-Кале, не решалось двигаться далее в глубь Абхазии, и было почти глухо к требованиям «владетеля», только изредка, когда последний оказывался перед лицом самой опасности, помогала через мингрельских владетелей.

[1] Рапорт ген-м. Симоновича ген. Тормасову от 22.XII.1810. АКАК. Т. 4. – С. 339, № 452.

[2] Письмо Георгия к ген-м. Курнатовскому от 25.IV.1818. АКАК. Т. 6. – С. 664.

Стремившиеся к независимости абхазские правители[1] воспользовались исключительно благоприятным случаем. И в течение своего девятилетнего[2] правления, Сафар-бей так и не смог привести к полной покорности отложившихся правителей. Более или менее, ему подчинилась Бзыбская Абхазия, его наследственный удел, куда скоро и перенес свою резиденцию из Сухума в с. Лыхны. Самурзакан окончательно был захвачен Леваном Дадиани. Сафар-бей не воспротивился этому, а наоборот, дал Дадиану, его союзнику в борьбе с Аслан-беем и другими феодалами, возможность захватить Самурзакан в виде вознаграждения за его поддержку. И это было, по существу заговором против Самурзаканского правителя Манучара Шервашидзе, который был убит в с. Бедиа в 1813 г. Маджем Кварацхелия по приказанию Левана.

Теперь, Леван получил полную возможность вмешиваться в дела Самурзакани, так как он мог это сделать через свою сестру, вдову Манучара, с одной стороны, а Сафар-бей был парализован – с другой! Последний даже дал Левану договорную грамоту, как ближайшему родственнику малолетних детей Манучара: Александра и Дмитрия, на предмет получения дани с Самурзакани до времени совершеннолетия сирот. Но с условием, чтобы эти доходы шли на содержание детей. Этот хитрый прием со стороны Левана заставил вдову Манучара, его сестру, обращаться со своими делами, большей частью к Дадиану и сохранить к абхазскому владетелю номинальную зависимость.

А цебельдинские князья Маршаны отказались быть покорными России и не признали над собой владельцем Сафар-бея. Цебельдинцы «народ вольный»[3] – рапортовал ген.-м. Симонович Тормасову – хотя были в зависимости от владельцев абхазских, но вскоре опять оной не признавали»[4]. Цебельдинцы даже завязали связь с кабардинцами, которые в это время отстаивали свою независимость от русской экспансии. Ими была послана делегация во главе

[1] Абхазия делилось на 4 части: на Бзыбскую Абхазию, Абхазскую (Сухумскую), Абжуйскую или Абжуискую (Серединную) и Самурзаканскую. Каждой частью – округом управляли князья из фамилии Чачба.

[2] Здесь имеется в виду после Бухарестского мира 1812 года.

[3] В горных районах Абхазии: Цабал, Дал, Псху и Ахчипсху – феодальные отношения были слабее, а сопротивление почти свободных крестьян упорнее.

[4] Рапорт от 8.II.1811. АКАК. Т. IV. – С. 430.

с одним из князей Маршания к кн. Беяслану Мисостову, который «внушил ему (Маршания – Г. Д.) защищать свою веру и вольность»[1]. И покорить цебельдинцев было «весьма трудно, так как имеют сообщение с Большой Кабардой»[2].

Сафар-бей решил использовать родственные отношения с князями Маршания. Он послал свою мачеху, мать Хасанбея, Ребию-Ханым, сестру цебельдинских князей, чтобы склонила их признать зависимость от Сафар-бея и за успех были ей обещаны «большие щедрости со стороны царя»[3]. Но Ребея-Ханым не суждено было воспользоваться монаршей «щедростью», так как она не смогла выполнить свою миссию.

И внешнеполитическая ситуация слишком не благоприятствовала Сафар-бею. Отношения России и Турции были очень натянутые. Турция все еще не признавала приобретений России в Восточном Закавказье и готовилась к реваншу. Исходом борьбы этих двух Империй решалась судьба власти Сафар-бея, так как реванш Турции означал «победу» Аслан-бея. Потому он и благословил русское оружие, обращаясь к своему «нелегальному» Аллаху. В 1812 году был подписан в Бухаресте мир между Россией и Турцией. По ст. VI этого договора границы в Азии восстанавливались так, как были прежде, до войны[4].

Россия не отдавала покоренных прежде и «добровольно» присоединенных за время войны территорий. На этом основании Александр I повелел Ртищеву[5] не отдавать туркам Сухум, резиденцию добровольно отдавшегося Георгия Шервашидзе. Ртищев отдал Поти и Ахалкалаки туркам, а в Сухум-Кале отказал. Тогда турки начали возбуждать население против русских, распространяя слух, что сам царь русский велел им убраться оттуда. Скоро турки перешли и к открытому вооруженному выступлению. Первое выступление со стороны Турции после захвата Сухум-Кале было в 1812 г. Послан был из Трапезунта в Батум сильный вооруженный отряд, имевший целью возвращения Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии. Но это не имело успеха.

[1] Письмо ген. Тормасова к кн. Нине Дадиани от 27.V.1811. АКАК. Т. IV. – С. 405.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Русско-турецкая война 1806-1812 гг.
[5] Главнокомандующий на Кавказе в1812-1816 гг.

На исходе 1813 г. было предпринято второе наступление. Трапезунтский сераскир Сулейман-паша ввел турецкие войска в Абхазию для поддержания партии Аслан-бея. Леван Дадиани, Мамия Гуриели со своими войсками соединились с русским отрядом и поспешили на помощь Сафар-бею. Сераскир после упорных боев был отброшен. И за это все они были награждены: Георгий Шервашидзе удостоен чина ген.-майора по армии, а княгиня Тамара Кациевна – орденского знака св. Екатерины второго класса, меньшего креста[1]. Оттоманская порта пользуясь европейскими событиями и отвлечением главной силы русских войск к границам Франции в 1815 г. намеривалась подкрепить свои притязания на Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, нападением на них. Главнокомандующий всем Восточным краем Эрзерумский сераскир Сеид-Ибрагим-Баба-паша или Пехлеван в начале июля 1815 г. прислал к Ртищеву своего чиновника с письменным требованием очистить от русских войск Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию и двинулся с 20 тысячной армией к границам Грузии, а с другой стороны Трапезундский Сейд-Сулиман-паша двинулся с 15 тыс. корпусом к Гурии и Мингрелии. Греческий митрополит Феодосий, находившийся в это время в Эрзеруме и видевший все приготовления Пехлевана, оказался надежным русским шпионом. Он выдал план последнего Ртыщеву за 1,5 месяца до начала его осуществления. И когда Пехлеван двинулся, везде нашел преграду.

Кроме того, как раз в это время русский Император Александр I победоносно въехал в Париж. Все это нарушило планы Оттоманской порты и серескир, давший перед этим обещание султану покорить под Турецкую державу русские побережные владения на Черном море, поменял свой тон и поспешно удалился, избегая весьма возможного разгрома[2].

Что касается Аслан-бея, то его опасность для Сафар-бея нисколько не была уменьшена. Аслан хотя и был отброшен из Сухум-Кале, но не был вытеснен из Абхазии, где имел больше сил и поддержки, чем Сафар-бей. Аслан не раз ставил власть Сафар-бея перед лицом опасности, а после него и власть его приемников в течение более 3-х десятков лет. Не будь русской помощи, Сафар-

[1] Письмо ген. Ртищева к Вейдемейру от 2.V.1815. АКАК. Т. V. – С. 500.
[2] Письмо ген. Ртищева к т.с. Вейдемейру от 15.VII.1815. Там же. – С.. 828-833.

бею не пришлось бы и 9 дней быть владетелем, не только в течение 9-ти лет.

После изгнания из Сухума Аслан-бей собрал по соглашению с беглым царем Соломоном до 40000 добровольцев и в начале октября 1810 г. двинулся к границам Мингрелии, учитывая, что русские войска были заняты войной с Соломоном и подавлением восстания в Имеретии. Но Аслан был отброшен и снова бежал в Джихию. Из Джихии он отправился в Константинополь за помощью. Турция оказала ему помощь войсками и оружием. И Аслан в 1812 г. высадился в Поти с отрядом турецких войск. Здесь ему удалось собрать еще и небольшой отряд добровольцев. После этого, он двинулся через Гудаву и Тамыш на Сухум.

Сафар-бей, не надеясь на свои силы, вынужден был обратиться за помощью к главнокомандующему на Кавказе ген. от инфантерии Ртищеву. По приказу последнего, Николай Дадиани с батальоном пехоты и артиллерией двинулся для содействия Сафар-бею. Дело до боев не дошло. Узнав о приближении русско-абхазских войск, турецкий отряд Аслан-бея разбежался. Распустив добровольческий отряд, Аслан снова бежал в Джихию.

В 1813 г. Аслан-бей вновь вторгся в пределы Абхазии во главе турецких войск, но снова был отброшен смешанными силами Мингрельского владетеля, русского командования и Сафар-бея.

Это был один из многих налетов Аслан-бея. Привыкший к наступлениям и отступлениям, большей частью к последним, Аслан-бей после этой неудачи не унывал. Он готовится к очередной более решительной схватке. Значение Аслан-бея для Турции растет после неудачного наступления Пехлевана в 1815 г. Турецкое правительство, считая пока невозможной войну против Александра I, делает ставку исключительно на Аслан-бея. Последний получает все необходимое от Порты, и его натиски делаются более серьезными для Сафар-бея и русского командования. Следствием этого было учащение просьб о помощи Сафар-бея к русскому командованию. Последнее обещало ему золотые горы, но скоро, видя безуспешность политики царского правительства в Абхазии, Сафар-бей начинает все меньше и меньше в это верить. Русское влияние было ничтожно, поддерживаемое исключительно малочисленным гарнизоном в Сухуме, который к тому же сухопутных

сообщений ни с кем не имел, и все необходимое доставлялось сюда морем.

За стенами Сухума уже не было безопасности. Сам гарнизон жил, как бы, в постоянной блокаде: нужно ли было нарубить в ближайшем лесу дров, или накосить сена – солдаты посылались вооруженными командами.

«Абхазцы, - рапортовал кап. Агарков ген-м. Симоновичу от 13 января 1811 года, - до такой степени смелы, что подъезжают к крепости вооруженные, садятся по кустам и стреляют в солдат, так что опасно отойти от оной шагов на 100, и минувшего 1810 г. декабря 25-го дня ранили легко из ружья одного солдата, при случившихся же таких близ крепости выстрелах, тотчас туда посылается команда, то они увидев солдат, садятся на лошадей и уезжают»[1].

Население Абхазии до того было возбуждено против русских, что были часты известия о царских солдатах и казаках, убитых из лесу неведомо кем и это продолжалось до 1865 г.[2]

В марте 1818 г. главнокомандующий ген. Ермолов писал царю, что «для упрочения русского владычества в Абхазии над диким и хищным народом, даже для того, чтобы просто удержаться в этой стране в случае разрыва с Турцией, необходимо привести Сухум в хорошее оборонительное состояние, и учредить также укрепление в Гаграх, с занятием которых прерывались бы сообщения Абхазии с Анапой и за кубанскими горцами»[3]. Но это были пока мечты. Пока силы русских в Абхазии, т.е. сосредоточенных в Сухуме, были ничтожны. И более того, этот небольшой Сухумский русский гарнизон обладал гораздо меньшей силой, которой он мог обладать в других условиях. Дело в том, что когда в Сухуме водопровод был разрушен, вокруг города разостлались заразные болота. В крепости появилась страшная лихорадка. Половина солдат ежегодно вымирала. «Сухум казался каменным гробом, – писал впоследствии ген. Филипсон, – нельзя было встретить свежего, здорового лица, средняя жизнь считалось там почти в шесть лет»[4]. И такой гарнизон-малярик

---

[1] АКАК. Т. IV. – С. 427.

[2] ССГК. Т. 4. - С. 5.

[3] Рапорт от 22.III.1818. // В. А. Потто «Утверждение русского владычества на Кавказе». Т. III. Ч. 2. – С. 546.

[4] Филипсон Г. И. Воспоминания //«Русский Архив». Ч. I. М. 1884. – С. 204, 211.

ничего не мог предпринять против «неповинуемого народа», о чем неоднократно жаловался «владетель».

Видя безуспешность своей политики в Абхазии, царское правительство к 1820 г. решило совсем увести русские войска из Абхазии. Но ген. Ермолов, «диктатор Кавказа», явился противником этой меры. Он написал резкое письмо министру иностранных дел от 20 марта1820 г., где отстаивал Сухум – русский, «единственный опорный пункт на восточном берегу Черного моря». «Абхазия, - писал Ермолов министру, – в теперешнем состоянии доставляет нам безопасные бухты, и Мингрелия почти неподвержена хищным набегам, ибо абхазцев обуздывает страх…Владетельные князья Мингрелии, Гурии и даже князья Имеретинские видя участь Абхазии, могут ожидать таковой же впоследствии и для себя, и заранее будут искать расположение турок, доказывая им свою приверженность бесконечными возмущениями, которые турки в свою очередь не упустят поддерживать. С уступкой Сухумской бухты разовьется морское пиратство, и в короткое время наши купеческие суда уже не осмелятся приходить в Редут-Кале, и мы лишимся подвоза из России провианта, не в силах будем защищать наших владений, и тогда лишимся не одной Абхазии»[1]. В случае же неисполнения желания, Ермолов угрожал отставкой. Министр уступил настойчивости Ермолова, который так хорошо понимал большое военно-стратегическое значение Абхазии для «завоевания Кавказа» в целом.

7 февраля 1821 г. умер Сафар-бей[2] и, несомненно, смерть этого преданного «холопа», как он уже 9 лет называл себя, несколько затрудняет положение русских в Абхазии и без того, очень непрочное. Как правильно предугадывали русские, после смерти «холопа всеавгустеишего русского императора», усиливается освободительное движение. Оно имело цель изгнать «гяуров», призванных «покойным владетелем» и побить приверженцев последнего. На второй же день после смерти Сафар-бея, 8 февраля жители соседних Сухуму селений и подвластных Хасан-бею, брату и личному врагу Сафар-бея, собрались в числе 200 чел. и напали на русскую

[1] Потто В. А. «Утверждение русского владычества на Кавказе». Т. II. Тифлис. 1903. – С. 720.

[2] Погребен в древней церкви в с. Лыхны. На его могиле лежит плита на уровне церковного пола. Надпись на плите сделана на греческом языке.

команду, посланную в лес за дровами. В Сухуме услышали выстрелы и комендант крепости Сухума майор Могилянский отправил в помощь поручика Ермишкова с ротой пехоты и одним орудием. Абхазцы рассеялись. Был убит 1 солдат и 4 – ранено.

Пока Император не назначил нового владетеля и по этому поводу шла переписка с Петербургом, правительницей была объявлена вдова Сафар-бея, Тамара Кациевна. Последняя не любила абхазцев и в свою очередь не пользовалась их расположением. В связи с ее назначением поднимается ропот и негодование. Хасан-бей решил воспользоваться благоприятным моментом. «Умный, хитрый и покорный обстоятельствам» Хасан-бей, как характеризовал его барон Розен, пользовался большой популярностью в стране. И без особого труда он пришел бы к власти, если бы на пути не стояли русские штыки. Царское правительство метило на абхазский престол своего подручного Дмитрия (Омар-бея), старшего сына Сафар-бея, который в 1811 г. был отправлен в Петербург, в качестве аманата, в залог верности России его отца.

Хасан решил для достижения цели использовать турок. Он хорошо знал этих «друзей», которые втягивались в любое предприятие, если оно шло во вред царской России. Он не ошибся, и его предложение о совместной борьбе было принято. Но и царским политикам хорошо было известно коварство турок и Хасан-бею не удалось воспользоваться их помощью. Русские власти опередили и Хасан-бей был изъят.

Могилянский, получив приказ захватить «опасного Хасан-бея», пригласил его в Сухум под предлогом совещания об абхазских делах, и когда ничего не подозревавший князь вошел в его дом, на него набросилась толпа солдат, свалила его на пол и связала веревками. Немногочисленная свита князя, стоявшая во дворе, услышала шум, догадалась в чем дело и с обнаженными шашками бросилась на выручку, но солдаты встретили их штыками: два цебельдинских князя были заколоты, остальные обезоружены. Хасан-бей был сослан в Сибирь, где в г. Томске, а затем в Иркутске прожил до 1828 г.[1] Весть об аресте Хасан-бея, популярного человека в Абхазии, еще больше усилила негодование народа. А в первых числах июля, после ареста Хасана, Ермолов получил от

[1] В 1828 году Хасан-бей получил разрешение вернуться в Абхазию.

сераскира Турции Хаджи-Салах-паши письмо, где требовал освобождения и присылки к нему Хасан-бея, как бы подданного Турции. Этот факт говорит о том, что Турция делала ставку именно на Хасан-бея.

Русские власти оказались в затруднительном положении. Наконец решено было послать Горчакова, командира 3-ей бригады 22-ой пехотной дивизии и управляющего Имеретией, в Абхазию для «водворения спокойствия». Горчаков прибыл в середине апреля, но эта поездка не имела успеха. Негодование народа было велико. Ген. Горчаков, вникнув в сущность положения, вынужден был сменить сухумского коменданта Могилянского. Назначили майора Михина, но это мера не помогла нисколько.

Братья Хасан-бея Батал-бей, Ростом-бей и Таир-бей, некоторые князья Маршания и Инал-ипа явились непосредственными мстителями за Хасан-бея. Им удалось поднять восстание против, никем неуважаемой правительницы Тамары, продолжавшей политику своего покойного супруга, и подозревавшуюся в причастности к аресту Хасан-бея. И в самом деле, не без участия Тамары, совершили арест Хасана, ставший на пути ее сына Дмитрия к престолу. Мятежники прибегли к помощи Турции.

В Константинополь был послан Таир-бей с просьбой, об оказании им помощи как к нападению и истреблению крепости Сухумской с русским гарнизоном, так и к возведению в звание владетеля Аслан-бея. Турция обещала все. Заручившись поддержкой Порты, мятежники перешли к решительным действиям. Напали в Очамчирах на дом владетельницы и убили всех ее людей, а в с. Илори угнали у нее табун в 200 лошадей. «Злой демон Абхазии» Аслан-бей надвигается на Абхазию. В конце июля 1821 г. он послал к правительнице Тамаре черкесских посланников, с требованием от нее заложников и свободного прохода в Абхазию. Тамара в это время стояла лагерем под Сухумом. Аслан получил отказ. Скоро княгиня была атакована и оказалась в безвыходном положении. От опасности она была спасена посланным за ней военным судном, на котором она со всем семейством и свитою была перевезена в Сухум. Но княгиня не осталась в крепости, чтобы народу не показать свое бессилие и поселилась в с. Кодор, в 30 верстах от крепости, где на берегу моря имела дом.

Здесь вечером 1 августа 1821 г. была окружена отрядом Ростом-бея, Таир-бея и князей Маршания. Она попросила помощи от Михина, но последний, дорожа своей жизнью, не решился послать часть гарнизона, зато придумал другой способ. Ночью послал военное судно «Константин», под командой лейтенанта Хомутова, который и принял на борт кн. Тамару с детьми. На следующий день, сдав княгиню Михину, «Константин» прошел несколько раз вдоль берега от Сухума до Гагры, громя картечью неприятельские скопища»[1].

В Абхазии как будто наступило затишье. Княгиня, обманутая мнимым затишьем, покинула Сухум и возвратилась обратно в свое кодорское имение. Аслан-бей во главе многотысячного полчища из джигетов, псхувцев, ахчипсхувцев, убыхов внезапно ворвался в Абхазию и 21 августа появился перед резиденцией правительницы. Только немногие остались ей верными, большинство перешло на сторону Аслана и выдало ему аманатов. Две недели кн. Тамара, запертая в башне своего Кодорского дома, выдерживала блокаду. Сообщение с Сухумом было прервано. Княгиня была доведена до необходимости «примириться» со своими врагами и дать присягу не иметь никакого сношения с русскими властями. После того, как княгиня сдалась на милость своих врагов, 11 сентября 1821 г. Аслан-бей обложил Сухум, и быстро овладел почти всей Абхазией.

Освободительная борьба Абхазии против русского царизма становится классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против продавшихся русскому царю феодалов. Хотя восстанием руководил Аслан-бей, турецкий агент, участвовали и некоторые другие феодалы, у которых в это время были еще колебания, но это не умоляет его характер как освободительного, крестьянского движения против русских захватчиков и их союзников – абхазских феодалов.

Ген. Ермолов просил министра иностранных дел графа Нессельроде о скорейшем отправлении из Петербурга нового владетеля Дмитрия (Омар-бея) Чачба. Молодой Дмитрий в Петербурге вызван был, предположительно, ген. Ермоловым, который в это время там находился, и обстоятельно посвятил в дела его родины. Последним, Дмитрий был представлен императору Александру I. Император утвердил Дмитрия владетелем Абхазии и он с чином полковника немедленно был отправлен на родину. Об этом Ермолов сообщил

[1] Потто А. Указ. соч. Т. III. Ч. II. стр. 559-560; АКАК. Т. VI. Ч. I. – С. 658.

Вельяминову и предписал ему по прибытии в Тифлис Дмитрия отправить его в Абхазию с соответствующим «наставлением». Полковник кн. Дмитрий, по прибытии в Тифлис, был принят Вельяминовым и снабжен «соответствующим» наставлением и прокламацией[1].

«Главнейших мятежников из сильных фамилий, – поучал Вельяминов кн. Дмитрия, – издавна враждующих дому вашему и по известному беспокойному их характеру могущих в последствии быть вредными для спокойствия Абхазской земли, необходимо или истребить оружием или же поймать для всегдашнего удаления их из Абхазии»[2]. Далее он приказал ничего не предпринимать без советов ген.-м. Гарчакова, который должен был представить кн. Дмитрия в Абхазии, и быть ему послушным.

Вельяминов снабдил Георгия и прокламацией. «Сиятельные абхазские князья, – говорилось в прокламации – почетное духовенство и весь народ! Всем и каждому из вас известно, что ЕИВ[3], державнейший и могущественный Всероссийский Государь Император, приняв в высокое свое покровительство и вечное подданство Абхазскую землю, Богом дарованную власти моих предков, всемилостивейший соизволили утвердить владетелем оной блаженной памяти родителя моего светлейшего кн. ген. Георгия Шервашидзе, рановременная однако же кончина его поразившая высокой скорбью владетельный дом наш, подала повод некоторым неблагоразумным людям, врагам покойного родителя моего и врагам общего вашего спокойствия, воспользовавшись моим отсутствием, попытались посеять в Абхазии своеволие, мятеж и отпадение от покорности светлейшей родительнице моей княгине Тамаре, а через то подвигнуть вас на измену и самой могущественной Всероссийской Империи. Извещенный о таковых неустройствах великий Г.И.[4], жалея о несчастном заблуждении абхазского народа, благоволил Высочайше утвердить меня как единственного и законного наследника Абхазии во всех правах и преимуществах покойного моего родителя и вместе с тем повелел мне оставить счастливую и блистательную столицу его Империи, отправиться в Абхазию, принять бразды правления, Всемилостивейше над вами мне вверенного, и восстановить спокойствие любезного ему абхазского народа. Таким образом, взысканный несчетными милостями августейшего российского монарха, возвратился я ныне к наследию моих предков. С самых отдаленных времен абхазский народ отличался всегда верностью и преданностью к своим владельцам. Итак, на сем народном благородном духе основываю я призвание, знаменитые князья, духовенство и весь абхазский народ, обратиться к священным обязанностям и верности законному владельцу и, оставя нарушителя вашего спокойствия, отцеубийцу Арслан-бея, явиться ко мне с раскаянием и покорностью. Неужели в обуявшем вас ослеплении забыли вы, что божеские и человеческие законы, рано или поздно, навсегда неизбежно карают отцеубийц страшною гибелью, поражая бедствиями и их сподвижников? Неужели также не предусматриваете, что упорство в измене могущественной Российской Империи может навлечь на мятежников праведный гнев всесильного монарха и силою непобедимых его войск истребить их с лица земли, подвергнув тому же жребию и чад ваших? Я требую, чтобы почтеннейшие из князей и духовенства абхазского немедленно явились ко мне в знак искреннего своего раскаяния, представили бы благонадежных аманатов. Таковая покорность возвратить моему народу всю нежность сердца болезнующего ныне о его заблуждении. И я в таком случае торжественно перед лицом всеведущего Бога обещаю быть пред Российским правительством ревностным ходатаем о предании всего происшедшего вечному забвению, дабы жизнь, собственность и права каждого из раскаявшихся искренно оставлены были неприкосновенными, с моей стороны для таковых верных и покорных моих поданных, посвятя всю свою жизнь на устроение их счастья я буду в их спокойствии и благоденствии искать единой моей славы и собственного блага. Напротив того, злых и непокорных мятежников не укроют ни леса, ни горы от праведной казни. Славное воинство покровительствующей мне России уже вступило в Абхазию на преследование изменников и конечное их повсюду истребление. Одно благоразумие теперь укажет вам верный путь к счастью или погибели вашей»[1].

[1] АКАК, т: VI. Ч. I, – С. 659–660.
[2] Там же. – С. 658.
[3] Его Императорское Величество.
[4] Государь Император.

[1] Там же. – С. 659.

21 октября 1821 г. Дмитрий прибыл в Кутаиси, где его уже ждал ген. Горчаков. Последний вместе с ним выехал из Кутаиса в Абхазию, сопровождаемый мингрельской конницей, они догнали войска уже на походе, на р. Ингур. Войско состояло из 6 рот Мингрельского пехотного и 44-го егерского полков, всего до 600 штыков, двух орудий, части казаков и мингрельской милиции, предводимой кн. Дадиани. 1 ноября на самой границе Самурзакани, Горчаков получил известие, что Аслан-бей с 3 тыс. горцев стоит между Кодорским мысом и дер. Келасур. В верстах в 4-х от р. Кодора, мингрельская конница, во главе которой стоял полковник Николай Дадиани, следовавшая в авангарде, первая наткнулась на неприятеля и понесла большие потери. Но Горчаков двинул войска вперед и, командир егерского полка, подполк. кн. Абхазов овладел завалами. Неприятель вынужден был отступать под абстрелом пушек и дальнобойных винтовок[1]. Аслан-бей был очень осторожен и после решительного отпора, оставил в покое аръергард. И скоро совершил свое очередное бегство, бежал в Анапу. Горчаков спешил в Сухум, боялся, что Аслан укрепится там и вызовет турецкую эскадру. Отряд почти беспрепятственно дошел до Сухума. Отсюда отряд отправился в Соук-Су[2], в княжескую резиденцию.

Многие князья повиновались, но большинство все еще находилось в возбужденном состоянии. Горчаков приказал разослать гонцов по всей Абхазии, чтобы все явились в Соук-Су к 30 ноября 1821 г. В этот день предполагалось провозглашение Дмитрия владетелем, и народ должен был присягнуть на верность Императору и владетелю страны.

30 ноября собрался народ. Горчаков, стоя на возвышенности под древним тополем, громогласно прочитал о «всемилостивейшем» утверждении полковника кн. Дмитрия Георгевича Чачба (Шервашидзе) в правах владетеля Абхазии. По окончании чтения, новый владетель Абхазии взошел на возвышение и почтительно поцеловал грамоту. Полковой священник привел к присяге его «светлость» и всех князей, дворян и других христиан. Священник читал текст присяги, за ним жужжали голоса. Когда чтение присяги закончилось кн. Дмитрий приложился к кресту и Евангелию, а за ним и

[1] Там же. – С. 658.

[2] Соук-Су – Лыхны (автор).

все присягнувшие. После этого Горчаков пригласил главного муллу привести к присяге на короне и всех мусульман. Когда завершилась церемония присяги, Горчаков торжественно вручил Дмитрию знамя и меч, как знаки его верховного владычества.

Устроив дела в Абхазии, Горчаков оставил здесь две роты Мингрельского пехотного полка под командой м. Ракоци, а с остальными войсками возвратился в Редут-кале. Дмитрий должен был служить ширмой для хозяйничанья в Абхазии русских генералов. Он был только пешкой в политической игре. Ген. Ермолов писал: «Далек я весьма думать, чтобы дикий и зверский народ абхазский мог совершенно повиноваться новому владетелю, но оный, от малых лет получивший воспитание в России, скорее может успеть укротить его и направить к надлежащей цели и собственно своим поведением удобнее сообразиться будет с волей правительства»[1].

Дмитрий был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем. С ранних лет он воспитывался в Петербурге, в Пажеском корпусе, в одно время - даже под руководством знаменитого Жуковского. Он привык к петербургскому обществу, к избранному кружку гвардейских офицеров. Воспитанный в Петербурге, он отвык от местных обычаев, от местного обхождения, даже забыл родной язык и сам себе казался чужым среди своих князей и дворян, в которых не находил ничего петербургского. Брошенный из пышной столицы в глухую Абхазию, Дмитрий считал себя узником, а последнюю – тюрьмой.

Все здесь было для него чужое, враждебное. Дмитрий мог по душам беседовать лишь с майором Ракоци, знавший хорошо петербургскую жизнь, и не знавший сейчас куда девать время в глухой Абхазии. Для Дмитрия последний являлся истинной находкой. Вся Европа и Петербург сосредотачивались для молодого князя, в лице Ракоци. Сколько чужд был абхазский народ Дмитрию, столько же чужд был молодой обрусевший офицер, – «соображавшийся с волей правительства», – народу. Дмитрий не пользовался никаким авторитетом среди всех слоев абхазского общества. Он сознавал, что владетелем скорее является его дядя, неугомонимый Аслан-бей, чем он. Аслан-бей все еще пользовался авторитетом и находил поддержку в стране.

[1] Отношение Ермолова к гр. Нессельроде от 29.V.1821. АКАК. Т. VI, Ч. I. – С. 655.

31 января1822 г. Аслан-бей со значительным отрядом двинулся на Соук-Су, где сидел его племянник Дмитрий. Узнав о приближении Аслан-бея, Дмитрий бежал в Сухум. Последний настолько боялся своего дяди, что, считая Сухум не совсем благонадежным убежищем бежал дальше – в Кутаис, где русских штыков было больше. Но Горчаков через Михина, приказал спасавшему свою жизнь бегством Дмитрию, вернуться в Соук-Су и наказать своих врагов. Дмитрий подчинился этому приказу, да иначе и не мог поступить, отправился обратно смотря в оба. Нагнавший большой страх на Дмитрия, Аслан-бей легко был разбит царским отрядом, стоявшим в Соук-Су. Аслан-бей, потеряв большое количество людей[1], совершил очередное бегство в Черкессию.

Дмитрий, прибыв в Соук-Су, приступил к выполнению приказа Горчакова – «жестоко наказать своих врагов». На второй же день он велел повесить аслановца Лакырба и т.д. Теперь Дмитрий на своем горьком опыте убедился, что в Сухуме и Соук-Су, принадлежавшие царской России, а не ему, жить и под охраной русских штыков не безопасно для жизни. Он понимал, что абхазцы такие его подданные, как ласточки или орлы, и что его власть опирается только на русские штыки.

Такой владетель долго не мог существовать. Либо сознание своего бессилия должно было свести его в могилу, либо ненавидевший Дмитрия народ должен был его убрать. Начались два процесса, точившие жизнь Дмитрия. Последний раньше пришел к финишу.

Через год, в ночь с 15 на 16 октября 1822 г. он был отравлен. Трудно сказать кем, но есть некоторое основание указать на крестьянина Уруса Лакоба. Кн. Тамара уверяла, что ее сын был отравлен именно Урусом и последний был взят под караул Михиным. Дело долго исследовалось, но Урус компрометирующих его показаний не дал и был освобожден. Существует предание, что будто-бы Урус чуть не отравил и Михаила, будущего владетеля. Рассказывается, что Урус Лакоба поднес Михаилу воду, насыщенную каким-то ядом. Но осторожный Михаил обмакнул кусок хлеба и бросил его собаке, та, тот час же, бешанно стала бросаться на людей, ее убили. Уруса схватили и будто бы он сознался и в отравлении Дмитрия[2]. Трудно

[1] Со стороны русского отряда было убито и раненого 12 чел.
[2] АКАК. Т. VI. Ч. II. – С. 473.

сказать насколько это соответствует действительности, но столь же трудно и не верить, а тем более опровергать. Весьма возможно, что именно Урус являлся отравителем, и что он был подослан Аслан-беем, связь с которым держал все время, и это было установлено еще первым следствием. Все эти «факты» дали возможность Гарчакову считать Уруса «достойным смертной казни». И Ермолов 8 сентября 1823 г. дал, согласно заключению Горчакова в рапорте к нему от 23 августа, разрешение повесить Уруса Лакоба в Соук-Су, при доме владельца[1].

По представлению Ермолова от 14 февраля 1823 г., царь Александр I «соизволил» возвести Михаила (Хамут-бея) в достоинство владетеля Абхазии, пожаловав чином майора с жалованьем по 1000 руб. серебром в год[2].

Михаилу (Хамут-бею) было 16 лет, когда был отравлен его старший брат Дмитрий, но уже обладал многими качествами, имевшими высокую цену у абхазцев: он был воспитан в обычаях родины, отлично стрелял из ружья, ловко владел конем и не боялся опасностей. Был коварен и хитер. Отличное горское воспитание он получил у знаменитого убыхского князя Хаджи-Берзека Дагумоко. В молодых летах участвовал в битвах. Когда в 1821г. Горчаков с боем привозил нового владетеля Дмитрия, 15-ти летний Михаил в борьбе с дядей показал большую отвагу. Он заслужил Георгия[3*], которым наградил его Горчаков. Также Михаил отличился при нападении Аслан-бея на Соук-Су в январе и феврале 1822 г.

Но власть Михаила оказалось еще ничтожнее, чем власть его покойного брата. На него смотрели как на мальчика, оберегаемого русскими «няньками». Молодой владетель еще был слишком юн и неопытен, чтобы бороться с внутренними волнениями и заговорами, нити которых все еще сосредотачивались в искусных руках его дяди, Аслан-бея.

Происки Аслана усиливаются, но столь же и бдительность русских. В апреле 1824 г. Сухумский гарнизон напал на деревню Чичи, где жил воспитатель Аслана Тутшул, и как предполагали скрывался Аслан-бей. Деревня была охвачена с 3-х сторон, и солдаты не оста-

[1] Там же. Ч. I. – С.. 664-665.
[2] Там же. – С. 664.
[3] Георгиевский крест.

вили «камня на камне». Аслана здесь не оказалось. Возвращаясь, отряд попал в засаду, где было убито и ранено 42 человека. Среди убитых был и комендант Сухумской крепости Михин. И этого было достаточно, чтобы в стране вспыхнуло общее восстание. Частная неудача русских войск и их жестокость явились непосредственными причинами мощного освободительного движения в Абхазии, в1824 г.

Движение началось в Бзыбской Абхазии, во главе стоял Кац Маан. Гонцы были посланы к джигетам, черкесам и цебельдинцам, все охотно отозвались и 12-ти тысячное скопище двинулось на Соук-Су. Владелец едва успел отправить свою мать в Сухум, под защитой русского гарнизона, как уже был атакован в Соук-Су. Это было 8 июля1824 г. Две роты Мингрельского полка и 2 орудия, стоявшие в Лыхнах (Соук-Су) под командой Марачевского[1], очутились в блокаде. Кн. Горчаков и правитель Имеретии двинулись из Кутаиса на выручку владетеля. Но повстанцы по распоряжению Аслана, который к тому времени прибыл руководить движением, с целью воспрепятствовать движению русских отрядов вдоль морских берегов, на всем протяжении почти от р. Ингура до Сухума устроили завалы. При переправе через Ингур русские встретили повстанцев, которые были разбиты. Но далее, по дороге к Сухуму, войска встречали уже завал за завалам, повстанцы дрались все упорнее. С большими потерями русские войска дошли до р. Кодор. Но сюда Аслан бросил значительные силы цебельдинцев, убыхов и джигетов. Горчаков, почувствовав непреодолимое сопротивление, призвал на помощь владетеля Мингрелии кн. Дадиани. Объединенные силы Горчакова и Дадиани взяли штурмом переправу, – и войска с боем дошли до Дранды. Теперь, до Сухума нужно было идти берегом по глубокому песку. Зная, что это может обеспечить успех, повстанцы преградили дорогу. Войска взяли завал, но за ним оказалось еще ряд завалов. Повстанцы не ошиблись бы в своей уверенности, что они здесь либо уничтожат войска, либо отбросят их, если бы на помощь последним не пришли бриг «Орфей» и фрегат «Светлана», крейсировавшие у берегов Черного моря. Они медленно продвигались вдоль берега и анфилировали завалы, прежде чем войска устремлялись на приступ. Не выдерживая картечного огня,

[1] Марачевский – заменил м. Ракоци на посту начальника гарнизона в Лыхны в 1822 г.

повстанцы вынуждены были очищать завал за завалом и в конце концов расступались по опушке леса, и стали стрелять по артиллерийским и вьючным лошадям. Отряд вынужден был остановиться, так как не на чем было везти ни провианта, ни снарядов, ни орудий. Более 600 убитых лошадей лежали на морском берегу и заражали воздух, что принудило на другой год нарядить два военных транспорта специально для отвоза их остатков в открытое море. Отряд добрался до Сухума, потеряв 100 человек[1].

Теперь опасно было отправляться в Лыхны по узкой дороге, по берегу Черного моря, повстанцы могли истребить. Чтобы в этом удостовериться, 16 июля Горчаков на бриге «Орфей» произвел береговую рекогносцировку до Пицунды. Горчаков заметил, что в деревне Псырдзха устроены завалы непреступные. Идти берегом и думать нечего было.

Горчаков решил миновать этот опасный путь, тем более что лошадей не было, перебросить свой отряд морем. 20 июля 1824 г. отряды были посажены на фрегат «Спешный» и на бриги «Орфей», «Меркурий» и «Ганимед». Всего было посажено на суда 800 человек, с одним полевым орудием. Одновременно был двинут из Сухума берегом отряд в 400 чел. под начальством артиллерийского капитана Линдельфельда. Движение это было демонстративное, чтобы отвлечь внимание неприятеля и не дать ему возможность сосредоточиться.

Маневр удался. Горчаков получил возможность, при помощи жестокого огня с русских судов, выйти с войсками на берег и стать укрепленным лагерем в Бомборах[2], в ожидании остальной половины, которая прибыла через сутки на тех же судах. 23 июля Горчаков двинулся на выручку владетеля, который был осажден 12 тысячами убыхов, джигетов и абхазцев. Осажденные были доведены до крайнего истощения. После нескольких дней осады, повстанцы заняли церковь, как пункт, командовавшей всею окрестностью, и отсюда обстреливали двор владетеля. Но в глубокую ночь, с 7 на 8 августа 25 солдат, под началом подпоручика Земцова ворвались в церковь и перекололи всех засевших в ней, за исключением одного, Каца Маан. В этой схватке и русские потеряли 4 человека. Кац с ужасом,

[1] Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. – С. 725-726.
[2] Лежит в 5 верстах от Лыхны.

впоследствии, рассказывал об этом страшном побоище. Когда утром стало известно о произошедшем, повстанцы усилили свой натиск, и этот день явился самым горячим для осажденных. Последние выдержали и этот яростный натиск, но у них закончился провиант и не было воды. Владетельские лошади и их корм (кукуруза) уже были съедены. У владетеля во дворе не было колодца, воду брали из источника Джанаа рдзых, протекавшая недалеко от владетельского дома. Совсем близко протекала речка Адзлагара, на высоком берегу которой и стоял дом владетеля, но и к ней нельзя было подойти, могли обстрелять. Нужда заставила пустить в ход всю изобретательность. Винный бурдюк поставили на колеса, приделали к верхнему концу клапан, а к нижнему груз и пускали его катиться под гору прямо к ручью, там он наполнялся водой, веревка натягивалась, и бурдюк втаскивали на гору. Пули не брали его, они скользили по толстой и упругой оболочке. Но однажды повстанцы напали на него и изрубили кинжалами. Все напавшие заплатили жизнью за это отважные дело. К счастью осажденных скоро пошел дождь, и они запаслись водой[1].

В таком положении находились осажденные, когда Горчаков высадился в Бомборах. Он приказал кораблям «Спешный», «Орфей» и «Ганимед» следовать к Пицунде, где произвести ложную высадку. Это было сделано, чтобы сбить противника с толку. Маневр удался. Аслан выдвинул часть отряда, окружавший Соук-Су и отправил в Пицунду, а в тоже время, отряды Абхазова и кап. Лиденфельда, под общим начальством Горчакова пошли на Соук-Су, прокладывая себе путь огнем и мечом. Двигались целые сутки, хотя расстояние от Бомборы до Соук-Су равно всего 5 верстам - такова была сила сопротивления повстанцев, которое приходилось преодолеть Горчакову. Из каждой сакли, из садов, из виноградников, из деревьев, из кустиков, со всех сторон жужжали пули.

Марачевский узнав об этом, сделал вылазку в тыл повстанцев, чтобы отвлечь внимание последних от Горчакова. Горчаков получил возможность быстро ринуться в самую гущу скопища и разъединить его. Повстанцы, оказавшеиеся между двух огней быстро рассеялись, а те, которые были отделены, тоже побежали. Княжеский дом был освобожден от блокады. Сам Аслан-бей был ранен и бежал. В Соук-Су был оставлен один Сухумский гарнизон.

[1] Потто В. А. Указ. соч. Т.2. – С. 728.

Не воцарилось спокойствие в стране. Все время происходили волнения, нападения на русские отдельные команды, на сторонников и приверженцев молодого владетеля. Так, например, в декабре 1826 г. абхазцы атаковали небольшой отряд, высланный из Сухума в лес за дровами. Было убито 5 казаков и 17 ранено. И владетелю приходилось то жить в Редут-Кале, то отсиживаться в Сухум-Кале или в своей резиденции Соук-Су. На своем владетельском троне он шатко сидел первые четыре-пять лет. Русские власти не смогли оказать ему помощь пока для усиления его авторитета. Страна принадлежала русским только в двух географических точках в Сухуме и Соук-Су. Да и здесь, не всегда они могли чувствовать себя хозяевами.

Так дело шло до 1827 г. К этому времени сила освободительного движения спадает. В стране устанавливается некоторое спокойствие. И управляющий Кавказом ген. Паскевич[1] уже торжественно сообщал: «Абхазия свернула, наконец, знамя бунта и в чистосердечном раскаянии в своем безумии, дорого стоявшим ей от междоусобного кровопролития, изъявила желание покориться священной волей августейшего монарха»[2].

Министр иностранных дел граф Нессельроде отмечал: «Говоря об Абхазии, не могу скрыть от вас, что о возмущении, последовавшем в оной, я не имел никаких до сего сведений. Абхазия и Большая и Малая – признавали себя подвластный Порте Оттоманской, которая только в последнее время аккерманской конвенциею, согласилась уступить нам Сухум-Кале, крепость, лежащую в Малой Азии и служившей местоприбывнием князя оной земли. Из всего вы заключить можете, сколько необходимо мне знать обо всем, что там происходит, дабы я мог заблаговременно снабжать наставлениями посланника нашего в Константинополе, ибо при положении его доселе, если бы турецкое министерство вошло с тем в объяснение о делах Абхазии, он нашелся бы в крайнем затруднении отвечать удовлетворительным образом»[3].

В 1827 г. официально было сообщено о «добровольном» подчинении русскому правительству цебельдинских владетелей Мар-

[1] Наместник на Кавказе в 1827-1831 гг.

[2] Цит. по книге К. Кудрявцева «Сборник материалов по истории Абхазии». Сухум. 1922. – С. 127.

[3] Там же.

шания[1]. Но на самом деле они еще с десяток лет никого и ничего не признавали. Из них только один Саралоп принял русское подданство. И хотя Горчаков еще в 1824 г. «разрешил всем абхазским князьям делать на них нападения, отбивать скот и вообще действовать против них оружием»[2], но цебельдинцы сохранили свою силу и не признавали над собой власть царского правительства. Они и составили главную опору Аслан-бея. В такой же степени был «успокоен» и Самурзакан, куда для этого был послан Ермоловым в 1826 г. отряд из 300 человек при одном орудии.

Как бы то не было, в стране установилось некоторое спокойствие. И в 1827 г. из Мингрелии вернулся в «успокоившуюся» Абхазию Михаил. 3 года он проживал в Мингрелии и Имеретии. Но чуть было Михаил не достиг более роковой участи, чем в 1824 г. В Лыхнах он подвергся нападению вооруженных крестьян и спасся только при помощи царских солдат, отбивших это нападении с большими для себя потерями. Этот факт показал царским генералом на необходимость укрепить авторитет «владетеля». Михаил был увезен в Тифлис, где царские чиновники дали политическое воспитание в соответствующем духе. Кроме всего прочего, Михаил научился писать и говорить по-русски. Они приложили все старания, чтобы сделать его своим верным сотрудником и исполнителем захватнических замыслов.

В 1829 г. царская Россия заключила выгодный для себя Адрианольский мир с Турцией, получив от последней права на владение устьем Дуная и Кавказского побережья Черного моря. Четвертая статья Адрианольского договора гласила: «Все страны, расположенные к Северу и Востоку от пограничной линии между обеими Империями (Россией и Турцией) по направлению к Грузии, Имеретии и Гурии, далее все побережье Черного моря от устья Кубани до гавани св. Николая включительно должны оставаться под русским владычеством»[3].

[1] Цабал расположен по верховьям реки Кодора. Он иначе называется Цымбар, а у черкесов был известен под именем Хирипс-Куадж, т. е. аул Хирипса. Цебельдинские князья Маршания вели свой род от Эшсоу Маршания, водворившегося в Цабал около половины XVII века. У Эшсоу было 4 сына: Ярыт, Учан, Учарди и Тлапс, от которых пошли в Цебельде отрасли этой фамилии и враждовали между собой.

[2] АКАК. Т. VI, ч.I. – С. 665-666.

[3] Маркс и Энгельс. Соб. соч. Т. IX. – С.534.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою «кавказскую» политику, царское правительство решило немедленно приступить к одновременному и быстрому покорению кавказских народов, в число которых вошли и абхазцы. Главнокомандующий гр. Паскевич немедленно представил план предприятия в октябре того же года, царь столь же поспешно утвердил его. На июль 1830 г. намечено было произвести карательную экспедицию в Абхазии.

В инструкции главнокомандующего графа Паскевича г-л. Панкратьеву говорилось: «Хотя сия часть земли более тридцати лет считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удержать оную в повиновении… Итак, абхазцы нисколько не уважали сию мнимую зависимость от России и, не переставая во все времена враждовать против нас, грабили подданных наших и нередко даже крепость Сухум-Кале была угрожаема их совокупными нападениями. По сим причинам опасное соседство их потребовало, наконец, более прочного покорения»[1].

Паскевич решив включить в общий план покорения горских земель Абхазию, сделал одновременно распоряжение о собрании о ней всех сведений, на которых ему предстояло основать свои соображения об экспедиции.

Абхазия была известна до этого русским очень мало, потому что не владея ею, они не могли изучить ее. С 40-хх гг. XIX в. военные историки Кавказа приступают к изучению абхазского народа. Этот интерес был обусловлен колониальными устремлениями царской России.

Завоевание Абхазии требовало знаний о ее обитателях, нужно было учитывать национальную особенность, обычаи, религиозные верования, классовые отношения, политическое состояние абхазского общества. И конкретно выработать колониальные мероприятия. Такое изучение давало возможность правильно ориентироваться внутри страны. Хотя царские чиновники в этом отношении сделали впоследствии значительный успех, но почти, по прежнему, не учитывали местные условия, рассматривая абхазских крестьян, как «полудикарей». И этим русские власти всегда возбуждали против себя местное население. А турецкие агенты, пользуясь каждой ошибкой русских властей, настраивали народ против них. В подго-

[1] КС. Т. XIII. – С.123.

товке восстаний в Абхазии Турция играла активную роль, подстрекала повстанцев, снабжала порохом, свинцом и оружием, действовала подарками и деньгами. Много лет восстания возглавлялись турецким агентом Аслан-беем, скрывавшимся попеременно у турок, у черкесов и в Абхазии.

Пока Паскевич успел приступить к осуществлению своего плана, турки, забыв свои обещания, усиливают «работу» в Абхазии и быть может это было вызвано тем, что, узнав неведомо как, план русского командования, решили опередить его. В ответ российский император дает приказ Черноморскому флоту, крейсировавшему у Черкесских берегов, осматривать все суда, пристающие к берегам между Анапой и Редут-Кале и брать в плен те из них, на которых найдутся военное снаряжение, как военную добычу и также поступать с теми судами, которые не дадут себя осматривать. На основании этого, комендант Сухум-Кале Жилин получил строгую инструкцию, обусловившую зоркое наблюдение его за всеми сношениями абхазцев с турецкими пришельцами. Истекавшие отсюда мероприятия сильно возмутили абхазцев.

В последних числах мая прибыл из Константинополя двухбунчужный паша Хаджи-Сулиман с фирманом от султана. Он предъявил свой фирман лыхнынцам (жителям Соук-Су) и поднял на ноги многих жителей, которые образовали из своей среды вооруженную силу в 3 тыс. человек с дядей кн. Михаила Таир-беем во главе, и пригласили на помощь цебельдинцев. Михаил ничего не мог предпринять, его все еще не признавали, а власть его оставалась бессильной в собственном уделе.

Паскевич решил в июле 1830 г. предпринять экспедицию, имевшую цель возвести укрепление на побережье Абхазии в Бамборах, Пицунде и Гаграх, т.е. продолжить «черноморскую береговую линию», к строительству которой царское правительство приступило после Адрианапольского мира 1829 г. Ген.-м. Гессе 2-ой[1], назначенный начальником абхазского отряда, 2 июля 1830 г. прибыл с большим отрядом в Сухум из Редут-Кале[2]. Для содействия с моря сухопутному отряду была назначена легкая эскадра в составе четырех военных судов[1], пяти транспортных и десяти купеческих, которые предназначались как для поднятия отряда, так и для перевозки месячного продовольствия. Командование эскадрой было поручено к-л. Стерлиногову. 2 же июля 1830 г. и эскадра прибыла в Сухум.

Прибывшему Гессе Михаил сообщил, что бзыбцы, руководимые Федоруко Инал-ипа и Хитом Лакырба, вызвали на помощь джигетов, айбговцев, псхувцев, ахчипсхувцев и других и что последние уже двинулись на присоединение к бзыбцам. Паскевич предписал Гессе немедленно отправить Хасан-бея, имевшего большое политическое влияние в стране в Бзыбскую Абхазию. Хасан-бей пользовался большой популярностью и русские использовали ее для достижения своей цели.

Гессе решил немедленно занять гагринскую теснину, чтобы изолировать джигетов и других. Часть отряда в 650 чел. он отправил морем, поручив занять с. Гагры и проход[2], сам же с остальной частью отряда двинулся туда же через Лыхны и Пицунду. Отряд, назначенный для занятия гагринского прохода и для построения укрепления Гагры, был размещен на транспортные суда «Буг» и «Успех», а бриги «Пегас» и «Орфей», шлюп «Диана» и пароход «Молния» составляли их охрану. Суда прибыли на место 8 июля и устроили удачную высадку.

Горцы опоздали, берег был свободен. Гессе приказал Пацовскому немедленно занять частью высадившихся войск, монастырь и позицию у речки. Скоро из ближайших сел прибыли джигеты, шапсуги, убыхи и др. и открыли огонь, но выстрелы со шлюпок и бригов

---

[1] Командовавший после Горчакова войсками в Имеретии.

[2] В состав отряда, назначенного для экспедиции, вошли: 2 батальона 44-ого егерского полка (1249 штыков), 2 роты Мингрельского пехотного полка (596 штыков.) 2 шестифутовых орудия 2-й легкой роты, 4 горных едина рога и 2 мортирки 5-й резервной батарейной роты 21 артиллерийской бригады, полурота кавказского саперного батальона (98 шт.) и сотня донского казачьего № 6 Попова полка. «Кавказский сборник». Т. XIII. – С.135.

[1] 28-ми – пушечный трехмачтовый шлюп «Диана», 20-ти пушечные двухмачтовые бриги «Пегас» и «Орфей» и 12-ти пушечный одномачтовый катер «Ласточка». Там же. – С. 136.

[2] Гагры лежат у самого моря, у входа в ущелье. Как укрепленный пункт, Гагры известны были еще в глубокой древности, с VI в. до н. э. Здесь сохранились остатки древней крепости и сооруженный понтийским царем Митридатом. Крепость замыкала узкий проход, служивший воротами для прохода народов. Она служила во все времена для защиты от вторжения разных воинственных племен Кавказа.

заставили очистить высоты. Наскоро была устроена батарея на 2 орудия впереди лагеря, напротив тесного горного прохода.

Несколько дней джигеты атаковали, не давая русским отрядам отдыха ни днем, ни ночью, но все они были отбиты со значительными потерями с обеих сторон. Ценой больших потерь для себя, в Гагрской теснине, русские построили на месте развалин крепостных стен, башен и церкви, постройки еще V в., укрепление. Оно имело большое стратегическое значение, отрезало абхазцев от соседних родственных племен, которые проявляли большую солидарность абхазскому народу в его борьбе за свою независимость, выражавшаяся в вооруженной поддержке. Обезопасив Гагринскую теснину, Гессе, с частью войска в 1531 человек, в 4 часа пополудни 13 июля двинулся сухопутным путем в Соук-Су. Отряд прибыл в Бамборы 17 июля и расположился здесь большим лагерем, что было сделано с целью замаскировать малочисленность русских войск. Военные транспорты, прибывшие накануне, стояли против р. Гудоу, от которой дорога сворачивала вверх по ее течению в с. Суок-Су.

Вторжение русских войск было так неожиданно для населения, что им это сошло почти без всякого кровопролития. А пицундский владелец Федоруко Инал-ипа не нашел другого исхода, как смириться и представить себя русским! За прощение, данное русским, он обещал успокоить жителей по пути к Пицундам. После 4-х дневной остановки в Соук-Су, отряд двинулся в Пицунду куда и пришел 21 июля. Вперед туда были посланы транспортные суда из стоянки Гудоу и шлюп «Диана» из Гагры. Благодаря этому, без всякого почти кровопролития был занят второй важный опорный пункт – Пицунда, который в купе с Гаграми и Сухумом достаточно прочно обеспечивал русское господство в стране.

Так, вопреки своим ожиданиям, русское командование заняло эти пункты, имевшие важное значение в колониальном наступлении России в Абхазии и на Западном Кавказе, вообще. Русское командование многому обязано было Хасан-бею, благодаря которому, по существу, дело приняло благожелательный для царизма оборот.

Решено было устроить укрепления, что бы эти пункты привести в соответствии своим задачам и для этого оставить часть войск в этих трех пунктах, которые потом обратить в гарнизоны. Непосредственным руководителям построек был полковник Пацовский. В Гаграх был оставлен 1-й батальон 44-егерского полка, под командою м. Полякова, а для производства дальнейших работ саперная команда и рота Мингрельского полка.

Гагринский отряд находился в постоянной осаде. Выходить за фуражом и дровами равносильно было выходить на поле битвы. Выслеживавшие горцы пускали с высоты гор свои меткие выстрелы. В Пицунде, же, роте саперов Мингрельского полка, по отстройки Гагринского укрепления, приказано было отправиться в с. Суок-Су. Здесь Пацовский подновил древние монастырские стены. Для солдат была выстроена казарма. Сначала стояли две роты, но малярия уменьшила до одной.

Остальные войска, под начальством полковника Пацовского, были направлены в Бомборы. На р. Пшандре был разбит лагерь, куда отряд прибыл с 10-ю ротами 44 егерского полка, 8 орудиями и командой казаков. Он на скорую руку разбил редуты, т.к. абхазцы все время следили и искали удобного случая для нападения. Неожиданным выстрелом из-за куста был убит один человек. Штаб – квартира 44 егерского полка была устроена на берегу моря, при устье реки Мычиш (Черная речка), на земле дворян Званбая, которые после долгих переговоров уступили ее за определенное вознаграждение.

Бомборское укрепление было предназначено для гарнизона, который должен был держать в повиновении Бзыбскую Абхазию, также быть готовым помочь в случае нужды владетелю Абхазии. Этим «политическим» и «стратегическим» требованиям Бомборы вполне отвечали. Эти пункты были снабжены пушками, снарядами, продовольствием и другим необходимым.

Местопребыванием Пацовского были Бомборы. Здесь он руками солдат устроил укрепление с казармами, с офицерскими домами. Устроили редуты из палисада: на берегу моря для склада провианта на р. Хыпсте, для сбережения полковых лошадей, и на р. Мчыште и защиты тыльной мельницы.

Для сухопутного сообщения между крепостью Сухум-Кале и Гаграми учреждены были посты: в Сухуме 10 казаков и 10 милиционеров, близ реки р. Псырдзха (ныне Н. Афон) – 10 казаков и 10 милиционеров, при офицере, при р. Мчыште – 13 казаков и 20 милицио-

неров, в Пицунде – 10 казаков и 10 милиционеров, на левом берегу Бзыби – при офицере, 50 чел. пехоты, 5 казаков и 5 милиционеров в Гаграх при офицере и 15 милиционеров. В Гаграх и Пицундах были учреждены небольшие лазареты. В Гаграх, Пицундах и Сухуме были оставлены по одному военному судну.

Успех русского оружия в 1830 г. был легко достигнут, по признанию гр. Паскевича в инструкции г.-л. Панкратьеву, во-первых, через политическое влияние кн. Хасан-бея, которого главком велел иметь по сему случаю «всегда в виду и ласкать» как полезного человека для русских, и которого, между прочим, Паскевич считал более подходящим на владетельский пост. Значит, для Хасан-бея сибирская ссылка даром не прошла, русский царизм выправил ему мозги. Теперь он вел себя скромно, рабски служа «его императорскому величеству». Во-вторых, русские были обязаны своей морской эскадре, без поддержки которой они не достигли бы такого успеха.

Укрепления и посты составляли часть «Черноморской линии», тянувшейся от Анапы до самой турецкой границы. Ее целью было сковать побережье цепью укреплений, изолировать, таким образом, народы Западного Кавказа от Турции, оказывавшая им всемерную помощь в борьбе с Царской Россией. Линия предназначалась для того, чтобы «как тогда полагали отнять у горцев все способы сопротивляться»[1].

И с 1830 г. начинается вооруженное продвижение русской экспансии во внутрь Западного Кавказа и Абхазии, в частности. С этого момента, также, начинается строительство дорог и изучение Абхазии в топографическом отношении, обеспечивавшие продвижение и победы русского оружия внутри страны. Так, в 1836 г. было проложено сухопутное сообщение по берегу Абхазии, которое к тому времени достигало, в основном, до Гагры с Военно-Имеретинской дорогой, шедшей от Кутаиси через Хоби и Зугдиди к Илори и т.д.

В 1834 г. были сняты на карту прибрежные места от Ингура до Гагры. В 1835 г. шт.-кап. барон Торнау обозрел Кавказский хребет в направлении его вдоль Восточного берега Черного моря и вышел на морской берег к устью р. Сочи, оттуда прошел берегом до Гагры.

[1] Торнау Ф. Воспоминания Кавказского офицера. // «Русский вестник». Т. V. М. 1864. – С. 27.

В 1836 г. кап. Чуркин обозрел один из путей, идущих из Карачая через Цебельду в Сухум и т.д.[1].

Николай I на 1837г. предложил следующий план военных операций со стороны Абхазии: покорить Цебельду[2], эту единственную во всем Закавказье оставшуюся непокоренным владением, и занять мыс Адлер, где находилось «одно из важнейших якорных мест»[3].

Дело началось с Цабала, с покорением которого «на южной покатости Кавказского хребта, - писал барон Розен Чернышеву 20 мая 1837 г., - от военной Грузинской дороги до Восточного берега Черного моря, не остается совершенно непокорных народов». Покорение Цабала укреплял и авторитет владетеля, и в этом направлении уже давно действовали царские генералы.

Цебельдинцы, отличавшиеся издавна свободолюбивостью и воинственностью, не признавали власти владетеля, а тем более его хозяев - русских. Важность покорения Цабала заключалась еще и в том, что русские власти с ее покорением избавлялись от «осиного гнезда». В Цабале и в других горных областях спасались недовольные русским владычеством. Туда бежали и русские солдаты, избегая тяжелую армейскую службу.

Взятием Цебельды «абхазские хищники, – писал барон Розен, – лишались места убежища в Цебельде, а цебельдинцы потеряли возможность грабить Абхазию…Цебельда гнездо разбойников»[4]. Цебельда служила «неприятелю, – пишет барон Торнау, – помехой для наших дел в Абхазии. Для усмирения ее силой, надо было пожертвовать временем и частью войск…»[5].

Еще в 1835 г. была организована экспедиция, которая ограничилась разорением нескольких аулов. «При исполнении требований моих – рапортовал Розен – редкое усердие проявил особенно Дасосхан Маршания, он один представил 30 человек беглых русских солдат, служил проводником при обозрении местности, успокаивал жителей, и вообще, с редкою готовностью исполнял все мои приказания. Если бы цебельдинцы решились сопротивляться отря-

[1] АКАК. Т. VIII. – С. 380-382, 385.
[2] Под Цебельдой понимали горные области Абхазии.
[3] АКАК, т. VIII. – С. 386.
[4] Там же. – С. 462.
[5] Торнау Ф. Указ. соч. – С. 26.

ду, то при чрезвычайно трудной местности нанесли бы нам значительную потерю»[1]. «Покорность нам Цебельды, – писал обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса г-м. Карлгоф в 1856 г. - была всегда основана на личных расчетах господствующей в этом крае аристократии»[2].

Но этой экспедицией Цебельда далеко еще не была покорена, свободолюбивые цабалцы еще много лет упорно отстаивали свою независимость. Вслед за этим Розен «нацеливался» на Адлер. Уже 3 июня 1837 г. отряд, который участвовал в походе на Цабал, в Сухуме был посажен на суда. В 12 часов ночи, эскадра под командой контрадмирала Эсмонти, состоявшая из 11 разного ранга военных судов и транспортов, к которым присоединено было еще 6 купеческих судов, снялась с якоря, и 6 июня достигла мыса Адлер. Сам Розен плыл на фрегате «Анна». Вдоль берега была отправлена шхуна «Гонец» под командой подполковника Нордестама с целью выбрать место высадки десантного отряда. По приближении указанной шхуны к берегу, жители открыли ружейный огонь из завалов и окоп, вдоль берега устроенных, и, не взирая на выстрелы из орудий, продолжали стрелять, пока шхуна, исполнив данное ей поручение, не отошла от берега. При этом горцы понесли потери от ядер и картечи.

7 июня эскадра построилась в боевую линию в 250-ти саженях от берега. Началась высадка, в ходе которой вся эскадра обрушила сильную канонаду на неприятельские окопы. Окопы скоро были разрушены и горцы вынуждены были скрыться в лесу. Гребные суда, подходя к берегу с первой частью десанта, открыли огонь, который рассеял горцев по всему лесу. Ген-м. Волховский с первой частью десанта (150 чел.) занял опушку леса. Но горцы, пользуясь густым лесом, приблизились к цепи русских и завязали сильную перестрелку. К адлерцам прибыли на помощь из соседних горских племен и поклялись совместными усилиями сопротивляться русским до последней возможности и в обеспечении этого обязались друг другу выдать аманатов[3].

Капитан Альбранд и начальник Имеретинской дружины подполковник кн. Церетели, командовавший всеми мингрельцами,

[1] Отношение Розена к Чернышеву от 20/V-37г. АКАК. Т. VIII. – С. 461.
[2] АКАК. Т. XII, ч. III. – С. 460.
[3] Там же, т. VIII. – С. 837.

остановили горцев, бросившихся в рукопашный бой на шашках и затем, при помощи подкреплений, отразили их. Но русским все же пришлось отступить от аула. Но ген-м. Эспехо (управлявшей Имеретией) подкрепил их силы 5-ю ротами Тифлисского егерского полка, 2 горными пушками и кегорновыми мортирами, которые, действуя картечью и гранатами, заставили горцев прекратить перестрелку и оставить лес. После этого высадилась 2-ая часть десанта, ген-м. Симборский с батальоном грузинского гренадерского полка и саперной ротой занял устье р. Мзымта, туда последовал и весь десант[1].

10 июня было предпринято сильное нападение. В 10.30. часов горцы, до 400 чел. показались против левого фланга русских сил. Ген.-м. Симборский, которому Розен поручил командование всей передовой частью войск, выдвинул 4 горных единорога и открыл огонь, но горцы, не взирая на это, приблизились на расстояние ружейного выстрела. Но после двух часов упорных боев, горцы, не выдержав сильного картечного огня, отступили. К вечеру они возобновили перестрелку, но вновь вынуждены были отступить. Перестрелки повторились 11 и 14 июня. Много было убито и ранено с обеих сторон[2].

В устье Мзымты было заложено укрепление, названное св. Духа, а мыс, по просьбе барона Розена (отношение к гр. Чернышеву от 10 июня) был назван по имени ген-адмирала и шефа грузинского гренадерского полка, который участвовал в экспедиции, Константиновым.

19 июня Розен уехал, оставив начальство над действующим отрядом Симборскому, с которым последний оставался до окончания постройки укрепления и казарменных зданий. По окончании возложенного поручения, ген. Симборский с отрядом сел на суда и возвратился в Сухум[3]. Героическое сопротивление горских племен, которые проявили большую солидарность друг с другом в борьбе с русской экспансией, было сломлено. Оружие русского царизма одержало еще одну победу над кавказскими народами.

К окрестному населению был послан для переговоров, с прокламацией Розена, убых Гассан Барсегов, который возвратился

[1] Отношение Розена к Чернышеву от 11.VI.1837. АКАК. Т. VIII. – С. 870-871.
[2] АКАК. Т. VIII. – С.873.
[3] «Кавказ» (газ). 1868, № 44.

лишь через месяц и объявил, что население не желает подчиниться русским императорам, и привез от них ответ, написанный по-турецки. В нем говорилось: «О неверные русские, враги истинной религии. Если вы говорите, что наш падишах дал вам эти горы, он нас не уведомил об этом и если бы мы знали, что эти земли отданы вам, то не остались бы на них жить. Мы имели посланных от султана Мухамеда, Магамет-али-паши (египетский хедив), королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправим в Константинополь по одному доверенному лицу с вашей и с нашей стороны для узнания истины и буде в том удостоверитесь, то вы должны оставить эти места и Гагры и перейти р. Горгу (вероятно Бзыб – Г.Д.), и тогда мы будем с вами и абхазцами жить в мире до тех пор, пока наш падишах не объявит вам войну. Генерал ты не мог принять чужеземное судно как гостя[1]. Мы поклялись нашей верой, что не исполним то, что в этой бумаге написано будет за нас или за вас»[2].

Здесь видим то настроение северо-побережных племен, в том числе и абхазских, которое привело к переселению в Турцию в 1830-1831 гг. Это настроение поддерживалось и разжигалось муллами и турецкими агентами. К ним присоединяются и английские и французские авантюристы и купцы, готовившиеся к войне с Россией.

Деятельность иностранцев здесь началась вслед за Адрианапольским договором 1829 г. «Цель этих вмешательств, - писал Розен Николаю I – состояла в желании поколебать достоверность статей этого договора, по которому Турция отказалась от прав своих на племена Кавказские. Орудием достижения цели сделались прокламации, распространяемые при помощи иностранных эмиссаров и подкупленных туземцев от имени турецкого султана, египетского паши, английского и французского правительств»[3].

Так, например, одним из многочисленных иностранцев, действовавших среди северно-прибережных племен, является Давид Уркарт или Дауд-бей, как он себя здесь называл, – секретарь английского посольства в Константинополе. Горячий сторонник поддержки Англией и Францией кавказских племен против России. Он жил почти 4 месяца у шапсугов, агитируя их против России. В это

[1] Речь идет об английском судне «Vixen».
[2] Цит. По книге К. Кудрявцева «Материалы по истории Абхазии». – С. 177.
[3] Там же. – С.178

время действовали и другие авантюристы – купцы Младецкий, Пичикини и др. Иностранные агенты оказывали кавказцам не только моральную, но и материальную поддержку.

В 1836 г. англичанин Лонгворт, сотрудник газеты «Morning chronicle», прислал натухайцам безвозмездно большое количество пороха и свинца через турецких контрабандистов. 29 октября 1836 г. из Лондона в Черкессию отплыл «Виксен» – торговое судно, принадлежавшие г-ну Джорджу Беллю – и нагруженное солью, свинцом, порохом и различными товарами. 25 ноября судно было захвачено в Сухуме, «как плававшее у блокированного берега». Судно, его груз и экипаж были отправлены в Севастопольскую гавань, где 27 января 1837 г. был вынесен приговор о его конфискации. Оно было обвинено в «контрабанде». Британское судно было пущено под русским флагом и под названием «Сухум-Кале»[1]. Сам Белль с трудом спасся на шлюпке и высадился в ущелье Дерсюхоэ. В 1837 г. он принимал деятельное участие в действиях шапсугов и натухайцев против русских.

Судно «Виксен» было послано английским королем Вильгельмом IV, с определенным намерением – нанести оскорбление царю, показать свое пренебрежение к Адриапольскому договору и подтвердить независимость Западного Кавказа. Но дело приняло другой оборот. Случаю было удобно, чтобы именно в это время английский король умер. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон получил возможность формально признать Адрианопольский договор и право России на владение Западным Кавказом и на конфискацию «Виксен» от имени умирающего короля. Он писал Петербургу: «принимая во внимание, что Сухум-Кале, признанный Россией турецкой собственностью по договору 1783 г., в настоящее время, как утверждает граф Нессельроде, по Адриапольскому договору перешел к России, правительство его величества не находит достаточных оснований сомневаться в праве России захватить и конфисковать «Виксен»[2].

Он не мог сопротивляться притязаниям России в 1836 г., по причине того, что уже в 1831 г., едва вступив в должность, он первым долгом поспешил признать захват Кавказа Россией, а тем са-

[1] Маркс, Энгельс. Соб. соч. Т. 9. – С.540-548
[2] Там же.

мым молчаливо и Адриапольский договор. По этому поводу разыгрались бурные дебаты в английской нижней палате. «В этот день, - писал Маркс - склонный к шуткам лорд избег вотума неодобрения только благодаря 16 голосам»[1]. Этот акт морского разбоя, учиненный Россией над английской собственностью, дал Пальмерстону повод формально признать Адриапольский договор и покончить с независимостью Черкессии, такое признание могло быть опасно для его должности.

Главные усилия России на Кавказе в 1838 г. были обращены на овладение Черноморским берегом и сооружение в важнейших пунктах его укреплений, для довершения там береговой линии. В это время во всех прочих частях Кавказского края принимались самые деятельные меры. Было приступлено к водворению на Военно-грузинской дороге военного поселения, а на правом берегу Терека учреждена кордонная линия по направлению от Владикавказа к Моздоку. По дороге устроено 2 военных поселения: Александровское и Николаевское и т.д.

Император лично повелел барону Розену в 1838 г. занять со стороны Абхазии одно якорное место на восточном берегу Черного моря и для этого употребить три батальона: два – 2 мингрельского Егерского полка и 1 линейный, из числа распложенных в Абхазии. Во исполнение этого Розен предложил в начале апреля 1838 г. соединить при Сухуме саперную роту, восемь легких и шесть кегорновых мортирок, 50 конных и 600 человек имеретинской, мингрельской и абхазской милиции. Продовольствие для всего отряда было заготовлено на 7 месяцев[2].

Весной в Абхазии и Тамане были собраны войска, предназначенные для высадки на незанятую еще часть Черноморского берега и возведения укреплений при Сочи, Туапсе или в других местах. Первый отряд состоял из 6,5 батальонов, 8-ми полевых и 14-ти горных орудий, который под начальством г-м. Симборского был высажен 11 апреля у устья р. Сочи, в земле убыхов. Отряд, не взирая на самое упорное сопротивление со стороны горцев, овладел пунктом, где было и сооружено им укрепление Навагинское. В августе

[1] Маркс, Энгельс. Соб. соч. Т. 9. – С. 548.

[2] Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 4.XI.1837. АКАК. Т. VIII . – С. 368-370.

ген. Симборский, оставив здесь гарнизон, возвратился с остальными войсками в Сухум. Второй отряд, предназначенный также для действия против Западного Кавказа со стороны Абхазии из 8 батальонов пехоты, 2-х рот сапер, 4-х Черноморских казачьих пеших полков, 4-х полевых и 14 горных орудий и 10-и кегорновых мортир, под начальством г-м. Раевского, высадился 12 мая при устье р. Туапсе и так же возвел там укрепление, названное по указанию Императора Вельяминовским, в память ген. Вельяминовского. Потом отряд Раевского занял устье р. Шапсуго и возвел там укрепление, названное Тенгинским.

Решено было построить в Суджукской бухте, при устье р. Цемеса, крепость, военный порт и адмиралтейство для крейсирующей эскадры восточного берега Черного моря. Крепость назвали Новороссийск[1].

К 1840 году «Черноморская военная линия», протянувшаяся от Анапы до Турецкой границы, на протяжении которой размещались военные укрепления, форты и посты была закончена. А к 1853 году укрепления на Кавказе и русская пограничная линия с Турцией и Ираном представлялись в таком виде: Черноморскую береговую линию составляли 25 отдельных укреплений и фортов. Из них важнейшими были: Анапа, Новороссийск, Сухум-Кале, Редут-Кале, Поти, Геленджик, Вельяминовское, Форт св. Духа, Пицунда, Бомбора и св. Николая. Абхазская часть этой линии называлась «третьим отделением», в состав которой входили укрепления Навагинское (ныне ш. Сочи), Головинское у устье р. Субаши, св. Духа (ныне Адлер), Бзыбское, Бомборское, Сухумское, Драндское, Илорийское, форт Мрамба и ряд маленьких фортов.

С 1840 года по всей этой линии начинается постоянное крейсирование судов русского Черноморского флота. Начинается также фронтальное, более решительное, наступление русской экспансии на кавказские племена, оттесняя их в трущобы Кавказских гор и вынуждая эмигрировать в Турцию.

Чем глубже ступает пята русского царизма, тем ожесточеннее становится борьба с обеих сторон. Вся история Западного Кавказа, начиная с 30-х гг. XIX века, а особенно с 40-х гг., заполнена позорными карательными экспедициями.

[1] «Кавказцы», под ред . Новосильцева. – С. 83-84.

Донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях пестреют выражениями: «уничтожено 2 аула», «мятежники истреблены», «сжечь и не оставить камень на камне от сего разбойничьего гнезда», «истребив сакли, отряд возвратился благополучно в Сухум». На эти карательные экспедиции русских войск абхазские общества отвечали протестом, имевшим две формы: пассивную и активную. Первая выражалась в эмиграции в Турцию (1830-1831), вторая – в восстаниях и набегах. Ежегодно вплоть до самой Восточной войны 1853-1856 гг., непокорные районы выставляли партизанские отряды, сильно беспокоившие русские власти. Свободолюбивые абхазские племена не могли смириться с существованием гагринского укрепления, этого бельма на единственной дороге – гагринской теснине, связывающей родственные племена. Они старались взять это укрепление с гарнизоном, вымирающим от малярии. Бестужев-Марлинский, писатель 30-х гг. XIX в., сосланный на Кавказ, и погибший в стычке на Адлеровском мысе, так описывает Гагры того времени: «Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье построена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки; где лихорадки свирепствуют до того, что 1,5 комплекта в году умирают из гарнизона, а остальные иначе не выходят оттуда как со смертоносными болезнями».

Цебельдинцы после ухода русских войск в 1837 г. вновь не признают ни власти владетеля Михаила, ни власти русских. Даже среди князей Маршания произошел раскол. Шабат и Эшсоу Маршания отказались принимать русское подданство и действовали против них. Хинкорас, Баталбей и родственник их Зосхан, лично известного Императору по службе своей в гвардейском горском полуэскадроне, приняли сторону царской России.

Розен приказал князьям-предателям Батал-бею и Хинкорасу схватить брата Шабата, рожденного от другой матери, который Розену почему-то показался опаснее других и представить ему. Воля барона была исполнена. Шабат просидел более года в Метехском замке в Тифлисе. Очутившись на свободе, озлобленный до мозга костей, Шабат начал вербовать себе приверженцев, и тут почти весь народ оказался на его стороне. Он склонил на свою сторону и многих псхувцев, с помощью родственника своего сванетского князя Михаила. И дальцы также оказали ему помощь. 8 июня 1840 г. Шабат

неожиданно напал на своих братьев и личных врагов - Хинкораса и Батал-бея – преданных русским людей. Первый был предупрежден и успел спрятаться в своем укрепленном доме. Окружив дом, Шабат требовал, чтобы Хинкорас отложился от России и выдал ему в заложники сына и племянника – сына Батал-бея. А Батал-бей был схвачен и закован в цепи. Скоро прибыли и дальцы, ночью 9 июня напали на дом русского пристава, подпоручика Черноморского линейного 5-го батальона Лисовского, расположенного на Мрамбе. Сам Лисовский был ранен пулей в голову и двумя шашечными ударами в щеку, но его выручили подоспевшие цебельдинские князья, пользовавшиеся «монаршей щедростью» за преданность русскому царизму - поручик Зосхан и прапорщик Мсауст Маршания. Дома пристава и поселян и все имущество на сумму 1896-ти руб. серебром были сожжены. Был убит один казак, 3 поселянина, в плен взято было 5 человек. Уничтожены мосты на р. Кодор, прервано таким образом, всякое сообщение Нижней Цебельды с Далом.

Временно командовавший 2-м отделением Черноморской береговой линии подполковник Козловский собрал отряд из 2-х рот черноморского линейного 9-го и одной роты 10-го батальонов, при двух орудиях и 4-х кегорновых мортирках Сухумского артиллерийского гарнизона. Скоро прибыли еще 2 роты егерей мингрельского полка из Редут-Кале. Абхазский владетель Михаил присоединился с 2280 чел. милиции. А Головин направил через Сванетию 600 чел. имеретинской и мингрельской милиции. Под командой подполковника Зорина пришли и 7 цебельдинских князей с Зосханом во главе. Войсками командовал абхазский владетель г-м. Михаил Чачба[1].

15 июня отряд выступил из Сухума двумя колонами: главные силы, под начальством Михаила, двинулись по трудной дороге, а 500 человек абхазской милиции во главе с м. Кацем Маан, были направлены в обход через Панавский хребет и, вступив в Дал, успели освободить дом Ханкораса. 700 милиционеров абжуаа были посланы по левому берегу к селу Амзара. Дальская долина была, таким образом, охвачена с 3-х сторон. Цебельдинцы главную силу приняли с боем, но были разогнаны.

Цебельдинцы вновь присягнули на верность Императору, также искренно, как и в первый раз. Шабат и Эшсоу под различными

[1] Рапорт Головина Чернышеву от 20.VI.1840. АКАК. Т. IX. – С. 490- 491.

предлогами не явились. Михаил Чачба, успокоенный положением цебельдинских дел, возвратился с отрядом в Абхазию, оставив на Мрамбе, для устройства укрепленного дома приставу, под командованием Козловского, с двумя ротами мингрельского полка и командой донских казаков. Цебельда была усмирена не надолго.

В конце сентября того же 1840 г., около 7 тыс. убыхов и других горцев, под предводительством Хаджи-Берзека, собрались на реке Сочи, с намерением вторгнуться в Абхазию[1] и овладеть одним из русских укреплений, но на пути остановились на Цандрипше для разорения жилища преданного русским властям князя Цумбаева (Цанба).

Жители Дала и Цабала, во главе с Шабатом и Эшсоу поднялись на ноги, они решили вторгнуться в Абхазию с другой стороны. Но начальник 3-го отделения береговой линии полковник Муравьев быстро принял решение. Оставив в Мрамбе[2] достаточный гарнизон, он взял оттуда 2 роты Мингрельского полка и, присоединив в Бомборах черноморский линейный №9 батальон и 4 орудия, приготовился к выступлению на р. Бзыбь, в Самурзакане собрал около 1000 милиционеров и направил их в Абхазию, где владетель тоже успел собрать отряд милиционеров. Эти приготовления лишили Хаджи-Берзека надежды на успех, его отряд отступил от р. Сандрипш и разошелся по домам. Таким образом, Муравьев не дал им объединиться. С удалением убыхов, Цабал «успокоился». Но с уходом русских войск цабалцы вновь отказались от подчинения, дальцы солидаризировались усилив убийства русских чиновников и офицеров и их сторонников.

И чтобы Цабал лишить поддержки Дала, 24 декабря 1840 г. Головин отправил из Сухума сильный отряд под нач. Муравьева. Отряд состоял из 6 рот, имел 2 горные единарога, 2 кегорновых мортирок. В Цабале к ним присоединились сухумская, самурзаканская и цабальская милиция. Присоединился и сванетский владелец м.кн. Дадишкелиани со своим отрядом. 25 декабря к вечеру войска прибыли к укреплению Мрамба. 27 - отряд занял Амзара, 29 - тремя колоннами двинулся к Багадским теснинам. Горцы отступали. С обеих сторон – убитые и раненые.

[1] Юров А. 1840,1841,1842 годы на Кавказе //КС. Т. X, 1886. – С.385-390

[2] Мрамбинское укрепление было основано в 1840г. Здесь стоял гарнизон для удержания цебельдинцев в покорности.

31 декабря отряд прибыл к селам Дала – Варда и Лата, которые были сожжены. К Муравьеву прибыло 50 дальских старшин с повинною. Шабат, Эсшоу и Батал-бей (который изменил на время русским) бежали в горы. Пришедшие присягнули на верноподданство Императору. Но Муравьев не удовлетворился этим, он задался целью «уничтожить это разбойничье гнездо» и, для примера Цебельды, приказал выселить всех жителей дальского ущелья. И дальцам, ничего не оставалось как преклониться перед силой и к первым числам января 1841 г. все они покинули родное ущелье[1]. Дал «был опустошен и лишен своего населения» - рапортовал ген. Головин гр. Чернышеву от 23 января1841 г.[2].

Скоро Шабат и Эшсоу были схвачены в Кодорском ущелье у родственников милиционерами и казнены. Но горные области Абхазии: Цабал, Дал, Псху и Ахчи-Псху не допускали и мысли об отказе от борьбы. Сопротивление обитателей этих областей выражалось в двух формах: вооруженную – активную и эмиграцию – пассивную.

Покончив с дальцами, Муравьев решил начатую войну против цебельдинцев довести до логического конца. В 1841 г. Муравьев двинул отряд в Цебельду. Отряд состоял из 3-х батальонов, нескольких горных единорогов, пешей и конной милиции. Он выбрал путь через Багадский мост (висячий). Дальше Муравьев сначала шел по левому берегу Кодора, а выше начинает перебрасывать свой отряд через броды с одного берега на другой. Перешел через знаменитый Багдаский мост. От укрепления Мрамба до р. Амткела местность волнистая и открытая, за Амткелом редкие перелески и далее начинается багадаская теснина.

Муравьев быстро форсирует багадскую теснину, авангард был быстро переброшен на левый берег Кодора, а основной отряд долго еще переправлялся, особенно затруднительна была переправа лошадей по узкому мостику над бездной. Горцы успели собраться. На следующий день войска по частям посылались жечь аулы. Горцы отчаянно сопротивлялись, с обеих сторон было много убитых и раненых. Пораженные неожиданным переходом русских через Багаду, цебельдинцы жившие вниз по левому берегу Кодора, и опасавшиеся за участь своих аулов, примкнули, конные и пешие к

[1] КС. Т. 10. 1886. – С. 391

[2] АКАК. Т. IX. – С. 496-497.

Муравьеву, под предводительством Хирипса Маршания, жившего в урочище Наа. Но дальцы сильно напирали на войска. Несмотря на упорное сопротивление дальцев, Муравьев «вешатель» успел «выселить 500 семейств и жилища их придать огню».

Муравьев вынужден был перед дальцами отступать. Горцы настойчиво преследуют отступавшие войска. Нервы Муравьева достигли крайнего предела расстройства, и он заболел. Дальнейшим движением войск распоряжался Лауниц, адъютант Головина. Отряд отступал через Наа, где остановился на ночлег. Пробыв несколько дней в укреплении Мрамбе и «успокоив» цебельдинцев, отряд вернулся в Сухум[1]. Муравьев не смог, таким образом, осуществить полностью свою бандитскую «программу».

Для успешной борьбы с абхазскими племенами горных областей, необходимо было полностью изолировать от них родственные племена, жившие по ту сторону Гагры, и проявлявшие большую солидарность в борьбе с русским царизмом. Укрепление Гагры этого полностью не обеспечивало. Джигеты, убыхи и др. с успехом обходили гагринское укрепление и, перебираясь с одного хребта на другой, вторгались в Абхазию. Чтобы преградить им путь, в 1841 г. Муравьев построил башню в ущелье Жоадзех. Но горцы все же перебирались другими путями.

В 1844 г. Муравьев отправился на Псху, с такими же намерениями, с какими 3 года назад отправился в Цабал, но и там получил должный отпор.

Русское командование гораздо проще поступило с Самурзаканом. Самурзакан являлся издавна яблоком раздора между Дадианами и абхазскими владетелями Чачба. Русские использовали это. С 1813 г., со смерти владетеля Самурзакани Манучара Чачба, Леван Дадиани, по существу, забирает в свои руки Самурзакан, до совершеннолетия наследников – Александра и Дмитрия.

В 1829 г. по достижении совершеннолетия Александра, Леван, желая устранить его и навсегда присоединить Самурзакан, взвел на него клевету, будто он злоумышляет против русских, а затем, арестовав, представил начальнику войска в Имеретии. Александр был сослан в Сибирь, не достигнув место поселения, он умер дорогою. Дмитрии же был убит Тариэлом Дадиани в 1831 г. И с этого момента Леван стал управлять Самурзаканом, как владетель этой страны. И русские власти официально признали Самурзакан составной частью мингрельского владения. Генерал Ртищев утвердил представленное ему Леваном воззвание от него к самурзаканцам. А Паскевич отправил отряд для приведения самурзаканцев к повиновению Дадиани. Но Самурзаканцы были против дома Дадиани, а сами мингрельские владетели были слабы и не могли силой подчинить их. Это было сложно еще и потому, что на Самурзакан также претендовал и абхазский владетель Михаил Чачба. Более того, на почве этого вопроса отношения между мингрельским и абхазским владетелями стали натянутыми и скоро они начали готовиться к нападению друг на друга и оба обратились за помощью к высшей русской власти на Кавказе. Последняя образовала специальную Комиссию, которой была поручено выяснить Самурзаканский вопрос. В эту комиссию оба владетеля представили и этнографические и исторические права на Самурзакан. Но комиссия решила разрешить этот вопрос именно в пользу царизма.

[1] ИКОРГО. Т. XX. – С. 171.

Главноуправлявший Закавказским краем генерал Головин использовал это весьма благоприятствовавшее захватническим целям царской России, обстоятельство. Он подчинил Самурзакан русскому правительственному управлению и назначил штабс–капитана Кириллова приставом, который подчинялся непосредственно начальнику Черноморской береговой линии. Дадиани обжаловал это распоряжение в Тифлисе и просил, если не возвращение Самурзакана, то по крайне мере вознаграждение за лишение значительных выгод. По ходатайству кн. Воронцова, наместника Кавказа, в 1845 г. Дадиану была выдано единовременное вознаграждение в 25 тыс. рублей. За Дадианом были оставлены несколько сел на правом берегу р. Ингура. Князьям же Чачба (Шервашидзе) были оставлены только помещичье право на крестьян, лично принадлежавших им между Абжуйской Абхазией и р. Галидзга. Некоторые князья Чачба страшно были недовольны такой переменой.

4 августа 1846 г. подпоручик, князь Кац Чачба с родственниками прап. Патом, Манучаром, Антоном, Зурабом и Нико Чачба, собрав толпу приверженцев, заняли внезапно сел. Пахулани. Но скоро были вытеснены. Это был протест абхазских феодалов, лишавшихся выгод от Самурзакани. Кац и Манучар были высланы Чернышевым

по распоряжению Воронцова «за самовольство, насилие и неповиновение власти» в г. Воронеж. А остальные, были арестованы и отправлены в Тифлис[1].

Вознаграждение Дадиани вывело из терпения самого Михаила Чачба, который до сих пор не выдавал открыто свое недовольство по Самурзаканскому вопросу и ограничивался упреками в адрес Левана, что из-за него им потерян целый округ. Теперь он был оскорблен, как владетель, считавший страну эту принадлежащей Абхазии, а присоединение к Мингрелии деревень, которыми владели раннее Самурзаканские Чачба, раздражало его, как главу этой княжеской фамилии. Когда ходатайство Михаила было отклонено начальником Черноморской береговой линии ген. Будбергом, он обратился с неожиданной просьбой, чтобы его уволили от звания владетеля, приняли Абхазию в русское управление и вознаградили имением в России или в Имеретии. «Звание владетеля, - писал Михаил Будбергу, – теперь слишком унижено; можно быть владетелем только не при русском правительстве, а я не хочу быть разбойником Даниэль-беком»[2]. Но пока рано было убирать владетеля, в лице которого царская Россия имела социальную опору в Абхазии, в чьей помощи она еще нуждалась в борьбе с соседними племенами. Исходя из этих соображений, наоборот, царские политики тогда укрепляют авторитет владетеля.

«При Равеском[3] (1840 г. – Г.Д.) все изменилось, – пишет ген Филипсон[4], – он сделал князя Михаила действительным владетелем Абхазии»[5]. А Анреп и Будберг во всем одобрили и поддержали систему, принятую их предшественником – Раевским. Русское правительство пока не вмешивалось непосредственно во внутреннюю жизнь Абхазии и в этом отношении ограничивалось только поддержкой владетеля, «а тем самым, – писал Головин – край (Абхазия – Г. Д.) этот более и более за нами обеспечивается»[6].

[1] АКАК Т. Х. – С. 255-258.

[2] Цит. по кн. С. Эсадзе «Историческая записка об управлении Кавказом». Т. I. Тифлис. 1907. – С. 134.

[3] Начальник Черноморской береговой линии.

[4] Филипон Г.И. – нач. штаба береговой линии в 40 х гг.

[5] Филипсон Г. И. Указ. соч. – С. 258 –259.

[6] АКАК. Т. IX. – С. 306.

Для царских политиков каждый успех Михаила – «своего» человека – в деле усмирения его политикой людей, что, в свою очередь, достигались также с помощью русских штыков, в конечном счете, был успехом русского царизма в Абхазии.

Такие действия царских политиков в Абхазии от имени владетеля объяснялось слабостью русского царизма. «Такое отношение к владетелю, – пишет ген. Филипсон, – было отчасти вынуждено нашею слабостью в Абхазии»[1].

Владетель, обладая такой внешней помощью, крепко берет за бока всех тех, кто хоть сколько-нибудь игнорирует его власть. Если устранению соперников не помагали «домашние» средства, он вел интригу в Кутаисе и Тифлисе, и нежелательный субъект в качестве «противника русской власти», выселялся в холодную Сибирь.

«Правительство «баловало» Михаила, награждая его и кого он желал, без суда отправляло в ссылку, – писал великий князь Михаил Николаевич в 1864г. – тех, кто казался ему вредным… власть Шервашидзе сделалась вполне неограниченною»[2]. Так, например, Таго Ачба был выслан в Сибирь по желанию владетеля, а имущество и подвластные были отданы кн. Кесарии Чачба. Таким же методом был устранен и один из тауадов Дзапш-ипа. Последний ложно был обвинен в Тифлисе, как «яркий враг русской власти» и выслан в Сибирь, где и погиб от сурового климата. Так поступил и с одним из князей Эмхаа, имение которого было передано Кацу Маан.

В 1832 г. Михаил приказал Нарчу Инал-ипа, на дочери которого был женат Хасан-бей, переселиться из-за р. Бзыбь, но тот отказался. Нарча был схвачен посланниками Михаила, связан ими и перекинутый через седло, привезен к владетелю. Михаил даже не стеснялся продавать своих врагов. Так он продал куланархвского дворянина Лакырба. Испытанным «домашним» средством – травлей – был уничтожен Дмитрий Чачба в 1858 г. – владелец Серединной Абхазии (Абжуйский округ)[3] и т. д.

[1] АКАК. Т. IX. – С. 354

[2] Записка Главнокомандующего Кавказской армии Великого князья. Михаила «О положении в Абхазии». Взята из научного кабинета Института Истории Академии наук СССР. Москва.

[3] Существует рассказ, что однажды (в 1853) Михаил послал трех ашнакума отравить двоюродного брата Дмитрия, жившего в Келасурах. Во время обеда, одному из гостей удалось влить яд в чай Дмитрия. Отхлебнув глоток, Дмитрий по-

Вероломству Михаила не было конца. Такое укрепление авторитета владетеля вызывает оппозицию крупных феодалов. Но царское правительство старается привлечь на свою сторону и других князей и дворян. Абхазские князья и дворяне, конечно, не могли в целом быть недовольными русской властью, политикой царизма в Абхазии.

«Помещики в Грузии, – писал сенатор Менчиков – составляют лучшую и верную полицию»[1]. Эта характеристика распространялась вполне и на абхазских феодалов. Если у отдельных князей и дворян были колебания, например: Батал-бей Маршания, Хасан-бей Чачба, Инал-ипа Федоруко и другие и если они участвовали в отдельных «бунтах» против русского оружия, то князья и дворяне в целом, верно, служили русскому царизму. Грузинское дворянство в своем адресе Николаю I в 1848 г. заявляло: «… не проходит дня, чтобы каждый из нас не видел доказательства высокого об нас попечительства нашего русского государства. Каждый из нас чувствует чистую, святую любовь и преданность к русскому, нашему самодержавному монарху»[2]. Точно такими же чувствами были наделены и абхазские феодалы, и царское правительство по отношению к ним вело себя соответственно.

«Только одно аристократическое начало, – писал наместник Кавказа граф Воронцов в 1840 г. – может побороть то сопротивление против которого, к сожалению, кроме оружия доселе никакого оплота противопоставлено не было»[3]. Тот же Воронцов в 1846 г. писал: «Ввиду политического положения края, надлежит не только не посягать на право высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных»[4].

Русский царизм не только не урезал абхазских феодалов в политических и экономических правах, а, наоборот, всячески защи-

чувствовал странный вкус чая, зная что гости преданные владетелю люди, и подозревал с их стороны злой умысел, схватил висевши над кроватью на стене пистолет и направив его на гостя, приказал ему выпить. Пистолет Дмитрия заставил выпить яд всех и погибнуть от него. Но в 1858 г. Дмитрий все-таки умер от него.

[1] Цит. по книге Ф. Махарадзе и Г. Хачапуридзе «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». М. 1932. – С. 18.

[2] АКАК. Т. Х. док. № 29.

[3] Цит. по кн. А.В. Фадеева «Краткий очерк Истории Абхазии». Ч. I. Сухум. 1934. – С. 157.

[4] Там же.

щал их интересы. Внешнее это «укрепление», о котором говорил граф Воронцов, выражалось в раздаче чинов, титулов, орденов, наград наиболее влиятельным феодалам. Интересно, в этом отношении, проследить карьеру самого Михаила, сделанную им на царской службе:

В 1822 г. – Михаил произведен был в прапорщики; 1823 г. – в майоры; 1830 г. – в подполковники; 1830 г. – в полковники; 1837 г. – в генерал-майоры. В 1841г. ему был пожалован орден св. Анны I ой степени, в том же 1841 году – орден св. Анны I ой степени с Императорской короной; 1845 г. – св. Владимир 2 ой степени; 1849 г. – был произведен в генерал-адъютанты; 1854 г. – пожалован орден Белого орла и 1857 г. св. Александра Невского. Эту «монаршую щедрость» Михаил вполне заслужил ревностной службой «Государю Императору». За походы: «1822 г., 1824 г., 1829 г.[1] , 1830 г., 1835 г., 1838-1841 гг., 1843 г.[2], 1844 г. и 1854 г. против горцев на восточном берегу Черного моря, абхазских, цебельдинских и против турок»[3] и за помощь в покорении Абхазии.

Михаил, как и всякий русский офицер, по приказу начальства должен был действовать, – и действовал не щадя свою жизнь. И как всякий офицер русской службы на Кавказе награждался за определенные услуги перед царским оружием.

Келасурский феодал Хасан-бей Чачба, известный деятель экспедиции Паскевича 1830 г., получил чин поручика, Батал-бей Маршания – майора, Кац Маан – генерал-майора, его брат Хасан – поручика, Соломон Званбая – подполковника.

Так, царское правительство укрепляло власть Михаила в стране, поощряло отдельных феодалов, а Михаил со своими феодалами, в свою очередь – власть русского царизма в Абхазии.

Таким образом, абхазский феодал являлся надежным оплотом русского царизма в его колониальной политике. Важную роль в

[1] В конце апреля 1829 г. Михаилу было поручено Головиным предпринять экспедицию против черкесов, обитающих между укреплением Св. Духа и фортом Александрии. Михаил с большим отрядом на 7 галерах и под прикрытием двух азовских лодок высадился на Черкесский берег 26 апреля. Было сожжено два аула в расстоянии 5 верст, взяли пленных и большую добычу (АКАК. Т. IX. – С. 179-180)..

[2] В убыхскую экспедицию Анрепа 1843г. Михаил должен был привести 800 чел, он привел 1500 чел.

[3] АКАК. Т. Х. – С. 34.

системе колониальной политики царизма на Кавказе играло миссионерство. Русское миссионерство среди горского населения возникло, между прочим, по инициативе грузинского духовенства. Но христианская пропаганда на Кавказе, в особенности в Абхазии, большого успеха не имела, особенно до 70-х гг. XIX в.

Еще в 1809 г. протоирей Иоанн Иоселиани, «желая оказать услуги Е.И.В», поехал в Абхазию, чтобы «обитающих разбойников абхазетинцев – писал он Тормасову,– ярко удаленных от христианской веры нашей и не повинующихся законам ее, крестить и привести их именем животворящей Троицы в христианское исповедание и тем сделать их, погруженных во мраке неведения, просвещенными и вселить в них верноподданскую преданность к Е.И.В., через что будет усиливаться в сердцах их желание научиться российскому языку…»[1]. В этом письме ярко изложены задачи духовенства в деле завоевания Абхазии. Русский царизм считал православие своим верным другом и всячески поощрял его распространение в крае. Абхазия была наводнена христианскими проповедниками.

В 1831 г. в Абхазии была учреждена архиепископская кафедра. Но русское миссионерство в Абхазии мало соответствовало перед ним поставленным задачам. Деятельность духовного оружия отставала от деятельности материального. И чем последнее становилось решительным, тем первое оказывалось безнадежным.

«Труд» христианского проповедника в Абхазии был слишком «непроизводительным». Более того, такая профессия в Абхазии была жизнеопасна. Классовая сущность христианства хорошо была известна народу.

В 1822 г., в связи с предложением миссионерской комиссии перенести действия из Самурзакани в Бзыбскую Абхазию, где больше всего «оппозиционно» были настроены против христианской религии, Ермолов писал, что народ не повинуется и оказывает «явное сопротивление военным силам нашим, с большим ожесточением им овладевшее, лишило всякой возможности действовать на умы их просвещением духовным»[2].

И старания протопопа Иоселиани были, как и нужно было полагать, безуспешными. «Что касается до приведения в греческую

[1] Письмо от 23/XII, 1809 г. АКАК. Т. IV. – С. 416.
[2] АКАК. Т. VIII. – С. 252.

веру протопопом Иоанном Иоселиани здешних людей - рапортовал кап. Агарков ген-м. Симоновичу от 13 января1811 г. – то сколько я ни старался о успехе его узнать, но никак не мог, а бывшие с ними здесь в одном месте люди уверяют, что он ни одной души в христианскую веру не привел»[1].

Христианская пропаганда имела более или менее успех в Самурзакане, где в 1832 г. было обращено, если верить документу, 1071 душ в христианство мингрельскими священниками. Это объясняется близостью христианской Мингрелии, имевшая влияние на Самурзакан и располагавшая хорошими кадрами. Но абхазский «христианин» не был «полноценным» христианином, ему не составляло труда пренебрегать принципами христианской веры, а в угоду обстоятельствам и изменить ей. Потому, что не он пришел к этой религии в силу внутренних побуждений, а ему ее принесли и навязали. Абхазский «христианин» не был отнюдь, таким образом, лояльным к его проповедникам и стоявшим за ним властям. Ясно, что такое положение вещей не давало никакого эффекта русским завоевателям.

Мусульманская религия, усиленно распространявшаяся турецкими муллами, имела больше успеха. «Исламизм, по-видимому, – писалось в газете «Кавказ» в 1868г., – взял вверх над христианством, но есть еще весьма много начал, опираясь на которые можно с успехом действовать для восстановления здесь христианства»[2].

Таким образом, христианская проповедь не имела большого успеха даже в 60-х гг. XIX в. «Христианская религия распространяется здесь слабо», – писалось в том же номере газеты «Кавказ». Только всеразрушающее оружие Русского царизма способно было заставить свободолюбивый абхазский народ принять ярмо колониальной эксплуатации. Царское правительство в выборе средств не ошибалось, русские штыки безустанно «работали» и достигли значительных успехов, позволявших приступить к колониальной эксплуатации Закавказья.

Царская Россия, когда приступала к завоеванию Кавказа вообще, учитывала не только стратегические значение, но и его эконо-

[1] АКАК. Т. IV. – С. 427.
[2] Газ. «Кавказ». №5, 1868г. ст. «О положении Абхазии в религиозном отношении».

мические возможности, весьма прельщавшие. Первые 3 десятилетия господства России в Закавказье были временем самого беззастенчивого колониального, внеэкономического грабежа. Но вместе с развитием русского капитализма наиболее дальновидные политики и экономисты царской России начали понимать ту огромную роль, которую могло сыграть Закавказье с его природными богатствами в качестве источника дешевого высокоценного сырья для Российской промышленности, и тогда стали выдвигаться планы его экономической колониальной эксплуатации.

В 1827 г., например, министр финансов граф Канкрин выдвигает проект о превращении Закавказья, в своего рода, «новую российскую восточную Индию». «Не без основания, – писал граф Канкрин, – Закавказские провинции могут быть названы нашей колонией, которая принесет государству весьма важные выгоды произведениями южных климатов. Необходимо умножение сельского народного богатства: усиление земледелия и сельской промышленности, умножение табаководства, разведение хлопчатой бумаги, риса, масличных деревьев и других предметов, климату свойственных»[1].

В этом отношении Абхазия очень подходила. «Нет страны более богатой лесом возможных пород – пишет Фредерик Дюбуа де Монпэре – чем Абхазия. Такой лес можно достать по всему побережью, начиная от Сухума до устья Енгура, в особенности за мысом Искурия и в Илори. Кроме самых обыкновенных пород дуба, граба, бука, сосны и ели - здесь имеются также роскошные ясени, громадные тисовые деревья с красной древесиной, клены, груша необыкновенных размеров, самшит, каштан и т.д. Митридат, Страбон, Хосрой, Амурат III – все хорошо знали ценность этих богатств (но они потеряны для абхазов)»[2].

«Край (Абхазия – Г. Д.) изобильно производит, – писал Раевский, – виноград, шелковицу, оливку, рис и хлопчатую бумагу»[3], а так же табак, лен и коноплю.

[1] Цит. по книге Ф. Махрадзе и Г. Хачапуридзе «Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии». М. 1932. – С. 14.

[2] Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. М. 1834. Т. I. – С. 138.

[3] Записки Раевского о торговле с горцами и переселении на восточном. берегу. АКАК. Т. 9. – С. 398.

Такова была экономическая сторона Абхазии, вполне удовлетворявшая колониальные аппетиты русского царизма. И с 30-х гг. XIX в., под влиянием роста российской промышленности, особенно текстильной, при узости внутреннего рынка, зажатого в тисках крепостного хозяйства, Закавказье превращается в рынок оборота русских товаров. С 40х гг. под влиянием русской текстильной промышленности, главным образом, увеличивается потребность в сырье. И план Канкрина постепенно приобретает актуальность.

Однако, до реформы 1861 г. и проведения в Закавказье железнодорожных путей, – все попытки капиталистической колониальной политики – организовать производство промышленного сырья, вследствие общей экономической отсталости России – большого успеха не имели.

Но все же, если на первых порах Россия удовлетворялась открытым грабежом, то с 30х гг. XIX в. Закавказье начинает постепенно превращаться в арену сбыта товаров русской промышленности и сырьевую базу. Русские купцы оказывают влияние на внешнюю и колониальную политику царизма.

Также как и английские купцы XVIII в., требовавшие «государственной охраны и монополии» – так и русские купцы стремились добиться от царского правительства покровительственных протекционистских мероприятий. Они этого и добились. В 1831 г. Закавказье уже было включено в общую таможенную систему. В связи с этим, Сухум стал играть роль центрального торгового пункта. «Новороссийску предстоит важность - писал Раевский - как военной гавани, но не менее важности приобретает Сухум торговлею… Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»[1]. «Здесь находилась центральная таможня, которая «держала бы надзор за всеми таможенными заставами береговой линии»[2].

В 1830 г. в Тифлисе образуется «торговая акционерная компания» русских фабрикантов. Закавказье начинает превращаться в рынок сбыта русской промышленности. Но русским купцам мешали

[1] Записки Раевского о торговле с горцами и переселении на восточном. берегу. АКАК. Т. 9. – С. 471, 477.

[2] Там же. – С. 478.

иностранцы – англичане и турки, которые вели оживленную контрабандную торговлю с горцами, сведя на нет защитную таможенную политику (Закон 1831 г.). В 1830 г. в Трапезунде находилась компания английских купцов, наводнившая своими товарами Гурию, Имеретию, Мингрелию и побережье. Контрабанда на восточном берегу Черного моря приобретает большие размеры. И признание лорда Пальмерстона притязаний России нисколько не снизила деятельность Трапезудской кампании. Она распространяла дешевые товары и при том открыла на долгий срок кредит. Ежегодно в Сухум, с берега Анатолии прибывало до 70 крупных судов. Россия усиливает «блокаду» и таким образом, ей удалось прекратить в большей или меньшей степени доступ английских товаров. Но сама Россия не позаботилась о планомерном направлении товаров на побережье морем через Одессу, Крым и Ростов-на-Дону.

Товары в Абхазию шли на вьюках из Тифлиса, куда по военной грузинской дороге Макарьевская ярмарка, через Волгу также направляла свое добро. Не субсидируемые русским правительством купцы не посылали своих кораблей из портов Южной России на побережье Кавказа.

Только несколько греческих и армянских купеческих судов привозили из Крыма некоторое количество соли, железных изделий на побережье. Русские товары гораздо были дороже иностранных, привозимых морем. При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а иностранцы обменивались на меха, кожи, лес, мед, фрукты и т д., что было выгодно абхазцам. Неспособность русских купцов заменить английские товары вызывает возмущение и тайное обращение к туркам и англичанам. Снова оживляется контрабандная торговля, тем более это было возможно почти при отсутствии береговой стражи, слабости крейсерства и при близости Батума и Трапезунда.

Маркс пишет: «Россия владела только тремя изолированными портами, в Сухум-Кале вообще не было русского порта. Блокада фактически не имела места, т.к. не было морских сил для ее осуществления. Экипажи 2-х английских судов «Виксен» и еще одного судна, посетившего в 1834 г. эту бухту свидетельствуют, что не было никакой оккупации русскими берега. Когда, «Виксен» входил в гавань Сухум-Кале, здесь не было военных русских кораблей. И

только по происшествии 36 часов после того, как «Виксен» бросил якорь в гавань случайно зашло русское военное судно, которые пришло с открытого моря»[1].

Таким образом, пограничная охрана на побережье Абхазии была так слаба, что контрабандисты снова усиливают свою деятельность. Контрабандные товары выгружались до Сухума. Излюбленными местами для приюта контрабандистов была Очамчыра. С одного только Очамчырского базара владетель получал 500 рублей серебром ежегодно, урочище Дгамыш, устье Кодора, принадлежавшее княгине Кесарии Чачба[2], где базары давали ей до 1300 руб. серебром, Келасур, принадлежавший в 30-х гг. кн. Хасан-бею, а затем кн. Дмитрию Чачба[3], базар приносил до 1300 руб. серебром. Между прочим, для кн. Дмитрия и Кесарии «контрабанда» была главным источником доходов.

Турецкие и другие товары проникали тысячями путей в Абхазию, и даже на Северный Кавказ. Таким образом, русские власти не располагали почти никакими силами, чтобы предотвратить контрабандную торговлю.

В 1845 г. устанавливается регулярное пароходное сообщение между Керчем и Сухумом, а в 1846 г. и с Одессой. С этих русских торговых городов к берегам Абхазии идут пароходы, нагруженные товарами русской промышленности. Царское правительство решило забрать в свои руки все абхазские порты, при этом, преследуя цель окончательно пресечь проникновение сюда турок, европейцев и держать монополию торговли здесь.

Граф Воронцов писал Чернышеву от 15 марта 1847 г. о закрытии в Абхазии портов и вознаграждении за это князей Шервашидзе, которые получали доходы от портов: Очамчиры, Келасуры, Гудавы. А Кавказский Комитет постановил 6 мая1847 г.: «Порты в Абхазии, именуемые Очамчиры, Келасуры, Гудавы, принять в карантинно-таможенное ведомство, распространив на них по всей силе карантинно-таможенный надзор, существующих в прочих наших портах восточного берега Черного моря»[4]. А раз-

[1] Маркс, Энгельс. Соб. соч. Т. IX. – С. 542..

[2] Жена Али-бея Чачба - владельца серединной Абхазии, сестра Левана Дадиани. Жила в с. Кутол и имела во власти около 2400 сакель и много подвластных

[3] Правитель Абхазского (Гумского) округа

[4] АКАК. Т. X. – С. 268.

мер ежегодного вознаграждения Чачба было установлено – 12 тыс. рублей[1].

Император на журнале Комитета, где об этом сообщалось, написал собственноручно: «исполнить». И названные порты были приняты в карантинно-таможенное ведомство с 1 марта1848 г. Это диктовалось еще и тем обстоятельством, что наряду с ввозом русских товаров усиливается и вывоз абхазского сырья. А эти порты как раз и являлись теми пунктами, откуда вывозились ореховое дерево и самшит – главные предметы вывоза царской России из Абхазии в это время.

Вот, например, данные о росте вывоза самшита из Абхазии:

	1848 г.	*1849 г.*	*1850 г.*	*1851 г.*
Из Сухума:	46,592п.	16, 480п	32, 288п	24, 825п.
Из Очамчыры:	8,630п.		20,500	40.000
Итого	55, 222	16480	52,788	64,825[1]

Из всего вышеуказанного ясно, что Абхазия постепенно превращается в колонию Русского царизма и здесь устанавливается колониальный режим со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тяжесть этого режима целиком ложится на плечи трудового крестьянства, испытывавший теперь двойной гнет – царизма и «своих» феодалов. Интересы последних поддерживались царизмом, который усилил крепостнические элементы феодальной зависимости. Все крестьянство без исключения втягивается в орбиту жестокой колониальной и феодальной эксплуатации. Результатом усиления крепостничества и колониального гнета были многочисленные крестьянские восстания. Еще в 20-х гг. XIX в. во главе народных движений стояли отдельные князья и дворяне в силу того, что еще не успели разобраться в событиях и занять четкую позицию. А уже в 40-х гг. эти «вожди» окончательно изменяют борьбе за независимость Абхазии, они находят свое место, четко определяют свои позиции. Ибо это движение превращается в классовую борьбу абхазского крестьянства против русского царизма и его союзников – абхазских феодалов.

[1] Михаилу – 9500 рубл., Дмитрию – 2500 рубл. Дмитрий – владелец Серединной Абхазии (Абживского округа), куда входили: Келасурский и Очамчирский порты. Он получал и пошлину с вывозимой из Келасури самшита.

Помимо уже вышеуказанных восстаний, следует отметить крестьянское восстание 1830 г. В этом году Кодорские крестьяне напали на знаменитую церковь св. Георгия в Илори и разрушили его, сожгли и дом, принадлежащий владетелю.

В 1840-1841 гг. произошли ряд восстаний цебельдинских, дальских и кодорских крестьян, имевшие, между прочим, некоторое влияние на знаменитое Гурийское восстание 1841 г. Сильные подъемы народных волнений и движений отмечались и в 1842, 1843, 1847, 1849 гг., затем 1853, 1854, 1856, 1859, 1860 гг.

В 50-х гг. русский царизм еще больше наступает на горские народы Кавказа. Россия стала на путь систематического завоевания Кавказа. В 1853 г. предлагалось продолжать установленную уже систему закрепления русского владычества, и сообразно были распределены войска Кавказского корпуса. В программу «Высочайше утвержденных» действий вошли усмирение ближайших непокорных горских племен, борьба с Шамилем, работы по улучшению и возведению новых дорог, усилению старых укреплений. Для этих действий было предназначено из 128 батальонов, 11 эскадронов, 52 казачьих полков и 232 орудий, сосредоточенных на Кавказе 96,5 батальонов, 7 саперных рот, 146 орудий, 6 эскадронов, 109 сотен и 1 батальон казаков, 35 сотен милиции и 4 сотни дагестанских всадников.

Войска Черноморской береговой линии, под начальством вице-адмирала Серебрякова, должны были совместно с войсками Черноморской кордонной линии, под начальством полков. Кухарского, действовать против натухайцев и шапсугов, а также производить работы по улучшению укреплений Кабардинского, Навагинского, Новороссийска, Геленджика, Сухума и прочих прибрежных пунктов.

Лучшие кавказские войска были прикованы к краю для борьбы с «внутренним врагом» и, несмотря на то, что они составляли почти четвертую часть всех русских сил, их было не достаточно. Все вооруженные силы, сосредоточенные на Кавказе, получили определенное назначение для действий против горцев и для работ на линии[1].

Казалось бы, Кавказ, в частности Западный Кавказ, уже находится под сапогами русского «военно-феодального империализма», но начавшаяся вскоре война, так называемая Восточная, поколебала

[1] Зайончковский А.М. «Восточная война 1853-1856 гг.». т. II, ч-I-II.

положение России здесь. Этому помогало и то обстоятельство, что кавказские народы еще не сложили оружия борьбы за независимость и не потеряли уверенность в благожелательным ее исходе.

Звон оружия кавказских горцев еще больше усиливается. «Весь этот край (Кавказ – Г.Д.) - пишет Зайончковский, – бывшим полем полувековой упорной войны с горцами и бесспорно важным театром военных действий в случае нашего столкновения с Турцией. Кавказ представлял из себя такой горючий материал, которым враги наши неменуемо должны были воспользоваться»[1].

Началась Восточная война. Решено было упразднить Черноморскую береговую линию. Русское правительство, конечно, вполне понимало, что очищение черноморских фортов, открывало доступ к ним туркам и их союзникам, что замедляло покорение горских народов. Но это решение было продиктовано самой необходимостью. «В Черном море против сильных неприятельских флотов защиты нет, - писал Воронцов Николаю I, – и падение всего, что мы имеем на этом берегу, даже при сохранении может быть Новороссийска, будет иметь самые пагубные следствия для могущества России на Кавказе и для влияния России в Европе»[2].

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков докладывал в январе 1854 г. Воронцову, что русские укрепления не могли быть ни обеспечены от покушений даже одних турок, ни снабжены провиантом на продолжительное время[3].

Задолго до объявления войны, крейсировавшая у побережья союзная эскадра, состоявшая из двух пароходов и двух корветов, уже достаточно показала силу союзнического флота. И адмирал Серебряков просил Меншикова усилить русскую крейсерскую эскадру. Меншиков, заботясь о сохранении флота, собрал его в Севастопольскую бухту и Серебрякову отказал.

Серебряков отправил 3 парохода под начальством контр-адмирала Панфилова и снял гарнизоны, вывез на транспортах артиллерию и снаряды, взорвал укрепления и 5 марта высадил в Новоросийске 3489 человек. Только одно гагринское укрепление

[1] Зайончковский А.М. «Восточная война 1853-1856 гг.». Т. I. – С. 712.

[2] Письмо Воронцова Николаю I от 18(30).I.1854. // М.И. Богданович. «Восточная война», СПб, 1876. Т. II. – С. 143.

[3] Там же. – С. 145-146.

было оставлено. Преемник гр. Воронцова ген. Реад[1] распорядился – гагринский гарнизон оставить на месте для прикрытия Абхазии от вторжения горцев через перевал Псеашха. Потому нужно было удержать до тех пор, пока гарнизоны прочих укреплений не отступили.

В марте 1854 г. под предводительством наиба Шамиля энергичного Магомета Эмина, – борца за свободу западно-кавказских племен, – на Гагры надвинулись до 30.000 горцев.

Наиб Магомет Эмин был прислан вождем демократического Дагестана и Чечни Шамилем для организации всеобщего восстания. К ним примкнуло несколько тысяч абхазцев. В течение 6 недель они нападали на Гагринское укрепление, где засел русский гарнизон под начальством капитана Быховского.

Но скоро пришел корабль «Св. Иоанн», капитаном которого был керченский грек Фотий Сарандо, он спас 600 человек.

Восставшие заняли почти всю Бзыбскую Абхазию, но были выбиты русскими войсками оттуда. Единственным путем отступления гарнизонов через Сухум была узкая прибрежная дорога, с переправами в брод через горные речки, которые в дождливую погоду превращались в бешенные потоки. Кроме того, русские гарнизоны оказались между двух огней: с моря им угрожал десант союзников (турок, англичан и французов), с гор – восставшие массы абхазцев и черкесов. В Тифлисе для уменьшения такой опасности сочли необходимым всю операцию вверить владетелю Абхазии, рассчитывая на его связи и влияние. И ген. Реад предписал ген-адютанту Михаилу Чачба вывести войска.

Еще Воронцов предписал вице-адмиралу Серебрякову и ген.-м. Миронову осуществить сухопутное отступление Пицундского, Бомборского и Мрамбинского гарнизонов, в связи с ликвидацией Черноморской береговой линией, на Сухум. Но и Сухум был незащищен против атаки с моря – это выяснилось после осмотра его начальником инженеров отдельного Кавказского корпуса ген.-м. Ганзеным.

Решено было присоединить эти горнизоны с Гурийским отрядом. Михаил, уничтожив в Пицунде и Бамборах все крепостные со-

[1] Временно управлял Кавказом до прибытия Муравьева, назначенного в 1854 г. наместником Кавказа. Непосредственно этой операций руководил Долгоруков.

оружения и орудия, лично вывел и привел гарнизоны в Сухум 29 марта. Сюда привели и мрамбинский гарнизон Батал-бей Маршания и Георгий Чачба. Под начальством Михаила отряд двинулся к Ингуру. Ему пришлось отступать с боем, т. к. на него непрерывно нападали абхазцы. С обеих сторон было много убитых и раненых. Благодаря Батал-бею было предотвращено нападение цебельдинцев на русские отряды. Михаил присоединил гарнизоны к Гурийскому отряду и тем самым блестяще выполнил приказ русских генералов. Без его содействия эти войска не могли выйти благополучно, при общем враждебном настроении окружающих племен. Это усердие было отмечено соответствующим образом. Михаилу был пожалован орден Белого Орла[1]. А турки вошли в Абхазию и заняли Сухум.

Михаил поселился с семейством в Мингрелии, в доме своего тестя кн. Григория Дадиани. Вскоре дом, где поселился Михаил, сделался центром оппозиции против правительницы Мингрелии, и туда стекались все недовольные князья. Однако правительница Мингрелии Екатерина Дадиани, враждебно относившаяся к Михаилу, просила князя Мухранского, командира Гурийского отряда, удалить его как интригана, но это не было выполнено. Михаила посещают и абхазские князья, туркофильски настроенные. Он даже успел сгруппировать сильную партию, которая сделалась в его руках послушным орудием.

В феврале 1854 г. Селим-паша занял некоторые, покинутые русскими, береговые укрепления на абхазском берегу. В мае был занят и Сухум.

В апреле 1855г. в Зугдиди прибыл ген. Реад, который имел свидание с Михаилом, после этого разговора, последний был очень взволнованным и раздраженным. О чем говорили неизвестно, но потому, как это свидание отразилось на настроении Михаила не трудно догадаться, что Реаду стало известно о поведении Михаила, и весьма возможно от правительницы Мингрелии Екатерины, ненавидевшей владетеля Абхазии. Последний, спустя 3 недели после этого внезапно выехал в Самурзакан, где объявил тамошнему приставу, что едет по секретному предписанию Реада.

Прибыв в Очамчиры, 12 мая собрал близких к нему князей, с которыми имел долгую беседу. Здесь обсуждался вопрос: чью сторону держать, турецкую или русскую? И результатом этого совещания была посылка делегации из князей к муширу Мустафа-паше, высадившегося с отрядом в Сухум-Кале. Владетель объявлял о желании оставаться нейтральным между воюющими странами. Но к этому добавил, что если в Абхазии будет произведен сильный десант союзных войск, то присоединится к союзникам, потому что в таком случае дело русских проиграно. Таким образом, Михаил колебался, хотя он напряг всю свою фантазию, но не смог предвидеть исхода войны.

– «Как бы чего не вышло?» – это мучило Михаила.

В мае все силы союзников были сосредоточены в Крыму, где истощались в кровавых боях перед Севастопольским укреплением. Весьма вероятно, что в то время в совете союзных главнокомандующих ничего еще не было решено положительно, относительно десанта в Закавказье. Мустафа-паша и англо-французские агенты в Сухуме Лонгворт и Шампуазо решительно отвергли предложение Михаила. Желая, однако, завязать с ним сношения на более прочном основании, Мустафа-паша через несколько дней прибыл на пароходе в Очамчиры и пригласил его на свидание к себе. Но Михаил уклонился от него под предлогом болезни. После этого паша отказался от всяких дальнейших с ним переговоров. Но переговоры с пашой необходимы были Михаилу для его планов. Он послал убыхского старейшену Хаджи-Берзека, чтобы смягчить Мустафа-пашу, чтобы последний объяснил ему конкретные выгоды, которые может доставить Оттоманская Порта. После этого Мустафа снова приехал на пароходе в Очамчиры и, не съезжая на берег, приказал пригласить владетеля к себе с тем, чтобы вместе ехать в Сухум. Владетель принял это предложение. В Сухуме владетель встречен был с воинскими почестями, ему был отведен лучший дом. Переговоры между пашой и владетелем начались безотлагательно.

Владетель потребовал: 1) Всех тех прав и преимуществ, которые представлены были его деду, Келыш-бею. 2) Главного начальства над всеми войсками, расположенными в Абхазии.

Обещания, что все области, которые оружием или переговорами успеет он присоединить к Абхазии, останутся навсегда в потомственном его владении. Паша послал запрос дивану в Константинополь. Пока паша сносился с Портой, Михаил ездил по Абхазии,

[1] Отношение Долгорукова к ген. Реаду от 21.IV.1854. АКАК. Т. X. – С. 271-272, 274.

собирал своих приверженцев и убеждал их оказывать туркам содействие, но не вступать с ними в сделку иначе, как через него.

Однако, скоро произошла размолвка. Паша требовал от Михаила вызвать жену из Мингрелии, этим он хотел приобрести надежный залог в отношении к владетелю. Михаил обманывал турок, он посылал к ней одного посланного за другим с требованием, чтобы она немедленно прибыла в Абхазию, это он делал наружно, а тайно писал, чтобы она оставалась в Мингрелии. На этой почве возникли крупные ссоры между пашой и владетелем.

Все-таки Михаил собрал 400 чел, под начальством Батал-бея Маршания и отдал их в полное распоряжение Мустафы. Омер-паша, начальствовавший над турецкими войсками, расквартированными на побережье Кавказа, предпринял 3 сентября рекогонсценировку побережья на пароходе.

Осмотрев турецкие укрепления и гарнизоны, 4 сентября, прибыл в Сухум, куда и пригласил владетеля, жившего в Гинзе-Эцери. Но владетель уклонился от свидания, ссылаясь на половодье рек. А Сухумский паша доложил, что Михаил мало сочувствует туркам, не оказывает должного содействия. В середине сентября Омер-паша вновь прибыл, на берегу встретился с владетелем, и вступил с ним в переговоры, решены были как планы предстоящей кампании, так и условия, на которых Михаил обменял присягу в верности, принесенный им русскому Императору, на такую же турецкому султану. Условия владетеля были приняты. И Михаил торжественно, с ружейной пальбой, был провозглашен главным начальником всех укреплений и гарнизонов, расположенных от Анапы до Батума. Таким образом, вдруг перед Михаилом раскрылась блестящая перспектива, действительность далеко опередила самые смелые надежды его. Не только Самурзакан – вечное яблоко раздора между фамилиями Чачба и Дадиани, но и самую Мингрелию – древнее достояние врагов его, Дадианов, неслыханное стечение непредвиденных обстоятельств повергало под его власть. И в том, что все это осуществится ручались сильнейшие державы мира.

Таким образом, в сентябре 1855 г. князь Михаил счел, что военно-политические обстоятельства уже вполне определились, и что дальнейшее колебание только повредит его интересам: смело и

прямо пошел он к своей цели. Решено было направиться главными силами со стороны Абхазии через Самурзакан.

План турецкого командования сводился «к занятию, – пишет Маркс, – эксцентрической позиции по отношению к осадной армии – к угрозе Тифлису, этому центральному пункту русской власти в Азии и вынуждению Муравьева к отступлению от Карса под угрозой быть оторванным от оперативной базы и коммуникационной линии»[1].

Весь сентябрь прошел в перевозке турецких войск из Батума и Трапезунда в Сухум, к концу этого месяца там сосредоточено было 36 тыс. чел. при 40 орудиях. Русских войск в этой части театра войны было очень мало: в Гурии 4 ¾ батальона, внутри Гурии, Мингрелии и Имеретии для охраны складов, военных помещений и т д. 1 ¼ батальона. Для противодействия же Сухумского абхазско-турецкого отряда осталось 11 батальонов, где насчитывалось 4650 штыков[2].

В первых числах октября армия Омер-паши двинулась из Сухума к пределам Самурзакани. Он через Мингрелию намеревался пойти на защиту Карса. Омер-паша выбрал удачный путь, он шел по хорошим русским военным дорогам.

Социальные верхи, пользовавшие «щедростью» русских столько лет, решили действовать в пользу России не за страх, а за совесть, изъявили желание сражаться против турок. Послали депутацию в Зугдиди к кн. Багратиону-Мухранскому для проявления своей преданности. Но Михаил скоро успел, лично знакомый со всеми влиятельными лицами в Самурзакани, склонить их на сторону турок. Он явился хорошим «агитатором», толковал, что «если он, которому так хорошо было у русских, отошел от них то это должно убедить каждого, что дело русских уже окончательно потеряно, и что в будущем хорошего ждать можно только от врагов России»[3].

Первым пришел начальник самурзаканской милиции, штабс-ротмистр Зураб Чкотуа, затем последовала вся милиция. А абхазское крестьянство везде поддерживало турецкую армию, встречая ее как освободительницу от великодержавного гнета русского царизма. К 20 октябрю главные силы турецкой армии скопилисьь на

[1] Маркс, Энгельс. Соб. соч. Т. X. – С. 555.
[2] КС. Т. V. – С. 237-333.
[3] Там же.

правом берегу Ингура. 25 октября на р. Ингур произошел знаменитый Ингурский бой, русские отряды, под командованием кн. Багратиона-Мухранского, на голову были разбиты[1]. Русские с большими потерями отступили. Здесь пал смертью храбрых подполковник Соломон Темуркович Званбая, командовавший Черноморским линейным №11 батальоном.

Турки, достигнув эту победу ценой 450 человеческих жизней, спустились к Редут-Кале. Они заняли Зугдид и выставили авангард свой у Цейша. Мингрельская милиция разбежалась. Началось движение в глубь Мингрелии. Ему благоприятствовало обстоятельство. Омер-паша начал свой поход в период войны, когда союзниками была взята южная сторона Севастополя. И это быстрое движение создало известное моральное состояние у населения, благоприятствовавшее туркам, у них поколебало их верование в непобедимость России.

Но Омер-паша должен был потерпеть неминуемое поражение. Он не мог растянуть свою экспедицию на продолжительное время, так как обещанных ему английских транспортов не оказалось на месте, когда еще турки выступили из Сухума. Омер-паша оказался без военных припасов, без продовольствия и транспортных средств. Если он и сделал такой головокружительный успех, то исключительно в силу, выше указанных, благоприятных обстоятельств, в силу превосходства в количественном отношении его армии. И чем дальше, тем туго становилось паше. Медленность и неаккуратность с какой ему доставлялись припасы, затрудняли все его операции. После каждых двух-трех переходов ему, молниеносно наступавшему в самом начале, приходилось останавливаться чуть ли не на неделю, чтобы достать самое необходимое и, когда он продвинулся, наконец, на расстояние 3-х дней пути от Редут-кале вглубь страны, он оказался совершеннопарализованным.

Русское командование, заметив неблагополучность паши, усиливает свой натиск. Паша, видя в тоже время перед собой сильную русскую армию, отступает к побережью, куда русские последовали за ним, тревожа его тыл очень серьезно[2]. Омер-паша привел к до-

[1] АКАК. Т. XII. Ч. IV. – С. 17.

[2] См. ст. К. Маркса «Война в Азии». // Маркс и Энгельс. Соб. соч. Т. X. – С. 590-591.

лине Риона не больше 18-20 тыс. чел.[1]. «Мингрелия, за исключением береговых фортов, снова в руках русских». «Этим заканчивается, – пишет далее Маркс, – третья удачная кампания русских в Азии, Карс и его округ завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля, последний еще оставшийся боеспособным отряд турецких войск – армия Омера-паши – значительно обессилено численно и морально»[2]. В конце декабря 1855г. Омер-паша отбыл с войсками в Трапезунд. 26 февраля 1856 г. было получено известие о заключении в Париже перемирия.

Русский царизм, по условиям мирного договора, сохранил свои права на Черноморском побережье. Турецкие войска оставили Абхазию. Сладкие мечты Михаила и доброе согласие с Омер-пашой продолжались недолго. После занятия Самурзакани, Омер-паша отдал Михаилу во владение его, как первый задаток будущих богатых приобретений.

Омар-паша, очутившись посреди самых неблагоприятных обстоятельств, начал отыскивать человека, на которого мог свалить вину неудачной мингрельской экспедиции. Нашел его в лице Михаила, который действительно вначале был душой всего предприятия. Скоро отнял Самурзакан. Михаил отшатнулся от Омер-пашы. Когда последний уже был в Трапезунде, пригласил Михаила к себе для личных объяснений, но владетель не поехал. После этого Михаил был сильно сконфужен. Теперь, ему и его таудам – «перелетчикам» не оставалось ничего, как только ехать в Тифлис «извиняться», чтобы смягчить свою участь. Михаил даже притворно играл в Тифлисе роль обиженного.

Россия сама оставила на произвол судьбы, – говорил Михаил с отпущенными глазами и дрожащим голосом. Когда «перелетчики» оправдывались перед русскими властями, население, уже хорошо знавшее «прелести» русской колониальной эксплуатации, ответило целым рядом восстаний на приход русских. Царские политики решили оставить пока Михаила в его правах и «проверить на практической работе». Михаилу улыбнулось «счастье». И причиной, вызвавшей эту улыбку, было политическое положение царской России в Абхазии После Восточной войны.

[1] См. ст. К. Маркса «Война в Азии». // Маркс и Энгельс. Соб. соч. Т. X. – С. 555.

[2] Там же. – С. 591.

Восточная война свела почти на нет все достижения царской России в деле покорения Абхазии. Абхазия около 2 лет была избавлена от жестокого русского колониального режима, почувствовавшие прелести свободы массы шли на отчаянное сопротивление. Михаил нужен был царским политикам, более того, в нем нуждались сейчас. Эта пешка должна была еще играть свою роль. Императором было возложено на Михаила занятие Абхазии. Немедленно, во исполнение императорского «повеления» Муравьев приказал Михаилу осмотреть дороги, ведущие в Абхазию, и укрепления, занимавшиеся русскими войсками до вывода их из Абхазии. Михаил вошел в свою роль, которую в былое время так искусно играл. 10 июля1856 г. русские войска под начальством Михаила заняли Сухум. Город был разрушен, мосты и переправы по всей дороге были уничтожены. Укрепление Бомборы полностью было уничтожено. В Пицундах древний храм остался цел, но крест с него был снят, дом построенный для миссии и другие здания были разрушены. Укрепление Гагры было превращено в груду развалин и пепла[1].

26 августа1856 г. на 2-х военных пароходах и 5 транспортных и на одном частном бриге были отправлены в Сухум Черноморские линейные №11, 14 и 16 батальоны, военно-рабочая № 20 рота и дивизион артиллерии Сухум-кальского артиллерийского гарнизона со всеми тяжестями. 4 сентября – из Поти – 9-й и 10-й батальоны[2]. Абхазское побережье опять было занято русскими войсками. Вновь были построены укрепления.

Но еще 2-3 года положение Русского царизма в Абхазии было непрочным. «Сколько мне известно, – писал ген. Филипсон, – положение Абхазии не изменилось к лучшему с тех пор, как я ее оставил[3]: так же точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен… Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею. В случае повторения несчастных событий 1854-1856 гг. мы опять потеряем эту область»[4].

---

[1] Рапорт Михаила Муравьеву от 24.VI.1856. АКАК. Т. XI. – С. 297.

[2] АКАК. Т. XI. – С. 325.

[3] Служили с 1837 по 1845 гг.

[4] Письмо командующего войсками правого крыла Кавказской линии г.-н. Филипсон начальнику главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютину.

«Занимаем, но не владеем» – таково было действительное положение России в Абхазии. Еще в 1856 г. обер-квартирмейстер отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгоф спрашивал: «…предполагаем ли мы прочно в ней (в Абхазии – Г.Д.) утвердиться или имеем в виду всякий раз, когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край как это было в минувшую войну»[1].

Ставился вопрос «или-или». Царские политики переходят к решительным мерам. Карательные экспедиции «заработались». Одной из многих является, например, экспедиция ген-м. Лорис-Меликова, начальника войск в Абхазии, на Псху в начале 1859 г. Этот генерал по распоряжению Кутаисского генерал-губернатора Эристова от 7 февраля собрал в Сухуме 2 батальона пехоты, дивизион горной артиллерии, 4 ракетных станка и 500 чел. милиции абхазского округа (Сухумского), в окрестностях с. Аацы – 600 милиции Бзыбской Абхазии, в с. Гуме – 600 цабальской милиции.

Выступив 23 января, регулярные войска стали на р. Псырдзха, а абхазская (сухумская) милиция в ущелье р. Аапста. Русский отряд не смог преодолеть горы, которые составляли непроходимое препятствие. Тогда с достигнутых мест была открыта пальба, чтобы противника привести в смятение. Маневр удался. 28 января Псхувская депутация явилась в с. Аацы к Лорис-Меликову, а 29 - приняла присягу на верность подданства и в залог данных обязательств выдала аманатов. 30 января отряд вернулся в Сухум.

Но скоро общество Псху «опять от нас отложилось» – докладывал Карлгоф Эристову 10 апреля 1860 г. – а взятые аманаты, которые были отданы на поруки Хасану Маан, разошлись. Последний возвратил их без русского ведома в Псху. Когда об этом стало известно русским властям, псхувцам было предъявлено требование: выслать аманатов, но псхувцы его не выполнили. Но главнокомандующий Кавказской Армией в данном случае вынужден был ограничить свое действие только предписанием кутаисскому ген-губернатору об аресте Маана[2]. Так как в это время поднимается мощная волна освободительного движения по всей стране.

---

[1] Записка обер.-квартирмейстера отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгофа от 23.XII.1856. АКАК. Т. XII. – С. 925.

[2] АКАК, т, XII. Ч. III. – С. 912, 949.

«Все комбинации, – писал командующий войсками в Абхазии ген-м. Корганов, – обстоятельств и настроение умов в Абхазии и Цебельде представлялись, как уже не раз много было писано, глубокие замыслы противодействия нашему государству…»[1].

Непосредственной причиной подъема освободительного движения в 1860 г. является распространившийся слух о том, что начинается война России с Турцией, и что войска вновь будут отступать из края. Русские власти, видя с какой силой развертывается это движение, решили покончить с ним одним решительным ударом. И объектом удара был выбран Псху – последняя цитадель освободительного движения. 7 августа 1860 г. Корганов внезапно, даже неожиданно для войска, выступил с 6 стрелковыми и 4 линейными ротами, взводом горной артиллерии, 1 взводом ракет, 50 донскими казаками и 3 тыс. сухумской, цебельдинской и дальской милицией с 14-ти дневным провиантом. 14 августа отряд дошел до истоков р. Бзыбь и занял правый ее берег. И 15 августа вечером вступил в Псху.

Наступление шло с 4-х сторон. Кн. Константин Чачба с Сухумской милицией занял перевал Доу 11 августа, а кн. Александр Чачба и Кац Маан с милицией Бзыбской Абхазии заняли перевал Амакя, дальская и абжуйская милиции заняли верховье реки Чхалты. А капитану первого ранга Греве предписано было 10 августа отправиться на корвете «Удав» и произвести крейсерство до Вардане, а по 16 августа тревожить жителей Адлера и Сочи бомбардировать побережные села и этим занять джегитов и убыхов, которые могли пойти на помощь псхувцам.

14 августа дальская милиция во главе с кн. Алмахситом и Мамад- Гиреем заняли позицию на горе Гунурхва – надежный ключ к псхувским деревням. 16 августа сюда пришло все войско. Псхувцы были прижаты, переживали критический момент, когда 17 августа, к величайшей их радости, пришли на помощь джигеты и убыхи. На помощь пришли ахчипсхувцы и аибгаа. Силы удесятерились, моральный дух поднялся. Плохо вооруженные горские племена, спаянные духом ненависти к русским узурпаторам, отчаянно отражали наступление превосходящих войск, руководимых русскими генералами, офицерами, абхазскими князьями и дворянами, съевшими собаку на кровавом покорении кавказских народов. Но превосходящее русское оружие брало свое. 17 августа войска прорвались в долину р. Грибза и, вытеснив горцев с позиции, заняли завалы. Оборонясь, а иногда и наступая, но больше отступая чем, наступая, горцы направились в Цыбшха (гора). После долгих боев, с большими потерями (60 чел. было убито), укрылись в Цибшха.

[1] Письмо Корганова к Милютину от 15.VIII.1860. АКАК, т. XII. Ч. III. – С. 953.

Со стороны русского отряда было убито 16 чел. и ранено 52[1]. Псхувцам был предъявлен ультиматум, что в случае дальнейшего сопротивления все села будут преданы огню. А гарантией этого ультиматума были пущенные «красные петухи» по селам. Крики детей, плачь женщин и «красные петухи» заставили отважных защитников свободы, после долгих колебаний, покориться силе. Они послали своих представителей, которые 18 августа приняли присягу на верность и выдали аманатов.

Наконец, после 3-х неудачных походов в эту страну, последний уголок Абхазии, где еще не ступали сапоги царских узурпаторов, на четвертый раз заблестели русские штыки под ярким августовским солнцем 1860 г.

В 1862 г. ген. Шатилов превзошел в жестокости покорителя Псху. «Занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев», – так доносил он царю.

В апреле 1864 г. великий князь Михаил Николаевич (брат царя) с большим отрядом войск проходит в верховья р. Псоу, в районы населенные ахчипсхувцами, садзами и убыхами. Подобными карательными экспедициями заполнена история Абхазии после Восточной войны.

Царская Россия действует решительно. Во время всех этих позорных экспедиций тысячи абхазских крестьян погибли в неравном бою, целые селения разрушились, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось. Для турецких агентов-мулл, купцов и пр. создается благоприятный момент, увенчавший успехом их деятельность. Эти провокаторы расписывали бедным абхазским крестьянам земной рай, ожидавший их в Турции, где ослы «питались» сахаром, где в половинках дынь смело «купались» буйволы невиданных размеров, где все люди братья и равны перед богом и его наместником на земле падишахом и т. д. И тысячи крестьян вместе с семьями

[1] Рапорт Кутаис. Ген.–губ. Эристова Барятинскому от 20.VIII.1860. АКАК, т. XII. Ч. III. – С. 953-958.

прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь в «гостеприимную» и «волшебную» «страну турков». Это переселение абхазских племен известно под названием «махаджирство» («мухаджир» – по турецки переселенец).

Только за период с 1850 по 1864 гг. из Абхазии было выселено: из Псху – 3.600 чел.; Ахчипсху – 4000; Джигетии– 12000 чел.[1] и т. д., всего около 30-40 тыс. «махаджиров». Турция принимала их с целью использовать в борьбе с Россией.

Переселенцев в «стране турков» ожидало горькое разочарование. Многие гибли по дороге, а более половины оставшихся погибало в «Волшебной» стране от ужасных условий. Они, как говорят абхазцы, побоявшись огня, прыгнули в кипящую воду.

Многие вернулись, похоронив в чужой стране, или бросив в бездну моря, старцев и детей. Освободились огромные территории, пашни заросли колючкой и папоротником, сады и виноградники смешались с диким лесом и вырождались. Дома развалились и покрылись зеленным ковром. Осиротевший и одичавший скот, птица, собаки бродили по некогда цветущим долинам Абхазии – Цабала, Дала, Псху – обратившиеся в пустыни. Звучный голос абхаза сменился воем шакала и волков. Дикая природа постепенно смывала следы человека… Но зато Абхазия «успокоилась». Освободились земли для капиталистической колонизации, необходимый для превращения Абхазии в сырьевую колонию. «Махаджирство» для царизма – полное политическое покорение края, а для буржуазии – «очистка почвы» для капитала.

1863 г. – канун «замиренья» Кавказа. Идет решительная война с народами Западного Кавказа. Царская Россия идет к финишу. В этих условиях Абхазия была плацдармом для России в борьбе с горскими племенами Западного Кавказа. И задачей Михаила являлось употребить свою власть для того, чтобы водворить порядок в Абхазии и содействовать целям царизма в отношении соседних горских племен. Михаила еще «ласкали», выражаясь языком документа. Но надежда не оправдалась. Кн. Михаил уехал на все лето в Пятигорск, поручив управление родному брату Александру. Осенью поселился в своем имении Соук-Су и вошел в тесные сношения с убыхами. Михаил желал при жизни сделать владетелем сына своего Георгия,

[1] Фадеев А.В. «Краткий очерк Истории Абхазии». Сухум. 1934. – С. 167.

находившегося адъютантом при наместнике. 26 февраля 1863 г. Михаил писал Святополк–Мирскому[1], что здоровье с каждым днем ухудшается и просил об увольнении от действительной службы и об отправлении для лечения болезни за границу, а владетелем назначить его сына Георгия. Царские власти пока эту просьбу не удовлетворили, но тщательно спрятали письмо, чтобы в свое время воспользоваться им для окончательного разрешения абхазского владетельского вопроса. Оно настало – 1864г. Тогда Западный Кавказ – цитадель многолетней освободительной борьбы кавказских горцев – был покорен царскими войсками под командой генерала Евдокимова.

1864 г. – официальная дата покорения Кавказа. Покорение Западного Кавказа имело непосредственное влияние на официальное уничтожение автономии Абхазии. Теперь царские политики решили полностью «овладеть» Абхазией, и для этого, прежде всего, убрать владетеля. Михаил – подставная пешка - сыграл свою роль. Больше он был не нужен. Более того, он мешал русскому царизму своими феодальными интригами, личной своей враждой с тауадами. Он не раз путал карты царских политиков. «Внутренние раздоры - писал Филипсон – главных фамилий вызывают наше в них участие и порождают ряд действий…».

Великий князь Михаил Николаевич[2*] написал обширную секретную записку царю, где доказывал настоятельными доводами о необходимости и возможности уничтожения владетельской власти в Абхазии и последнею сделать русской административной единицей. Правительство, занятое упорной войной, как, говорится в записке, на всем пространстве от Каспийского до Черного морей, не могло отделить достаточных средств, чтобы взять Абхазию в полное подчинение и для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалось только поддержкой власти владетеля.

«Россия вместо благородной союзницы, приобрела в Абхазии непокорную и коварную рабу, готовую с распростертыми объятиями принять каждого врага нашего, который явится у ее берегов, так поступила она в минувшую войну и еще ставить себе в заслугу то, что выпустила войска паши из своих пределов, не истребив их… В

[1] Кутаисский ген-губернатор.

[2] Брат Императора России Александра II.

настоящее время еще ни один солдат не смеет отойти 2-х верст от Сухума, не подвергаясь опасности быть убитым, ни один начальник не решается проехать по этому краю без сильного конвоя»[1].

Власти русские не касаются внутреннего управления, ни податей, ни повинностей абхазцы не несли. Русским доставалось то, что брали грабежами. «Оставаясь в настоящем положении - писал далее вел. кн. - Абхазия всегда будет представлять готовый плацдарм и готовое основание для действия неприятеля против Закавказского края со стороны моря», – т.е. неприятель мог воспользоваться всеми стратегическими выгодами Абхазии, которыми царская Россия в свое время воспользовалась. Теперь можно было «отделить достаточно средств для принятия страны в полное подчинение». Если до сих пор царские власти нуждались в пособии власти владетеля, без которого «не имели бы сил держать Абхазию в повиновении и ограждать себя от убыхов», Абхазия прикрывала другие «более важные земли», то теперь «не существовало это оправдание».

Великий князь предлагал покончить с владетелем «одним решительным ударом», так как в противном случае «он не уступит без борьбы; способен даже искать покровительства враждебных нам иностранных держав, и хотя не имеет на это никакого права, по при настоящих политических отношениях наших к Европе, западным державам нужно не право, а только предлог и благоприятные обстоятельства. По всем изложенным причинам всякие переходные меры для преобразования управления Абхазии в настоящее время должны считаться вредными, и вопрос этот выгоднее решить тотчас же по окончательном покорении горцев и очищении восточного прибрежья».

Великий князь предлагал принять следующее: 1. Владетеля[2] и наследника его склонить[3] отказаться от прав на владения Абхазией.

2. Назначить владетелю и наследникам его содержание их обеспечивающее.

[1] Записка главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила «О положении в Абхазии». Использована ее копия, находящаяся в научном кабинете института Истории Академии Наук СССР. Москва

[2] На полях рукой Александра II карандашом помечено: «Но как достигнуть этого? Едва ли честолюбец этот согласится добровольно на отрешение».

[3] Подчеркнуто Александром II карандашом.

3. Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальника отделов в областях, с подчинением кутаисскому ген.-губернатору.

4. Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыбь могли бы составить абхазское казачье войсками под управлением начальника абхазского военного отдела[1].

5. Границей между Кубанским и абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий Абхазию от земли джигетов.

Непосредственной причиной такого решения вопроса о будущем положении абхазского владения стало то, что в это время было уже одобрено предложение о заселении казачьими станицами восточного берега Черного моря от устья Кубани до р. Бзыбь. И в виду близкого осуществления этого плана Великий князь в самом начале своей секретной записки спрашивал: в виду этого обстоятельства «должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее положении, т.е. под безотчетным управлением Михаила Шервашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах?». Царь Александр II вполне согласился с доводами своего брата. Согласно с мнением Великого князя признано было, что Абхазия не может оставаться на прежних основаниях, и что следует ввести в ней правильную русскую администрацию, отстранить от управления кн. Михаила Чачба с потомством. Доводов могущих быть предъявленными кн. Михаилу было много. «Как заявлено, – писал военный министр ген. Милютин вел. князю Михаилу от 1 мая 1864 г. – самим кн. Шервашидзе в письме ген-л. Мирскому желание удалиться от дел, так и последующие его личные объяснения с Вашим Императорским Высочеством при проезде Вашем в Сухум, доставляют прямой повод к приведению ныне же в исполнение означенной меры. Государь Император представляет Вашему Высочеству объявить кн. Михаилу Шервашидзе о высочайшем соизволении на увольнение его с потомством от управления навсегда Абхазиею, с оставлением

[1] На полях рукой Александр II карандашом: «По самому берегу моря селить нельзя, по зловредному климату и потому, что в случае войны поселения на самом берегу будут подвержены действию неприятельского флота».

его в звании ген-адъютанта и с представлением ему выбрать себе место пребывание в Петербурге или Москве»[1]. Другим доводом была его измена русскому царизму во время войны 1853-1856 гг.

Царь одобрил и предложил наместнику Кавказа подробно разработать этот вопрос. Чтобы по этому вопросу поговорить с кн. Михаилом, Великий князь пригласил его прибыть к 3 июля в Кутаиси. Владетель ответил, что, к сожалению, он не может исполнить желание наместника по состоянию здоровья. В заключении владетель повторил просьбу дать разрешение сыну приехать к нему и прислать для них обоих паспорта на заграничный отпуск. Великий князь, видя уклончивый ответ Михаила, послал к нему своего адъютанта гр. Левашева. Выехать из Абхазии Михаил не захотел, мотивируя отказ все тем же слабым состоянием здоровья, и выразил желание управлять Абхазией до смерти. Далее Михаил заявил Левашеву, что, конечно, если последует непременный указ императора, не будет противиться, и готов повиноваться. В таком случае он просил, чтобы в вознаграждение за доходы от владения и взамен получаемого им от казны содержания ему был бы выдан один миллион рублей, и чтобы за ним оставить уделы и частные имения в Абхазии. После этого неудачного разговора, вел. кн. Михаил Николаевич послал к кн. Михаилу Чачба рескрипт, в котором объявлял «волю» Императора об увольнении его от обязанностей владетеля. Великий князь напомнил, что он еще 1847 г. просил гр. Воронцова об увольнении по совершенно расстроенному здоровью[2]. Что тогда еще политическое положение края не позволила правительству удовлетворить просьбу его. Также напомнил, что письмо к кутаисскому ген-губернатору Святополку-Мирскому от 26 февраля 1863 г.,

[1] Письмо Михаила к ген. Карцову от 3.V.1864 г. // С. Эсадзе. Указ. соч. – С.221.

[2] 10/XI-1847г. Кн. Михаил подал докладную записку гр. Воронцову, где писал, что за 30 лет «неся великое бремя управления краем, соединенное неутомимыми трудами и заботами, которые в настоящее время почти совершенно расстроили мое здоровье и лишили возможности далее управлять владением, что и заставляет меня беспокоить особу вашего сиятельства почтительнейшею моею просьбою об увольнении от управления Абхазиею, а взамен же уступаемого мною в казну владения не оставьте вашим ходатайством об отводе мне 1500 дворов крестьян, где бы я мог на покое и прилично моему званию привести остаток жизни». Далее просил взамен отпускаемых ему от казны содержания, выдать ему одновременно соразмерное вознаграждение. С. Эсадзе. Т. I. – С. 135. Тогда Воронцов отклонил просьбу владетеля.

где владетель вновь подтверждал о неспособности заниматься делами. Недаром хранили это письмо как зеницу ока. «Просьбу вашу, – писал великий князь, – а равно и содержание личного объяснения вашего со мной в Сухуме, я счел долгом повернуть на высочайшее Государя Императора благоусмотрение, Его Императорское Величество, приняв во внимание продолжительность и упорство болезни, расстроившее ваше здоровье, и настоящее положение края нуждающегося в правильной и деятельной администрации для развития в ней гражданственности, соизволил согласиться на увольнение вашей светлости с потомством от управления навсегда Абхазией с оставлением вас в звании генерала-адъютанта»[1].

Теперь, Михаилу настоятельно со всех сторон внушали мысль, что он серьезно болен, который не признавали как серьезный аргумент совсем недавно, когда владетель нужен был еще «покорителям» Кавказа. Последние уже пошли в дамки. Одновременно с рескриптом владетелю Вел. кн. предписал кутаисскому ген.-губернатору Святополку-Мирскому немедленно ввести в Абхазию русское управление, настояв на непременном выезде оттуда владетеля. Сообщив кн. Михаилу о полученном приказании, Мирский в частном письме советовал владетелю беспрекословно «исполнить волю государя». «Ваша светлость, – пояснял Мирский, – сами признали, что с окончанием войны в восточной части Кавказа, Абхазия не могла и не должна оставаться в прежнем положении и что необходимо в ней установить более порядка и спокойствия. Не от меня зависело оставить за вами управление этим краем, но должен вам откровенно сказать, что если бы это от меня зависило, то я бы этому воспротивился, потому что я вполне уверен, что вы бы не были в состоянии исполнить всех требований правительства по управлению Абхазией, что это бы повело к многочисленным столкновениям и рано или поздно окончилось бы самым несчастным образом для вас и ваших потомков. Следовательно, на увольнение вас от управления Абхазией следует смотреть как на событие неизбежное и даже для вас благоприятное.

Теперь Государь Император, взамен владельческих прав ваших, готов сделать для вас многое и вполне обеспечить как вас, так

[1] Рескрипт вел. кн. Михаилу Шервашидзе от 24.VI.1864. С. Эсадзе. Указ. соч. – С. 224.

и будущность вашего семейства. Великий князь всегда был готов усердно за вас ходатайствовать, но не могу скрыть от вас, что неприбытие ваше в Кутаис по вызову Великого князя сделало его Высочеству самое дурное впечатление и оно усилилось когда поездка к вам графа Левашева не изменила вашего намерения не выезжать из Абхазии.

Я со своей стороны не могу понять, как вы можете желать остаться в Абхазии в то время, когда будет вводиться новое управление. Неужели вы не понимаете всех неудобств и неприятностей, которые Вас при этом ожидают и всей неловкости вашего положения. Когда все устроится и уладится, тогда дело другое, но покамест и, прежде всего, надобно хлопотать об устройстве наилучшим образом вашего нового положения и об обеспечении судьбы ваших детей. Поезжайте в Кутаис, в Рачу или куда нибудь на воды, если не хотите ехать в Тифлис, но ради Бога не оставайтесь здесь вопреки воле государя и не подвергайте себя и семейства вашего явной гибели. Не лишайте тех, которые вам желают добра, возможности пособить вам и не ставьте их в необходимость делать вам зло»[1].

Так кн. Михаилу перечисляли все его погрешности, указывали на ложность его положения, угрожали и уговаривали. Старались оказать воздействие на его «совесть», чтобы он «добровольно» принял предлагаемые предложения. Царские политики хотели безболезненно разрешить этот вопрос. Их «деликатность» была вызвана не уважением кн. Михаилу, которым последний уже совершенно не пользовался, а политическим соображением, боязнью перед абхазским народом. Но Михаил этого не понимал, он внушил себе мысль, что с ним считаются, из-за его больших заслуг перед «Государем Императором». Не понимал, что роль, которую он так искусно выполнял в течение более 4-х десяток лет, уже сыграна. Имея самое ложное представление о себе, он отвечал на мораль русских политиков моралью, чтобы вызвать чувство жалости и справедливости к себе. Кн. Михаил жалуется Мирскому, что с ним поступают жестоко и несправедливо. «Ваша сиятельство, – писал владетель, – я состою на службе Его Императорского Величества более сорока лет, и служба моя приносила очень значительную пользу престолу рус-

[1] Письмо кн. Святополк-Мирского кн. Михаилу Шервашидзе от 29/VI-1864 г. Цит. по книге С. Эсадзе. Указ. соч. – С. 225.

скому. По этому стеснять и унижать генерала так долго служившего, при этом находящегося в преклонных летах и лежащего на одре неизлечимой болезни, не давать ему свободной и спокойной жизни в своем собственном имении и доме и принуждать его скитаться, без сомнения в общественном мнении противно достоинству и должному уважению. Уверяю, ваше сиятельство, пребывание мое в Абхазии не только не будет помехою введению правительственных распоряжений, но принесет неожидаемую пользу, так как я первый буду служить примером исполнения всяких со стороны правительства объявленных распоряжений и это подтвердится на деле»[1]. Но ничто не способно было спасти Михаила, его уверения и просьбы были напрасны. Политическое положение требовало его удаления. Для исполнения приказания ввести русское управление в Абхазии, кн. Святополк-Мирский прибыл в Сухум. Отсюда Мирский послал кн. Дадиани с рескриптом Великого князя в Ткварчелы, где в это время лечился владетель.

Владетель, окончательно убедившись в неумолимости царских политиков, чтобы смягчить свою участь, не бросить себя в помойную яму, сам предписал начальникам Бзыбского, Абхазского (Сухумского) и Абжуйского округов обнародовать о передаче управления Абхазией русским властям, собрать почетнейших жителей и вместе с ними явиться 12 декабря в Сухум к ген.-губернатору, для получения дальнейших распоряжений об управлении страной. Кн. Святополк-Мирский, собравшимся 12 декабря в Сухуме старшинам и почетнейшим жителям объяснил основания нового порядка управления и объявил, что с этого числа абхазцы должны повиноваться исключительно поставленным от русского правительства начальникам.

Управление страной было поручено командующему войсками в Абхазии ген.-м. Шатилову. Ему было разрешено сформировать одну конную сотню абхазской милиции. Мирский предписал командующему войсками в Абхазии для внутреннего управления оставить временно разделения Абхазии на 3 округа: Бзыбский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский.

Получавшейся владетелем, и имевшие характер правительственных сборов, принимать в казну. Все это свершилось безболез-

[1] Письмо кн. Шервашидзе кн. Святополк-Мирского от 21.VI.1864. Цит. по книге С. Эсадзе. Указ. соч. – С. 226-227.

ненно. Кн. Михаил, в конце концов, исполнил то, чему так упорно противился. Теперь уклонение владетеля от выезда из Абхазии не имело того значения, но и, тем не менее, Великий князь считал его дальнейшее пребывание в Абхазии невозможным. «Впрочем, – писал Великий князь военному министру Милютину, – при совершившимся преобразовании управления Абхазиею, пребывание кн. Михаила Шервашидзе в этой стране уже не представляет для нас тех неудобств, как прежде, но т.к. на выезд его из пределов Абхазии была объявлена высочайшая воля его Императорского Величества, то, разрешив вследствие представления Кутаисского генерал-губернатора Михаилу Шервашидзе оставаться еще некоторое время в Абхазии в ожидании облегчения болезненных припадков»[1].

Вел. кн. приказал кн. Святополку-Мирскому учредить за ним строгий надзор и принять все меры, чтобы «при первой возможности генерал-адъютант кн. Шервашидзе выехал из Абхазии». Вместе с тем, великий князь приказал «прекратить отпуск всех денег, какие князь Шервашидзе получал от казны, впредь до выезда его из Абхазии»[2].

Кн. Мирский отправился в Абхазию, чтобы при личном свидании узнать о состоянии здоровья владетеля, об его намерениях, и убеждениями, даже угрозами побудить его к немедленному выезду. Михаил, хотя и не представлял теперь большую опасность, но все же бельмом стоял на глазах царских генералов.

«К сожалению, ген-адъютант кн. Шервашидзе до настоящего времени проживает еще в пределах Абхазии» – писал Великий князь тому же Милютину[3]. Приехав в Ткварчел, Мирский застал кн. Михаила в постели. Больной Михаил заявил, что чувствует себя глубоко оскорбленным недоверием к нему правительства и той жестокостью, с какой гнали его из Абхазии. «Я исполнил, – говорил он, – свято и добросовестно волю государя и передал владение потомственного своего владения, и прошлая моя служба, и настоящее поведение дают мне право на внимание и милость, между тем меня

[1] Отзыв главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила воен. министру Д.А. Милютину «О принятии Абхазии в непосредственное русское управление» от 14.VIII.1864. Использована копия отзыва, находящаяся в научном Кабинете Института Истории Академии Наук СССР. Москва.

[2] Там же.

[3] Там же.

гонят из моего дома как злодея, не говоря даже где я должен жить и каким образом»[1]. Кн. Мирский, ничуть не тронутый словами Михаила, хладнокровно заметил, что, передав владение, он исполнит только часть повеления царя, и что все неприятности, которые он испытывает, происходят от того, что им не исполнена другая часть воли царя о выезде из Абхазии.

«Я не выезжал из Абхазии, – отвечал бывший владетель убеждающим тоном, – потому что не допускаю, чтобы государь хотел поступить не справедливо и жестоко. Если государь приказал удалить меня из Абхазии, то вероятно вследствие донесения, что пребывание мое здесь вредно и опасно и по незнанию, сколько это повредило моему здоровью и моим частным интересам. Но присутствие мое здесь полезно, а не вредно; вы можете в этом убедиться и ваш долг донести о настоящем положении дел. Вы можете смело поклясться не только собою, но вашими детьми, что мое присутствие в Абхазии никогда не будет вредно для правительства». Мирский отвечал, что в подобных случаях клятва не уместна и не может служить основанием для действия правительства, что дело в предосторожности. Напрасно Михаил убеждал русского генерала, холопа приказа, в течение 2-х часов. Мирский делал то, что ему сказано было.

В конце свидания Михаил вновь повторил свою просьбу, он все еще питал надежду, что «войдут» в положение отслужившего генерала. Мирский снова повторил, то, что неоднократно говорил ползавшему перед ним, бывшему владетелю. Михаил, наконец, окончательно, убедившись в несокрушимости жестокой участи, примирился с мыслью, что он должен оставить пределы Абхазии, где некогда считал себя «наместником» бога на земле. Теперь он только старался смягчить тяжесть своей судьбы, «прошу разрешения жить зимою в Кутаисе, летом в Баку, но т.к. я не могу жить без всякого хозяйства, то прошу об отводе части казенной земли в Раче для постройки дачи», – говорил Михаил[2].

Кн. Мирский, довольный успехом своей миссии, прощаясь еще раз, повторил приказание, которое жестоко резало ухо Михаила, покинуть Абхазию. И чтобы гарантировать успех своей дипломатической деятельности, строго заметил Михаилу, что вся ответствен-

[1] Письмо Мирского вел. кн. от 20.IX.1864. С. Эсадзе. Указ. соч. – С. 230.

[2] Там же. – С. 230.

ность за исполнение падает на него. Мирский подробно изложил результаты своей поездки великому князю. Князь Мирский, отстаивавший перед Михаилом столь «доблестно» официальное мнение правительства, нашел в себе смелость и «человечность» отстаивать перед Великим князем несколько облегчить положение больного старца.

Тем более, аргументировал Мирский, что Михаил «добровольно» принял предложение об его удалении, что пребывание владетеля было бы опасно только в случае внешней войны, что если будет решено удалить его, то постараться это сделать путем убеждений, а употреблять силу против больного старца было бы лишней жестокостью, что замедление выезда не может быть оскорбительно для царской власти. «Нет сомнения, – писал Мирский, – что непослушание князя Шервашидзе может подать повод злонамеренным людям к дурным толкам, но наша власть так сильно водворена в этом крае, что эти толки не могут иметь важных последствий. Мне кажется, что лучше подвергнуться этим толком, чем поступить жестоко. Можно надеяться, что государь простит вину генерал-адъютанта во внимание владетелю, лишенного своего владения»[1].

Мирский предлагал оставить владетеля в Абхазии до 1 января 1867 г., назначив местом пребывания Имеретию, где отвести казенную землю. Великий князь принял доводы Мирского во внимание и разрешил прожить кн. Михаилу в Абхазии до весны. Но скоро Михаил заслужил самое грубое отношение со стороны царских политиков, и дал прямой повод и необходимость бесцеремонно удалить его из Абхазии. Дело в том, что Михаил чувствуя, что ему не сдобровать все равно, что никак нельзя действовать на «совесть» русских дипломатов, решил прибегнуть к помощи Турции. И Вел. князь Михаил Николаевич, таким образом, правильно предугадал, что кн. Михаил Чачба не уступить без борьбы, «он способен даже искать покровительство враждебных иностранных держав»[2].

Султан Абдул-Меджит собрал совет для обсуждения этого письма, куда был приглашен и Омер-паша, хорошо знавший Михаила. Омер-паша на вопрос о его мнении ответил: «Государь, Михаил Шервашидзе самое неблагодарное существо, какое есть на свете. Когда я со своими войсками занимал Абхазию, он и тогда хвостом

[1] Письмо кн. Мирского великому князю. Там же. – С. 233.
[2] Записка вел кн. Михаила. Там же.

вилял. Русские его озолотили, дали ему 60 тысяч аренды, чин генерал-лейтенанта – чего же хочет он еще?».

Абдул подумал и сказал: «Да, ты прав. Отнеси это письмо русскому посланнику», – обратился султан к министру иностранных дел Али-паше. Турция сейчас не хотела из-за Михаила начинать войну с Россией, она готовилось к ней обстоятельно.

Посланник в Константинополе граф Игнатьев немедленно сообщил в Тифлис, что в Порту поступила просьба владетеля Абхазии Хамутбея о разрешении ему перейти в Турцию и послал за ним пароход в Сухум, а само письмо Михаила отправил в Петербург.

Михаил был пойман на месте «преступления». Содержание этой депеши было передано кн. Мирскому, который немедленно предписал Шатилову удалить Михаила, в случае надобности употребить силу, и если бы жители Абхазии при этом оказали вооруженное сопротивление, то принять решительные меры «для замирения их».

Во исполнение этого приказа 3 ноября Шатилов с двумя батальонами Эриванского полка и сотней казаков прибыл на судах в Очамчиры. На другой день, 4 октября, отправил отряд под начальством полковника кн. Кутайсова в сел. Акуаскиа, где находился Михаил, но Кутайсов не застал Михаила. Последний узнав о высадке войск, бросил все драгоценные вещи и значительную сумму денег (17 тыс. руб.) бежал по направлению к дальским горам. Войска форсированным маршем преследует беглого старца. Михаил, потеряв надежду, что ноги могут его спасти от злой участи, решил отдаться в руки преследователей.

В сел. Гуп Шатилов встретил посланных от владетеля. Шатилов явился в с. Тхина, где состоялся визит. «Владетель» бегство объяснял паническим страхом, внушенным ему внезапным появление войск, заявил, что готов подчиниться распоряжению правительства и просил только дать ему время собрать и перевезти в Очамчиры имущество.

Михаил протестовал против ареста и жаловался Мирскому на такое бесцеремонное обращение с ним. «Причиной было, – писал Михаил, оправдывая свой поступок, – что я требовал пароход из Константинополя с целью отправиться в Иерусалим. Я никак не полагал что это будет для правительства противно, тем более, что я написал наместнику о дозволении отправиться в Иерусалим, если нельзя было оставаться в Абхазии...

Ваше сиятельство поверите, что я не воображал, что это будет противно и во все не было секрета. Подумайте сами: можно ли было это скрыть, и не было надобности, можно ли было уехать секретно такому состоятельному лицу, как я? За что считаете меня, таким неблагоразумным? Зосим что моя жизнь! Будучи в таком жалком положении не стану все более беспокоить. Все представляю вашей воле. Старость моя омрачена»[1].

Теперь ничто не могло спасти Михаила, он дал хороший повод для достижения мечты царским политикам. Великий князь, еще, когда гнались за Михаилом, дал приказ схватить беглеца и доставить в Новороссийск. 4 октября кн. Мирский довел этот приказ до сведения Шатилова. Последний 7 октября доставил Михаила в Очамчиры и в тот же день в сопровождении шт.-кап. Добрженского был отправлен на корвете «Сокол» в Новороссийск. Михаил при всем этом, видя с какой энергией взялись генералы за свою жертву, покорно подчинился всем распоряжением.

Ген.-адъютант кн. Святополк-Мирский доносил: «Означенное высочайшее повеление уже приведено в исполнение спокойно и без малейших признаков неудовольствия или сожаления со стороны народа, бывшем своем владетеле»[2].

Хамут-бей (Михаил) был сослан в г. Воронеж, где и умер – тело его было предано земле в фамильном склепе. Его личное имущество было расхищено царскими офицерами и чиновниками.

Так кончилось позорная историческая роль князей Чачба, в течение полувека бывших опорой русского царизма в Абхазии.

Теперь маски были сорваны, и Абхазия была превращена в «Сухумский военный отдел». Это был конец независимости «независимой» Абхазии. Рубикон был перейден… Начинается полоса самой беззастенчивой, неприкрытой колониальной эксплуатации.

Москва, 1939 г.
(Опубликовано: Г. А. Дзидзария. Труды. Книга III. – Сухум: АбИГИ им. Д. И. Гулиа, 2006. С. 29-104.)

---

[1] Письмо кн. Михаила Шервашидзе кн. Святополк-Мирскому от 6.XI.1864. Там же

[2] Отзыв главнокомандующего Кавказской Армией Вел. князья Михаила военному министру Д.А. Милютину «О принятии Абхазии в непосредственное русское управление» от 14.VIII.1864. Использована копия отзыва, находящаяся в научном Кабинете Института Истории Академии Наук СССР. Москва.

БОРЬБА ЗА АБХАЗИЮ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XIX ВЕКА

В 1801 году Картло-Кахетинское царство было присоединено к России.

В 1803 и 1804 гг. владетель Мегрелии и имеретинский царь один за другим принимают русское подданство. Царские дипломаты вслед за этим начинают оживленные дипломатические переговоры и с владетелем Абхазии Келеш-беем Чачба (Шервашидзе).

Если Кавказ в целом нужен был царизму как форпост в борьбе с шахским Ираном и султанской Турцией, то Абхазия, в частности, нужна была ему как опорный пункт на восточном берегу Черного моря.

Завоевание Абхазии с Сухумом делало русских хозяевами северо-восточного берега. Оно позволяло связать край, выражаясь языком документа, «беспрепятственным» сообщением с Тавридою, отрезать все горские народы от сообщения с турками, а эти народы «содержать в ненарушимой покорности».

Почти через полвека после захвата Сухум-Кале, в 1858 г., начальник войск в Абхазии генерал-майор Лорис-Меликов писал: «Необходимость и важность прочного занятия Абхазии, имеющей единственный хороший порт на восточном берегу Черного моря, – страны, которая, признавая власть России, должна бы служить основанием к распространению нашего владычества по всему восточному берегу, конечно, не может подлежать какому бы то ни было сомнению»[1].

---

1 Рапорт начальника войск в Абхазии г.-м. Лорис-Меликова кутаисскому ген.-губ. г.-л. Эрнстову от 12—VIII 1858 г.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (А.К. А. К.), т. XII, ч. III. – С. 732.

«Главнейшие выгоды, представляющиеся от приобретения Абхазии под всероссийскую державу, состоят в том, – писал главнокомандующий в Грузии граф Гудович незадолго до захвата Сухум-Кале, – что тогда лучшие приморские места Черного моря, **богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России**; что восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти 2 крепости, Анакру и Сухум-Кале, следовательно тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена[1]. (Разрядка моя. – Г. Д.).

Из этого отношения графа Гудовича видно, что к завоеванию Абхазии царская Россия подходила не только с точки зрения стратегической выгоды, которая вначале играла доминирующую роль, но и с точки зрения экономической.

Абхазия таила в себе большие экономические возможности. Но ее надо было еще завоевать. В то время, весь смысл плана завоевания Абхазии сосредоточивался на приобретении крепости Сухум-Кале[2], захват которой царской Россией значительно ослаблял влияние турок в приморской части Западного Кавказа.

Заняв Сухум-Кале, царская Россия получала возможность стать вооруженной ногой на абхазскую почву, а это означало в перспективе подчинение и всей Абхазии, т. к. крепость Сухум-Кале с русским гарнизоном должна была явиться исходной точкой для дальнейшей колониальной экспансии.

«Владея Сухумом, – пишет военный историк генерал-майор Потто, – мы получали бы себе Абхазию, но **Абхазия без Сухума едва ли представляла для нас большой интерес»[3]**. (Разрядка моя. – Г. Д.).

В перспективе, после устройства хорошей дороги через перевал и вдоль Черноморского побережья, Сухум обещал превратиться в большой торговый центр, связующий русские области Северного Кавказа с Западной Европой. Кроме того, Сухум «прекрасный и единственный порт, – по словам Раевского, – для торговли Западной России с Закавказским Краем, Персией и восточною частью азиатской Турции»[1].

[1] Отношение графа Гудовича к графу Салтыкову от 3–III 1809 г. Акты, т. III. – С. 209.

[2] Крепость Сухум-Кале турки восстановили в 1578 г. на месте развалин крепости старого города Севастополя, основанного римлянами. Сухум-Кале, который являлся резиденцией паши, управлявшего кавказским берегом, а также крепости Поти и Анапа позволяли туркам держать в повиновении Абхазию, Имеретию, Мегрелию и Гурию.

[3] «Утверждение русского владычества на Кавказе», под ред. г.-м. Потто. Тифлис, 1901 г., т. II. – С. 44.

Сухум-крепость, Сухум-бухта, Сухум-торговый пункт – должны были стать русскими.

Таким образом, переход Абхазии с Сухумом под протекторат России, вполне отвечал политическим и экономическим интересам последней. Владетель Абхазии Келешбей Чачба (Шервашидзе), во главе части феодальной верхушки, обстоятельствами вынужден был пойти навстречу интересам царской России.

В течение XVI–XVIII вв., Турция стремится установить, окончательно, свое господство на всем кавказском побережье Черного моря. На протяжении этого периода султанские агенты-паши брали дань с абхазов и всячески их притесняли. Турция наводняет Абхазию муллами, дервишами (монахами), кадиями (судьями) и другими фанатично-религиозными элементами, с целью омусульманить край, навязать абхазам идею рабской покорности султану и, наконец, полностью отуречить абхазский народ. Свободолюбивый абхазский народ, во имя своей горячо любимой родины, не раз поднимался единодушно на борьбу, обращая в позорное бегство турецких поработителей. Но турки, хорошо знавшие цену Абхазии и мечтавшие осуществить свой план агрессии, вновь и вновь возвращались, жестоко разоряя ее цветущие долины, варварски разрушая древние памятники архитектуры.

Успех турецкой агрессии в Абхазии был обусловлен внутренним состоянием страны. Абхазия, как и вся Грузия, раздиралась внутренней феодальной борьбой. Бесконечные феодальные междоусобицы мешали абхазскому народу в его героической борьбе с турецкими поработителями, мешали единодушно выступить против общего врага. Они ослабляли владетельного князя, который не в силах был противостоять войскам султанской Турции. Турецкие агенты, искушенные в политических интригах, ловко использовали эти внутренние раздоры. Они разрушали единство владетельной семьи, натравливая ее членов друг на друга. Путем спровоцированных восстаний, эти агенты выдвигали в качестве владетелей из фа-

[1] Акты, т. IX, стр. 471.

милии Чачба (Шервашидзе) лиц, обеспечивавших незыблемость турецкого протектората и регулярное взимание установленной дани.

В середине XVIII в., путем такого восстания во главе с Леваном Чачба, был свергнут Манучар, абсолютистские тенденции которого стали очевидными с улучшением экономической жизни страны в первой половине XVIII в. Мечта Манучара о независимом существовании Абхазии не сбылась. Сухумский паша выслал Манучара и его братьев, Ширвана и Зураба, в Турцию. Впоследствии, последнему удалось пробраться в Мегрелию, а затем в Абхазию и стать ее владетелем.

Во время пребывания князей Чачба в ссылке, в Абхазии усиливается фамилия эшерских тауадов Дзяпш-ипа, которые заняли окрестности Сухума н присвоили себе различные административные доходы, принадлежавшие владетелю Абхазии. Зураб, не имея возможности бороться с этой фамилией, старался сохранить с ней дружественные отношения и даже женил на княжне Дзяпш-пха племянника своего Келешбея, сына Манучара. Чувствуя за собой поддержку сильной фамилии, Зураб в 1771 г., при содействии дяди своего Левана, поднял восстание и изгнал из Сухума турок. Это было поистине крупное народное восстание, направленное против султанских притеснителей. Но, скоро туркам удалось, посредством золота, привлечь на свою сторону Левана, и последний сдал им Сухумскую крепость (за 20 турецких мешков, или 24 тыс. франков).

В конце 80-х годов XVIII в., когда создались более благоприятные условия, турецкий султан устранил Зураба и признал владетелем Абхазии Келеш-бея, который, по его расчетам, удовлетворял всем требованиям Оттоманской Порты[1]. Но султан жестоко ошибся в выборе: Келеш-бей также мечтал об освобождении Абхазии. В этом отношении он был достойным сыном знаменитого Манучара и верным продолжателем традиции своего дяди, горячего патриота Зураба Чачба.

Семен Броневский, писавший в 1810 году, подчеркивает, что Келеш-бей, «имея около себя до 10 000 вооруженных абхазов, мало заботился о выполнении фирманов, от Порты насылаемых. Однакож в удовлетворение гордости дивана называл свои войска

[1] Официальное название султанской Турции.

турецкими, как между тем, употреблял оные для собственных видов»[1].

Отвага, чувство независимости и презрение к султанской власти – вот что характеризует этого незаурядного владетеля. Эти качества взращивались и воспитывались в Келеш-бее абхазским народом, ненавидевшим турецких захватчиков и унаследовавшим от своих дедов и отцов стремление к свержению турецкого ига. Среди абхазских владетелей Келеш-бей был наиболее выдающимся. Это был энергичный, одаренный от природы умом и предприимчивостью, самостоятельно действовавший правитель. Он первое время старался поддерживать «приятельские» отношения с султаном, с целью подчинения себе феодалов и укрепления центральной власти.

Абхазия к этому времени представляла собой слабую феодальную страну, «где господствовал феодальный способ производства со всеми чертами, свойственными данной хозяйственной системе. Следствием господства этого феодального способа производства была раздробленность Абхазии на целый ряд, почти независимых феодальных владений»[2], каждое из которых представляло собой изолированный мирок с замкнутым натуральным хозяйством и с очень слабыми меновыми связями.

Для того, чтобы улучшить положение страны и укрепить свою власть, Келеш-бей поставил перед собой задачу централизовать княжество.

Келеш-бей, заручившись поддержкой Турции, во имя выполнения своей задачи, повел решительную борьбу против владетелей, стремясь превратить их в простых вассалов.

Руководствуясь желанием создать централизованное княжество и обуздать своеволие крупных феодалов, он выступил в первую очередь против тех из них, которые были наиболее опасными для его власти, Келеш-бей нанес жестокое поражение атарскому

[1] Броневский С.„Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Москва, 1823 г., ч. 1. – С. 346.

[2] Абхазия делилась на следующие феодальные владения: 1) „Абхазия“ – внутренняя Абхазия (нынешний Сухумский район); 2) Самарзакан, или Самурзакань (нынешний Гальский район); 3) Бзыбская Абхазия (нынешний Гудаутский район); 4. Абжуйская Абхазия - средняя Абхазия (нынешний Очемчирский район); 5) Цабал, по другой транскрипции – Цебельда.

владельцу Бекир-бею Чачба[1], двоюродному брату, принудил к покорности цабальских (цебельдинских) князей Маршания, расправился с эшерскими феодалами Дзяпш-ипа, причем развелся с княжной Дзяпш-пха, брак с которой в свое время был заключен из политических соображений. Отпустив жену, он перенес свое нерасположение и на старшего сына от нее, Аслан-бея, которого лишил наследственных прав в пользу младшего сына, Сафар-бея, рожденного от второй жены из крестьянской фамилии Лейба (сел. Мгудзырхуа). Келеш-бей подчинил своей власти также Самарзакан.

Самарзаканом управляли представители особой ветви фамилии Чачба[2], которые, воспользовавшись распрями во владетельном доме, приобрели к этому времени автономию. Но сами они скоро попали в зависимость от владетелей Мегрелии Дадиани.

Келеш-бей, с целью заставить Дадиаии отказаться от своего вмешательства в дела Самарзакана, неожиданно (в 1799 г.) двинулся па столицу Мегрелии Зугдиди. Растерявшиеся Григорий и Манучар Дадиани принуждены были заключить мир, по которому Келеш-бей закрепил за собой Самарзакан и получил крепость Анаклию за р. Ингуром. Взяв заложником в обеспечение мира наследника мегрельского княжества Левана и назначив управлять Самарзаканом своего сына Махмед-бея, которому одновременно пожаловал имения в Анаклии, Келеш-бей с большим триумфом возвратился в Сухум-Кале.

Разгромив наиболее непокорных абхазских феодалов, Келеш-бей при поддержке турок, в отношении которых он пока что сохранял лояльность, объединил в своих руках управление всей Абхазией и перенес свою резиденцию из Лыхны[3] в Сухум-Кале.

[1] Бекир-бей был женат на княжне Ачба (Анчабадзе, самая влиятельная тогда фамилия в Абхазии) и, рассчитывая на поддержку этой фамилии, решил выйти из повиновения владетеля. Келеш-бей окружил Бекира в крепости, находившейся около сел. Атара. Спасению Бекира, между прочим, способствовала просьба его жены, которую Келеш-бей взял себе в жены, оставив Бекира по-прежнему владельцем.

[2] Самарзаканская ветвь фамилии Чачба начинается от Куапа, последнего общего родоначальника обеих ветвей Чачба. Владетель Абхазии Джигешия Чачба назначал в Самарзакан брата своего Куапа. Куап составил «дружину» и отправился в свой «удел». Имена потомков Куапа, непосредственно следовавших за ним, неизвестны. Достоверные сведения о самарзаканских Чачба начинаются с Марзакана, от имени которого произошло самое название страны.

[3] До 1864 г. резиденцией абхазских владетелей Чачба официально считалось селение Лыхны, которое также называлось Соук-Су, что означает по-турецки

«Расширяя... свою власть и владение, - пишет С. Броневскнй, - он (Келеш-бей. – Г. Д.) сделался, наконец, повелителем всей полуденной Абхазии посредством приобретенного им влияния между разными коленами абхазов, горских и побережных, прибегавших под его покровительство»[1].

Келеш-бей сделал свое княжество грозой для соседей, которых приводило в трепет одно его имя. Авторитет Келеш-бея возвысился не только в глазах абхазских феодалов, но и в глазах царей и владетелей соседних царств и княжеств. Так, имеретинский царь Соломон II вынужден был дать слово Келеш-бею, что не тронет владетеля Мегрелии Григория Кациевича Дадиаии, заслужившего благосклонность сильного соседа, – абхазского владетеля. При этом, однако, Келеш-бей сам не прочь был захватить Мегрелию.

В 1803 г. Григорий Дадиаии, оказавшись между двумя соседями, стремившимися захватить его княжество, поспешил принять русское подданство.

24 октября 1804 г. в Зугдиди скоропостижно умер Григорий Дадиаии. Наследник его, малолетний сын Леван, рескриптом императора Александра I от 23–I 1805 г. был объявлен владетелем Мегрелии. Но Леван находился заложником у Келеш-бея. Князь Цицианов, царский наместник на Кавказе, несколько раз предлагал Келеш-бею возвратить наследника, которого нужно было провозгласить владетелем, но Келеш-бей уклонился от прямого ответа и, наконец, потребовал за Левана выкуп в размере 10 кес (1820 руб. серебром) и в качестве заложника брата последнего. Тогда князь Цицианов приказал г.-м. Рыкгофу[2] «подкрепить требование вооруженной рукой».

Но так как, из-за отсутствия дорог и по целому ряду других причин, передвинуть войска из Тифлиса для открытых военных действий против Келеш-бея было весьма трудно, то Цицианов предложил произвести десантные операции. Стопушечный корабль «Тобольская богородица» и фрегат доставили и высадили в Редут-Кале (в марте 1805 года) пехотный Белевский полк.

«холодная вода». У абхазов сел. Лыхны было известно с незапамятных времен и всегда играло в политической жизни Бзыбской Абхазии первенствующую роль.

[1] Броневский С. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», ч. I. – С. 346.

[2] Шеф Белевского мушкетерского полка, находившегося в Мегрелии (в укреплении Редут-Кале).

Генерал Рыкгоф, с вверенным ему отрядом (3 роты) и мегрельским ополчением переправился через р. Ингур и разорил верст на 20 попутные селения. Эта жестокая мера имела успех: на 4-й день похода абхазские князья представили 8 заложников. Дело шло к миру. Дальнейшее продвижение оказалось невозможным, из-за отсутствия дорог в непроходимых лесах.

Рыкгоф направился к крепости Анаклии, которая считалась принадлежащей Турции и последней, вверена охране Келеш-бея. В этот момент случайным выстрелом был убит солдат русского отряда. В ответ, Рыкгоф в тот же день, (28-III 1805 г.) занял крепость. Начавшиеся переговоры были прерваны. Рыкгоф решил берегом моря пойти на Сухум, но Келеш-бей, почувствовав непосредственную опасность, 2–IV прислал к нему князя Левана и просил прекратить военные действия.

По этому поводу Цицианов доносил царю от 12–IV 1805 г., что «Келеш-бей, абхазский владелец, имевший в аманатах наследника Мингрелпи кн. Левана, сколько ни упорствовал в выдаче его, но видя невозможность противиться силе высокославного оружия в. и. в., потому что для освобождения Левана военною рукою послал я отряд под командою шефа Белевского мушкетерского полка ген.-м. Рыкгофа с 3 ротами, весьма успешно там действовавшими, принужден был уступить нашим требованиям и 2-го числа сего месяца Леван нам от него выдан»[1]. Но кн. Цицианов столь же был обрадован успехом своего бравого генерала, сколь был встревожен взятием кр. Анаклии, принадлежавшей дружественной Турции. На Западе «III коалиция» готовилась к решительной схватке с «императором французов». Всякие осложнения с Турцией в этот момент могли иметь серьезные последствия.

«Сие при первом шаге, – продолжал Цицианов далее рапортовать царю, – столь успешное действие непобедимых войск в. и. в. в том краю, долженствующее поселить страх и уважение к российским войскам во всех Мингрелии владельцах, сколь ни обрадовало меня, не меньше однако же встревожен я сверх чаяния моего случившимся происшествием, что ген.-м. Рыкгоф, столь славно выполнивший данное ему поручение, не известен будучи о политических

[1] Рапорт кн. Цицианова от 12—IV 1805 г. «Акты», т. II. – С. 510.

наших обращениях с Оттоманскою Портою, без моего на то повеления взял с 3-мя ротами пристань Анаклию, хотя и принадлежащую Келеш-беку, но состоящую в зависимости от Порты и имеющую в себе турецкий гарнизон»[1].

Кн. Цицианов предписал г.-м. Рыкгофу немедленно возвратиться обратно. Последний написал письмо Келеш-бею, в котором объявил о возвращении крепости Анаклии. Келеш-бей довел до сведения Порты содержание этого письма, т. к. перед этим он доносил Оттоманской Порте о занятии русскими войсками крепости. Значение этого инцидента было таково, что вскоре после взятия крепости последовал рескрипт обеспокоенного императора Александра к Цицнанову, в котором император требовал немедленного ее возвращения и ликвидации конфликта. Кроме того, еще до отправления этого рескрипта было дано из Петербурга распоряжение царскому посланнику в Стамбуле Италинскому заверить Порту, что случилось «сие совершенно нечаянно и по ошибке».

Турецкое правительство, которое действительно было обеспокоено известием о занятии Анаклии войсками «дружественной» державы, удовлетворилось данными ему объяснениями, и происшествие это не имело никаких осложнении.

В сел. Бандза 9–VII 1805 г. Леван, в присутствии дяди Манучара Дадиаии, самарзаканскнх князей Левана и Манучара (Манча) Чачба, принес присягу на верноподданство России. Келеш-бей не только не был наказан за ослушание, но даже получил 1000 рублей от ген.-л. Глазенапа через поручика Амираджибова за убытки, понесенные им во время взятия крепости.

Русское правительство, чувствуя непрочность положения в Грузии, пока старалось не «замечать» Абхазию, боясь вызвать дипломатические осложнения с Турцией, под протекторатом которой формально находилась Абхазия.

Но Келеш-бей сам пошел навстречу русскому царизму, нуждаясь в помощи последнего, так как его усилия окончательно сломить сепаратизм крупных феодалов и создать мощное, централизованное княжество не принесли желаемых результатов.

[1] Там же.

Так, например, владетель Самарзакана Манучар Чачба, назначенный после смерти Махмед-бея, стремился не признавать Келеш-бея. Независимо от последнего, он даже стал вести через родственников своей жены Дадиани переговоры о вступлении в российское подданство, благодаря чему Самарзакан гораздо раньше был присоединен к России.

9–VII 1805 г., когда Леван Дадиани в с. Бандза приносил присягу на верноподданство России, Манучар с братом Леваном также присягнули.

Дзяпш-ипа только искали удобного случая для расправы с Келеш-беем, а цабальские Маршания, ущемленные грозным владетелем, мечтали о прежней независимости.

Умный Келеш-бей не мог не чувствовать непрочности положения владетельной власти, ограниченности средств для сохранения в стране порядка и своего авторитета, ненадежности поддержки со стороны Турции, вассальная зависимость от которой давно уже его тяготила.

В такой обстановке Келеш-бей окончательно решил отказаться от «дружбы» с Турцией. Это заставило его искать более твердую внешнюю опору в лице царской России.

Нужно заметить, что еще в 1770 г. владетель Самарзакана Леван, желая предохранить Абхазию от дальнейшего усиления агрессии султанской Турции, вел переговоры с начальником русского отряда генералом графом Тотлебеном, направленным в Грузию Екатериной II, о принятии Абхазии под российское покровительство. Но переговоры не привели к определенному результату, так как Тотлебен в это время был отозван из Грузии, а затем и его отряд покинул Грузию.

Покровительство России было для Келеш-бея тем более важно, что он хотел довести борьбу с крупными абхазскими феодалами (Дзяпш-ипа в частности) до своего логического конца и надежным образом обеспечить за Сафар-беем наследственные права, так как, по существовавшим обычаям, дети князя от жены простого сословия не могли наследовать отцу.

Обстоятельства заставили его озаботиться подысканием себе союзников. С этой целью, он еще при жизни Григория Кациевича Дадиани решил женить наследника на Тамаре Кациевне, сестре мегрельского владетеля. Григорий, в свою очередь, был чрезвычайно рад этому обстоятельству, полагая приобрести себе в воинственном Келеш-бее покровителя против теснившего его имеретинского царя Соломона II. Против воли матери и мегрельского духовенства он решил выдать свою сестру за Сафар-бея, сына Келеш-бея. Но так как, согласно христианской религии, мусульманин не мог жениться на христианке, то Сафар-бей, с разрешения отца, принял (строго конспиративно) христианство и христианское имя Георгий.

После этого, Келеш-бей начинает секретные переговоры с царским генералом Цицианов. Желание владетеля Абхазии было уже известно царским дипломатам.

30–VI 1803 г. князь Цицианов писал Григорию Дадиани: «Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы **Келеш-бей Шерва шидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство в. и. в.,** моему государю, и что будто он никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской и якобы упомянутый Келеш-бек просит и. св. употребить ваше ко мне но предмету сему посредство»[1]. (Разрядка моя. Г. Д.)

Но царское правительство, боясь осложнений во взаимоотношениях с Турцией, что было крайне невыгодно накануне войны с Наполеоном I, принуждено было сдерживать не в меру ретивых дипломатов и проявлять осторожность в переговорах с владетелем Абхазии.

Пока что царские дипломаты ведут только подготовительную работу, «нащупывают почву»...

«**Нужно удостовериться**, – писал кн. Чарторыжский ген. Глазенапу 8–VI 1809 г., – **сколь чистосердечна преданность Келеш-бека к России и в каких расположениях находится он в рассуждении Порты Оттоманской, которая почитает его своим подданным; а между тем приласкать его**»[2]. (Разрядка моя. - Г. Д.)

«...Сколь ни большое показывает к нам, – писал граф Гудович 11– II 1807 г. г.-м. Рыкгофу[3], – расположение и преданность абхазский владелец Келеш-бей, **но вверяться ему при теперешних об-**

[1] Письмо кн. Цицианова к кн. Григорию Дадиани от 30—VI 1803 г. Акты, т. II. – С. 536.

[2] Акты, т. III. – С. 190.

[3] Командующий войсками в Имеретии при гр. Гудовиче.

стоятельствах наших в рассуждении и турок никак невозможно. А потому и давать ему для безопасности войска из подвластных Мингрелии теперь никак нельзя и до тех пор, пока уже он самым опытом покажет, что нам верен и идет против турок..»[1]. (Разрядка моя. Г. Д.)

Но скоро над седой головой Келеш-бея стала собираться гроза. Турецкий султан, узнав планы владетеля, резко изменяет свое отношение к нему, что заставляет царскую Россию насторожиться. Келеш-бей был лишен жалованья, которое получали абхазские владетели от Турции[2].

Владетель начал искать формальный повод, чтобы отказаться от вынужденной «дружбы» с султаном. В этот момент к нему явился опальный трапезундский правитель Таяр-паша, желавший стать под защиту России (1806 г.). Келеш-бей не только предоставил ему убежище, но и дал возможность бежать в Россию, категорически отказавшись выполнить приказание султана, который под угрозой войны требовал выдачи Таяр-паши. Келеш-бей тотчас же начал переговоры с кн. Цициановым.

«Убежище его (Таяр-паши. Г. Д.) ко мне, – писал Келеш-бей Цицианову, – по сказанному случаю подает и мне **причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному**, и как по сие время империя Российская, давая подданным людям руку помощи и защиту, через то самое распространила славу свою, то в сем уважении покорно прошу вас представить о сем обстоятельстве е. и. в. и употребить ваше ходатайство к принятию помянутого паши под покровительство его империи, **а пребывание его у меня считать как бы в самой России, под сению ее покрова**; в случае же могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своею помощью и защищением»[3]. (Разрядка моя. - Г. Д.)

Более того: отправив (в октябре I806 года) Таяр-пашу в Тавриду, Келеш-бей передал через него «Херсонесскому и Екатеринославскому военному губернатору» дюку де-Ришелье свои условия принятия российского подданства. Вернее, Келеш-бей дал доверенность на ходатайство об изъявлении «монаршей милости» к нему, состоявшей из 8 пунктов:

«1) О удостоверении российского престола, что все военные и не военные абазинцы (абхазы. - Г. Д.) верны будут и служить готовы всегда и чтобы е. и. в. благосоизволил принять и назвать своими подданными.

2) По принятии же Келеш-бея российским престолом в подданство, быть над ними начальником Келеш-бею.

3) По достоинству же его от щедрот е. и. в. всемилостивейше награжден бы был таким же чином и жалованьем.

4) Из 6 сынов его, Келеш-бея, большой Сефер-бей также не оставлен бы был достойным чином и жалованьем; 2-го сына для уверения о верном подданстве под залог отправит Келеш-бей в С.-Петербург, прося у е. и. в. соизволения выучить грамоте и другим российским наукам.

5) Из абазинских дворян только 30 человек от щедрот е. и. в. не были бы лишены награждения.

6) Он, Келеш-бей, в кр. Боты пребывая, в случае от Порты нападения запасти провиантом.

7) В кр. Боте хотя имеются большие пушки, но по прибытии туда российских войск имелось бы российских малых хотя 2 и с канонирами, для того нужными.

8) В России запрещено покупать ясыров (рабов. – Г. Д.), то чтобы не было им запрещено, потому что без обращения сего не могут жить...»[1].

Келеш-бей обещал, что он со своими 6 000 героев «по границам в Грузии и около Тифлиса будет продолжать российскому престолу искреннюю службу»[2].

Кроме того, он обещал хороший лес для кораблестроения.

Обещал и несколько «мест», которые были «весьма способны для гаваней». При некотором исправлении они могли быть для «российского флота в зимнее время убежищем»[3]. Наконец, просил немедленно сообщить ответ.

---

[1] Акты, т. III. – С. 196.

[2] В третьей четверти XVIII века турецкий султан установил Левану Чачба ежегодное жалованье 10000 левов.

[3] Акты, т. III. – С. 192.

[1] Пояснение таврического помещика Махмед-Таяр-бея ген.-л. Эммануилу Осиповичу дюку де Ришелье. Акты, т. III. – С. 191—192.

[2] Там же.

[3] Там же.

Таким образом, Келеш-бей сделал все для перехода в подданство России. Но царская Россия все еще не решалась вступить с ним в официальные сношения, т. к. находилась с Турцией в мире.

Гр. Гудовичу было предложено, только «при первом известии о разрыве с турками» объявить Келеш-бею об официальном принятии его в подданство России.

Еще за несколько месяцев до этого, султан Селим II, раздраженный неповиновением своего вассала, отправил в Сухум турецкую флотилию из 3 военных и 8 гребных судов для наказания непокорного. Келеш-бей до последней минуты надеялся на помощь России.

«Хотя ныне прибыл человек с фирманом за Таяр-пашою и мы по надежде на помощь российского двора возвратили его назад, – писал накануне Келеш-бей, – но против нас точно идут корабли, почему просим объявить нам, какую вы можете дать нам помощь»[1].

Убедившись, что царская Россия умышленно медлит с помощью, Келеш-бей решил все-таки принять бой. На зов престарелого владетеля собралось 25 тысяч вооруженных абхазов, защищать родину от интервентов, и султанская эскадра, прибывшая в Сухум 25–VII 1806 г., вынуждена вернуться обратно, не приняв боя.

Это счастливое событие окружило имя Келеш-бея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет. Почти год он управлял независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в «измене»...

1806 год был апогеем славы Келеш-бея. Турция, не имея возможности непосредственно наказать непокорного владетеля Абхазии, вооружила против него и против наследника (Сафар-бея) обиженного Аслан-бея и недовольных князей и дворян. Не без участия Турции состоялся обширный заговор. Его организаторами были дворяне Дзяпш-ипа и другие представители местной феодальной знати, недовольные самовластием владетеля и желавшие сохранить феодальную раздробленность страны. Во главе заговора стоял старший сын Келеш-бея, Аслан-бей, племянник Дзяпш-ипа.

Однако, этот заговор был раскрыт своевременно, и Келеш-бей, чтобы избавиться от угрожавшей ему опасности, изъявил притворное намерение примириться с обиженными; под видом примирительного угощения он призвал в Сухум трех братьев Дзяпш-ипа и,

[1] Донесение Келеш-бея. Акты, т. III. – С.. 189.

когда они доверчиво явились, приказал умертвить их. Остальные члены этой фамилии бежали в Цабал.

Этот факт лишний раз убеждает Келеш-бея, что необходимо спешить с принятием русского подданства. В 1807 г. в Сухум заехал лейтенант Скирневский, владетель принял русского офицера с «особенною учтивостью», а затем объяснился ему, что «нетерпеливо ожидает уведомления, когда принят будет в российское подданство и что коль скоро сие последует, то он сына своего (Батал-бея. – Г. Д.), имеющего 16 лет от роду, отправит в Петербург для определения в военную службу»[1]. (Разрядка моя. - Г. Д.)

Скирневский, между прочим, спрашивал его позволения, могут ли русские суда, «претерпевающие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский», и получил ответ, что если это будет угодно главнокомандующему русского флота и об этом он от него получит предварительное отношение, то он на то охотно согласится[2].

Келеш-бей подарил на прощанье Скирневскому часы и передал два конверта: один – к таврическому губернатору Мертвого, а другой – Таяр-паше.

Разговор между Келеш-беем и русским офицером этим и закончился, но он ясно говорил о готовности, о желании Келеш-бея принять русское подданство. И чем очевиднее становилось это стремление владетеля, тем сильнее Турция толкала своих агентов в Абхазии на решительные действия.

Подстрекаемый турками, Аслан-бей задался целью убить своего знаменитого отца и младшего брата Сафар-бея, стоявшего на пути к власти, после чего объявить себя владетелем Абхазии. Под видом раскаявшегося сына он явился в дом отца, где не был уже несколько лет, в продолжение которых, собрав около себя молодых абхазских князей и джигитов, таких же головорезов, как и сам, занимался грабежами и набегами на пограничные области Гурии, Мегрелии и Имеретии. Келеш-бей простил раскаявшегося «блудного сына", который таким образом (совместно с двоюродным братом Бежаном) получил возможность осуществить свое намерение. В ночь на 2–V 1808 г. Келеш-бей со своим сыном Баталом, намеченным для отправки в Россию аманатом, возвращался в Сухум со зва-

[1] Центр. Военно-Истор. Архив (ЦВИА). ф. ВУА, д. № 18490, лл. № 1-4.

[2] Там же.

ного вечера; и при входе в переднюю был смертельно ранен шестью пистолетными выстрелами. Аслан-бей, видя, что отец еще жив, изрубил его шашкой. Были убиты также, два младшие сына Келеш-бея – Ростом-бей и новорожденный, а Ба-тал – тяжело ранен.

Но Аслан-бею не удалось убить брата-наследника. Последний в это время случайно оказался в Лыхнах. Воспользовавшись суматохой, вызванной убийством отца, Аслан-бей овладел крепостью и городом Сухум-Кале, захватил всю абхазскую казну и большое личное состояние Келеш-бея, после чего объявил себя владетелем Абхазии и вассалом турецкого султана.

Убийство Келеш-бея агентами Турции, изменниками родины, вызвало в Абхазии сильное возмущение.

В официальных источниках говорится, что «отцеубийца обратил на себя... даже черни ненависть»[1].

«Весть, что владетельного князя Келеш-бея убийца был сын самого князя – Аслан-бей, сразу обошла весь народ, – говорит народное предание. – Собралась вся Абхазия. Оплакали, устроили траурное шествие... Сегодня на Абхазии надет траур. Сегодня мы, и малые и большие стали под аджабара (траур), владетельный князь великий Келеш-бей погиб»[2].

Так был убит Келеш-бей, в «твердом расположении, усердии и преданности» которого уже не сомневались царские дипломаты.

Этот акт политического убийства был совершен под диктовку Турции, при участии мегрельских владетелей, опасавшихся осуществления абсолютистских замыслов Келеш-бея, и являлся следствием внутренней борьбы, происходившей между абхазскими феодалами за политическое господство, борьбы, разделившей их на две враждебные группы, каждая из которых, в целях ограждения своих интересов, имела свою собственную внешнеполитическую ориентацию.

Желая стать владетелем Абхазии и горя желанием отомстить Аслан-бею, отнявшему у него престол, Сафар-бей решил вступить в подданство России. Немедленно после убийства Келеш-бея он послал письмо через своего приближенного Реджеб-агаю ген.-м. Рыкгофу, где писал:

[1] Акты, т. IV. – С. 553.

[2] «Как сын владетельного князя убил отца». Записано в 1907 г. С. Патей-ипа. Архив АбНИИ.

«Сие письмо присылаю к вам, которое вы получите. Арслан-бек с несколькими сухумскими убили моего отца Келеш-бея; известно вам, что покойный Келеш-бей еще при жизни своей передал вам и теперь по его смерти, ежели вы хотите, **даю сию землю вам, лишь бы отомстить помянутому Арслан - беку,** не откладывая сие. Многие сухумские князья и дворяне в согласии со мной.

P. S. Милостивый отец мой, генерал! Арслан-бек с сухумскими и Бежаном Шервашндзе убили Келеш-бея и в согласии они; ныне Сухумскую крепость **и все владение даю вам, лишь бы Арслан-бека наказать»[1]**. (Разрядка моя. - Г. Д.)

Владетельница Мегрелии Нина Георгиевна, в свою очередь, внушала Сафар-бею, что наилучший способ упрочить за собой владетельские права – привести в исполнение намерение отца принять подданство России, и взялась ходатайствовать об этом, предлагая и свою помощь.

«...самодержавнейший государь, ныне время удобное принять Сефер-бека под ваш покров, – писала Нина, – ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш, да и прежде находился под рукою нашего владения»[2].

«...прошу твое главное благоуправленне поревновать за них, из почтения ко мне, дабы самодержавнейший государь уважил и принял, – писала Нина в тот же день гр. Гудовичу, – в свое рабство сего зятя моего Сефер-бека, который секретно называется по крещению Георгий, и пожаловал бы ему знак и грамоту, введя также и войска в Абхазию»[3].

Таким образом, Нина своим посредничеством помогала присоединению Абхазии к России, и генерал Тормасов[4], справедливо оценивая ее усердие, писал впоследствии:

«Приобретение граничащей с Мингрелней Абхазии в подданство Всероссийской империи есть плод ее ревности к пользам дел е. и. в.»[5].

Нина разжигает аппетиты царской России, указывая на стратегическое значение Абхазии.

[1] Письмо Сафар-бея к ген.-м. Рыкгофу. Акты, т. III. – С. 200.

[2] Прошение мегрельской владетельницы Нины от 8–VI 1808 г. Акты, т. III – С. 201.

[3] Письмо влад. Нины Георгиевны к Гудовичу от 8–VI 1808 г. Зугдиди. Акты, т. III.– С. 203.

[4] Сменил гр. Гудовича 9–III 1809.

[5] Отношение ген. Тормасова к гр. Румянцеву от 30–V 1811 г. Акты. т. IV. – С. 406.

«Таковым приобретением, – писала Нина в том же письме от 8–VI 1808 г., адресованном гр. Гудовичу, – сего соседа и зятя нашего Шервашидзе присоединятся к русской державе берега Черного моря по близости Крыма и над ними, подобно как над сим краем распространится благодать нашего государя, ибо число абхазов не малое, и когда это так будет, то и соседи их, джихи и аланы, немедленно покорятся государю нашему»[1].

На самом же деле Нина не столько старалась для России, сколько преследовала свои выгоды. Она хорошо понимала стратегическое и торговое значение Абхазии.

Кроме того, правительница, безусловно, ни в коей мере не была заинтересована в торжестве турецкого султана на берегах Абхазии.

Сафар-бей, возлагая на Нину свою надежду, писал:

«Я, владелец и державец абхазцев и внутренних мест и наследник Зуфу (Лыхны. - Г. Д.[2]) и Цебельды, склоняясь на благой совет ваш, установляю себя с моею землею в рабстве и верности всемилостивейшему самодержавнейшему всея России императору, по всей моей возможности, как вы им одарены и приняты. Обязуюсь за себя присягою верности быть всегда верным и всех моих князей и высокоблагородных также обязываю присягою на верность всемилостивейшему и самодержавнейшему всея России монарху и преемникам его престола, дабы быть наследственным рабом с моей землею отныне и навеки»[3].

Не довольствуясь письмом, Сафар-бей явился со многими князьями и дворянами к Нине и Левану, прося «единения» и «твердого соседства» и дал присягу на «верное рабство императорскому трону» и оставил аманатов.

Чтобы еще больше доказать свое верноподданство и заслужить благосклонность «великодушного» монарха, Сафар-бей берет на себя роль ревностного оберегателя и распространителя христианства, предварительно зарекомендовав себя добрым христианином. Обещает принять религию греческого исповедания **со всеми – ж его подданными»[1].** (Разрядка моя. - Г. Д.)

[1] Письмо влад. Нины Георгиевны к Гудовичу от 8–VI 1808. Акты, т. III. – С. 203.

[2] За несколько веков до н. э. на месте Лыхны милетские выходцы основали колонию, которая называлась Зуфу. Поэтому сел. Лыхны, как его называют абхазы с незапамятных времен, изредка называлось еще Зуфу, или Зупу.

[3] Письмо Георгия Шервашидзе к влад. Мегрелии Нине и сыну ее Левану Дадиани. Акты, т. III. – С. 205.

«...Заставлю и все свои владения, – пишет он в вышеупомянутом письме к Нине и Левану, – дабы и они изъявили ее, а какие из них не имеют еще света, – чтобы просветились верою греческою и стали служить каждое своим церквам».

Царская Россия от такой перспективы выигрывала больше, нежели предполагал Сафар-бей, т. к. она получала возможность завуалировать свою политику, направленную к полному покорению Абхазии и войне с Турцией, под завесой оказания «помощи» единоверной христианской Абхазии.

Император Александр I дал обещание принять Абхазию под свое «покровительство», но строго предписал, чтобы Сафар-бей, до благоприятного времени, все это хранил в совершенной тайне. Осторожность была вызвана тем обстоятельством, что Россия, озабоченная войной с Наполеоном I, находила невыгодным в это время начать войну еще с Турцией и вела с ней переговоры о мире. Царские генералы, ожидая исхода переговоров с Турцией, держали войско наготове, на случай разрыва перемирия и открытых военных действий.

Таким образом, русские войска не могли тогда вступить в Абхазию.

Гр. Гудович не дал помощи Сафар-бею войсками «...но предписал[2], – сообщал он гр. Салтыкову, – сделать одно оказательство для устрашения волнующихся абхазцев, что он готов подать ему помощь, а в самом деле не вступать в абхазские границы, дабы не развлечь войска»[3].

Ген.-м. Рыкгофу приказано было под разными предлогами уклоняться от реальной помощи Сафар-бею, и в то же время уверять его в том, что необходимая помощь и покровительство будут оказаны.

Пока Сафар-бея кормили обещаниями, Турция весьма реально помогала своему ставленнику Аслан-бею.

Из «Царьграда» прибыло судно с «разными подарками" и деньгами к Аслану, – свидетельствовала Нина, и турки уверяли, «что вся-

[1] Рапорт ген.-м. Рыкгофа гр. Гудовичу от 10–VI 1808 г. Акты, т. III. – С. 205.

[2] Ген.-м. Рыкгофу.

[3] Отношение гр. Гудовича к гр. Салтыкову от 3–III 1809 г. Акты, т. III. – С. 208.

кая нужная помощь со стороны Порты будет ему оказана, относящаяся до войск и денег»[1].

Пока с Петербургом шла переписка, Сухум был хорошо укреплен и снабжен орудиями. Если во время пребывания лейтенанта Скирневского в Сухуме, в крепости, имелось всего лишь 16 пушек (12 медных и 4 чугунных[2]), то теперь крепость занимал сильный турецкий гарнизон, имевший около 100 пушек и несколько вооруженных турецких судов. Она оказалась совершенно неприступной с суши.

Аслан-бей систематически продолжал получать помощь от Турции. Об этом говорит и тот факт, что уже после падения Сухума удалось задержать турецкое судно, в котором найдено было письмо от султана на имя Аслана, а также лафеты для пушек, соль, пшеница и т. д.

Гр. Гудович, получив, наконец, повеление царя оказать Сафар-бею содействие и помощь в изгнании из Абхазии Аслан-бея, причем сделать это как можно более конспиративно, решил действовать чужими руками, – руками владетельницы Мегрелии и ее зятя Манучара Чачба, правителя Самарзакана.

В начале августа 1808 г. ген.-м. Рыкгоф, по распоряжению гр. Гудовича, двинул на Сухумскую крепость объединенные силы владетельницы Мегрелии и ее двух зятьев – Манучара и Сафар-бея Чачба. В это же время, в Сухум, на 3 судах прибыл с войском на помощь Аслану двоюродный брат его, потийский комендант Кучук-бей, а с гор явилось около 300 человек. Войска, направленные г.-м. Рыкгофом не смогли взять крепость. Нико Дадиани, участник этого похода на Сухум, следующим образом описывает его:

«Мы прибыли в Аку (Сухум. - Г. Д.) и расположились па берегу Бесили (Басла. – Г. Д.), но не могли окружить крепость, так как не имели ни приготовленной артиллерии, ни других орудий для блокады крепости...»[3].

Убедившись в совершенной неприступности ее с суши, генерал Рыкгоф предложил бомбардировать крепость с моря и зажечь все строения, видя в этом единственную возможность взять крепость.

[1] Рапорт ген.-м. Орбелиани ген. Тормасову от 28–VI 1809 г. Кутаис. Акты, том IV. – С. 389–390.

[2] ЦВИА, ф. ВУА, д. № 18480, лл. 1-4.

[3] «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», выпуск XXXI, отд. I. – С. 80.

Отряды Рыкгофа, захватив супругу Келеш-бея Ребю-ханым (урожденную Маршания) и сына ее Батал-бея, которых держал в плену Аслан-бей, а также много заложников от населения, «благополучно вернулись в Одиши»[1].

Аслан-бей имел больше приверженцев среди абхазских феодалов, чем официальный владетель, которого все еще не признавали, как сына женщины незнатного происхождения и малоспособного управлять. Самые влиятельные князья: Гассан-бей – третий сын Келеш-бея, владетель Гумской Абхазии (от р. Гуми до р. Кодора), Али-бей – троюродный брат Сафар-бея, владетель Абжуйской Абхазии отложились от Сафар-бея и приняли сторону Аслан-бея. И ряд других крупных абхазских феодалов, также стали на сторону Аслан-бея, используя все свое влияние и родственные связи для дискредитации его противника.

В силу этого, Аслан-бей имел некоторую поддержку и среди народа. Ои считал себя владетелем Абхазии, имея на это пока что основание. Таким образом, Аслан-бей имел больше веса в стране, чем официальный владетель Сафар-бей. находившийся большей частью в Мегрелии, под защитой русских штыков, и вечно «просил о даче ему войска для взятия крепости Сухума, так как он остается почти совершенно обессиленным и даже изгнанным»[2].

«Теперь затруднение в следующем, – говорит народное предание, – Аква (Сухум)... для Абхазии середина, берег моря, потому издавна избран как место владетельного князя, но стало невозможно Сафар-бею сидеть там»[3].

Но соотношение сил скоро изменилось. Сафар-бей, вполне осознав свою беспомощность, подписал в 1809 г. нижеследующие «просительные пункты»:

«Всеавгустейшему и всемилостивейшему монарху нашему всеподданейшее прошение и предание себя с владением моим через сие письмо, следующим образом:

1) Я, законный наследник и владетель Абхазии, по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный

[1] «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», выпуск XXXI, отд. I. – С. 80–81.

[2] Акты. т. IV, д. № 569.

[3] «Как сын владетельного князя убил отца».

подданный всемилостивейшего самодержавца всея России и прочих императора Александра Павловича.

2) Обязываюсь отныне письмом сим и предаю себя и вместе со мною Абхазию и все находящееся в Абхазии в наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшего и всеавгустейшего монарха всероссийского и также преемника престола его, с исповеданием прежней веры нашей, которой были предки наши христианами по греческому закону.

3) Да соизволит е. и. в. по благости своей милостиво воззреть на меня, ознаменован меня знаком, как прочие князья, подданные императорского престола, ознаменованы.

4) Да по священнейшему благотворению и милости е. и. в. пожалована мне будет грамота, утверждающая мое наследство, дабы был начальником и управляющим владением моим и также сын мой и внуки его вечно и нерушимо от начальства и владения наследственным нашим владением и утверждено сие будет монаршею милостью, так чтоб доколе импораторский престол пребудет счастливым и сильным, и наше наследство и начальство пребыло бы таковым же по священнейшей же милости, через грамоту всемилостивейшего государя нашего непосредственным подписанием оной и утверждением.

5) Оградить владение мое войском всемилостивейшего государя нашего императора.

6) Да по благости и человеколюбию самодержавнейшего государя нашего императора пе лишусь я тех выгод и милости, которые имел наследственный владетель абхазский Келеш-Ахмед-бек, отец мой, получавший ежегодное жалованье от Порты Оттоманской.

7) Желаю всеусерднейше до капли крови быть верным подданным и обязываюсь присягою и обещанием в вечном подданстве и буду покорен главноуправляющему Грузиею вместе с верными и усердными рабами и подданными моими и дам лес для кораблей, как получала прежде сего Порта Оттоманская, равно и заводы золотые и серебряные, буде находятся во владении моем, с дачею мне некоторой части по щедрой милости всемилостивейшего и самодержавнейшего государя нашего.

С таким подданническим, искреннейшим усердием предаю себя и подвластное мне владение престолу Всероссийской империи обещанием и присягою с исповеданием греческой веры и закона, – в чем и подписуемся так: кн. Георгий Шервашидзе»[1].

Русское командование энергично приступило к подготовке военных действий в Абхазии против Аслан-бея и турок. В это время ген. А. П. Тормасов сменил престарелого фельдмаршала Гудовича. Тормасов, ознакомившись с ближайшими планами своего предшественника, тоже пришел к убеждению, что нужно прежде всего овладеть крепостью Поти и тогда уже легче было бы взять Сухум-Кале.

12–III 1809 г. турецкий султан опубликовал фирман, прерывавший перемирие и провозглашавший возобновление войны с Россией. Турецкое командование перешло к активным операциям в Западной Грузии. Тормасов после этого решил немедленно овладеть турецкой крепостью Поти.

Руководство операциями русских войск в Западной Грузии, Тормасов возложил на генерал-майора князи Дмитрия Орбелиани, тем временем назначенного (по смерти генерала Рыкгофа в 1808 г.) командующим русскими войсками, расположенными в Имеретии и Мегрелии, и как ближайшую задачу поставил перед ним взятие крепости Поти.

13–VII 1809 г. отряд кн. Орбелиани (12 рот, 50 казаков, 5 орудий) приступил к осаде этой крепости.

Кн. Орбелиани уже взял форштадт, когда в 20 верстах от него высадился трапезундский сераскир Шериф-паша.

Орбелиани, подкрепленный гурийцами, атаковал сераскира и наголову разбил его. 15–IX 1809 г. комендант Поти Кучук-бей сдал крепость[2], отплыв с остатком своего войска в Трапезунд. Оставалось взять Сухум, чтобы господствовать на восточном берегу Черного моря. Удачное приобретение Поти, воодушевило нового главнокомандующего, которому как раз в этот момент Александр I предложил быть решительнее по отношению к Турции. Император велел привести Черноморский флот в боевую готовность, с тем, чтобы в случае появления на Черном море турецкого флота – атаковать его.

---

[1] Письмо Георгия Шервашидзе. Акты, т. III. – С. 29.

[2] Кр. Поти в 1812 г. была возвращена туркам, а в 1828 г. вновь взята царским генералом Гессе.

Одновременно император Александр I 17 февраля 1810 г. утвердил «просительные пункты» ...владетеля» Абхазии Сафар-бея и дал ему грамоту, в которой говорилось:

«Нам любезно верно подданному абхазские земли владетелю князю Георгию Шервашидзе наша императорская милость и благоволение. Снисходя на прошение ваше поступить в вечное подданство Российской империи, и, не сомневаясь в преданности вашей к высокому нашему престолу, изъясненной в обязательном письме вашем на высочайше имя наше присланном, утверждаем и признаем вас нашего любезноверно подданного наследственным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи, и включая вас и дом ваш и всех абхазского владения жителей в число наших верноподданных, обещаем вам и преемникам вашим нашу императорскую милость и благоволение. – Приняв также за благо все статьи, изъясненные от слова до слова в том прощении нашем, которое в копии с российским переводом в сей нашей жалованной грамоте прилагается, утверждаем оные императорским нашим словом за нас и высоких преемников наших по всей силе на вечные времена ненарушимо и вследствие того соизволяя ознаменовать вас особою нашею к вам милостью, определяем вам жалованье серебром по две тысячи пятисот рублей в год, а любезной княгине родительнице вашей по тысяче пятисот рублей в год серебром же, которое как вам, так и ей, со дня учинения вами на верность подданства присяги, и будет доставляемо от главнокомандующего в Грузии из казны нашей по третям года. В вящее же изъявление вам императорской нашей милости жалуем вам и преемникам вашим знамя с гербом империи Российской, повелевая хранить оное наследственно в доме вашем, да сверх того всемилостивейше жалуем вас кавалером ордена св. Анны первого класса, коего знаки при сем же препровождая повелеваем возложить на себя и носить по установлению. Преемники же ваши имеют на достоинство князя абхазского владения, испрашивать высочайшего утверждения нашими императорскими грамотами, которые как и сия по неизреченному милосердию нашему и будут всемилостивейше им доставляемы. – Засим поручая вам управлять народом абхазские земли с кротостью и правосудием, уверены мы, что вы и наследники ваши как в преданности своей

к нашему престолу, так и в точном исполнении воспринятых вами на себя обязанностей пребудете непоколебимы. В таком надеянии и в залог монаршей нашей к вам и ко всему абхазскому народу милости, дана сия императорская наша грамота за собственноручным нашим подписанием и с приложением государственной печати. В престольном нашем граде св. Петра. Февраля 17-го дня лета от р. х. 1810-й, а царствования нашего в десятое.

Александр I.
Государственный канцлер
граф Румянцев»[1].

В том же 1810 году против Турции русскими войсками было совершено несколько вылазок.

В марте 1810 г. часть судов черноморской флотилии была командирована к восточным берегам Черного моря, для крейсирования около Сухум-Кале и Суджук-Кале[2], имея главным назначением «не допускать никаких перевозов и прекратить все сообщения турок, а в случае покушения к сему неприятельских судов, делать им отражение, вследствие чего крейсерами взято и истреблено было несколько купеческих судов»[3].

В начале мая того же года, фрегат «Лилем», бриг «Алексей» и корвет были отправлены крейсировать между Анапою и Сухум-Кале, с целью «препятствовать подвозам к горцам и нападать на их селения, по берегам моря лежащие, дабы тамошние народы, теснимые с сухопутной стороны войсками кавказского корпуса, а с моря нашими судами, принуждены были просить мира»[4].

Тормасов решил «ковать железо, пока горячо" и, воспользовавшись благоприятным случаем,– политическим кризисом в стране, – овладеть крепостью Сухум-Кале.

«После взятия войсками армии мне вверенной турецкой кр. Поти па берегу Черного моря, – писал Тормасов Ришелье 22–V

[1] «Материалы и записки но вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии». Венден, 1913. – С. 5–7.

[2] Турецкая крепость на берегу современной Новороссийской бухты.

[3] Донесение командира Черном. флота от 2–V 1910 г. Полн. собр. соч. г.-л. А. И. Михайловского-Данилевского, т. III. – С. 201.

[4] Отношение вице-адмирала Языкова к ген. Тормасову от 10–VI 1810 г. «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. II. – С. 48.

1810 г., – сносился с мин-ром морских сил о полезности доставить к берегам Черного моря часть флотилии, дабы с помощью оной занять остающиеся между Поти и Анапою турецкие же крепости Анаклию, Сухум и Суджук-Кале...»[1].

И управляющий министерством военных морских сил адмирал И. И. де-Траверсе дал приказ вице-адмиралу Языкову, командующему Черноморским флотом, занять Сухум судами черноморской эскадры.

8–VI 1810 г. в 4 часа дня на Сухумский рейд из Севастополя прибыла эскадра из одного военного корабля (66-пушечный «Варахил»), двух фрегатов («Назарет» и «Воин»), одного авиоза и двух канонерских лодок, с батальоном 4-го морского полка (640 чел.[2]) под начальством капитана-лейтенанта Додта. Был поднят переговорочный флаг, но из крепости начали из пушек и ружей обстреливать корабли отряда. На другой день, кораблям удалось приблизиться на соответствующую дистанцию и в 3 часа дня открыть огонь, к вечеру почти у всех крепостных пушек были подбиты лафеты. На рассвете 10-го числа из крепости снова началась пальба; ответным огнем наступающих почти все строения в городе были разрушены и, в частности, были потоплены стоявшие в бухте 7 турецких судов.

В 10 часов Додт высадил десант – батальон морской пехоты, с 2 полевыми пушками, под начальством майора Конрадини, который, поведя атаку с юга, овладел городом. Однако, десант не имел штурмовых лестниц, и Конрадини не решился идти на приступ крепости, ворота которой были завалены камнями. Он расположил три роты в 30-ти шагах от ворот, четвертую роту оставил в резерве и приказал стрелять из одного орудия в ворота крепости, а из другого – по самой крепости. Одновременно был открыт огонь с кораблей. В результате сильной бомбардировки, продолжавшейся около 2 часов, ворота были разбиты и русские войска заняли крепость. Турецкий гарнизон бежал через северо-западные ворота. В город со стороны Кодора вступила рота Белевского полка с двумя орудиями, во главе с кн. Орбелиани и официальным владетелем Сафар-беем.

[1] ЦВИА, ВУА, № 6187, 1810. лл. 29–30.

[2] Штаб-офицеров – 1, обер-офицеров – 13, унтер-офицеров – 33, музыкантов – 12, рядовых – 584, нестроевых – 6, денщиков – 12. Итого – 640 чел. Для них погружено было на суда провианта: муки – 550 четв., круп – 412 п. 20 ф. и т. д.

Аслан-бей бежал со своими приверженцами на север, в Джихию, где и нашел убежище.

«Аслан-бей осрамился, – говорит предание. – И отца убил, и место князя не получил»[1].

Со стороны русских войск, из 640 человек было убито и ранено 109, со стороны сухумцев, убито и ранено 300 чел. и взято в плен 78 человек, а кроме того, захвачено 62 пушки, 2 фальконета и большие склады пороха, ядер и оружия.

Картина разрушения была ужасна: на развалинах крепости виднелись опрокинутые и поврежденные орудия, полуразрушенные дома, повсюду мертвые тела...

Капитан Додт доносил: «По взятии крепости и по обозрении оказалась оная (крепость Сухум. – Г. Д.) совсем разбитою, а особливо с морской стороны и по сим обстоятельствам оную крепость починить и поправить почти невозможно было»[2].

В полном смысле слова – не оставалось камня на камне.

«Когда русские овладели Сухумом, – пишет французский путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, – часть города еще существовала, но командовавший тогда генерал приказал разрушить и смести до основания все, что еще от него оставалось, ссылаясь на то, что под прикрытием домов абхазам удобнее похищать русских солдат»[3].

Но разрушение «оной крепости» отнюдь не было самоцелью русского царизма, она нужна была ему для дальнейших завоевательных целей.

«Теперь, – писал министр просвещения Евгений Ковалевский позже, – когда все, неблагоприятствовавшие нам обстоятельства миновались, когда мы безусловно владычествуем на восточном берегу Черного моря, от Анапы почти до Батума, от нас зависит воскресить Сухум, который турки назвали недаром Старым Стамбулом – и поставить его в то положение, в котором он некогда находился и которого он заслуживает по своей местности»[4]. (Разрядка моя. - Г. Д.)

[1] «Как сын владетельного князя убил отца».

[2] Выписка из донесения кап.-л. Додта о занятии крепости Сухум-Кале. Акты, т. IV. – С. 424.

[3] «Путешествие вокруг Кавказа" Фредерик Дюбуа де Монперэ. Сухум, АбНИИ, 1937, том I. – С. 134.

[4] «Вестник Европы", сентябрь 1867 г.. т. III. – С. 108.

Чтобы Сухумская крепость соответствовала своим задачам, было послано туда около 1000 человек, которые наспех исправили имевшиеся повреждения. Гарнизон крепости состоял из роты под командой капитана Агаркова, перевезенной сюда из Редут-Кале, и 2 рот 4-го морского полка с полевой пушкой, под командованием Козорокого, а кроме того оставлены были две канонерские лодки под командованием мичмана фон-Бурмистра.

Сафар-бей переехал на жительство в Сухум, – единственное место в Абхазии, где он мог чувствовать себя безопасно под защитой русских штыков. Как уже отмечалось, борьба между Сафар-беем и Аслан-беем из-за власти была прежде всего борьбой двух влияний: русского и турецкого.

Взятие Сухум-Кале являлось не столько победой Сафар-бея над своим братом, сколько победой России над Турцией в борьбе за Абхазию.

После этого турки, составлявшие большинство населения города, немедленно покинули густозаселенные ими, предместья Сухум-Кале и последний, почти опустел.

Французский коммерсант Гамба, посетивший Сухум в 20-х годах XIX в., говорит, что город состоял из единственной улицы и базара, в котором торговали до 60 наезжих армян.

«В Сухуме сейчас, – пишет Дюбуа, посетивший его летом 1833 г., – жалкий маленький базар, где можно купить вино, мясо и какую-нибудь мелочь»[1].

Но «некогда вся эта маленькая равнина (Сухумская. Г. Д.), шириной в 1 1/2 версты, раскинувшаяся на восток от крепости до подножья холмов и до современного карантина, была покрыта домами и базаром и Сухум имел тогда население, равное 6-ти тысячам человек. По выложенным камням вода из Баслаты (Баслы. Г. Д.) растекалась по всем кварталам; в ее устье соорудили небольшой облицованный кирпичом канал для удобства маленьких турецких судов. От этого древнего Сухума ничего не осталось, кроме следов домов и улиц, заросших колючим кустарником и высокой травой»[2].

Так были изгнаны из Сухум-Кале турки, господствовавшие здесь в течение двух с половиной веков. Переход Сухум-Кале и Поти в

[1] «Путешествие вокруг Кавказа», т. I. – С. 134

[2] Там же. – С. 133.

руки царской России, как уже выше подчеркивалось, совершенно лишил турок того влияния, которое раньше оказывали они на приморские области Западного Кавказа.

Но оставался еще Суджук-Кале, единственное укрепление «на том берегу Черного моря под властью Порты»[1], овладев которым, русские делались «полными властелинами того берега Черного моря и все горские народы, быв тогда отрезаны от всякого сообщения с турками, – писал Тормасов де-Ришелье ровно через месяц после захвата Сухум-Кале, – должны будут по необходимости быть покойными и покориться его и. величеству»[2].

Главнокомандующий, желая воспользоваться пребыванием русской эскадры у берегов Абхазии, а также «страхом, наведенным побережным жителям через покорение Сухумской крепости, – предписывал к.-л. Додту, – не теряя времени, неуклонительно обратить с флотилиею военные действия на Суджук-Кале». Безотлагательное исполнение этого предприятия диктовалось тем, что в это самое время успехи России на балканском театре войны принудили Турцию искать мира, и Тормасов считал «весьма полезным, не упуская времени, обратить военные действия на Суджук-Кале и по праву оружия удержать сию крепость под Российскою державою до заключения еще мира, дабы после избежать всяких затруднений и иметь неоспоримо под властью России сие место, для нас весьма нужное»[3].

Русские утвердились на всем Черноморском побережье. Крепости Анапа, Суджук-Кале, Сухум-Кале, Анаклия, Поти и Гуриамта, где стояли теперь русские гарнизоны, составляли военную прибрежную линию от устьев Кубани до р. Ингура, а оттуда мегрельскими берегами до устьев Риона. Это была т. н. «Черноморская линия», законченная полностью позже, имевшая целью сковать побережье частой цепью укреплений, изолировать народы Западного Кавказа от Турции, оказывавшей им всемерную помощь в борьбе с царской Россией.

[1] Отношение Тормасова де-Ришелье от 10–VIII 1810 г. ЦВА, ВУА № 6187, л л. 33–34, об. 37.

[2] Там же.

[3] Там же.

Эта линия охранялась особой эскадрой, которая крейсировала от Анапы до Батума. И мечта Тормасова о том, что «для преграждения туркам иметь с горскими народами всякое сообщение (после занятия крепостей восточного берега Черного моря. Г. Д.), можно будет крейсировать нескольким судам между Анапою и Трапезонтом (Трапезундом. Г. Д.)»[1], – почти осуществилась.

Энергичная деятельность русской эскадры, совершенно обезопасив приморские области Западного Закавказья со стороны турок, дала возможность генералу Тормасову, уже в начале 1811 г., озаботиться устройством торговых сношений Черноморского побережья с Крымом, при посредстве особо учрежденной для этого «акционерной мингрельской компании», которая должна была быть основанием прочной уверенности новопокоренных азиатских областей в продолжительном их благосостоянии, через оживление тамо промышленности», – писал Семен Броневский, феодосийский градоначальник, ген. Тормасову 8–IV 1811 г.)[2].

«Приобретение под всероссийскую державу Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии, – писал ген. Тормасов, – связало здешний край беспрепятственным сообщением с Тавридой и открыло новую отрасль промышленности между Крымом и побережными нашими владениями на Черном море. Правительство, пекущееся всегда о распространении полезной торговли, обратило внимание и на сия новоприобретенные наши владения, вследствие чего повеяно было градоначальникам в торговых крымских городах Таганроге и Феодосии принять предварительные меры к соглашению торгующих обратить их торговлю с Абхазией, Мингрелией и Грузией»[3].

Захват Сухум-Кале являлся первым актом завоевательной политики русского царизма в Абхазии.

Захват Сухум-Кале – это начало завоевания Абхазии. Но то, что последовало дальше, в конце концов, оправдывает возникший у некоторых неправильный взгляд, будто бы взятие Сухум-Кале означало взятие Абхазии. Для прочного укрепления в Абхазии понадобилась полувековая война с абхазским народом, отстаивавшим каждую пядь родной земли. Сухум лишь способствовал достижению этой цели, и, в конечном итоге, колониальная экспансия царской России в Абхазии закончилась завоеванием последней.

[1] ЦВИА, ВУА, № 6187, 1810 г., лл. 29-30.

[2] Акты, т. IV. – С. 540.

[3] Предписание ген. Тормасова ген.-м. Сталю от 18–V l811 г. Акты, т. IV. – С. 403–404.

Агрессия Порты склонилась перед более мощной агрессией царской России. Абхазия была отторгнута от Турции и немедленно втянута в орбиту колониальной эксплуатации русского царизма. Из двух зол это было все же меньшее, т. к. султанская Турция являлась по сравнению с Россией весьма отсталой страной, находилась, по словам Маркса, на «самой низкой и варварской стадии феодализма»[1].

Характеризуя состояние Турции во второй половине XVIII в., Энгельс писал:

«Наступательная сила турок была сломлена уже 100 лет тому назад. Оборонительная же сила, пока еще значительная, тоже стала убывать. Лучшим признаком этой возрастающей слабости были волнения и бунты, начавшиеся среди покоренных христиан – славян, румын и греков, которые составляли большинство населения Балканского полуострова»[2].

О религиозной и национальной нетерпимости в Турции Маркс писал: турок во всех различных социальных положениях «принадлежит к господствующей религии и национальности, он один имеет право носить оружие, и самый высокопоставленный христианин должен при встрече уступать дорогу самому ннзкостояшему мусульманину»[3].

Зависимость от дряхлевшей и насквозь прогнившей Высокой Порты 4 ничего хорошего не предвещала Абхазии. Она была избавлена Россией от этой худшей участи.

Несмотря на устанавливавшийся русский колониальный режим, с 1810 г. начался новый период в истории абхазского народа. С этого времени Абхазия ограждается от внешних врагов военной силой России.

Русские законы, русские обычаи, язык, торговля и промышленность постепенно начинают пускать свои корни в абхазскую почву. Абхазский народ начинает приобщаться к русской культуре.

[1] Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр 344. 2 Там же, т. XVI, ч. II. – С. 9.

[2] Там же, т. IX. – С. 374.

[3] Там же. – С. 397.

Исторические судьбы Абхазии, как и всей Грузии, связываются с судьбами великого русского народа.

Но зависимость Абхазии от России была именно наименьшим из зол, ибо господство царизма в Абхазии означало усиление угнетения народных масс, оно надевало на абхазское крестьянство, эксплуатируемое местными феодалами, новое ярмо – гнет русского самодержавия.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АБХАЗИИ К РОССИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1960 году исполнилось 150 лет со времени присоединения Абхазии к России.

В исторически сложившихся условиях это было единственно правильным решением, избавившим абхазский народ от этнической разобщенности, феодальной раздробленности и междоусобных войн, усугублявших замкнутость хозяйственной жизни, решением, устранявшим угрозу окончательного порабощения со стороны султанской Турции, ускорявшим ломку патриархальных отношений. Хотя экономическое, политическое и культурное развитие Абхазии тормозилось царским самодержавием, благотворное влияние русского народа определило судьбу, все дальнейшее развитие страны.

Вопрос о присоединении Абхазии, как и всей Грузии, давно привлекает внимание исследователей. Тем не менее, он еще не был объектом отдельного специального изучения, хотя частично и освещается в ряде работ.

Представители дворянско-буржуазной историографии присоединение Абхазии к России изображали с точки зрения интересов царизма, оправдывая его методы колониальной политики, а борьбу трудящихся масс против царского самодержавия характеризовали как «смуту» и «бунт». Они почти обходили вопросы внутренней истории абхазского народа. Следует отметить, что в их трудах содержатся некоторые ценные фактические данные.

В советской исторической литературе, в работах отдельных авторов (главным образом периода первых десятилетий после

установления Советской власти), в рассматриваемом вопросе существует известный разнобой. В некоторых из них присоединение Абхазии к России расценивается как «абсолютное зло» – точка зрения, вытекающая из антинаучной концепции М. Н. Покровского и его «школы». Если и говорится о положительном значении присоединения, то оно трактуется упрощенно. Прогрессивность события сводится лишь к тому, что в крае начали развиваться капиталистические отношения. Иные авторы рассматривали только политические последствия присоединения, замалчивая социально-экономические изменения, не говоря уже об области культурного развития. С другой стороны, наблюдалась тенденция не подчеркивать факт национально-колониального гнета царского самодержавия.

В действительности признание прогрессивности присоединения того или иного края к России нисколько не противоречит одновременному признанию в нем реакционного характера политики царизма. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» писал, что «признание прогрессивности» исторической роли капитализма в хозяйственном развитии страны «вполне совместимо... с полным признанием с полным признанием капитализма[1].

Настоящая работа[2] представляет собой попытку, на основании изучения конкретного исторического материала, осветить с позиции марксистско-ленинской методологии процесс присоединения Абхазии к России, являвшийся одним из звеньев в цепи разновременного присоединения отдельных частей Грузии и Закавказья, и показать его социально-экономические, политические и культурные последствия. Особо подчеркивается значение в этом деле ликвидации феодальной раздробленности, постепенное объединение отдельных районов как внутри Абхазии, так и в масштабе всей Грузии, что тогда было возможно только в рамках России. В исследовании будет показано, как Абхазия, прочно огражденная от внешней опасности, вместе со всей Грузией постепенно

[1] Ленин В. И. Соч., т. 3, изд. 5. – С. 597.

[2] В работе использованы соответствующие разделы монографии автора «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке» (Сухуми, 1958). В связи с этим, отдельные ее части по периоду до 1870 г. даны в сжатом изложении и почти без научно-справочного аппарата.

втягивалась в общее русло экономического развития России, как росли в ней производительные силы, как страна приобщалась к передовой культуре русского народа и на новую ступень поднялась здесь национальная и социальная борьба трудящихся.

Эта борьба смыкалась с общей борьбой рабочего класса и крестьянства всей России за подлинное освобождение народов и построение нового мира.

ВВЕДЕНИЕ

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Расположенная на юго-восточном берегу Черного моря. Абхазия является горной и лесистой страной. Защищенная стеной Главного Кавказского хребта и его боковых отрогов от холодных северо-восточных и сухих прикаспийских ветров и находясь под умеряющим влиянием Черного моря, она имеет мягкий и влажный климат, с теплой зимой. Ее рельеф очень сложен, что также влияет на климат, растительность, реки и почвообразование. Этот фактор в значительной степени влиял и на хозяйственную и культурную жизнь человека.

Особенно благоприятными для хозяйственной деятельности были побережье и лесная зона нижнего горного пояса с их мягким климатом, богатой флорой и фауной. В долинах и ущельях рек Бзыбь, Гумиста, Келасури, Кодор, Галидзга и других были расположены самые цветущие районы Абхазии, где население издревле занималось земледелием, скотоводством и другими отраслями хозяйства.

Крупное хозяйственное значение имеют обширные горные пастбища в зоне альпийских лугов с питательными и сочными травами. Весьма разнообразен животный мир Абхазии. Богатство фауны благоприятствовало охоте, бортничеству и рыболовству.

Наличие полезных ископаемых в Абхазии давало возможность населению заниматься и горным промыслом. Здесь добывались железная и серебро-свинцовые руды. Почти повсеместно имеется материал для развития гончарного и керамического производства, а также обработки камня, дерева, кожи.

Естественно-географические условия Абхазии почти полностью удовлетворяли потребности натурального хозяйства, за исключением таких предметов, как соль и, отчасти, металл.

Для географии Абхазии характерно то, что она связывает Закавказье и Северо-Западный Кавказ. Историю Абхазии невозможно рассматривать вне связи с историей грузинского и адыгских народов. Влияние этих народов сказывается в социальном строе абхазского народа, в его материальной и духовной культуре, в языке и фольклоре.

Границы Абхазского княжества проходили, в основном, по р. Ингур, Главному Кавказскому хребту и Гагринским теснинам. Площадь Абхазии в административных границах 1865 года равнялась 6941,7 кв. верст, с плотностью населения – на 1 кв. версту 11,4 чел.[1]

Абхазское княжество до присоединения к России делилось на Бзыбь (современ. Гудаутский район), Абжиуа (современ. Очамчирский район), Гума (прибрежная часть современ. Сухумского района), Самырзакан или Самурзакано (современ. Гэльский район), Цабал (Цебельда) – Дал. Особое положение занимала территория современного Гагрского и частично Адлерского районов, населенная садзами (джигетами).

Каждая из этих административных единиц делилась на отдельные села–акыта, с каким понятием здесь почти всегда совпадала община, состоявшая, как правило, из нескольких поселков. Резиденцией абхазского владетельного князя с конца XVIII века и до 1808 года являлся Сухум или Акуа (Акуа).

После присоединения Абхазии к России и до 1864 года страна, находившаяся под управлением князей Шервашидзе (Чачба), в основном, делилась на Бзыбский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский округа, Самурзаканокое и Цебельдинское приставства. В 1840 году было образовано еще Джигетское (Садзское) приставство, причисленное к Абхазии в 1841 году; оно в 1847 году, вместе с Цебельдинским приставством, было передано в распоряжение приставских управлений на Кавказе, а в последствии его территория вошла в состав Черноморского округа.

[1] Стебеницкий И. Статистическая таблица Кавказского края. «Кавказский календарь на 1867 год». Тифлис, 1856. – С. 315.

Во главе округов стояли члены владетельской семьи. Приставы назначались царской администрацией. Во главе же села (общины) стоял ахылапшю – «патрон», «покровитель». В период с 1808 по 1864 год резиденция владетельного князя Абхазии находилась в с. Лыхны, являвшемся старинным политическим центром Абхазии.

За Абхазским княжеством сохранялись автономные права до 1864 года, когда была оформлена его юридическая ликвидация. В связи с этим последовало новое административное деление Абхазии, переименованной в Сухумский военный отдел. Начальник отдела подчинялся непосредственно кутаисскому генерал-губернатору. Административным центром края снова стал г. Сухум, который и задолго до этого являлся местопребыванием русской военной администрации в Абхазии.

После восстания 1866 года административное деление Абхазии было реорганизовано. По нему Сухумский отдел был разделен на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумокий. Причем западная граница Абхазии теперь проходила по р. Бегрпста. В 1868 году была проведена новая административная реформа; согласно ей Сухумский отдел делился на Пицундекий и Очемчирский округа, каждый из которых состоял из двух участков.

В июле 1883 года Сухумский военный отдел перешел в гражданское ведомство и вошел в состав Кутаисской губернии. Он был преобразован в Сухумский округ с делением на 4 участка; Гумистинский (центр – г. Сухум), Гудаутский (м. Гудауты), Кодорский (м. Очемчиры) и Самурзаканский (с. Окум). В марте 1903 года Сухумский округ был непосредственно подчинен управлению главнокомандующего гражданской частью на Кавказе.

Политические границы и административное деление Абхазии не совпадали с этническими границами расселения абхазов, бывшими значительно шире. За пределами этой территории, на северо-западе, пространство до Хамышь (Хоста) до 1864 года населяли садзы (точнее – асадзуаа, асадзкуа), или джигеты, принадлежавшие к абхазской этнической группе. Садзы-джигеты делились на береговых и горных, причем последние были известны под названием мдюаа (мдѿаа) – «медовеевцы» по русским источникам. Все они, в свою очередь, делились на ряд обществ. В 1840 году русское при-

ставство приняли лишь прибрежные садзы. В 1864 году садзы почти целиком были выселены из родной земли. Их бывшая территория в 1866 году вошла в состав Черноморского округа, когда было утверждено Александром II Положение об управлении этим краем и его заселении.

Особую группу составляли абазины, расселенные в бассейнах рек Кубани (с ее притоками Большим и Малым Зеленчуками) и Кумы. Известный советский кавказовед А Н. Генко пишет, что часть абхазов «примерно в XII–XIII вв. н. э. спустилась в северокавказские предгорья и отделилась, таким образом, от основной массы абхазов... Первое положительное указание на наличие абхазо-абазинских поселений на Северном Кавказе относится к самому концу XIV в.»[1]. Ашхаруа же, ныне занимающие долину Зеленчука, спустились со склонов Кавказского хребта в XIX веке, а именно из Ахчипсоу и Псху, почему ашхарский диалект и проявляет большую близость к южноабхазским диалектам[2].

Что же касается убыхов, живших на территории от р. Хоста (Хамышь) до Шахэ, то они этнически и лингвистически составляли промежуточное звено между абхазами и адыге (черкесами) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа. Убыхи, как и садзы, целиком выселились в 1864 году.

По своему происхождению абхазы принадлежат к ибериско-кавказской этнической семье, в которой вместе с адыгскими (черкесскими) племенами составляют абхазско-адыгскую группу народов.

Судить о численности населения Абхазии в первой половине XIX века на основании имеющихся скудных, весьма приблизительных и противоречивых данных очень трудно. Но, исходя из этих данных, все же можно заключить, что население Абхазии в указанное время равнялось, по-видимому, около 100 гыс. человек[3]. Од-

---

[1] Генко А. Н. Абазинский язык. Изд. АН СССР. М., 1955. – С. 8.

[2] Ломтатитдзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Изд. АН Грузинской ССР. Тбилиси. 1954. – С. 339, 350.

В настоящее время абазины – северокавказская народность; живут в 15 селах Карачаево-Черкесской автономной области и расселены в Адыгейской автономной области; после Октябрьской революции они впервые создали письменность на родном языке.

[3] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – С. 23–26.

нако, в 60–70-х годах произошло сокращение населения Абхазии: если к январю 1866 года оно, в пределах бывшего Сухумского отдела, составляло 79.190 чел., то в конце 1867 года – 64.933, к январю 1876 года – 78.785, а после русско-турецкой войны 1877-1878 годов – 45.812[1]. Такое сокращение населения Абхазии объясняется выселением части его в Турцию; происходившее же периодами увеличение населения шло, главным образом, за счет возвращения абхазских эмигрантов на родину, а также вследствие начавшейся колонизации края. Население Абхазии к 1897 году, согласно переписи этого года, возросло до 100. 498 человек.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 107, лл. 48, 54; д. 986, лл. 79–116; ССКГ, в. 1, отд. гор. лет., стр. 13; «Кавказский календарь на 1883 год». Тифлис, 1882. – С. 243.

● ГЛАВА ПЕРВАЯ ●

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ АБХАЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Земледелие, животноводство, лесное хозяйство и домашняя промышленность являлись основными источниками благосостояния Абхазии. Эти отрасли хозяйства и торговля определяли ее экономическую деятельность.

Земледелие имело ведущее значение на побережье и в плодородных речных долинах, т. е. на основной части населенной территории Абхазии. В горных же районах страны, хозяйственная жизнь которых отличалась своей спецификой, преобладало скотоводство.

«Абхазия, – указывал еще Вахушти Багратиони, – украшена всяким плодородием и климатом: ибо родятся всякие зерна. Фруктов, винограда, скота, зверей, птиц и рыб много»[1]. Яков Рейнеггс, говоря о том, какое значение имело земледелие в экономике Абхазии, писал; «Земледелие с избытком удовлетворяет потребность абхазов; весь их край очень плодороден, в особенности горные долины и открытые равнины, орошаемые реками...» [2]. С. Броневокий и Ф. Торнау хлебопашество считали также одним из главных занятий абхазского народа[3].

[1] Вахушти. Описания Царства Грузинского (География Грузии). Тбилиси, 1941, стр. 171.

[2] Reineggs J. Allgemeine historisch-topographisehe Beschreibuna des Kaukasus.., II. Hiidesheim und SPb, 1797. – С. 13.

[3] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I. М., 1823. – С. 326, 345; (Ф. Ф. Торнау). Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1864. – С. 62.

Среди зерновых и вообще сельскохозяйственных культур ведущее место занимали кукуруза, затем – просо (гоми). Распространялись цшеница и ячмень. Капитан Е. И. Энс- гольм в 1817 году констатировал, что «засеваемый и удобопроизрастаемый в Абхазии хлеб есть кукуруза, часть гоми, меньшая часть пшеницы и ячменя», из коих кукуруза вывозится за границу[1]. Абрюцкий кукурузу считал одним из основных «родов хлеба»[2]. Генерал М. М. Ольшевский, говоря о том, что население Абхазии сеет просо и кукурузу, подчеркивал, что оно может продать более 100 четвертей проса и столько же кукурузы[3].

А. В. Пахомов утверждал, что из зерновых хлебов в Абхазии сеется преимущественно кукуруза[4]. Г. И. Радде также писал о кукурузе, как о наиболее распространенном хлебном растении в крае. Говоря о питании абхазского крестьянина, автор подчеркивал, что «он довольствуется кислым молоком, кукурузою и кукурузным хлебом»[5]. А. Н. Введенский отмечал: «Посев гоми, сравнительно с кукурузой, составляющей главную пищу населения и вместе с тем выгодный предмет торговли, незначителен»[6].

Кукуруза в XIX столетии оттеснила на задний план просо (гоми) – этот в прошлом основной хлеб населения всего Западного Кавказа. Жаркое лето и обильные осадки создают благоприятные условия для развития кукурузы. Она оказалась более урожайной и ценной культурой – продуктовой и кормовой, требовавшей сравнительно меньше затраты труда и менее прихотливой, чем просо. Вместе с тем, кукуруза все более и более превращалась в товарный продукт. Тем не менее, просо в предреформенный период все еще оставалось одной из главных полевых культур края.

[1] Энсгольм. Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Рукопись, 1817 г. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 74, лл. 1–45.

[2] Абрюцкий. Статистический взгляд на Абхазию. «Тифлисские ведомости», 1831, №№ 24–29.

[3] Рапорт М. М. Ольшевского Н. Н. Раевскому от 3 сентября 1839 г. ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 4 об.

[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. ЗКОСХ, №№ 1 и 2, 1868. – С. 37.

[5] Радде Г. И. Предварительный отчет о путешествии д-ра Г. Радде но Кавказу летом 1865 года. ЗКОРГО, кн. VIII, 1873. –С. 18, 22, 38.

[6] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. ССКГ, в. VI. 1872, отд. III. – С. 7.

Одним из основных продуктов питания населения Абхазии, также, являлась фасоль (лобио) разных сортов. Абхазы занимались еще разведением ряда технических культур: льна, конопли, хлопчатника, табака. Из бахчевых и огородных растений разводили (обычно на приусадебных участках) лук, чеснок, редьку, местную капусту (кольраби), огурцы, арбузы, тыквы, дыни, красный перец, киндзу и пр.

Величина посевных площадей была невелика. Непроходимые дремучие леса и кустарники покрывали значительные массивы плодородной почвы. Крестьяне по мере своих сил вели борьбу за освоение новых площадей, расчищая леса и кустарники.

Земледельческая техника была крайне примитивна. Абхазские крестьяне землю возделывали сохой, только разрыхлявшей, но не переворачивавшей почву. Вырубив дерево с изогнутым пеньком, они заостряли пенек клином, к длинному концу которого приделывали приспособление из веревок для тяги. Возделывание земли под посевы производилось и вручную – заступом и мотыгой. Позже стала применяться все чаще однопарная соха с железным лемехом, а также резалом. Бороновали вспаханную землю пучком хвороста, а нередко и вовсе обходились без боронования. В качестве рабочего скота абхазы применяли быков и буйволов. Абхазский бык был довольно силен и вынослив.

Последующие работы производились с помощью тохи (мотыги). Применялись также коса, серп, деревянные грабли и вилы. Были оригинальные крупорушки и для той же цели ступки. Мололи, главным образом, на ручной мельнице.

Виноградарство и виноделие представляли собой одну из важнейших отраслей сельского хозяйства Абхазии. Было много местных сортов винограда. Разными авторами зафиксировано до 60 названий. Автор статьи «О виноградниках и виноделии в Абхазии» С. И. Пушкарев подчеркивал, что «в настоящее время (в 1852 году. – Г. Д.) виноградные лозы роскошно произрастают на всем берегу Абхазии...»[1]. Техника выделки вина была примитивна. Вино хранили в больших глиняных кувшинах, зарытых в землю, а также в выдолбленных деревянных кадушках и, впоследствии, в обыкновенных бочках.

[1] «Кавказ», 1852, № 27.

Было развито и плодоводство, занимавшее видное место в сельском хозяйстве Абхазии. Сады, а также небольшие группы привитых плодовых деревьев встречались в каждом населенном пункте на приусадебных участках, полях и лугах. Ф. Ф. Торнау писал, что Абхазия «чрезвычайно богата виноградом и разными фруктами, в особенности грушами, сливами и персиками, растущими без всякого ухода»[1]. В большом количестве росли ореховые деревья.

Как указывалось, Абхазия была богата лесом. Она издавна отличалась высоким процентом лесистости, хотя и не представляется возможным сколько-нибудь точно определить площадь, занятую лесами. Швейцарский путешественник – ученый Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Абхазию в 1833 году, говорил: «Нет страны более богатой лесом всевозможных пород, чем Абхазия»[2]. В абхазских лесах имеются высокоценные древесные пароды, главными из которых являются: самшит, тис (красное дерево), бук, каштан, пихта, восточная ель и другие. Лес всегда составлял одну из важнейших статей экспорта Абхазии. Интерес к абхазскому лесу со стороны России проявлялся уже с конца XVIII века. В дальнейшем, рост спроса на лес был связан с общим хозяйственным развитием России, но и тогда всякая рациональная система эксплуатации леса отсутствовала, хищнически истреблялись целые лесные массивы.

По своей значимости ведущей после земледелия отраслью хозяйства являлось животноводство. Скотоводство повсеместно развивалось одновременно с земледелием, а в горных районах оно имело преимущественное значение. Эта роль животноводства в хозяйственной жизни края была хорошо отмечена историком М. Джанашвили. Он писал: «Главное богатство абхазца составляет домашний скот; по мнению абхазца, это существенный рычаг жизни человека, кормитель, хранитель и взраститель его»[3].

В Абхазии преобладал мелкий скот. Наибольшее распространение и хозяйственное значение имело козоводство, которое продолжало преобладать над другими видами животноводства. «Коза – корова бедняка», – гласила поговорка.

[1] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 61–62.

[2] Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1. Сухуми, 1937. – С. 138.

[3] Джанашвили М. Абхазия и абхазцы. ЗКОРГО, кн. XVI, 1894. – С. 15–16.

О значении животноводства, в целом, говорит и тот факт, что скот еще в XIX веке был одним из основных мерил ценности. В списке «абхазских единиц ценностей», приводимом А. П. Череповым, животные занимают первое и определяющее место[1]. В XVII–XVIII веках скот в абхазской деревне зачастую выполнял роль всеобщего эквивалента при обмене товаров.

Несмотря на такое значение и роль животноводства в экономической жизни Абхазии, оно носило экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот выгоняли летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима не вызывали острой необходимости в создании искусственной кормовой базы. Скот почти круглый год находился на подножном корму. Продуктивность его была крайне низка и он обслуживал, в основном, домашние потребности населения.

Абхазы занимались и птицеводством. Разводили кур, индеек, гусей, уток. Продукция этой отрасли шла почти исключительно на удовлетворение домашних потребностей.

Немаловажное значение в экономике Абхазии имело пчеловодство. Природные условия Абхазии представляют собой прекрасную базу для развития пчеловодства. Эти условия сформировали замечательную породу пчел, известную в мире иод названием «абхазской пчелы». Она отличается высокой продуктивностью, благодаря особому строению и длине хоботка (язычка). Мед и воск в Абхазии с давних пор являлись не только распространенными продуктами потребления, но и товарами, имевшими экспортное значение. Так, в 1848–1852 годах из Сухумского порта было вывезено 312 пудов воска и 2.648 пудов меда[2]. Пасеки отличались примитивностью. Ульи были самой простой конструкции.

Изобиловавшие зверем и дичью абхазские леса создавали благоприятные условия для развития и повсеместного распространения охоты. «Дичи так много в горах и в абхазских лесах, – писал Ф. Ф. Торнау, – что хлебопашцы не знают, как уберечь от нее свои поля»[3]. С Броневский одним из основных видов занятий абхазов, состав-

[1] Черепов А. П. Краткие заметки о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыпскcго округа Абхазии. ЦГИАГ, ф. 416, он. 3, д. 1038, лл. 1–46.

[2] ЗКОРГО, кн. II, стр. 288-289.

[3] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 62.

лявших «народную промышленность», считал добычу лисьих, куньих и беличьих шкурок[1].

Для феодалов охота являлась, по существу, развлечением. Охотничьи места были распределены между отдельными помещиками. Одним из таких участков являлось пространство между Бамборским укреплением, морем и р. Хыпста, покрытое густым лесом и принадлежавшее владетелю Абхазии. В лесу водилось множество кабанов, но охотиться там никто не имел права, и крестьяне «даже с ружьем боялись проходить и проезжать по этому урочищу... За убитого же кабана в заповедном лесу они подвергались, по их рассказам, большим штрафам и даже, в некоторых случаях, виновные в нарушении этого запрещения были продаваемы туркам...»[2].

Вахушти отмечал, что в Абхазии много рыб[3]. Пресноводных рыб здесь известно 33 вида, а в Черном море насчитывается около 180 видов, из млекопитающихся водятся два вида дельфинов. Абрюцкий, констатируя, что абхазские реки и озера изобилуют рыбой, писал: «И в сем отношении жители совершенно удовлетворяют свои нужды, хотя рыболовство не составляет особой ветви промышленности»[4]. Ф. Ф. Торнау сообщал, что прибрежные абхазы занимались рыбной ловлей, преимущественно в устьях горных рек, а также ловлей дельфинов для вытапливания из них жира, закупавшегося турками и греками[5].

* * *

Домашняя промышленность и ремесло являлись основной формой промышленности Абхазии в дореформенный период. Абхазское население издавна перерабатывало разнообразное сырье, выработав определенные технические и художественные приемы и навыки в этой области. Кустарная промышленность у абхазов исторически связана с земледелием, скотоводством, лесным промыслом, потреблением металла и т. д., с чем они были знакомы с древнейших времен.

[1] Броневский С. Указ. соч. – С. 351.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник» № 1872. – С. 153–154.

[3] Вахушти. География Грузии. – С. 171

[4] Абрюцкий. Указ. соч.

[5] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 61.

Домашние промыслы Абхазии составляли необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки их почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство; они были неразрывно связаны с земледелием в одно целое. Деревенское ремесло и домашняя промышленность носили, в основном, домашнепотребительский характер. Они были рассчитаны, главным образом, на удовлетворение личных потребностей, как самого непосредственного производителя, так и феодала.

Все виды домашнего обихода, за малым исключением, могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья, почти в каждой крестьянской семье, не вызывая особой специализации, а следовательно, и отделения промыслов от земледелия.

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так это в горном деле и в металлообрабатывающем производстве, и в редких случаях в некоторых других отраслях домашней промышленности. Эта тенденция тем сильнее проявлялась, чем больше разлагалось натуральное хозяйство в процессе развития общественного разделения труда. Абрюцкий, характеризуя хозяйственный быт абхазов начала 30-х годов XIX века, писал: «Ружья, кинжалы и сабли делаются во многих местах из железа... Абхазцы отлично выделывают и приготовляют из оного особенной доброты сталь. Есть мастеровые, которые искусно чернят серебро и золото для украшения оружий»[1].

А. А. Миллер отмечал наличие в Абхазии с давних пор не только кузнецов, но и слесарей: «Кузнецы делают всю железную утварь абхазца, а слесари – и оружие: шашки, кинжалы, пистолеты, ружья»[2]. Интересно также сообщение Н. С. Джанашия о существовании «корпорации жрецов-кузнецов»[3].

С развитием города Сухума и других населенных пунктов городского типа в этих местах увеличивается и число ремесленни-

[1] Абрюцкий. Указ. соч.

[2] Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. «Материалы по этнографии России», т. I. СПб, 1910. – С. 78–79.

[3] Джанашия Н. Абхазский культ и быт. «Христианский Восток», т, V, Пгр. 1917. – С. 173.

ков-профессионалов, правда, нередко за счет переселявшихся сюда извне специалистов.

Издавна было известно в Абхазии гончарное дело. Гончарный станок, видимо, очень рано стал применяться в быту абхазов. Гончарное производство проявлялось, главным образом, в изготовлении кувшинов для хранения вина, а также кувшинов для воды, простых чаш и глиняных труб для колодцев. Весьма незначительным было производство керамических строительных материалов – кирпича и черепицы.

Особое место занимала обработка камня. Основным в этом деле было производство жерновов, без которых в Абхазии не обходилось ни одно семейство. Речь идет, прежде всего, о ручных мельницах, так как водяные мельницы здесь получили распространение во второй половине XIX века. Кроме того, встречались долбленые ступы, предназначенные для обдирания проса. Вторым разделом в обработке камня было изготовление более мелких предметов: пряслиц для веретена, сковород для выпечки разного хлеба, точильных камней. Камень применялся и в качестве строительного материала.

В быту абхазов весьма важное значение имела обработка дерева. Такие предметы, как сохи, деревянные молотки, надочажные цепи и пр. изготовлялись в каждом доме. Среди деревообделочников выделялись специалисты, исполнявшие более сложные работы (арбы, части водяных мельниц, челноки и берда для ткацкого станка, оригинальные люльки, музыкальные инструменты, сундуки и т. д.). Из дерева же резалась различная посуда.

Очень важным разделом обработки дерева было строительство судов, преимущественно мелких (лодок). Как известно, абхазы издавна славились как мореплаватели. Например, Вахушти, подчеркивая, что абхазы в море стойки и сильны, сообщает, что они плавали на судах, в которых вмещалось до 100–300 человек[1].

По сведениям Р. де Скасси (1818 г.), абхазские челноки делались из одного ствола дерева[2]. Вельяминов писал (1820 г.), что эти лодки были плоскодонными[3], причем, добавлял Цезарь Фамэн, длинными,

[1] Вахушти. География Грузии. – С.172.
[2] АКАК, т. VI. ч. I, стр. 642–652.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 47.

походившими на камары древних готов[1]. С. Броневский сообщает, что в лимане р. Согумы при жизни владетеля Абхазии Келешбея Шервашидзе (Чачба) была корабельная верфь, лежавшая недалеко от Сухумской крепости[2]. Абхазия славилась «корабельным лесом», являвшимся предметом широкого вывоза[3].

С середины XIX века все большее распространение получает изготовление драни – важнейшего кровельного материала в крае. Следует отметить, также, строительство мостов и производство плетеных изделий.

Изготовлялись различные рога (турьи и воловьи) для вина, а также ложки. Всевозможные рукоятки к кинжалам, саблям, ножам, шилам и т. д. делались не только из дерева самшита и тиса, но и из рогов и костей животных. Достаточно хорошо было развито народное декоративно-прикладное искусство. Резьба по дереву, металлу, рогу и кости имела повсеместное распространение. Художественной резьбой и росписью покрывали детали внутреннего убранства и обстановки домов. Широко применялись, особенно впоследствии, выпиленные украшения. Роговые и костяные изделия украшались резным узором, серебром и золотом. Обработка и украшение камня и каменных изделий в Абхазии ведет свое начало с древнейших времен. Имелись превосходные мастера по выделке золотых и серебряных изделий.

Важнейшим разделом деревенского домашнего производства было ткачество. Большое значение имели и войлочные изделия. Сырьем для ткацкого дела служили шерсть, лен, конопля и хлопок, а для войлочного – шерсть. «Во всяком доме, – писал барон И. К. Аш, – приготовляют для домашнего употребления толстое сукно, серого и желтого цвета из шерсти овец, также бурки и полотно из хлопчатой бумаги...»[4]. Издавна были известны станки для тканья, а

[1] Famin C. Region Caucasienne 1-re livraison Cireassie et Georgie. «Vnivers pittoresque Europe», т. 40. Париж, 1842.
[2] Броневский С. Указ. соч. – С. 295.
[3] См. Г. А. Дзидзария. Из истории мореходства в Абхазии. «Труды» Сухумского Государственного педагогического института им. А. М. Горького, XII. Сухуми, 1959.
[4] Бар. Аш. Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западною частью Кавказского станового хребта, 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 103212, лл. 1-34.

также всевозможные приспособления для изготовления войлочного материала, ковровых тканей и прочих шерстяных, бумажных и шелковых тканей и вязаных изделий. Из пеньки (конопли) изготовлялись вёревки и шпагат. Абхазская веревка славилась издавна и применялась в районах прибрежья Черного моря в рыболовстве для сеток и неводов. Ткачество являлось занятием, главным образом, крестьянок, высокое мастерство которых отмечалось многими авторами.

Значительную роль играли в Абхазии кустарные кожевенные изделия. Широко была известна самодельная кожа из козьей или овечьей шкуры (местный сафьян), окрашенная в разные цвета растительными и минеральными красками. Из этого материала изготовляли чувяки, ноговицы, матрацы, седельные подушки. Большие шкуры обрабатывались в коже- мялках. Разными способами готовили ремни, шедшие на конскую сбрую, пояса, перевязи для оружия, портупеи, охотничьи принадлежности и пр. Важное хозяйственное значение имели бурдюки. Делались также походные вещевые мешки и мешки для муки.

Шорный промысел состоял преимущественно в изготовлении местных седел, сбруи, поясов. Распространение имели изготовление соли из морской воды, производство мыла и пороха.

Продукты домашней кустарной промышленности были рассчитаны на удовлетворение внутренних потребностей. Но отдельные их виды вывозились и за пределы Абхазии.

Что касается первых промышленных предприятий, то они будут рассмотрены в разделе о сдвигах в экономике Абхазии в предреформенный период. Это относится и к транспорту и торговле, развитие которых также было неразрывно связано с указанным процессом, обусловленным фактом включения края в состав России. Охарактеризовать же их первоначальное состояние без учета данного явления, к сожалению, не представляется возможным.

* * *

Абхазия в предреформенный период оставалась страной господства феодальных отношений и натурального хозяйства, с весьма слабым развитием торговли и городской жизни. Вместе с тем, еще ощущались родовые пережитки и патриархально-общинные

традиции. Не было общинной собственности на пахотные земли. Однако, население было объединено в сельские общины, и в общинном пользозании находились леса и пастбища. Община, в которую включались и феодалы, носила черты дофеодального быта. Абхазский термин «акыта» (акыта) означал одновременно и селение, и общину «с преобладающим влиянием и значением одного какого-либо лица, одной какой-либо фамилии»[1], хотя не всегда территория общины совпадала с территорией села, которое могло состоять и из нескольких общин.

В силу развития феодально-крепостнических отношений положение абхазской акыта. права общины изменяются; община разлагалась, хотя, повторяем, в ней еще сохранялись дофеодальные пережитки, особенно в высокогорных изолированных местах, где патриархально-общинный уклад был еще достаточно крепок.

«Каждая такая община представляла две категории населения и два рода отношений; в общине находился непременно ахалапшюю (ахылапшю. – Г. Д.), т. е. покровитель, защитник, подле которого группировались хипши, т. е. покровительствуемые, – а из взаимодействия этих двух элементов населения каждой общины образовались все действовавшие в среде ее отношения»[2]. С. Броневский писал еще яснее: абхазские общины делились на «аристократические», «которые управляются князьями», и «демократические» – «абхазские вольные общества»[3]. На общинном сходе решающее слово принадлежало ахылапшю – феодалу, как и на всеабхазеких народных собраниях обычно происходивших в с. Лыхны и созывавшихся для обсуждения вопросов войны и мира и т. д., где главенствующая роль принадлежала владетелю и вообще феодальным слоям.

Таким образом, указанные пережитки родовой организации были в значительной степени феодализированы. Под оболочкой патриархально-родовых отношений в большинстве случаев скрывались, по существу, феодальные отношения. Феодализирован был

---

[1] (Краевич П. Д.). Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. ССКГ, в. III, 1870. – С. 4.

[2] (Его же). Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани. ЦГИАГ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, л. 45.

[3] Броневский С. Указ. соч. – С. 39–40.

и абхазский общинный суд, в состав которого включались князья и дворяне, причем он контролировался тем же ахылапшю-феодалом. С другой стороны, общинный обычно-правовой суд отчасти ограничивал произвол феодалов, как и обычай кровной мести.

В дореформенной Абхазии существовало четкое классовое разделение населения с более или менее ясно очерченными правами и обязанностями каждого сословия.

Абхазское общество делилось на два противоположных класса: феодалов и эксплуатируемых трудовых крестьян, из которых последние составляли, по данным 1865 года, около 92 процента всего населения Абхазии.

Общественный строй феодальной Абхазии характеризовался социальной иерархией со значительным числом ступеней.

Феодальная знать была представлена двумя основными сословиями: тавадами и аамста. К ним примыкали представители высшего духовенства. Промежуточное положение между высшим слоем крестьянства и дворянством занимали ашнакума – телохранители владетеля и других наиболее крупных феодалов. Говоря словами Р. де Скасси, «Абхазия разделена» «между большим числом мелких князей и дворян; им «принадлежат более или менее обширные владения, в которых они, несмотря на это, являются абсолютными хозяевами...»[1].

Наиболее привилегированную часть составляли князья, делившиеся в свою очередь на степени, причем тавады Чачба (Шервашидзе) и члены семьи владетеля Абхазии занимали первенствующее положение и пользовались повинностями крестьян «более других князей»[2].

Владетель Абхазии – ах, основную социальную опору власти которого составлял феодальный класс, формально сосредоточивал в своих руках все нити управления, считался «главой страны..., и все население считало себя подданными его»[3]. Однако вследствие раз-

[1] АКАК, т. VI, ч. I, стр. 646–658.

[2] (Лаврентьев А. Н.). Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. «Военно-статистическое описание губернии и областей Российской империи», т. XVI, ч. 5. СПб, 1858. – С. 268; Записка члена Кавказского комитета Буткова наместнику Кавказа от 1 мая 1864 г. ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 52.

[3] (Краевич П. Д.). Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. – С. 9–10.

дробленности княжества и феодальных междоусобиц власть владетеля была слаба, отдельные князья и дворяне находились лишь в номинальной зависимости от него; были даже районы, где владетельская власть почти не признавалась. В XIX веке с помощью царских властей происходит значительное усиление власти владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе. С другой стороны, эта власть в определенных ее сферах ограничивалась царским правительством, а в 1864 году она и вовсе была упразднена.

У владетеля был определенный государственный аппарат.

Его власть, кроме феодального ополчения, поддерживалась штыками царских войск. Для карательных мероприятий и личной безопасности владетель имел постоянную охрану в лице ашнакума и отдельных дворян. Эти последние выполняли и разные административно-хозяйственные обязанности. Владетель имел управляющих, сборщиков повинностей, штрафов и т. д. Он считался высшим судьей, регулировал внешнеторговые связи и пр.

Некоторые представители владетельской фамилии, отдельные из которых считали себя «удельными» князьями, в зависимости от себя нередко имели других князей; князья, как правило, имели и зависимых от себя дворян. Это обстоятельство нашло свое отражение в бытовавшем выражении: «Тавад, не имеющий аамста, – не есть тавад». Но в Абхазии не было дворянских дворян, что было специфическим для Гурии и Имеретии.

Владения «удельных» и некоторых других князей (тавадов) напоминали сеньории позднесредневековой Грузии – сатавадо. Князь (тавад) в отношении владетеля выступал в роли вассала. Однако он подчинялся ему, в основном, лишь в деле несения военной службы. Сеньоральная система отражала крайнюю политико-экономическую раздробленность страны и, появившись на почве экономического застоя, в свою очередь способствовала сохранению этого застоя[1].

За княжескими родами следовали дворяне – аамста различных категорий, социальный облик которых, как и грузинских азнаури, также определялся их происхождением, экономическим состояни-

[1] Думбадзе М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в. (Присоединение к России и социально-экономическое развитие). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1937. – С. 10, 24–25.

ем и служебным положением. Среди аамста высшее место занимали так называемые «чистые» или «настоящие», исконные дворяне. Некоторые из дворян, имея личные заслуги перед владетелем и царским правительством, занимали очень высокое положение в княжестве. Такими при М. Шервашидзе являлись Кац и Хасан Маан (Маргания), из них первый дослужился до чина генерала русской армии.

Многочисленную группу составляли мелкие аамста, распадавшиеся на ряд категорий. Они в народе нередко носили различные насмешливые наименования. Некоторые дворяне были обязаны нести лишь личную, почетную службу у патрона. Большинство же из них находилось в прямой зависимости от князей и выполняло различные обязанности. Но все они пользовались правом владения крестьянами.

Экономическая сила абхазской феодальной аристократии в известной мере характеризуется данными, относящимися к имениям членов владетельского дома и некоторых других абхазских феодалов[1].

Господство натуральной ренты и весьма ограниченная денежная рента характеризовали отсталость абхазского помещичьего хозяйства. Собственное помещичье хозяйство в Абхазии не носило крупного характера, барская запашка была незначительной. Даже в имениях владетеля Абхазии «собственные запашки» производились «в самых небольших размерах, единственно для удовлетворения потребности самого дома князя Михаила Шервашидзе»[2]. Другой крупнейший абхазский феодал Д. Г. Шервашидзе под собственную господскую запашку занимал лишь около 100–120 десятин. Он, «как и большая часть крупных землевладельцев Закавказского края, – писал А. В. Пахомов, – получая натурой подати со своих подвластных, почти не имеет надобности иметь своей собственной запашки»[3].

Административно-хозяйственным центром помещичьего хозяйства являлся дом помещика, откуда последний осуществлял все управление хозяйством. При дворе помещика, за исключением

[1] См. Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – С. 163–176.

[2] Рапорт командующего войсками в Абхазии полк. Коньяра Кутаисскому генерал-губернатору от 18 января 1866 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 142–143.

[3] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29, л. 386.

владетеля и некоторых других князей Шервашидзе, не существовало особых хозяйственно-административных должностей, чем организация помещичьего хозяйства отличалась от хозяйственной организации в имениях владетеля и отчасти «удельных» князей. Своими хозяйствами управляли сами помещики, что свидетельствует о небольших размерах их хозяйств, хотя размеры их были неодинаковы.

Для феодального землевладения было характерно соединение собственности на землю с политическими правами в отношении феодально-зависимого населения. В феодальную эпоху «высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности», «политическое положение определялось размерами землевладения»[1]. Вместе с тем, наряду с феодальной собственностью на землю, в Абхазии продолжало существовать в определенном виде общинное владение: емлей, «как вымирающая форма владения»[2].

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению непосредственных крестьянских категорий, необходимо остановиться еще на ашнакума, переходном слое от высшей группы крестьянства к дворянству. Численность данной социальной категории была невелика. Она формировалась, главным образом, из верхушечного слоя абхазского крестьянства – анхаю, а также выходцами из адыгских племен, Мегрелии и т. д. Ашнакума состояли при владетеле Абхазии и некоторых «удельных» князьях Шервашидзе. Они имели право жениться на дочерях дворян, владеть на одних с ними правах крестьянами и землей, почему некоторые авторы считали возможным приравнять их к «личным дворянам»[3], а Сухумская сословно-поземельная комиссия отмечала, что на ашнакума смотрели «как на лиц, стоящих выше прочего населения и равных амиста»[4]. Сами ашнакума во время крестьянской реформы всячески претендовали на дворянское достоинство. Среди ашнакума была также известная дифференциация.

Крестьяне по своей подчиненности делились на владетельских, на крестьян, находившихся в зависимости от князей, дворян

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II. 1955. – С. 304.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. II. – С. 388.

[3] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. ЗКОРГО, т. XX, № 1, 1909 – С. 183.

[4] ЦГИАГ, ф. 231, оп .1, д. 415, лл. 1–23.

и ашнакума; были крестьяне, считавшиеся частично церковными, а также зависимые и от наиболее богатых крестьян.

Основными категориями крестьян в феодальной Абхазии XIX века являлись анхаю, ахоую и ахашвала. Другими прослойками зависимого сельского населения были амацуразку и азаты, являвшиеся второстепенными по количеству, устойчивости и значимости. Вместе с тем, крестьяне перечисленных категорий, в свою очередь, делились на отдельные группы по характеру отношения к средствам производства, типу их эксплуатации, по своему имущественному и правовому положению.

Анхаю, составлявшие преобладающую массу абхазского крестьянства, а следовательно главную производительную силу страны, были лишь юридически свободными, экономически же и политически феодально-зависимыми. Являясь объектом феодальной эксплуатации, они, как и другие крестьяне, испытывали постепенное усиление классового гнета.

Будучи собственниками земли, являющейся основой производственных отношений феодального общества, абхазские помещики вместе с тем, как уже отмечалось, в той или иной мере были носителями политической власти, чем и обуславливалось внеэкономическое принуждение крестьян со стороны феодалов. Эти отношения между помещиками и крестьянами в Абхазии часто были замаскированы патриархально-родовыми пережитками. Всевозможные повинности анхаю порой выступали в форме «взаимопомощи», «угощения», «подарков» и пр. Консервируя институты дофеодального быта, они использовали их для присвоения прибавочного труда или продуктов непосредственного производителя путем отдачи детей на воспитание, обычаями «асасства» (гостеприимства) и пр. Феодалы стремились всячески расширить круг зависимых от них крестьян.

Происходило постеленное прикрепление к земле еще незакрепощенных анхаю; непрерывно росли отбывавшиеся ими повинности, принимавшие наиболее тяжелые формы феодальной эксплуатации. В силу этого в порядки, на которых основывались права и обязанности крестьян, вносились изменения, в отдельных случаях эти изменения закреплялись письменными документами, ограничение крестьян фиксировалось как законное ограничение.

Анхаю по своему хозяйственному и правовому положению не составляли однородной массы. Им была присуща систематическая дифференциация в социально-экономическом отношении. Данная категория распадалась на прослойки, что нашло свое отражение даже в специальных названиях для обозначения этих прослоек-групп.

Повинности по своему характеру как для анхаю, так и для других, крестьянских категорий делились на отработочную и продуктовую ренты, причем постепенно распространялась и денежная рента. Для анхаю основной формой ренты являлась продуктовая, – факт сам по себе существенный для характеристики положения этой категории крестьян. Хотя вследствие различия условий разных районов и некоторых других обстоятельств объем и характер повинностей анхаю были неодинаковыми, но в целом, анхаю были обязаны приносить вино, кукурузу, просо-чалу, лобио, животных, птицу и пр.; отбывать полевые работы в течение нескольких дней в году, содержать лошадей, обслуживать и исполнять различные поручения и т. д. На них же лежала основная тяжесть постоянной заботы по воспитанию почти всех детей феодалов. За исправным отбыванием крестьянами повинностей строго наблюдали и в случае неисправного платежа подати или невыхода на барщину брали штраф. Анхаю имели право передачи своих земель в наследство по нисходящей линии и по некоторым боковым, «но при признании покровителем одного лица»[1].

Между анхаю, отстаивавшими свои преимущества, и помещиками, стремившимися максимально закабалить их, происходила постоянная борьба. Классовая борьба крестьян, проявлявшаяся в ярких фактах, имела разнообразные формы. Однако живучесть патриархально-родовых пережитков, своеобразно переплетавшихся с феодальными отношениями и оказывавших влияние на сферу экономического развития и классовых отношений, в известной мере тормозила, с одной стороны, тенденцию помещиков к окончательному закрепощению анхаю и, с другой – борьбу между анхаю и помещиками.

Анхаю в целом занимали лучшее положение по сравнению с другими категориями абхазского крестьянства. Они в известной мере могли прибегать к обычаю «первой заимки», пользоваться

[1] (Краевич П. Д.). Краткая записка о сословно-поземельных отношениях в Абхазии и Самурзакани, л. 49.

общими угодьями, а также передавать или продавать свою землю; могли уйти от помещика, хотя зсе это оспаривалось и ограничивалось феодалами. Из анхаю в основном и выделялись зажиточные элементы. Производственные отношения в хозяйстве такого крестьянина характеризовались применением рабского труда, а также наличием наемных работников.

Из грузинских крестьянских категорий крестьянам анхаю, во всяком случае, их отдельным группам, более или менее соответствовали мсахури. Особенно же анхаю были близки с кабардинскими тлухолами и адыгейскими тфэкотлями, а на Восточном Кавказе – с узденями. Эти крестьяне, как и анхаю, составляли высший слой феодального крестьянства.

Собственно крепостными крестьянами являлись ахоую. Несмотря на то, что ахоую также сидел на фактически ему принадлежавшей земле, на которой создавал свое хозяйство, он тем не менее был лишь наследственным владельцем этой земли; собственником же ее являлся господин, имевший прямую власть над его личностью.

Повинности ахоую по своему характеру также делились на отработочную, продуктовую и, в очень слабой степени, денежную ренту. Основной для ахоую являлась самая простая и вместе с тем самая тяжелая форма ренты – отработочная. Наименования повинностей, отбывавшихся крестьянами ахоую, указывают па развитие и рост барщинного труда, определявшегося характером взаимоотношений между помещиками и крестьянами, и подтверждают положение ахоую как крепостных. Перемена в характере крестьянских повинностей вообще, ахоую в частности, в сторону увеличения удельного веса барщины в составе этих повинностей находилась в прямой связи с некоторым ростом феодального хозяйства в предреформенный период и являлась одним из характерных явлений экономического развития края в это время.

Таким образом, и по отношению к ахоую наступление владельцев развивалось, наряду с захватом земель и пр., в направлении усиления их эксплуатации. Ахоую три дня в неделю работали на владельцев, выставляя по одному работнику с дыма, если в последнем не было более одного взрослого работника; в других же случаях – по два и три работника. Владельцы имели право использовать крепостных для присмотра за скотом, для домашних услуг

и исполнения всевозможных хозяйственных работ. На женщинах, а также на части мужчин ахоую лежала повинность приготовлять пищу для владельцев и, кроме того, в определенных случаях – для их работников, занятых на поле. Домашние работы у помещика для ахоую были настолько значительны, что именно они первоначально определили наименование данной категории крестьянства: «ахоую» – «приготавливающий пищу» (слуга).

Кроме того, ахоую были обязаны приносить владельцам всевозможные продовольственные продукты и предметы домашнего промысла. Права наследования ахоую в боковых линиях ограничивались лишь ближайшим родством и то при зависимости их от одного и того же владельца. Самой отвратительной формой эксплуатации крестьян являлась практика их продажи.

Среди ахоую также наблюдались различия в экономическом и правовом положении. Деревенская верхушка формировалась частично и из ахоую. Некоторые из них даже имели возможность сами эксплуатировать чужой труд: они держали не только рабов, но и крепостных; сосредоточивали в своих руках значительное количество земли; занимались торговлей, держа даже лавки и т. д. Такие крепостные крестьяне нередко откупались от владельцев, платя значительные материальные ценности.

Ахоую по своему общему положению и происхождению в целом были аналогичны с адыгейскими и кабардинскими пшитлями. Они в основном соответствовали отдельным категориям крепостных крестьян, известным в различных частях Грузии, например, мебегре в Мегрелии, с которыми они были наиболее сходны.

Усиление порабощения ахоую вызывало обострение классовой борьбы, активное участие их в общем крестьянском движении в Абхазии.

На самой низкой ступени зависимости стояла немногочисленная социальная группа ахашвала или атвы – рабы, которые по своему положению, в основном, соответствовали грузинским моджалабе и почти целиком унаутам адыгов. Ахашвалами становились преимущественно пленные, а также купленные рабы, закабаленные лица из разных крестьянских категорий и прижитые вне брака женщинами из той же категории.

Ахашвала являлись полной собственностью владельцев. Дореволюционные авторы к ним без всякого колебания применяли термин «раб». Они не имели никаких юридических и материальных прав и постоянно проживали в домах владельцев, составляя рабочую силу, которой пользовались главным образом для домашних услуг, а также и для других работ. Ахашвала по произволу владельцев могли быть передаваемы, продаваемы и лишены были права вступления в брак – характерные показатели рабской формы эксплуатации.

Категория ахашвала, представлявшая особый институт домашнего рабства, являлась несомненным пережитком патриархального рабства. Общая численность категории ахашвала была очень незначительна и непостоянна, особенно перед реформой, и имела тенденцию к полному исчезновению. Это было обусловлено, в основном, двумя причинами: во-первых, невыгодностью рабского труда в новых условиях, стремлением помещиков сажать своих ахашвала на землю, сделать их крепостными крестьянами, обязанными им барщиной и оброком, во-вторых, мероприятиями кавказской русской администрации по борьбе с практикой работорговли (пленопродавства) в крае.

Особую небольшую группу феодально-зависимого населения составляли амацуразку. Будучи одной из разновидностей крепостных крестьян, они обладали .некоторой особенностью, отличавшей их от ахоую и по объему гражданских прав, и в экономическом отношении. Но амацуразку и ахоую по существу один класс феодального общества, находившийся лишь в разной степени зависимости. Амацуразку соответствовали адыгейским и кабардинским огам.

Азаты – «вольноотпущенники; они освобождались по какому-нибудь особому случаю, например, за воспитание детей помещиков, в силу «душеспасительной», религиозной цели. Однако азаты были обязаны определенными повинностями, хотя и смягченными; должны были жить в селе своего феодала и следовать за ним. Азаты в Абхазии составляли также незначительную группу, но с утверждением здесь русского управления в нее начали вступать вообще освобождавшиеся крестьяне.

Характеристика положения крестьянства, в целом, далеко не исчерпывается сказанным выше. Подчиненное положение этой части населения феодальной Абхазии проявлялось и во многих других сторонах жизни. Как правило, крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним он должен был уступить дорогу и, если ехал на лошади, спешиться. Крестьянин не мог иметь дом, крытый дранью, а также обладать лучшим, чем феодал, конем, одеждой, оружием и т. д.

Сословное неравенство крестьянства находило свое выражение и в «цене крови». По обычаю платилось за убийство: князя 30 душ крестьян, лошадь с седлом, полное вооружение и серебряная цепь; анхаю – 2–3 души крестьян, ружье и шашка; ахоую – одна душа. Основная тяжесть постоянной заботы по воспитанию почти всего подрастающего поколения феодалов ложилась дополнительным бременем на плечи крестьян. Между тем, как обратное явление – воспитание крестьянских детей князьями и дворянами в порядке аталычества совершенно исключалось. Существовали правила о строгом сословном ограничении браков, и нарушения этого ограничения со стороны крестьян обычно влекли за собой трагические последствия.

Следует сказать о бытовом положении крестьянства. Занимая страну, изрезанную ущельями и ложбинами и покрытую густыми лесами, абхазы селились отдельными усадьбами, разбросанными по холмам или в чаще леса. Каждый дом в хозяйственной жизни села представлял из себя самостоятельную хозяйственную единицу. Усадьбы друг от друга находились иногда на большом расстоянии, часто отделяясь небольшими перелесками. Поэтому абхазские села нередко тянулись на 8–10 и более километров. Как правило, эти села делились на поселки. Хуторской тип поселений в Абхазии, характерный и для убыхов, абадзехов и шапсугов, а также для населения Мегрелии, Гурии и вообще Западной Грузии, был обусловлен географическим рельефом горной местности и отсутствием общинной собственности на пахотные земли. Существование указанного типа поселений, кроме того, находило свое объяснение в живучести многочисленных родовых пережитков.

Группы усадеб и целые поселки образовались обыкновенно вследствие занятия определенной территории целыми фамилиями или родами. Такие фамильные или родовые поселки постепенно разрастались почти в села. А. П. Черепов, говоря об анхаю, писал, что они жили большей частью целым родом, состоявшим часто из

50 и более семейств[1]. На семью приходилось в среднем по 8–10 душ. Каждая усадьба включала двор, огороженный плетнем или живой изгородью, с жилыми и хозяйственными постройками, фруктовым садом, виноградником и пр. Кукурузное поле также огораживали живой изгородью или плетнем.

Абхазские жилища, особенно крестьянские, по своему характеру отличались легкостью и простотой. Это было обусловлено рядом причин: мягкостью климата, постоянными внешними вторжениями, большой активностью передвижения населения и бедностью крестьянской массы. А. В. Пахомов, имея в виду имения Д. Г. Шервашидзе, писал: «Нет почти ни одного дыма, который бы прожил на одном и том же участке более тридцати лет сряду, и большая часть из них занимает участки, принадлежавшие прежде другим лицам и родам»[2].

Жилища крестьянской массы отличались примитивностью и бедностью. Дюбуа подчеркивал, что если лыхненские крестьяне обладали убогими и хрупкими, слепленными из глины хижинами, то «более богатые» – деревянными домами[3]. Инженер Гурьев, который в с. Лыхны побывал спустя 10 лет после Дюбуа, в 1843 году, также отмечал, что если владетель Абхазии здесь имел каменный дом, убранный по-европейски, то крестьяне, как и многие кавказские горцы, «живут в саклях (плетушки из сучьев) – настоящие садки, в которых перевозят кур»[4]. Стоимость обыкновенного абхазского крестьянского дома И. И. Аверкиев в 60-х годах определял в одну корову, т. е. приблизительно в 10 рублей[5]. Крестьянам было запрещено строить дощатые дома, особенно на высоких столбах – акуаскя, типа грузинского ода или ода-сахли. Подобные дома могли строить только феодалы.

В отношении одежды и пищи между феодалами и крестьянами также была большая разница. Лейтенант Скирневский, посетивший Сухум в начале 1807 года, обратил внимание на то, что крестьяне

[1] Черепов А. П. Указ. рук.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, д. 29, л. 485.

[3] Дюбуа. Указ. соч. – С. 116.

[4] (Гурьев). О нахождении лигнита в Абхазии. «Горный журнал», ч. III, кн. V. СПб, 1843. – С. 292, прим.

[5] Аверкиев Ив. С северо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 74.

были одеты очень бедно: в серые полукафтаны и ходили босиком[1]. Гамба также свидетельствовал, что абхазские крестьяне, которых он видел в Сухуме летом 1822 года, были едва прикрыты лохмотьями; из них только некоторые носили обувь самого примитивного вида. Хотя и стояла чрезвычайно сильная,жара, но они были одеты в «войлочные плащи с овечьей шерстью на поверхности», т. е. в бурки, а на голове – «капюшоны», т. е. башлыки. Князья же «были одеты в черкесский костюм» и казалось, что они «были другого происхождения»[2]. Генерал Ольшевский, указывая на тяжелое положение трудовых масс Абхазии, писал (1839 г.): «На редком абхазце, из черного народа, вы увидите рубашку. Женщины их покрыты рубищами»[3]. Генерал Филипсом, посетив в том же 1839 году дом владетеля в с. Лыхны, также был свидетелем того, что крестьяне ходили в лохмотьях, едва прикрытые дырявой буркой, многие были босые[4].

Обыденной пищей крестьян была мамалыга с вложенным в нее кусочком сыра, небольшое количество жидкой фасоли или подливы и зелень, а также, более или менее часто, кислое молоко и иногда вино. В дореволюционной литературе об абхазах не раз отмечалась их «неприхотливость» в еде. Но если крестьянам приходилось быть «неприхотливыми» в еде, то феодалы и крестьянская верхушка могли предаваться излишествам.

С отдельными сторонами жизни абхазского крестьянства существенно был связан вопрос об асасстве-гостеприимстве. Являясь созданием эпохи родового строя, гостеприимство составляло характерную черту многих народов, стоящих на известной стадии хозяйственного и социального развития. Но содержание асасства в Абхазии не исчерпывалось обыкновенным видом обычая гостеприимства. Он охватывал, можно сказать, целый ряд институтов, отличающихся по своей социально-экономической природе.

В данном случае нас интересует социально-классовый характер проявления асасства. Этот вид ассаства в социально-экономических отношениях Абхазии изучаемой эпохи, как и в любой дру-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, лл. 1–4.

[2] (Gamba). Voyage dans la Russie meridionale, et particulierement, dans les provinces situees au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba..., т. I. Париж, 1826 – С. 91.

[3] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, л. 9 об.

[4] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», кн. 6, 1883. – С. 307.

гой стране, где он существовал, представлял собой новое явление. Отмеченная эволюция асасства заключалась в превращении его, прежде всего, в определенное орудие эксплуатации крестьян помещиками. Эксплуататорская сущность такого асасства, прикрытая патриархальщиной, выражалась в том, что феодал во всякое время мог заезжать к своему крестьянину, который обязан был угощать помещика должным образом, в результате чего подчас «в один день истреблялся труд целого года, тунеядцы питались за счет трудолюбивых»[1]. Е. И. Энсгольм писал, что абхазские феодалы не имеют «настоящего понятия о порядке и управлении», что их жизнь «проводится в беспрестанных проездах из одного конца своего владения в другой, оставляя по себе единственно только следы разорения»[2].

Вот почему, обычно очень гостеприимный абхазский крестьянин крайне неприязненно смотрит на «посещение» его владельцем и «тайно помышляет о скорейшем отъезде почетного посетителя»[3].

Данный вид эксплуатации крестьян не был, конечно, чем-то специфическим только для Абхазии. Известно, например, что грузинские крепостные крестьяне повсеместно были обязаны содержать своих помещиков с их семействами и свитой, когда бы им ни вздумалось пожаловать к ним в гости.

Другие моменты асасства были связаны с «гостеванием» самих крестьян, имевшим иное значение по своему характеру и содержанию. Речь идет об обычном праве переселения из одного места в другое. Этот вид асасства был массовым со стороны крестьянства. Причем в ряде случаев он носил характер коммендации: крестьяне коммендировали себя под защиту сильного и могущественного патрона. Это было чаще всего по отношению к состоятельным феодалам. Но крестьяне становились гостями и у крестьян, как правило, у состоятельных анхаю, иногда у целой фамилии крестьян этой категории или же общины.

Многие современные авторы отмечали многочисленность крестьянских асасов. Так, при составлении камерального описания Сухумской сословно-поземельной комиссией в 1867 году в каждом селении

[1] Рапорт А. И. Будберга М. С. Воронцову от 7 сентября 1846 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г., д. 6597, лл. 84–95.

[2] Энсгольм. Указ. рук.

[3] Чернышев К. Еще об Абхазии. «Кавказ», 1854, № 82.

обнаруживалось от 5 до 10, а в некоторых даже до 15 дымов крестьян-асасов[1]. Среди причин этого переселения (малоземелье, бедность, болезнь, кровная месть, несправедливость «народных» судов, убийство владельцев и пр.) главной являлось сопротивление крестьян растущей феодальной эксплуатации, благодаря чему данное явление носило своеобразную форму классовой борьбы крестьянства.

При весьма несложном домашнем обзаведении и нехитром хозяйственном укладе, при наличии значительных свободных земельных пространств, такие переселения абхазских крестьян не представляли особых затруднений. Наблюдалось переселение крестьян в Абхазию также извне, в основном, вследствие тех же причин, о которых говорилось выше. Такой приток происходил особенно из горских абхазских и адыгских племен, Мегрелии и Гурии. Правом асасства з ряде случаев пользовались и русские солдаты, бежавшие, главным образом, в горные районы Абхазии от тяжелой армейской службы. В одной только Цебельде в 1837 году было обнаружено 129 русских солдат, из которых некоторые обзавелись семействами и жили здесь по 25–30 лет[2].

Строгость соблюдения права асасства объяснялась не только строгостью самого обычая, но и заинтересованностью в этом новых патронов. Отдельные владельцы охотно привлекали крестьян-асасов и заселяли ими свои земли, так как для них такие крестьяне, говоря словами С. А. Авалиани, «составляли силу и гарантировали защиту и некоторую безопасность»[3]. В наделении землей данных крестьян феодалы были заинтересованы и по той причине, по какой они сажали на землю ахашвала – рабов.

Положение крестьянских асасов, как правило, по крайней мере на первых порах, выгодно отличалось от прежде занимаемого ими положения, чем в значительной степени был и обусловлен столь массовый характер передвижения крестьян. Вместе с тем, институт асасства создавал известный тормоз для стремления феодалов окончательно закрепостить анхаю. Но, с другой стороны, для владельцев изучаемое явление было важным средством приобретения зависимых крестьян. Тем более, что с течением времени приви-

[1] ЦГАА, ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 179.

[2] Отношение Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 8 мая 1837 г. АКАК, т VIII, ч. I. – С. 459.

[3] Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. II. Одесса 1913. – С. 74.

легии, связанные с асасством, исчезали и между асасами и их «покровителями» устанавливались обычные отношения, существовавшие между отдельными категориями крестьян и их владельцами.

Асасами становились не только крестьяне, но и представители класса феодалов. «Асасы бывают всех сословий», – писал А. П. Черепов[1].

Из изложенного нетрудно заметить, что асасы не составляли определенную, самостоятельную социальную категорию того или иного класса феодального общества. Не случайно поэтому, что в документах, в частности в «Положении» о крестьянской реформе в Абхазии, асасы не характеризуются как категория или вовсе не упоминаются. Отождествления абхазских крестьянских асасов с грузинскими хизани или же с миндобили Мегрелии нельзя допустить, хотя в их положении и наблюдались общие моменты.

Центральная феодальная власть в Абхазии в лице ее владетеля Михаила Шервашидзе пыталась препятствовать крестьянам пользоваться обычаем асасства, т. е. правом перехода. Это было связано с общей политикой усиления крепостничества в Абхазии, предпринятой М. Шервашидзе, при поддержке царских властей, начиная с 40-х годов XIX века. Ставилась цель, таким путем лишить крестьян возможности «отхода от своих помещиков под покровительство других»[2].

Отношение царского правительства к крестьянам-асасам видно хотя бы из тех мероприятий, которые были приняты по отношению к ним при проведении крестьянской реформы в Абхазии, когда асасы не были признаны отдельной социальной категорией.

Огромным национальным бедствием для абхазского народа, как и для многих других народов Кавказа на протяжении веков была торговля рабами (невольниками). Со времени установления владычества султанской Турции «принявшая чрезвычайные размеры торговля людьми не давала ему (абхазскому народу. – Г. Д.) возможности поправиться: все цветущее здоровьем и силой народонаселение шло на рынки Турции или погибало в рабстве у горцев Северного Кавказа»[3].

[1] Черепов А. П. Указ. рук.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, 1846 г., д. 6597, лл. 84–95.

[3] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4.

Сухумская сословно-поземельная комиссия отмечала, что «вследствие огромного развития» пленопродавства «нельзя было ручаться даже в течение короткого времени за безопасность своего семейства, за то, что не произойдет нападения со стороны кого-либо, главным образом, жителей другого селения, без всякого иного повода к тому, кроме корыстных целей нападающих, находивших легкий сбыт захваченных людей в соседних горских обществах, преимущественно же у береговых турок, которые всегда давали хорошую цену на этот предмет своей торговли. Это обстоятельство заставляло быть постоянно настороже, и днем и ночью, и всегда держать наготове оружие»[1].

После присоединения Абхазии к России русские власти повели борьбу против рассматриваемого явления, приняв ряд специальных мер. В частности, еще в 1820 году генерал А. П. Ермолов писал: «Доселе наблюдением командующего гарнизоном нашим в Сухум-Кале сколько возможно полагается преграда торга пленными, для чего предложено мною назначение нескольких судов для крейсирования около берегов...»[2].

Положительное значение этой борьбы против работорговли трудно, конечно, переоценить. Работорговля на берегах Абхазии и в соседних с ней районах (была сокращена, хотя и не была окончательно искоренена и продолжалась до 60-х годов, т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе в целом и процесс разложения феодализма не подорвали ее основы.

Е. И. Энсгольм свидетельствовал, что «гнусный торг сей людьми и доныне имеет свое действие в Абхазии, – удобностям оного способствует столь везде рассыпанные проповедники корана, как и приходящие с разных мест Турции купеческие суда, кои под видом торговли сами останавливаются в море, отправляют свои лодки в устья рек; схваченный своим соотечественником абхазинец (абхаз. – Г. Д.) принимается оными и прибытием к судну навеки прощается со своим отечеством»[3]. Вероломный «соотечественник», о котором писал Энсгольм, был феодал. Р. де Скасси также свидетельствовал,

[1] (Краевич П. Д.). Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. – С. 17.

[2] ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 256, лл. 9–12.

[3] Энсгольм. Указ. рук.

что султанская Турция из Абхазии вывозила невольников или «их (абхазов. – Г. Д.) собственных детей»[1].

Работорговле благоприятствовали те феодальные распри и междоусобицы, которые после присоединения Абхазии к России хотя и стали невозможны в прежних формах, но до введения прямого русского управления все еще раздирали край. Так, дворянин Хасан Маргания (Маан) летом 1863 года совершил вооруженное нападение на имение Григория Шервашидзе, в результате чего сжег 8 деревень и разорил все имение, убил несколько крестьян, а многих взял в плен, из которых 25 человек продал в Турцию[2].

Торговля пленными и рабами была под покровительством и часто осуществлялась самим владетелем Абхазии М. Шервашидзе. Дюбуа писал, что «этот ужасный торг прекратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гасан-бей не были сами его первыми зачинщиками»[3]. В августе 1845 года русский консул в Трапезунде Герси довел до сведения дипломатической канцелярии наместника Кавказа о доставке в Трапезунд из Абхазии морем большого количества невольников, отправленных из порта Очемчиры[4]. Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л. М. Серебряков 7 июня 1852 года писал, что «целые экипажи контрабандных судов, преследуемых крейсерами, уходят в Абхазию и исчезают там без всякого следа»[5].

В одном документе, датированном 6 апреля 1846 года, сообщалось, что во время масленицы к владетелю Абхазии приезжали черкесские князья с большой свитой и подарили ему 30 лошадей с седлами. В ответ владетель отдал гостям такое же количество мальчиков и девочек[6]. Известно также, что М. Шервашидзе за шашку заплатил одному черкесскому князю несколько душ ахашвала, а за седло 12 душ[7].

Одним из факторов, способствовавших сохранению работорговли в Абхазии, было существование этой практики и в соседних областях, у адыгских (черкесских) племен, а также в Мегрелии, Сванетии и т. д., что вместе с тем было важнейшим источником образования контингента рабов-ахашвала.

[1] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[2] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1863 г., д. 607, л. 39 об.; ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/268, 1865 г., св. 879, д. 12, л. 135.

[3] Дюбуа. Указ. соч. – С. 122.

[4] ГАКК, ф. 260, д. 561, л. 39.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, д. 40, лл. 4–6.

[6] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2–3.

[7] Там же, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2–3.

А. Н. Введенский писал, что постыдной торговлей людьми занимались не только владетели, их родственники и вообще «высшие сословия», но и духовенство, а также те представители «низших сословий», которые владели рабами[1].

Бесконечные феодальные междоусобицы и распри, о которых частично уже говорилось, пагубным образом отражались прежде всего на крестьянстве. Враждующие стороны уничтожали хозяйства крестьян целых сел, а часто истребляли и их самих.

Начальник Черноморской береговой линии генерал А. И. Будберг в рапорте на имя наместника Кавказа М. С. Воронцова от 7 сентября 1846 года писал: «Мщение князей и дворян не ограничивалось личным вредом своим врагам, но распространялось на их подвластных. Целые аулы были уничтожаемы, жатвы истреблялись, народ оставался без крова и пищи и не был огражден против таких бедствий никакими условиями общественной жизни, потому что все это считалось законным мщением»[2]. Сухумская сословно-поземельная комиссия также указывала, что «всякое неудовольствие, ссора между привилегированными фамилиями прежде всего отражались на их подвластных: на них вымещалось это неудовольствие. При кровомщениях, мстившая сторона вторгалась в другое селение как в неприятельскую страну, предавала все огню, совершала убийства, захватывала пленных, угоняла скот, забирала все, что только можно было взять, и уходила обратно с добычею»[3].

Когда Нарчоу Инал-ипа, вследствие гнева зладетеля за поддержку его противника Гасанбея Шервашидзе, в конце 20-х годов бежал из с. Калдахвара на правую сторону р. Бзыбь, в Аспа, то владетель Абхазии М. Шервашидзе напал на названное село и сжег его до основания[4]. Жители сел, подвергавшихся варварским нападениям, часто «оставляли дома и бежали искать убежища в других селениях, забирая с собою что можно. Для многих такое переселение было полным, т. е. они водворялись окончательно в новых местах»[5].

[1] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 4.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6597, лл. 84–85.

[3] ССКГ, в. III, 1870. – С. 16.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 66–66 об.

[5] ССКГ, в. III, 1870, стр. 16.

Феодалы в широких размерах занимались воровством. «Замечательно еще и то, – писал К. Чернышев, – что воровством в Абхазии занимаются не столько низшие, сколько высшие члены общества; не имея достаточных средств к жизни и, считая труд стыдом, для прокормления своего семейства пускаются в воровство»[1]. Ф. Завадский также подчеркивал, что «нужно сказать, к чести абхазцев, что воровством зани мались немногие, и то люди бездомные, чуждающиеся труда, как-то: обедневшие князья и дворяне»[2].

Все указанные моменты лишали крестьян, точнее, низшие слои этого класса, возможности ведения интенсивного хозяйства и, в результате, тормозили экономическое развитие страны.

Большим злом для крестьянства являлись частые неурожаи и эпидемические болезни. Р. Де Скасси писал, что голод и чума, в 1811 и 1812 годах свирепствовавшие почти по всей Грузии, охватили и Абхазию, где в результате этого погибла чуть ли не половина всего населения[3]. После восстания 1824 года в Абхазии также имели место «голод и падеж скота». По словам одного автора, народ был утомлен «голодом и мором»[4].

Зима 1839–1840 годов была на Черноморском побережье Западного Кавказа очень суровой. Массовый падеж скота и полное истощение хлебных запасов в сочетании с сильными морозами и большим снегопадом обрекали население указанной территории на страшные лишения. Это относилось частично и к Абхазии, особенно к Цебельде. Неурожайным был и 1840 год, в результате чего население всей Абхазии до начала следующей осени испытывало большей недостаток в продовольствии. В 1851 году в Сухуме появилась оспа и умерло несколько человек[5]. Перед Крымской войной в Абхазии разразилась болезнь винограда. В 1864 году был плохой урожай кукурузы, а в 1865 году – винограда[6].

[1] Там же, 1867, № 61.
[2] «Кавказ», 1854, № 83.
[3] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 646–658.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1–49.
[5] ЦГИАГ, ф. 1396, д. 89, лл. 4–12.
[6] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. – С. 358–359.

●ГЛАВА ВТОРАЯ●

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АБХАЗИИ К РОССИИ

Прежде всего следует дать хотя бы краткий обзор борьбы абхазского народа против Турецкой агрессии до начала XIX века, т. е. до присоединения Абхазии к России. В 1555 году между шахским Ираном и султанской Турцией, в результате длительных и ожесточенных войн, был заключен договор, по которому произошел раздел Закавказья. В частности, восточные области Грузии отходили к Ирану, а западные – к Турции[1]. И без того феодально раздробленная страна была поставлена на путь дальнейшего экономического и политического разобщения и упадка.

В Батуме, Цихисдзири, Поти, Анаклии и Сухуме были размещены турецкие войска, призванные заставить местное население покориться султанской власти, представленной на побережье в лице черноморского паши. В Абхазии, где в 1578 году была восстановлена разрушенная старая Сухумская крепость, управлял сперва бей, потом – сухумский паша. Тяжелые последствия имело установление в крае господства султанской Турции.

Чтобы упрочить свое положение здесь, правительство султана действовало в направлении консервации, способа производства на наиболее низком уровне и разобщения отдельных исторически сложившихся политических единиц. Оно придавало большое значение практике подкупа местной феодальной знати, методически проводившегося им повсюду, где распространялась тень его господства. В этом деле важную роль играла посредническая торговля, которую султанская Турция более или менее вела в крае на

[1] Всемирная история, т. IV. М., 1958. – С. 568.

протяжении всего периода своего владычества. Это было чревато весьма тяжелыми последствиями для широких масс населения, ибо с такой торговлей неразрывно была связана работорговля (пленопродавство). Известно также, что одним из моментов политической зависимости того или иного политического образования Кавказа от султанской Турции являлась плата дани «отроками и отроковицами»[1]. Этот массовый увоз наиболее здоровой части населения подрывал экономическую и военную мощь подпавших в зависимость от Турции кавказских народов и, следовательно, представлял серьезную угрозу их полного порабощения. Торговля людьми ставила эти народы перед опасностью физического вырождения.

Одним из методов, применявшихся султанской Турцией для утверждения своего господства, было также насаждение мусульманства и уничтожение христианства и связанных с ним памятников. В этих целях край наводнялся муллами – проповедниками корана. Около 1659 года абхазский католикос Захарий «нашел себя вынужденным перенести свою резиденцию от турецких утеснителей» из Пицунды в Гелати[2]. В Моквинской и Драндской церквях, которые раньше являлись постоянным местом пребывания епископов, в 80-х годах XVII века епископов уже не было[3]. Послы московского царя Михаила Федоровича, посетившие Мегрельское княжество, в частности, южную часть современной Абхазии, в своих отчетах отмечали факты разрушения замечательных памятников края. Побывав, например, в феврале 1640 года в Драндском монастыре, русские послы установили, что он «разорен от турских людей» в мае 1637 года[4]. Послы при осмотре Моквинской, Илорокой, Бедийской и Драндской церквей интересовались некоторыми деталями из прошлого перечисленных памятников, но духовные лица, сопровождавшие их, не могли дагь ответа на целый ряд поставленных вопросов, объясняя свое незнание гибелью соответствующих летописей. «Летописи... у нас нет, – говорили они, – потому, что турские

[1] См., например, ПСЗРИ, т. XIX, 1830. – С. 964.

[2] И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М . 1898. – С. 683.

[3] Вахушти. Жизнь Грузии. Тифлис, 1913. – С. 354.

[4] Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888. – С. 351.

люди приходили в монастырь, разорили и летописи пожгли, а наизусть сказать не помним»[1]. Такая участь постигла и другие церкви.

Тем временем все более и более обострялись разорительные феодальные междоусобицы. Вместе с тем постоянно шла борьба между Абхазским княжеством и соседними политическими единицами, особенно с менгрельским владетельским домом, с которым часто происходили войны из-за территории и захвата пленных. Из абхазских владетелей последнего периода до присоединения к России в этом отношении особенно отличался Келешбей Шервашидзе.

Феодальными распрями, с одной стороны, и борьбой владетельских князей, во имя сохранения своей независимости, против объединения Западной Грузии, с другой, пользовалось султанское правительство, агентами которого они нередко и подстрекались.

Феодальные междоусобицы и внешняя агрессия пагубным образом отражались на экономическом состоянии страны, задерживали развитие ее производительных сил. Приходят в упадок сельское хозяйство, торговля и города, материальная и духовная культура народа. Достаточно привести два свидетельства известного грузинского географа и историка Вахушти Багратиони, чтобы убедиться в этом. Говоря об Анакапии (Псырцха, ныне – Новый Афон), Вахушти писал, что он «был город благоустроенный, прекрасный, построенный над берегом моря и особенно возвеличенный (царями. – Г. Д.) Багратионами. Теперь он запущен»[2]. Такова была участь и Сухума. Он «был город и эриставство, а теперь поселок»[3].

Таким образом, засилие султанской Турции не только поддерживало отсталость Абхазии, но вызывало глубокую деградацию ее общественно-экономической жизни.

Этой агрессии абхазы вместе с грузинским народом оказывали упорное сопротивление. Одной из форм этого сопротивления был отказ от принятия мусульманства и отстаивание христианства[4]

[1] Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888.. – С. 324–325.

[2] Вахушти. География Грузии. – С. 169.

[3] Там же.

[4] В Абхазии христианство официально было введено в VI веке, гри византийском императоре Юстиниане I. Еще задолго до этого, на Первом вселенском Никейском соборе 325 года присутствовал пицундский епископ Стратофил, а на Халкедонском 451 года – анакопийский епископ Керконий. Из византийских хроник известно также, что в 541 году в Пицунде была установлена архиепископская кафедра.

и древних своих верований. Турецкий путешественник Евлия Челеби, посетивший Абхазию в 1641 году, отмечал, что абхазы живут «без законов и веры», т. е. не признают ислама и шариата[1]. Не случайно поэтому, что Абхазия, как сообщает итальянский автор первой половины XVII в. Д. д'Асколи, принадлежала к числу стран, выплачивающих Турции «харадж» – подушную подать, которой облагались немусульмане[2]. Не случайно также, что Вахушти Багратиони подчеркивал, что абхазы «по верованию христиане», указывая при этом на большое распространение среди них язычества[3].

М. Пейсонель писал, что религия абхазов «представляет собою смесь христианства с пантеизмом; тем не менее народ признает себя благочестивыми христианами»[4]. Академик И. А. Гюльденштедт также отмечал: «Кроме каменных церквей и их развалин, следы прежнего христианства видны еще и в образе их (абхазов. – Г. Д.) жизни: они все еще соблюдают великие посты, празднуют воскресные дни не богослужением, но отложением всякой работы, и едят свинину»[5]. Примерно в таком же духе писал и французский консул в Тифлисе Жан Гамба, посетивший Абхазию в 1822 году, отмечая, что абхазы и другие горцы Кавказа, «приняв, под влиянием силы, веру Магомета..., не захотели подвергнуть уничто жению храмы, где их отцы в продолжение нескольких веков служили христианскому культу»[6].

Небезынтересно также следующее сообщение Эдмунда Спенсера: «По уничтожении Византийской империи турками, можно было думать, что эти фанатики, завладев Пицундой, разрушили бы монастырь, но благодаря благочестивому вмешательству жителей или из страха гнева народа церковь была пощажена и теперь остается одним из самых интересных архитектурных памятников в этих странах. Столетия прошли с тех пор, как она играла роль храма христианской веры, к несчастью, она достаточно пришла в ветхость,

[1] См. «Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря». ЗООИД, т. 9. 1875. – С. 80.

[2] ЗООИД, т. XXIV, стр. 100.

[3] Вахушти. География Грузии. – С. 172.

[4] Пейсонель М. Исследование торговли на абхазско-черкесском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. Краснодар, 1927. – С. 29.

[5] Гюльденштедт. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809. – С. 139–146.

[6] Gamba. Указ. соч. – С. 86–87.

однако, в рукописях, орнаментах, утвари она с благочестием сохранена туземцами»; и даже те, которые приняли мусульманство, смотрели «с глубочайшим почтением на христианское здание»[1].

Это, конечно, не значит, что мусульманство в Абхазии не получило никакого распространения. «И первыми, принявшими магометанство, по словам народа, были люди зажиточные, преимущественно из высших фамилий, имевшие торговые дела с турками»[2]. Из всех форм борьбы против агрессии султанской Турции наиболее важной и действенной была вооруженная борьба народа – она периодически возобновлялась на протяжении всего времени турецкого господства. Надо сказать, что на этой борьбе абхазского народа положительно сказывалось героическое сопротивление братского грузинского народа. Жан Шарден свидетельствовал, что султанская Турция и абхазов облагала данью, «но они платили ее недолго, а в настоящее время совсем не платят»[3]. Тот же Шарден писал о том, что в 1672 году мегрельский князь пригласил абхазов «на помощь против турок»[4].

Следует подчеркнуть и то, что население Абхазии, как и всей Западной Грузии, было связано с днепровскими (запорожскими) и донскими казаками, видя в них союзников в борьбе против султанских захватчиков. Иоанн Лукка в 1629 году в Пицундском храме видел большую чашу с золотыми и серебряными монетами. Местный священник объяснил, что они были пожертвованы, в виде благодарности за благополучное возвращение из турецкого похода, днепровскими и донскими казаками, что совершалось ими каждый раз, когда они возвращались на родину[5]. То, что по прибытии в Абхазию казаки считали свои походы благополучно завершенными, свидетельствует о дружелюбном к ним отношении абхазского народа[6].

[1] Spencer E. Travels in Circassia, Krim etc in 1836, т. II, Лондон, 1838, письмо XXVIII.

[2] (Введенский А. Н.). Религиозные верования абхазцев. ССКГ, в. V, 1871, отд. III – С. 6.

[3] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1902. – С. 101.

[4] Там же. – С. 103.

[5] Тамарашвили. История распространения католицизма среди грузин. Тифлис, 1902. – С. 144.

[6] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. – С. 273.

В 1725 и 1728 годах произошли крупные, но потерпевшие поражение восстания абхазского населения с целью изгнания из края султанских войск и паши; была осаждена резиденция последнего – Сухумская крепость[1]. Особенно характерен эпизод борьбы, имевший место в 1733 году. В Поти прибыл с войсками турецкий паша, чтобы усилить власть над имеретинами, мегрелами и абхазами. Войска вторглись в пределы Мегрелии и Абхазии. «Турки, – писал Вахушти, – ... разрушили все и брали в плен всех, кого где находили. Турки ворвались в Илори. Иконы, кресты и другие церковные вещи удалось спрятать. Подложили огонь, сожгли церковь, сорвали крышу, уничтожили живопись (рисунки) и после направились дальше... Шервашидзе (владетель. – Г. Д.) и абхазы встретили их враждебно, и турки разрушили все и пленили многих»[2]. Владетель и приближенные к нему лица, уступая силе, вынуждены были принять магометанство и дать обещание быть верными султану. Но скоро снова вспыхнуло восстание, во время которого «абхазы уничтожили войско турецкое и обратили их в бегство... взяли много добычи, оставили магометанство и вернули себе свою веру»[3].

Борьба против султанских поработителей в Западной Грузии еще более усилилась во второй половине XVIII века. Ее возглавлял имеретинский царь Соломон I. В 1757 году султан объявил ему войну. Решающее сражение произошло при с. Хресили, недалеко от Кутаиси. Абхазский князь Хутуния Шервашидзе (Чачба) проявил в этом сражении исключительную отвагу. Он ворвался со своим отрядом в гущу расположения противника и собственноручно убил и ранил 16 человек. Сам он пал в этом сражении[4].

М. Пейсонель отмечал, что Турция назначает в Абхазию «своего бея, называемого беем абазинцев (абхазов. – Г. Д.), который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Резиденция бея находится в Сухуме. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, «о абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею, и лишь одна сила

[1] Кудрявцев К. Материалы по истории Абхазии. Сухум, 1922 (1926). – С. 148.

[2] Вахушти. Жизнь Грузии. – С. 354.

[3] Вахушти. Жизнь Грузии. – С. 355.

[4] Дадиани Д. Жизнь грузин. Цит. по книге И. Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. Сухуми, 1949. – С. 65.

может привести их к покорности и повиновению. Кубанский сераскир делает иногда на них набеги, отбирая у них мелкий скот, лошадей и рабов»[1].

В дальнейшем борьба абхазского народа с султанской Турцией объективно смыкалась не только с борьбой грузинского народа, но и с войнами России против Османской империи, в которых Грузия выступила в союзе с Россией. Абхазы участвовали в осаде Поти в 1770 году. Почти вслед за разгромом турецких войск при Аспиндзе абхазы, «будучи сильно угнетаемы, возмутились в 1771 году против пророка и его заместителя» – султана. В результате упорной борьбы повстанцам удалось изгнать турецкий гарнизон из Сухумской крепости и взять ее, абхазы «объявили свою свободу с восстановлением прежних обычаев». Но начавшиеся вскоре раздоры между руководителями восстания снова привели к поражению[2].

В донесении русского чрезвычайного посланника в Константинополе Я. Булгакова на имя императрицы Екатерины II от 1 (12) августа 1775 года сообщалось, что абхазы, «не повинующиеся Порте, не хотят никаким образом терпеть оных татар на своей земле и ежедневно их бьют; а как они не в силах противиться, то просят прислать корпус войск как для охранения крепости, так и для защищения их от насилия абазинцев». Далее он добавлял, что «недавно отправленные отсюда в оную крепость с бинаеминием 100 янычар лишь только выехали из пролива, принудили судно пристать в Ираклии, где с него сошли и разбежались, выключая 13 человек с офицером, кои отправились к своему месту»[3].

С. М. Броневский, в 1802–1804 годах служивший правителем дел при главнокомандующим в Грузии генерале П. Д. Цицианове, писал: «В настоящем смысле крепости и замки, где есть турецкие гарнизоны, принадлежат туркам; остальная часть земель, наипаче во внутренности гор, пользуется совершенною независимостью; по крайней мере, в рассуждении черкесов и абхазов, власть Порты всегда была сомнительна. Для наказания их за шалости, турецкие начальники не смеют посылать малые отряды в горы; для наблюде-

[1] Пейсонель М. Указ. соч. – С. 29.

[2] Reineggs J. Указ соч. – С. 7; см. также цит. сочинение Дюбуа, который, видимо, пользовался сведениями Рейнеггса; ЦГИАГ, ф. 416, д. 1013.

[3] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 656, л. 60.

ния войска или умножения единомышленников принуждены действовать деньгами и подарками...»[1].

Однако было ясно, что собственными силами не избавиться от султанской власти, не избежать трагической судьбы в этот исторический момент, в конце XVIII – начале XIX века, закавказские народы неминуемо стояли перед альтернативой: либо быть поглощенными султанской Турцией и шахской Персией с их косными формами хозяйственной и политической жизни, либо присоединиться к России. Вторая перспектива, несмотря на гнет царизма, предвещала общее движение вместе с русским и другими народами России по пути экономического и культурного прогресса.

Народы Закавказья, естественно, тяготели к России, в превосходстве которой по сравнению с восточными деспотиями не сомневались.

Присоединение Крыма и Прикубанья к России в 1783 году существенно изменило в ее пользу политическую и стратегическую обстановку на Кавказе. Российские владения территориально сблизились не только с горными районами Большого Кавказа, но и с Закавказьем. В одной из русских крепостей в Предкавказье – Георгиевской 24 июля 1783 года был подписан трактат о переходе Восточной Грузии (Картло-Кахетинское царство) под проьекторат России. Это еще больше способствовало усилению русского влияния на Кавказе. Следуя примеру картло-кахетинского царя Ираклия II, имеретинский царь Соломон I и сильнейший из азербайджанских владетелей Фатали хан Кубинский, также обратились к русской империи с просьбами о защите и покровительстве. Об этом писали в своих посланиях и ереванские армяне. К этому же времени относится проект восстановления Армянского царства под эгидой России, представленный русскому правительству армянским архиепископом Иосифом Аргутинским[2].

Указом Екатерины II от 5 мая 1785 года было образовано Кавказское наместничество из двух областей: Астраханской и Кавказской. В состав последней включалась фактически вся территория степного Предкавказья, местоположение главного города которой

[1] Броневский С. Указ соч. – С. 303.

[2] Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. – С. 26-27.

– крепость Екатериноград на р. Малке, близ впадения ее в Терек – ясно выражало тенденцию к дальнейшему расширению владений России на Кавказе[1].

В 180I году Восточная Грузия была присоединена к России. Такой переход в тех исторических условиях был единственной возможностью для физического сохранения грузинского народа. Присоединение к России, несмотря на утверждение колониального гнета, с чем грузинский народ никогда не мирился, имело прогрессивное значение для экономической и культурной жизни Грузии[2]. Присоединение Грузии к России явилось закономерном итогом, предшествовавшего экономического и культурного развития России и Грузии, результатом их многовековых связей. Присоединение Восточной Грузии к России, в основном, определило дальнейшую судьбу не только Грузии, но и всего Закавказья.

Вместе с тем и сама Россия «в нескольких шагах от Черного моря... не могла остановиться»[3]. Без владения в Закавказье побережьем Черного и Каспийского морей и без устройства здесь гаваней для причала судов своих черноморской и каспийской флотилий Россия не только не могла успешно развивать свою политику на Ближнем Востоке, но и сохранить только что присоединенную Восточную Грузию. В этом плане значение факта образования в середине Закавказского края губернии Российской империи – Тифлисской трудно, конечно, переоценить. При этом учитывалась также важность выступления Грузии на стороне России в ее борьбе с Турцией и Ира ном; имелись в виду и другие моменты: естественные богатства страны и то, что она представляла удобный транзитный путь для торговли со странами Востока.

Присоединение Восточной Грузии к России явилось лишь первым этапом. С этого момента началось присоединение и Западной Грузии. Таким образом, начинается постепенная ликвидация феодальной раздробленности и объединение отдельных частей Грузии в составе Российской империи.

Прогрессивные элементы абхазской феодальной аристократии, как и народные массы, поддерживали политику грузинских

[1] Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. – С. 29.

[2] Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб, 1901. – С. 275.

[3] Думбадзе М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в. – С. 3, 6–7.

царей, направленную к союзу с Россией. Так, например, в 1770 году самурзаканский князь Леван Шервашидзе (Чачба), стремясь предохранить Абхазию от дальнейшей угрозы агрессии султанской Турции, по примеру грузинских парей, которые в этот период (русско-турецкой воины 1768–1774 гг.) были в союзе с Россией, начал переговоры о принятии Абхазии под покровительство России с начальником русского отряда генералом Тотлебеном, направленным в Грузию императрицей Екатериной II. Леван Шервашидзе находился в общем лагере русских и грузинских войск под стенами Поти. Но тогда эти переговоры не привели к желаемым результатам, так как Тотлебен скоро был отозван из Грузии; вслед за этим и русские отряды покинули пределы последней[1].

Еще в 1752 году, как видно из рапорта майора П. Татарова от июня того же года, астраханский губернатор И. О. Брылкин просил узнать о дороге от Кубани к Грузии, называемой «Абазинской», и тот сообщил ему нужные сведения[2].

В 1775 году в Абхазии по коммерческим делам был английский шкипер Томас Рейн, с которым русский лейтенант Иосиф Пери имел в Керчи беседу. Шкипер свидетельствовал как доносил Пери из Таганрога в Петербург президенту военной коллегии графу З. Г. Чернышеву 27 ноября 1779 года, что абхазские старшины «желают иметь» коммерцию с Россией, «также и быть под российскою протекциею». Вместе с тем, подчеркивал Пери, Турция «весьма ревностно старалась и старается привлекать народ абазинской (абхазский. – Г. Д.) к себе, но успеха никакого не имеет». Из того же сообщения косифа Пери выясняется, что он еще до этого, в Петербурге, доносил Чернышеву о необходимости «открытия коммерции» между Россией и абхазским народом и что это предложение графу «не противно»[3].

В Таганроге лейтенанту Пери было предложено с этой целью поехать в Абхазию. Узнав, что граф Чернышев согласен с таким предложением, Пери и обратился к нему с указанным выше письмом, в котором он старался убедить его в выгодности установления непосредственных торговых связей с Абхазией, особо обращая внимание Чернышева на лесные богатства края[1].

[1] Броневскии. Указ. соч. – С. 346; П. Г. Бутков. Материалы дня новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год, ч. I. СПб, 1869. – С. 284 прим 1.

[2] «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». Документы и материалы. Т. II. XVIII в. М., 1957. – С. 178–181.

[3] ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 196–197.

Иосиф Пери в следующем, 1780 году был назначен «к посылке на почтовой палике» от Керчи до Константинополя. В связи с этим Пери писал Чернышеву, что «ежели угодно будет», он желает, в бытность свою в Константинополе, сыскать знающего абхазский язык «и все их обряды» лоцмана и, по совету его, заготовив необходимые для абхазов товары, отправиться прямо из Константинополя в Абхазию[2]. Полагаемую «на меня комиссию не оставлю крайним своим старанием ко исполнению», – заверял президента лейтенант Пери[3].

Однако, когда дело приняло практический характер, граф Чернышев воздержался. В письме к лейтенанту И. Пери от 11 января 1780 года он писал: «Я получил письмо ваше, коим предлагаете желание свое побывать у абазинцов будущим летом; похваляю много толь полезное предприятие, но сего зделать ныне еще неможно, а когда время к тому будет, то, конечно, по желанию вашему изполнено быть может»[4]. Одновременно Чернышев предупреждал местные власти не давать Пери разрешение о поездке в Абхазию «прежде получения коллежского на то повеления, которое, конечно, в свое время и получите, если по соображению дел сделать то за благо найдется, так как и наставление, что ему сделать и главного приметить, на то пришлется»[5].

В период второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.), в марте 1789 года, в Сухум прибыл командующий турецким корпусом Батал-паша, посланный для овладения Южной Россией и Крымом, с целью начать отсюда движение к Анапе. Но в Абхазии он не получил предполагавшейся поддержки в борьбе с Россией[6]. Борьба эта, как известно, закончилась Ясским трактатом (29 декабря 1791 г.), давшим России причерноморские области.

В 1791 году грузинский поэт и дипломат Виссарион Габашвили от имени имеретинского царя подал князю Г. А. Потемкину доку-

[1] ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 196–197.

[2] Письмо Ф. Клокачева гр. Чернышеву от 27 ноября 1779 г. ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 187–187 об.

[3] ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, л. 197.

[4] Там же, д. 318, л. 8.

[5] Письмо гр. Чернышева Ф. Клокачеву от 11 января 1780 г. Там же.

[6] Бутков П. Г. Указ. соч., ч. II, стр. 211–212.

мент, в котором возбуждалось ходатайство об освобождении Абхазии от зависимости султана, чтобы последнему в ее «внутренние и религии принадлежащие дела не мешаться» «Я, – писал царь, – ведая о склонности сего народа (абхазского. – Г. Д.), обнадеживаю, что они вскоре предадутся христианству и покровительству российскому. Словом, без перенесения к ним победоносного российского оружия изъявляет свое России повинозение, и дабы российское купечество и в их, абхазских, пристанях свободное имело пристанище и полезную торговлю...»[1].

В 1793 году турецкий сановник Феиз-Улу-Дервиш тайно, через Сухум, в Большую Кабарду привез фирман[2] султана Селима III, в котором говорилось, что весной 1794 года возобновляется война с Россией, если последняя до этого времени не откажется от своих претензий на Крым и Кабарду. Султан «приказывал» кавказским правителям готовиться к войне совместно с иранским шахом Ахта-Ханом. Фирман заканчивался словами: «Да вручится сей фирман сугумскому (сухумскому. – Г. Д.) Келеш-бию, потом владельцу Атажуке Атажукову, а оттуда в Дагестан...»[3]. Однако абхазский владетель и на этот раз оказался пассивным.

Учитывая изменение обстановки, укрепление позиций России в Закавказье и стремление народов края к России, как к единственной силе, способной избавить их от порабощения со стороны шахского Ирана и султанской Турции, тяжелое внутреннее и международное положение последней владетель Абхазии Келешбей Шервашидзе (Чачба) непосредственно сам, строго конспиративно, установил связь с русским командованием в Грузии на предмет принятия его в русское подданство. Это было необходимо также для обуздания абхазских крупных феодалов и укрепления центральной власти княжества.

С такой просьбой он обратился к главнокомандующему в Грузии генералу П. Д. Цицианову летом 1803 года. В письме к мегрельскому владетелю Григорию Дадиани от 30 июня 1803 года Цицианов сообщал: «Дворяне Квинихидзе объявили мне, что якобы Келеш-

[1] Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до России, т. II. СПб, 1902. – С. 71.

[2] Фирман (ферман) – приказ, указ.

[3] Бутков Г. П. Указ. соч., ч. III. – С. 245.

бек Шервашидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим в подданство е. и. в., моему государю, и что будто он никак не зависел от Блистательной Порты Оттоманской (султанской Турции. – Г. Д.) и якобы упомянутый Келеш-бек просит в. св. употребить ваше ко мне по предмету сему посредство»[1].

В свою очередь Россия была заинтересована в Абхазии, завладев которой она могла с юго-запада вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием султанской Турции и закрывавшим доступ к морю. Царизм намеревался превратить Абхазию в плацдарм для расширения своих владений на Западном Кавказе[2].

Генерал Цицианов, учитывая все эти обстоятельства, поспешно сообщил в Петербург (27 октября 1803 г.) о предложении абхазского владетеля. «Посланцы сии (мегрельского владетеля. – Г. Д.) уверяли, – писал Цицианов вице-государственному канцлеру А. Р. Воронцову 27 октября 1803 г., что сосед их владетельного князя Келеш-бек, владениями своими покрывающий берег Черного моря от Поти к стороне Анапы до Анакли и включительно оного, ждет прибытия российских войск в Одиши (Мегрелию. – Г. Д.), чтобы им предаться со всем своим владением...»[3].

Но Царская дипломатия действовала крайне осторожно по отношению к Абхазскому княжеству, владетель которого считался вассалом турецкого султана. Это было обусловлено осложнением международной обстановки. Назревала война между Россией и Францией. После краха своих завоевательных планов на Востоке, Наполеон I всячески стремился использовать Турцию как союзницу в борьбе с Россией. Вместе с тем, сам турецкий султан был под большим впечатлением аустерлицкой победы Наполеона, и последний казался ему сильным и желательным союзником. Полоса наполеоновских войн в Европе делала невозможным успешное и быстрое присоединение Кавказа к России.

На вопрос Цицианова – какова должна быть политика по отношению к владетелю Абхазии, Воронцов разъяснял: «По поводу уведомления вашего о готовности владельца Келеш-бека выступить в

[1] АКАК, т. II. – С. 536.

[2] Думбадзе М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в. – С. 19.

[3] АКАК, т. II. – С. 463.

подданство России должен я согласиться, м. г. мой, на те же самые рассуждения, о коих сообщал вам в прежних отношениях моих, касательно дружественных связей наших с Портою, не позволяющих нам ни под каким видом посягнуть на точную собственность империи Оттоманской; под оною разуметь можно и области сего соседственного с Мингрелиею владельца»[1], т. е. Келешбея.

Но при этом Воронцов выражал уверенность, что с установлением благоприятных условий присоединение Абхазии к России может произойти без «каких-либо потрясений», по крайней мере, объяснял он, судьба края после присоединения Имеретин и Мегрелии «уже в руках наших находиться будет». Ввиду этого Воронцов рекомендовал главнокомандующему не торопиться и быть осторожным в разрешении этого вопроса. Вместе с тем канцлер, еще раз предупреждая о необходимости проявлять «заботливость» «не встревожить Порту», если по вступлении русских войск в Мингрелию Келешбей «учинит... формальное предложение вступить в подданство России», – предписывал тем не менее Цицианову, «не лишить... всей надежды Келеш–бея»[2].

Весной 1804 года Цицианов отправил в Имеретию чиновника Литвинова, которому, между прочим, было поручено вступить в тайные переговоры с абхазским владетелем, не оставляя при этом в руках последнего каких-либо документов, чтобы скрыть факт об этих переговорах на случай, если он станет известен султанскому правительству. Русскому дипломату удалось завязать тайные переговоры с владетелем Абхазии, но они не привели к определенным результатам.

Однако скоро отношения между русской администрацией и Келешбеем стали натянутыми, и дело чуть не дошло до вооруженного конфликта в связи с задержанием абхазским владетелем, в качестве заложника, наследника мегрельского престола Левана Дадиани. В ответ на категорический отказ Келешбея отпустить Левана, Цицианов послал владетелю резкое письмо, после чего тот начал укреплять южные границы княжества и одновременно обратился за помощью к султану, хотя до этого «он утверждал, –

[1] Отношение гр. Воронцова кн. Цицианову от 23 декабря 1803 г. АКАК, т. II. – С. 1016.

[2] АКАК, т. II. – С. 1016.

когда еще владел Анакрой (Анаклией. – Г. Д.), – что независим от Порты»[1].

Царский отряд в марте 1805 года пересек границу Абхазского княжества и начал углубляться в его пределы, что заставило Келешбея согласиться отпустить Левана Дадиани[2]. Правительство Александра I было встревожено этим фактом, который еще больше мог осложнить международные отношения, спровоцировать военные действия между Россией и Турцией, и предложило немедленно ликвидировать указанный конфликт. Эти опасения частично оправдались. Инцидентом воспользовались, с одной стороны, некоторые влиятельные члены турецкого правительства, крайне нерасположенные к России, а с другой – французский посланник Себастияни, прилагавший все усилия к тому, чтобы восстановить Турцию против русского правительства. Турецкое правительство начало даже приводить в оборонительное положение пограничные крепости и т. д. Но скоро вопрос был урегулирован.

Такая сложная и напряженная внутренняя и внешняя обстановка побудила Абхазского владетеля снова форсировать вопрос о сближении с Россией. При этом следует особо иметь в виду факт перехода под протекторат России (1803–1804 гг.) соседних с Абхазией Мегрелии, Имеретии и Гурии (с признанием сюзеренных прав имеретинского царя над ней), а в октябре–декабре 1804 года у впадения р. Хоби в Черное море были высажены русские войска и основана крепость Редут-Кале (Кулеви).

Сохранение автономных политических образований в Западной Грузии, осторожный подход царизма к делам этого края были обусловлены, как уже отмечалось, осложнениями в Европе, а также малочисленностью русских войск на Кавказе, разгоравшейся борьбой за восстановление царского престола в Восточной Грузии, надвигавшейся войной с Ираном и, особенно, нежеланием обострять отношения с Турцией. На этом этапе царизм удовлетворялся лишь получением выгодных военно-стратегических позиций на случай войны с Турцией[3].

[1] Projet de Poscript a Mr. d'Jtalinsci, 16 августа 1805 г. АВПР, ф. Сношения Турции с Россией, д. 2247, л. 279.

[2] Там же, д. 2250, лл. 378об–379. 381об–384.

[3] Думбадзе К. М. Западная Грузия в первой половине XIX века. – С. 14–16.

Академик С. Н. Джанашиа подчеркивал, что Келешбей «проявил стремление к приобретению покровительства России вследствие тех политических условий, в которых ему приходилось действовать в начале XIX столетия. Эта политическая комбинация совпадала с намерением России»[1].

Абхазский владетель в мае 1806 года заключил соглашение с мегрельской владетельницей Ниной Дадиани. «Быть мне твоим доброжелателем, – врагу твоему врагом, а другу другом», – писал он владетельнице[2]. Последняя, ни в коем случае не заинтересованная в торжестве турецкого султана на побережье Абхазии, сама, в свою очередь, стремилась к установлению нормальных добрососедских отношений с домом владетелей Абхазии.

Султанское правительство, и без того давно уже охваченное тревогой по поводу успехов России на Кавказе, резко изменило свое отношение к Келешбею, так много лет служившему ему. В момент, когда Келешбей уже окончательно решил порвать с султанской Турцией и, по-видимому, искал лишь формальный повод для этого, в конце марта 1806 года, к нему явился опальный турецкий феодал (трапезундский паша) Таяр-паша, который, обвиненный в государственной измене против султана, решил стать под защиту России. Укрываясь в Сухуме у Келешбея, Таяр-паша начал переговоры с русским правительством, предлагая при этом свои услуги в деле принятия абхазским владетелем российского подданства и приобретения Россией всего Черноморского побережья Кавказа.

Вскоре в Сухум прибыл турецкий чиновник с требованием султана отсечь голову мятежному паше. За выполнение этого приказа султан обещал пожаловать владетеля Абхазии в визири, сыновей его сделать беками и отдать имение Таяр-паши «без всякого притязания». В противном случае владетелю грозила война. В. то же время турецкое правительство предложило некоторым абхазским феодалам уговорить Келешбея выполнить требование султана.

Но владетель не выполнил султанского приказания. В ответ на это турецкий визирь писал указанным абхазским феодалам: «И мы с большими кораблями и фрегатами отправимся через несколько

[1] Джанашия С.Н. Георгий Шервашидзе. См. Г.М. Шервашидзе. Лирика. Эпос. Драма. Сухуми, 1946. – С. 7.

[2] АКАК, т. III. – С. 190.

дней. Вот все сие произошло от безумия Келеш-бека..., первый визирь изустно приказал мне... – объявить вам милость государя..., что..., если соберетесь вместе и тогда законопреступника доставите в руки и, не давая ему случай уйти, отрежете ему голову и доставите ко мне, то из Трапезундской таможни отпускаемо будет вам ежегодно по 5 кес» (910 руб.)[1].

Однако Таяр-паше в Сухуме было предоставлено не только убежище, но и возможность бежать в пределы России. Одновременно, в условиях мятежа феодалов внутри страны и угрозы репрессии извне, со стороны султана, владетель всячески форсировал ход переговоров с русским командованием. В апреле 1806 года он писал генералу Цицианову, что бегство Таяр-паши и стремление его прибегнуть к покровительству России «подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному..., покорно прошу вас представить о сем обстоятельстве е. и. в. и употребить ваше хо-датайство...; в случае же могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас своей помощью и защищением»[2]. В другом своем письме Келешбей уверял русское командование, что усерднее его «нет никого к службе российской, случающейся в здешнем краю»[3].

Своими действиями абхазский владетель, как сказано в документе, «навлек на себя всю тяжесть гнева султана»[4]. В Константинополе официально было объявлено о решении правительства отправить в Сухум флотилию из Трапезунда и сухопутные войска – из Ахалдиха и Эрзерума. Скоро к берегам Абхазии была направлена турецкая эскадра в составе 11 судов с войсками. Начальник флотилии пытался привлечь на свою сторону отдельных абхазских феодалов и передал им личное письмо султана.

Келешбей обратился к русскому командованию с просьбой дать «к пощаде его жизни искренних советов и защиты»[5]. «Известно вам, – писал он, – что перед сим посланы нами письма к вам и прошения к е. и. в. в рассуждении принятия нас в покровительство рос-

[1] Письмо турецкого визиря Абдуррахмана абхазскому кн. Маанидзе. АКАК, т. II. – С. 872.

[2] АКАК, т. III. – С. 191.

[3] Там же. – С. 189.

[4] Рапорт ген. Рыкгофа гр. Несветаеву от 27 июля 1806 г. Там же. – С. 192.

[5] Рапорт ген. Рыкгофа гр. Гудовичу от 28 февраля 1807 г. АКАК, т. III. – С. 192.

сийское, и вы изволили объявить нам, что вы представите оные государю и какой получите ответ, о том немедленно уведомите нас и по оному дадите нам помощь. Хотя ныне прибыл человек с фирманом за Таяр-пашою и мы по надежде на помощь российского двора возвратили его назад, но против нас точно идут корабли, почему просим объявить нам, какую вы можете дать нам помощь»[1].

Но русское правительство все еще проявляло осторожность в абхазском вопросе. Александр I категорически предупреждал, что только после разрыва с Турцией можно объявить владетелю Абхазии об официальном принятии его в российское подданство.

Тем не менее, русский чрезвычайный посланник в Констан-тинополе Италинский обратился к турецкому правительству с требованием объявить цель выхода военной флотилии в Черное море. Было оказано препятствие выступлению ахалцихского паши и, «вынуждаемого турками», начальника Потийской крепости. Император одобрил мероприятия, сделанные «по случаю военных приготовлений со стороны Порты, ныне производимых против абхазского владельца»[2]. Кроме того, Александр I предписал главнокомандующему Кавказской армии, что в случае, если султанские войска все-таки будут двигаться через Мегрелию в Абхазию, то отрезать им обратный путь в турецкие пределы.

По официальным данным, на защиту страны от иноземного нашествия выступило 25 тысяч человек. Турецкая эскадра, убедившись в решимости владетеля «защищаться доколе будет возможно» и поняв, что «есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут», вынуждена была удалиться[3]. Ахалцихокий паша воздержался от выступления. Не решился выступить и эрзерумский паша, имевший «начальство над пашами, граничащими с Грузией». Он, по приказу султана, должен был непосредственно обеспечить содействие начальнику флотилии.

«Известия, – сообщал барон А. И. Будберг генералу И. В. Гудовичу 5 сентября 1806 года, – ...о продолжающейся преданности к России абхазского владельца Келеш-бека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры... обратили на себя особенное внимание» императора[1].

[1] Донесение Келеш-бека Абхазского. Там же. – С. 189.
[2] Письмо бар. Будберга гр. Гудовичу от 3 сентября 1806 г. Там же. – С. 521.
[3] Рапорт ген. Рыкгофа ген. Несветаеву от 30 июля 1806 г. Там же. – С. 192–193.

С этого момента владетель Абхазии больше «повелений султана не исполнял, управляя своим народом», – как свидетельствовал современник событий Таяр-паша[2]. Однако в Абхазии не были ослеплены этой победой: султанское правительство всегда могло двинуть более крупные силы против маленького княжества. Наиболее дальновидные деятели выход из создавшегося положения продолжали видеть в присоединении Абхазии к могущественной России, что совпадало с интересами всего абхазского народа.

Поэтому владетель Абхазии через феодосийского военного губернатора генерала де-Ришелье, которому Александром I было поручено «сделать с ним (Келешбеем. – Г. Д.) постановление на формальное принятие его со всем владением на вечное подданство России»[3], послал правительству «прошение» о своем желании принять такое подданство.

Прежде чем отправить этот документ, вопрос о присоединении Абхазии к России был поставлен на «собрании общества», созванном в нюне 1806 года. Таяр-паша, присутствовавший на собрании, свидетельствовал, что «советуясь о том утвердили, – что будет сделано Келеш-беем, последуют всему»[4]. Письмо на имя Александра I и условия принятия; русского подданства владетель направил в Крым через Таяр-пашу, снабдив его доверенностью ходатайствовать «об этом изъявлении». Ришелье, который принятие Абхазии в подданство России считал «большой пользой», в свою очередь письмо Таяр-паши, адресованное ему, послал барону Будбергу. В этом письме излагались предложения абхазского владетеля следующим образом:

1) О удостоверении российского престола, что все военные и невоенные абазинцы (абхазы. – Г. Д.) верны будут и служить готовы всегда и чтобы е. и. в. благосоизволил принять и назвать своими подданными.

[1] АКАК, т. III. – С. 193.
[2] Там же. – С. 191.
[3] Отношение гр. Гудовича кн. Прозоровскому от 5 января 1809 г. Там же. – С. 574.
[4] АКАК, т. III. – С. 192.

2) По принятии же Келеш-бея российским престолом в подданство, быть над ними начальником Келеш-бею.

3) По достоинству же его от щедрот е. и. в. всемилостивейше награжден бы был таковым же чином и жалованьем.

4) Из 6 сынов его, Келеш-бея, большой Сефер-бей также не оставлен бы был достойным чином и жалованьем; 2-го сына для уверения о верном подданстве под залог отправит Келеш-бей в С.-Петербург, прося у е. и. в. соизволения (выучить грамоте и другим российским наукам.

5) Из абазинских дворян только 30 человек от щедрот е. и. в. не были бы лишены награждения.

6) Он, Келеш-бей, в кр. Боты (Поти. – Г. Д.) пребывая, в случае от Порты нападения запасти провиантом.

7) В кр. Боте хотя имеются большие пушки, но по прибытии туда российских войск имелось бы российских малых хотя 2 и с канонирами для того нужными.

8) В России запрещено покупать рабов. – Г. Д.), то, чтоб не было им запрещено, потому что без обращения сего не могут жить.

Когда сей 8-й пункт угодно е. и. в. не воспретить, то они удостоверяют: 1) что Ачик-Баш-хана, который доныне всероссийскому престолу не повинуется и, по грузинским горам бродя, в тех же пределах находящиеся российские войска всегда имеют от того беспокоиться, отклонят от того; а буде в том не успеют, то возьмут тогда силою и без сомнения в Россию доставят, яко сын к отечеству. 2) Он, Келеш-бей, с верными своими героями, коих число до 6.000, по границам в Грузии и около Тифлиса будет продолжать российскому престолу искреннюю службу. 3) В абазинских местах весьма способен и редкой лес есть на построение кораблей, если благоугодно строить корабли в тех местах или доставлять куда благоугодно для того. 4) При том объявляют, что есть мест несколько, которые весьма способны для гаваней и они почти к тому и теперь годны, но несколько надобно исправить и будет для российского флота в зимнее время убежищем. Наконец просили, какой на то последует ответ, немедленно его уведомить»[1].

Здесь следует обратить впимание на восьмой пункт, характеризующий Келешбея, как и многих других кавказских правителей

[1] АКАК, т. III. – С. 192.

того времени, как работорговца, проводника той гнусной торговли, которая так ревностно культивировалась султанской Турцией, хотя, по свидетельству С. М. Броневского, за время управления этого владетеля в целом «весьма уменьшился торг пленниками»[1].

Вскоре был раскрыт заговор против Келешбея, организованный князьями Дзапш-ипа и их племянником, старшим сыном владетеля Асланбеем. Последний еще до этого был лишен Келешбеем наследственных прав в пользу младшего Сафарбея, рожденного от крестьянки по фамилии Лейба (с. Мгудзырхва), которому владетель, тайно крестив и дав христианское имя Георгий, фактически передал управление княжеством. Заговор происходил под подстрекательством султанской Турции. В нем непосредственное участие принимал сухумский паша[2]. Келешбей был достаточно жестоким и решительным человеком, чтобы одним безжалостным ударом уничтожить 3 или 4 князей Дзапш-ипа, обманом заманив их в свою сухумскую резиденцию.

Хотя этот случай «не произвел волнения в народе»[3], более того, «народ не только не роптал, но смотрел на эту меру, как на меру необходимости»[4], тем не менее он характеризует Келешбея.

Заговор еще раз убедил владетеля в том, что с принятием подданства России надо спешить. И когда в начале 1807 года Сухум посетил командир русского военного судна лейтенант Ф. Я. Скирневский с поручением от командующего русскими войсками в Мегрелии генерала Рыкгофа, то Келешбей постарался принять русского офицера «с особенной учтивостью». Получив же доставленные последним два конверта от Рыкгофа, владетель «объяснился ему, что нетерпеливо ожидает уведомления, когда принят будет в российское подданство и что коль скоро сие последует, то он сына своего (Баталбея. – Г. Д.), имевшего 16 лет от роду, отправит в Петербург для определения в военную службу». Затем, когда Скирневский спросил его, могут ли русские суда, «претерпевающие во время плавания бедствия, входить на рейд Сухумский», владетель заявил,

[1] Броневский С. Указ. соч.– С. 350.

[2] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907. – С. 104.

[3] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. «Кавказ», 1867, № 61.

[4] Чернышев К. Еще об Абхазии. Там же, 1854, № 82.

что если это будет угодно главнокомандующему русского флота и об этом он получит предварительное отношение, то он на это охотно согласится.

Между прочим, Ф. Я. Скирневский обратил внимание на тот факт, что чертежи для лафетов, стоявших в крепости, были сделаны отставным русским артиллерийским офицером, который руководил вооружением крепости. На прощанье Келешбей подарил русскому офицеру часы, а также передал два письма: одно – таврическому таможенному губернатору Мертвому, а другое – Таяр-паше. В результате этого визита Скирневского в октябре 1807 года в военном министерстве была составлена записка под названием «О сведениях, полученных от Абазинской провинции и владетеле ее»[1].

Между тем русско-турецкие отношения обострились. Наполеоновская Франция всячески подстрекала Турцию к войне с Россией. В результате султанское правительство нарушило возобновленный им в 1805 году союзный договор с Россией и другие русско-турецкие соглашения. В конце 1806 года Турция была вовлечена в войну с Россией. В Закавказье военные действия начались внезапным нападением турок 8 февраля 1807 года на укрепление Редут-Кале (Кулеви). В этой войне царское правительство, в свою очередь, надеялось не только удержать, но и расширить владения России на Кавказе, обеспечив, в частности, морские коммуникации Грузии с Крымом, и получить доступ к Черному морю через Мегрелию и Абхазию для того, чтобы, по выражению Александра I, «связать сей край крепчайшими узами с метрополией»[2].

Царские дипломаты, руки которых теперь были развязаны, всячески побуждали Келешбея к активным действиям против Турции: отражать собственными силами «неприятельские покушения»[3]. А через некоторое время владетель получил и конкретное задание, чтобы «употребил все средства схватить потийского муселима[4] и завладеть Поти»[5]. Начальником Потийской крепости был Кучукбей

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1–4.

[2] Цит. по статье А. В. Фадеев. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах. «Ученые записки Ростовского Государственного университета», т. XXI, в. 3, 1952. – С. 80.

[3] Письмо бар. Будберга гр. Гудовичу от 7 января 1807 г. АКАК, т. III. – С. 531.

[4] Муселим – начальник крепости.

[5] Отношение гр. Гудовича бар. Будбергу от 15 марта 1807 г. АКАК, т. III. – С. 706.

Шервашидзе – родственник Келешбея, поставленный им на этой должности, хотя в рассматриваемое время он являлся одним из его ярых врагов. Надо сказать, что силы, которыми располагало русское командование на Кавказе, были все еще незначительными для того, чтобы добиться осуществления широких планов.

Келешбей, однако, не оправдал надежд русского командования: после начала военных действий он явно лавировал. На категорическое требование командования начать выступление абхазских войск, владетель уклончиво заявил, что «не имеет еще всех преданных к нему его подданных»[1]. Царские генералы и дипломаты не без основания начали в это время считать Келешбея «откланявшимся... от всякого со стороны своего содействия»[2]. Генерал И. Б. Гудович в письме Келешбею от 14 июля 1807 года прямо писал: «Что принадлежит до подачи нам помощи, то на сие вам скажу: как во время нынешних наших действий против турок вы не оказали никакого опыта усердия... и не помогли нашим войскам действиями против турок, а еще падает на вас сомнение, что вы под рукою воспособляете туркам...»[3].

В этих обвинениях, несомненно, были и элементы пристрастия. Тот же Гудович менее чем через год, 19 мая 1808 года, в связи с убийством Келешбея, писал Александру I: «Сей многолетний старец, как известно уже в. и. в. по прежним всеподданнейшим донесениям, с самого вступления войск российских в Имеретию и Мингрелию показывал всегда чистосердечное расположение свое быть под покровительством и в подданстве в. и. в., которого он еще в третьем году искал через выехавшего в Россию Таяр-пашу, сына Батал-паши, и с которым постановление о принятии его в вечное покровительство и подданство Всероссийской империи, по высочайшей воли в. и. в., представлено было... де-Ришелье»[4].

А если иметь в виду конкретно события 1807 года, то нельзя недооценить следующие факты. В марте 1807 года абхазские войска были посланы в Поти для содействия русским, хотя они, лишенные всякого продовольствия, скоро были распущены. Вместе с тем Ке-

[1] Рапорт ген. Рыкгофа гр. Гудовичу от 28 февраля 1807 г. АКАК, т III. – С. 542.

[2] Отношение Гудовича Будбергу от 15 марта 1807 г. Там же. – С. 705–707.

[3] Там же. – С. 198.

[4] Там же.

лешбей не дал возможности турецкому командованию высадить десант на территории Абхазии и превратить край в плацдарм для своих военных операций. Еще в июне 1806 года князь Чарторыйский подчеркивал, что «при настоящих обстоятельствах Грузии приверженность Келеш-бека и даже бездействие его не бесполезны будут для тамошних дел, а наипаче в том виде, чтобы отклонить его от сообщения с вероломным царем имеретинским, который, ежели паче чаяния предуспеет согласить на свою сторону Келешбека, то может нанесть чувствительный вред Мингрелии»[1].

После поражения турецких войск на реке Арпачае 18 июня 1807 года и подписания мира между Россией и Францией, было заключено перемирие и между Россией и Турцией. Однако в марте 1809 года война возобновилась. Положение Турции стало крайне тяжелым. Центральная власть была чрезвычайно слаба. Вследствие этого наказание непокорного абхазского владетеля и пресечение его попыток оказать помощь России были затруднительны. Поэтому султан организовал заговор из недовольных абхазских феодалов против Келешбея, всячески форсируя их решительное выступление. В ночь на 2 мая 1808 года Келешбей, возвращавшийся из гостей, был смертельно ранен шестью пистолетными выстрелами при входе в переднюю своего сухумского дворца. Асланбей, инициатор убийства, видя, что отец еще жив, изрубил его шашкой. При этом были умерщвлены еще два младших сына Келешбея, а Баталбей тяжело ранен.

Воспользовавшись замешательством, вызванным убийствам Келешбея, Асланбей овладел крепостью, куда заключил оставшихся в живых своих братьев, за исключением наследника Сафарбея (Георгия), который находился в Лыхнах, фактически управляя княжеством. В официальных источниках говорится, что «отцеубийца обратил на себя... даже черни ненависть»[2]. Характерно, что султанские агенты уверяли население: «Келешбей, как отступник, заслужил смерть от руки сына, который в этом случае не совершил преступления, будучи только слепым исполнителем воли аллаха»[3].

[1] Письмо кн. Чарторыйского ген. Глазенапу от 8 июня 1806 г. Там же. – С. 190.
[2] АКАК, т. IV. – С. 553.
[3] Торнау Ф. Ф. Указ. соч. – С. 8.

Асланбей, укрывшись за стенами Сухумской крепости, объявил себя владетелем Абхазии и подданным турецкого султана, от которого он скоро и получил первую помощь. Наследник престола Георгий (Сафарбей) поспешно собрал людей и подошел к крепости, но завладеть ею ему не удалось. Тогда он «с князьями и дворянами келешбеевыми» явился к мегрельским владетелям, прося у них помощи и посредничества в переговорах с русским командованием. Одновременно Георгий обратился к генералу Рыкгофу с письмом, в котором он извещал, что Асланбей со своими приверженцами убили Келешбея. «Известно вам, – писал он далее, – что покойный Келешбей еще при жизни своей передал вам и теперь по его смерти, ежели вы хотите, даю сию землю вам... Многие сухумские князья и дворяне в согласии со мною»[1].

Это событие совпало с периодом перемирия между Россией и Турцией. Поэтому русское правительство, хотя и обещало принять Абхазское княжество под свое покровительство, но строго предписало, чтобы новый владетель до благоприятного времени это намерение хранил в совершенной тайне.

Пока с Петербургом шла переписка, Сухум был хорошо укреплен. Новый русский главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Тормасов писал, что Асланбей «при подкреплении его Портою Оттоманскою весьма тогда усилился»[2]. Правительница Мегрелии Нина Дадиани также сообщала, что Асланбей получил заверение: «Всякая нужная помощь со стороны Порты будет ему оказана, относящаяся до войска и денег»[3]. Сухумскую крепость занимал сильный турецкий гарнизон, а на рейде стояло несколько вооруженных судов. После занятия крепости русскими войсками было взято в качестве трофеев 62 пушки и 2 фальконета (во времена же пребывания Скирневского было всего лишь 16 пушек), 1080 пудов пороха, множество ядер и других снарядов. О том, что Асланбей систематически получал помощь от Турции свидетельствует и тот факт, что уже после падения Сухума удалось задержать турецкое судно, в котором было найдено письмо от султана к Асланбею, а также лафеты для пушек, соль, пшеница и т. д.

[1] АКАК, т. III. – С. 200.
[2] АКАК, т. IV. – С. 425.
[3] Там же. – С. 389–390.

Тем не менее, в августе 1808 года объединенные силы абхазского и мегрельского владетелей предприняли попытку завладеть Сухумской крепостью, но безуспешно, так как в это время в Сухум на 3-х судах с войсками на помощь Аслану прибыл потийский комендант Кучукбей Шервашидзе, а с гор явилось около 300 человек[1].

В 1809 году Георгий Шервашидзе подписал новые «просительные пункты», в которых заявлял о том, что он вступает «в подданство и службу», как наследственный подданный императора всероссийского, предавая России себя и Абхазию, «и все находящееся в Абхазии». Далее, он выражал надежду, что край будет огражден русскими военными силами и писал о своей готовности «до капли крови быть верным подданным»; обязывался присягой и обещанием «в вечном подданстве» и быть покорным главнокомандующему в Грузии вместе со всем своим народом. Владетель также обещал дать корабельный лес и другие ценности с оставлением ему некоторой их части[2].

Весной 1809 года возобновились военные действия между Россией и Турцией; русское командование перешло к активным операциям в Западной Грузии. Генерал Тормасов решил немедленно овладеть крепостью Поти. Руководство военными операциями здесь было возложено на Д. Орбелиани, сменившего Рыкгофа. В ноябре 1809 года Кучукбей Шервашидзе вынужден был сдать Поти и отплыть с остатком своего войска в Трапезунд. Этому предшествовало занятие Анапы. Очередь стала за Сухумом.

Александр I 17 февраля 1810 года утвердил «просительные пункты» Георгия Шервашидзе и дал ему грамоту, в которой говорилось: «Снисходя на прошение ваше, поступить в вечное подданство Российской империи, и, не сомневаясь в преданности вашей к высокому нашему престолу, изъясненной в обязательном письме вашем, на высочайшее имя наше присланном, утверждаем и признаем вас нашего любезноверноподданного наследственным князем Абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи... Приняв также за благо все статьи,

[1] Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940. – С. 20.

[2] Всеподданейшее письмо кн. Георгия Шервашидзе. Там же, т. III. – С. 209.

изъясненные от слова до слова в том прошении вашем..., утверждаем оные императорским нашим словом... Засим поручая вам управлять народом абхазские земли с кротостью и правосудием, уверены мы, что вы и наследники ваши как в преданности своей к нашему престолу, так и в точном исполнении воспринятых вами на себя обязанностей пребудете непоколебимы»[1]. При этом владетелю было определено жалованье в размере 2500 руб. сер. в год, а его матери – 1500 руб., кроме того, владетель был награжден орденом св. Анны I класса.

Таким образом, за владетелем Абхазии было признано право управлять княжеством, причем на основании местного права и обычаев, с ограничением лишь права присуждать своих подданных к смертной казни.

В марте 1810 года часть судов Черноморского флота была направлена к восточным берегам Черного моря для крейсирования около Сухума и Суджук-Кале (ныне Новороссийск), а в мае управляющий Министерством военных морских сил дал приказ командующему Черноморским флотом занять Сухум.

8 июня 1810 года на сухумский рейд из Севастополя прибыла эскадра из одного военного корабля (66-пушечный «Варахил»), одного авиоза и двух кононерских лодок с батальоном 4-го морского полка в 640 человек под командованием капитан-лейтенанта Додта. В течение 9 и 10 июня шли ожесточенные бои. В 10 часов утра был высажен десант, который повел атаку с юга и овладел окрестностями крепости. Затем начался штурм самой крепости: в ее ворота стреляли с суши и со стороны кораблей. В результате сильной бомбардировки, продолжавшейся около двух часов, ворота были разбиты и русские войска заняли крепость. Одновременно в крепость вступила рота Белевского полка с двумя орудиями, во главе с Д. Орбелиани и Г. Шервашидзе, пришедшая со стороны Кодора.

Турецкий гарнизон ушел через северо-западные ворота крепости. Асланбей со своими приверженцами бежал и стал на долгие годы орудием в руках султанской Турции в борьбе против России и абхазского народа. Со стороны противника было убито 300 человек

[1] «Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет, князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии». Венден, 1913. – С. 5–7.

и взято в плен 78 человек, а также захвачено большое количество оружия и боеприпасов. Асланбей, связавшись с имеретинским царем Соломоном II, в октябре 1810 года с незначительным отрядом направился к границам Мегрелии, но был отброшен, а затем удалился в Константинополь за новой помощью.

В Сухум русским командованием было послано около 1000 человек, чтобы исправить имевшиеся в крепости повреждения. Гарнизон крепости был составлен из 3 рот, также сюда были присланы две канонерские лодки. В Сухуме водворился и новый владетель Абхазии.

Генерал Тормасов 6 августа 1810 года поздравлял графа Румянцева с «приобретением» Сухумской крепости, «владычествующей над всем народом абхазским, до сего приобретенным в подданство России, и превосходной гавани, делающей нас теперь полными властелинами того берега Черного моря»[1].

Однако цебельдинские и дальские князья Маршания «отказались быть покорными России и не признали над собой владельцем Сафар-бея»[2]. Так поступили и садзокие (джигетские) князья, за исключением Левана Цанба, которого Георгию Шервашидзе удалось склонить к принятию подданства России[3].

В том же 1810 году в Имеретии было учреждено русское управление, а Гурия на автономных началах вошла в состав России. Назначенный в Имеретию правитель (военный начальник) фактически распространял свою власть и на автономные княжества Западной Грузии; он посредничал между владетельными князьями и главнокомандующим в Грузии.

В мае 1812 года в Бухаресте между Россией и Турцией было достигнуто мирное соглашение. Этот мир, благодаря дипломатическому искусству М. И. Кутузова, который вел мирные переговоры с турками в Бухаресте, явился крупной военной и дипломатической победой России. По смыслу шестой статьи Бухарестского договора, султан признал присоединение Абхазии, Мегрелии, Имеретии и Гурии к России. Это пресекало военную экспансию султанской Турции

[1] АКАК, т. IV. – С. 945.

[2] Предписание ген. Тормасова ген. Симоновичу от 9 января 1811 г. Там же. – С. 426–427.

[3] Там же. – С. 426.

на берегах Кавказа, укрепляя стратегические позиции и политическое влияние России в этом районе.

Но султанское правительство, не желая мириться с потерей своих кавказских владений, всячески стремилось к пересмотру тех условий Бухарестского трактата, которые касались разграничения владений России и Турции на Кавказе.

Бряцая оружием на кавказских границах, турецкие паши провоцировали пограничные инциденты и разжигали феодальную междоусобицу на Кавказе, в надежде добиться осуществления своих реваншистских намерений путем интервенции.

В 1812 году Асланбей высадился в Поти с отрядом турецких войск и оттуда двинулся на Сухум. Он уже прошел через с. Тамыш, но, узнав о приближении усиленного отряда из Сухума, бежал, не приняв боя. В июне 1813 года трапезундекий паша снова перебросил в Абхазию Асланбея, который, высадившись на этот раз в устье р. Гудава, пытался поднять мятеж против владетеля Абхазии, но, потерпев неудачу, сам еле спасся. Подобные набеги совершались и в последующие годы. Диверсии со стороны Турции наблюдались также в пограничных районах Гурии и Имеретии.

Надо сказать, что английская дипломатия, стремясь помешать утверждению России на Кавказском побережье Черного моря, всемерно поддерживала реваншистские устремления правящих кругов султанской Турции. Русский посланник в Константинополе Строганов в письме на имя генерала Ермолова от 14 декабря 1818 года подчеркивал, что все эти враждебные действия Турции обусловлены «вкушениями завистливых держав, особливо Англии...»[1].

Положение царизма в Абхазии настолько было непрочным, что правительство Александра I в 1820 году решило даже вывести отсюда свои войска. Однако, главнокомандующий на Кавказе А. П. Ермолов, считая с политической и стратегической точек зрения большой потерей для России оставление Абхазии, передачу ее султанской Турции, категорически возражал против этого, угрожая в противном случае даже своей отставкой[2]. Правительство уступило настойчивости генерала Ермолова.

[1] АКАК, Т. V. – С. 736.

[2] Письмо А. П. Ермолова управляющему Министерством иностранных дел графу Нессельроде, 1820 г. ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 256, лл. 9–12.

В 1821 – 1824 годах, в период народного движения в Абхазии, Асланбей и его хозяева снова пытались осуществить свои намерения в Абхазии, воспользовавшись указанным движением. Но снова их постигла неудача и поражение.

Наконец, в результате победоносного завершения для России русско-турецкой войны 1828–1829 годов, «спорный» вопрос о «прибрежных владениях» был окончательно решен в пользу России. Согласно Адрианопольскому мирному договору, «все восточное побережье Черного моря, от Анапы на севере до Поти на юге (за исключением Черкесии), перешло в ее руки...»[1]. Кавказское командование, в обстановке войны с Турцией, в 1828 году упразднило Гурийское княжество, учредив там русское управление.

Для прочного занятия Кавказского побережья Черного моря русским правительством было намечено построить ряд укреплений и проложить военную дорогу по берегу от Сухума до Анапы. Осуществление этой задачи и командование «Абхазской экспедицией» было возложено начальником Отдельного кавказского корпуса графом И. Ф. Паскевичем на управляющего Имеретией генерала К. Ф. Гессе. Летом 1830 года в Бамборах, Пицунде и Гаграх были построены укрепления. Десант был высажен прежде всего в последнем пункте для занятия Гагринских (Джигетских) теснин, которые генерал Паскевич называл «Кавказскими Фермопилами». Это и понятно, ибо занятие данного пункта должно было отрезать Абхазское княжество от садзов (джигетов) и убыхов[2].

Черноморская береговая линия, несмотря на ее колониалистские цели, имела важное оборонное значение для края, а также содействовала борьбе русского правительства против англо-турецкой контрабандной торговли и работорговли на побережье. Не лишена была она и некоторого экономического значения.

В 1834–1835 годах царские войска проложили вдоль побережья Абхазии военную дорогу, соединявшую береговые укрепления. При этом было построено два новых укрепления в селах Дранда и Илори. В 1837–1839 годах, по приказу императора Николая I лично побывавшего на Кавказе в 1837 году, был построен еще' ряд новых береговых укреплений между Сухумом и Анапой. В 1839 году все

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9, изд. 2. – С. 406.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, дд. 6234 и 6339.

укрепления на восточном берегу Черного моря от устья р. Кубани до границы Мегрелии были объединены в Черноморскую береговую линию под начальством генерала Н. Н. Раевского. Причем эта «линия» делилась на два отделения; Абхазия относилась ко второму, распространявшемуся от форта Александрии (Сочи) до Мегрелии[1].

Черноморская береговая линия, построенная русскими войсками в 30–40-х годах XIX века, разделялась на три отделения – первое из них простиралось от устья р. Кубани до середины расстояния между Новороссийской и Геленджикской бухтами; второе–между Геленджиком и фортом Головинским включительно; третье начиналось фортом Навагин- ским и тянулось до турецкой границы. В последнем находились следующие военные пункты вдоль морского берега: форт Навагинский, укрепления Св. Духа, Гагры, Пицунда и Бамбора, пост Псырцха, крепость Сухум, посты Дранда, Квитоул, Илори и Анаклия, укрепления Редут-кале и Поти и пост св. Николая, а также одно внутреннее укрепление – Мрамба в Цебельде. Каждым отделением управлял начальник в чине генерал-майора[2].

Поскольку отдельные крепости береговой линии не имели между собой сообщения и вследствие этого иноземцы могли проникать в край, решено было учредить особую флотилию, независимую от Черноморского военного флота. Шесть пароходов и шесть парусных транспортов крейсировали вдоль всего побережья Кавказа, а для сообщения между собой крепостей и вообще для ближайшего крейсерства были завезены азовские баркасы. Учреждение такой флотилии, состоявшей в распоряжении кавказской администрации, обошлось казне в 4.252.503 руб., ее ремонт с 1835 по 1852 год – в 1.679.509 руб., а учреждение и содержание всей Черноморской береговой линии – до 100 миллионов руб. Во время Крымской войны гарнизоны укреплений были сняты и затем больше не восстанавливались, так как решено было «основывать поселения» по мере занятия Черноморского побережья войсками[3].

[1] Приказ ген. Раевского по Черноморской береговой линии от 23 мая 1839 г. Сочинский музей краеведения, экспозиция, фотокопия.
[2] Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI. СПб, 1853. – С. 36-37.
[3] Верещагин А. В. Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат. СПб, 1885. – С. 2–3.

Абхазия, как и другие присоединенные к России кавказские области, надежно огражденная от внешней агрессии, постепенно включалась в общую экономическую и политическую жизнь России, развивавшуюся по капиталистическому пути. Страна, несмотря на колониальную политику царизма, вступила в новую, прогрессивную полосу своего развития.

Экономическое и культурное развитие Абхазии, как и всей Грузии и Кавказа, за исследуемый период неразрывно связано с экономическим и культурным развитием России и ее организующей ролью.

● ГЛАВА ТРЕТЬЯ ●

УПРАЗДНЕНИЕ ВЛАДЕТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ И ВВЕДЕНИЕ РУССКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Осенью 1853 года началась Крымская (Восточная) война между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии, возникшая в результате столкновения экономических и политических интересов этих стран на Ближнем Востоке. Военные действия развернулись преимущественно в Крыму и на Черном море. Войска султанской Турции с целыо отторжения Кавказа от России, под руководством английских военных специалистов повели наступление на территорию Закавказья. Летом 1855 года турецким правительством был принят проект о диверсии в Западную Грузию, чтобы принудить русскую армию снять осаду Карса и создать угрозу Тифлису[1]. Было решено начать это вторжение со стороны Абхазии, откуда весной 1854 года были эвакуированы русские войска, при активном содействии владетеля Абхазии М. Шервашидзе. Сухум был избран исходным пунктом движения как место, «где имеется хорошая гавань и более удобная дорога по побережью»[2]. Здесь турецкое командование сосредоточило войска в составе более 30 тысяч человек.

К. Маркс, оценивая это событие, писал: «В данный момент наше внимание одинаково приковано и к берегам Дуная, где Россия овладела двумя житницами Европы, и к Кавказу, где России угрожает потеря Грузии»[3].

---

[1] Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 г., т. II, ч. IV. СПб, 1877. – С. 265.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 11, изд. 2. – С. 599.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 9. – С. 409.

Отход русских войск из Абхазии объяснялся, прежде всего, полным бездорожьем на побережье. Кутаисский генерал-губернатор Эристов 16 мая 1859 года доносил наместнику Кавказа: «Главнейшею и почти единственною причиною столь быстрого отступления оттуда (из Абхазии. – Г. Д.) наших войск был недостаток сообщений, хотя несколько обеспечивающих отступление Абхазского отряда»[1]. Сообщение между Сухумом и другими прибрежными пунктами совершалось только морем, ибо приморская дорога, сооруженная еще в 30-х годах, пришла в негодность. Все продовольствие и снаряжение для русских войск шло морским путем из Крыма. Но этот путь был закрыт с началом военных действий английскими и французскими судами. Из-за недостатка питания и медикаментов среди солдат распространялись заболевания. Командование русскими военными частями, расположенными в Абхазии, не проявило активности в начале войны. «Закостенелыми беспорядками» назвал генерал Н. Н. Муравьев ту картину, которую он застал вообще в Кавказской армии при своем назначении наместником Кавказа[2].

Турецкая оккупация тяжело отразилась на положении Абхазии. Сухум и некоторые другие пункты были разорены. М. Шервашидзе 24 июня 1856 года доносил наместнику, что он, по прибытии в Сухум, нашел крепость в полуразрушенном состоянии; одна казарма была сожжена, а со всех остальных казарм и казенных зданий были «расхищены все двери, оконные рамы и печные приборы»; частные дома «подверглись еще большему разрушению». Некоторые здания карантинно-таможенного управления остались в полуразрушенном виде, а другие – «совершенно уничтожены... Укрепление Бомборы не оставило по себе следов». С Пицундского храма был снят крест, а все остальные здания «были совершенно уничтожены»; укрепление Гагры было «превращено в груду развалин и пепла»[3]. Имущество Д. Г. Шервашидзе, имение которого примыкало к г. Сухуму, турецкие войска «разорили дотла»[4]. Огромный ущерб был нанесен и хозяйству владетеля. Значительно пострадал весь край. «Мосты и переправы по всей дороге в Абхазии уничтожены

[1] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 812.
[2] Муравьев Н.Н. Указ.соч. т.I, ч. I. – С.7.
[3] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 297.
[4] Там же, ч. II. – С. 949.

до основания», – констатировал владетель Абхазии в вышеуказанном донесении. К этому добавим еще сообщение М. Бартоломея и Д. Мачавариани о том, что, «как театр последней войны, Самурзакань подвергалась грабежам и разорению»[1].

К тому же оккупанты сразу принялись за работорговлю. 25 октября 1855 года из Абхазии сообщали, что на сухумский рейд прибыл английский пароход «Кенгуру», «который занимается торговлей людьми (невольниками и невольницами). Соучастниками этой торговли людьми являются английские шкиперы, перевозящие этот живой товар»[2].

В первых числах октября 1855 года главнокомандующий турецкой экспедиционной армией Омер-паша начал движение из Сухума к границам Мегрелии, и к 20 октября основные силы противника были стянуты на правом берегу р. Ингур.

Когда наступление неприятеля со стороны Абхазии ясно обрисовалось, начальник так называемого «Гурийского отряда», предназначенного для обороны Западной Грузии, генерал И. К. Багратион-Мухранский на левом берегу Ингура сосредоточил большую часть своих войск. Учитывая значение Ингура, как хорошей оборонительной линии, Багратион-Мухранский решил встретить здесь войска противника упорным сопротивлением, несмотря на незначительность сил, имевшихся в его распоряжении для обороны огромной линии фронта, с многочисленными переправами через реку. Общее руководство обороной этих переправ было возложено на начальника кавалерии Гурийского отряда полковника Д. Г. Шервашидзе[3].

25 октября противник завязал перестрелку у развалин Рухской крепости. Встретив сильное сопротивление со стороны отряда князя Дадиани, стоявшего на Рухской позиции, прикрывавшей самый удобный путь в направлении Зугдиди, турки главной своей массой продвинулись до переправ в Коки. Скоро на высоте Нарманиевской переправы появился значительный отряд противника. Оборона этого участка была поручена подполковнику С. Т. Званба, который

[1] АКАК, т. XI, ч. II. – С. 949.
[2] Цит. по статье Бурчуладзе Е. Е. Крушение англо-турецких захватнических планов в Грузии в 1855–1856 гг. «Вопросы истории», 1952, № 4. – С. 18.
[3] Записка о военных действиях Гурийского отряда..., составленная полк. Усларом. АКАК, т. IX, ч. 1. – С. 241–243.

со своим Черноморским линейным батальоном № 11 и другими частями стоял здесь. В этом месте силы врага превосходили почти в десять раз численность русских частей. Тем не менее, солдаты отряда Званба геройски отбивали натиск войск Омер-паши до поздней ночи. Противник понес большие потери. Оборона Нарманиевской переправы русскими войсками, руководимыми С. Т. Званба, заставила Омер-пашу даже усомниться в возможности успеха[1].

Багратион-Мухранский в официальном описании хода Ингурокого сражения особо отметил заслуги Черноморского линейного № 11 батальона подполковника Званба. «Изложенный мной ход боя, – писал он, – как я смею надеяться, красноречивее всех похвал доказывает, с каким геройским мужеством, с каким упорством сражались войска наши против многократ сильнейшего неприятеля. Черноморский линейный № 11 батальон кровью своей и кровью врагов записал имя свое в, летописях славы русского оружия. Все части, бывшие в деле, соперничали взаимно в мужестве; но, по ходу самого боя, в наилучшем блеске обнаружили это качество части, оборонявшие Норманские (Нарманиевские. – Г. Д.) переправы»[2].

В этом сражении пал смертью храбрых С. Т. Званба, оставив «среди солдат и офицеров лучшую память о себе». Его сменил командир Грузинского № 1 линейного батальона полковник Иоселиани, который также геройски погиб. Был убит и мужественный капитан Кобелев. Это был пример боевой дружбы представителей братских народов на поле битвы за свою Родину. Героем-командиром этого «в высшей степени кровопролитного сражения», был также Д. Г. Шервашидзе, которого «видели все время на коне в самой жаркой схватке, впереди командуемой им части»[3]. Следует назвать и имя прапорщика С. Д. Шервашидзе, который со своей батареей принял активное участие в битве на Рухском участке Ингурского боя и был награжден орденом Анны 4 степени[4].

Сражение на Ингуре, в целом закончилось неудачно для Гурийского отряда. Он вынужден был отступить под натиском численно

[1] Дзидзария Г. А. Соломон Теймуркович Званба. См. С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955. – С. 16–17.

[2] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 107–108.

[3] Бороздин К. Омер-паша в Мингрелии. «Военный сборник», 1873, № 5. – С. 207.

[4] Дзидзария Г. А. Званба С. Т. – С. 19–20.

превосходящих сил противника. Однако, на р. Ингур последний получил сильный удар. Он, как констатировал начальник штаба Гурийского отряда полковник П. К. Услар, понес «огромную потерю, в несколько раз превышавшую нашу»[1].

В 1913 году на территории Ингурокого сражения был воздвигнут памятник, на котором и сегодня можно прочитать: «Славным предкамгероям, павшим в бою при реке Ингур 25 октября 1855 года».

С ненавистью встретило население Абхазии оккупантов. Все стремления англо-турецкой агентуры восстановить абхазский народ против России оказались тщетными. С этой целью еще в 1854 году сюда приезжал из Турции Зан-Оглы, уроженец Дагестана, Однако план этого султанского агента провалился: он среди «абхазцев... не имел успеха»[2]. Турецкий офицер Осман-паша, высадившийся «в Сухуме в 1855 году, писал, что абхазы «не торопились явиться приветствовать нас; многие из них остались у себя на вершинах своих суровых гор»[3]. Паша, бывший в Сухуме, доносил главнокомандующему турецкой экспедиционной армии: «В Абхазии вообще заметно мало сочувствуют туркам и... владетель не отказывает им никакого содействия»[4].

Население Абхазии приняло активное участие в борьбе с противником. В английской газете «Таймс» сообщалось из Сухума: «Отвращение здешних абхазов от турок не подлежит никакому сомнению. Они не только не помогают нам, но еще разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги». Население не скрывает «своего сочувствия и привязанности к России и ожидает не иначе как с ужасом вторжения турок»[5]. Поручик Махотин доносил Багратион-Мухранокому: «Вообще можно надеяться, что неприятель при вторжении в Самурзакань встретит значительные препятствия; особенно же, если жители будут упорно защищаться. Кроме того, что ему придется брать завалы и атаковать большую часть селений, он потеряет много вре-

[1] АКАК, т. XI, ч. I. – С. 243.

[2] Донесение бар. Врангеля от 7 сентября 1854 г. ЦГИАГ, ф. 1083, оп. 6, д. 1033, л. 81.

[3] «Кавказский сборник», т. II. Тифлис, 1877. – С. 202–203.

[4] Записка о военных действиях Гурийского отряда..., составленная полк. Усларом. – С. 240.

[5] Цит. по газ. «Кавказ», 2 ноября 1855 г.

мени на исправление и расчистку дорог, которые завалены на границе огромными деревьями»[1].

Многие местные жители вступили в ряды русской армии, чтобы с оружием в руках сражаться с агрессорами. В сбщий состав милиции (ополчения) Гурийского отряда входила и абхазская – конные и пешие сотни. Один из милиционеров – окумский крестьянин Абраги Зухбая был награжден медалью на георгиевской ленте[2].

Следует отметить, что военные действия России против Турции на Кавказе вызвали повсеместно в Грузии огромный подъем патриотического чувства. Только в Тифлисской губернии вступили в милицию 23.709 чел. Действовавшие вместе с русскими войсками грузинские ополчения и партизаны сыграли крупную роль в разгроме султанских войск на Кавказе[3].

Турецкое командование постаралось привлечь на свою сторону представителей абхазской феодальной верхушки. Омер-паша придавал большое значение, в частности, переходу на сторону султанской Турции князя Д. Г. Шервашидзе, который играл важную роль в политической жизни края, а также в составе Гурийского отряда. Однако на письмо Омер-паши от 12 сентября 1855 года Д. Г. Шервашидзе ответил следующим образом: «Временные впечатления не могут отклонить честного человека от путей, начертанных ему собственными, его убеждениями. Мои понятия об обязанностях абхазца и о цели вашего вторжения совершенно противны вашему взгляду на сей предмет. Я недоступен заразе, вызываемой дурными примерами... Конечно, не заслужил бы выражений, которыми вашему превосходительству угодно одобрить мои военные достоинства, если бы я обратил оружие свое против тех, в победах которых я не один раз участвовал. Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамен...»[4].

Лишь некоторая часть туркофильски настроенных крупных феодалов благожелательно встретила войска Омер-паши. Это были Гыд и Мажара Шервашидзе, Баталбей Маршания, Хасан Маргания и

[1] ЦГИАГ, ф. 956, д. 4, л. 62.

[2] Арх. Абхазского института языка, литературы к истории им Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, ф. I, д. 180/108, л. 2.

[3] Грузинская ССР. БСЭ, т. 13, изд. 2. – С. 47.

[4] Цит. по книге Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, т. II, ч. IV. – С. 386.

другие. Брат владетеля Абхазии Александр Шервашидзе, также никуда не уезжал из края и, облеченный в звание паши, приняв управление Абхазией, действовал как человек, «движимый собственным убеждением»[1]. Кроме того, явился в Абхазию сын известного туркофила и отцеубийцы Асланбея Шервашидзе, которому «предоставили» в собственность имение полковника Д. К. Шервашидзе[2].

Что касается владетеля, то он на некоторое время возвратился в Абхазию и встречался здесь в сентябре 1855 года с Омер-пашой. М. Г. Шервашидзе колебался, выжидая более определенной военной ситуации. Однако, когда поражение султанской Турции стало очевидным, владетель начал активно содействовать русскому командованию.

«...Заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его пашалык завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля...»[3]. Но, в целом, Крымская война закончилась поражением царизма. Тем не менее, по Парижскому трактату 1856 года владения России на Кавказе остались за ней. Весной 1856 года последние турецкие войска покинули Абхазию, и 10 июля того же года русские войска в сопровождении М. Г. Шервашидзе, побывавшего до этого у наместника Кавказа в Тифлисе, вошли в Сухум.

Причина военного поражения России коренилась в условиях феодально-крепостнической системы. Война ускорила поворот страны на новую социально-политическую дорогу. Царизм встал на путь буржуазных реформ. Война расшатала автономию княжеств Абхазии, Мегрелии и Сванетии и ускорила их ликвидацию.

* * *

Русское управление вначале было введено з 1837 и 1840 годах в Цебельде (Цабал) и Самурзакано, где были образованы приставства. Это управление с течением времени подвергалось изменениям. Вместе с тем в Абхазии была и русская военная администрация, находившаяся сперва в Бамборах, а затем, с 1851 года, – в Сухуме. В 1839 году, в связи с образованием Черноморской береговой линии,

[1] ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 155 об.

[2] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. Тифлис, 1907. – С. 148.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 11, изд. 2. – С. 615.

Абхазия в военном отношении была подчинена управлению второго отделения этой «линии». Начальнику указанного отделания была «присвоена власть» командующего войсками в Абхазии, «с сохранением прежних отношений к владетелю сего края и к Цебельде». Одновременно, в Сухуме был назначен капитан над портом и учрежден запасной магазин «морской провизии» для крейсирующей эскадры[1]. В конце 40-х годов в Сухуме учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря, а также создано полицейское управление, которое на правах сухумского градоначальника подчинялось начальнику войск в Абхазии; в управлении организована для разбора городских дел особая канцелярия, городская ратуша, ведавшая судебными делами. Действия этой русской администрации и суда ограничивались Сухумом. В 1856 году, в связи с образованием Кутаисского генерал-губернаторства, была учреждена должность командующего войсками в Абхазии[2]. Абхазское княжество подчинялось кутаисскому генерал-губернатору номинально, а фактически – кавказскому наместнику.

В целом же, русское управление в Абхазии было осуществлено лишь после окончания Кавказской войны (1864 г.). Вопрос об этом неоднократно ставился царскими властями еще раньше, особенно после Крымской войны, а после фактического введения в 1857 году этого управления в соседней Мегрелии (окончательно ее автономия была упразднена в 1867 году) он был предрешен.

Со стороны царского самодержавия столь долгое сохранение автономии Мегрелии и Абхазии и оказание владетелям этих княжеств помощи в борьбе с их соперниками, объясняется той активной ролью, какую играли названные владетели в деле осуществления планов царизма по освоению Западной Грузии и Северо-Западного Кавказа. Абхазский владетельный князь проявлял в этом особенное усердие.

«В общей системе кавказской военной политики, – писал П. К. Услар, – Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта, вместе с Цебельдою, на большом протяжении границ своих соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные

[1] Приказ ген. Раевского по Черноморской береговой линии от 23 мая 1839 г. Сочинский музей краеведения, экспозиция, фотокопия.

[2] Эсадзе С. Указ. соч. – С. 120; ЦГИАГ, ф. ОВД, д. 48, л. 2.

части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию»[1].

Об этом в еще более развернутом виде писал кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский 10 октября 1866 года: «По географическому положению своему и некоторым особенностям своего внутреннего устройства, Абхазия имела весьма большое значение во все время Кавказской войны. Через эту страну, составлявшую узкую полосу между морем и неприступными горами, лежал единственный путь для вторжения неко-торых горских племен Западного Кавказа в пределы христианского народонаселения, долин Ингура и Риона. При непокорности Абхазии военная граница наша отодвинулась бы до Ингура и понадобилось бы немало средств для устройства на этой реке военно-кордонной линии, наподобие других военных линий на Кавказе. Покорность Абхазии избавила нас почти от военной границы в этой части Кавказа и... сберегла наши силы и издержки...»[2].

Поэтому, царское правительство, до поры до времени, не принимало мер для ликвидации Абхазского княжества. Более того, «значение Абхазии в отношении военных дел на Кавказе и польза от подчинения этой страны владетелю-христианину были поняты и вполне оценены как главными начальниками Кавказского края, так и верховною властью»[3]. М. Шервашидзе благодаря помощи царских властей стал «действительным владетелем Абхазии»[4]. За участие в экспедициях и подавлении восстаний, а также «за отличие по службе и преданность русскому правительству» он был награжден несколькими орденами и получил звание генерал-адъютанта. Кроме денежного вознаграждения за таможенные доходы, ему была назначена ежегодная аренда в 10 т. руб. Сам владетель в письме Святополк-Мирскому 21 июня 1864 года писал, что он состоит на службе российского царя более сорока лет, «и служба моя принесла очень значительную пользу престолу русскому»[5].

[1] Услар П. К. Гурийский отряд в 1855 году. «Кавказский сборник», т. V, 1880. – С. 258.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1213, л. I.

[3] Там же.

[4] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», кн. 1, 1884. – С. 209.

[5] ЦГИАГ, ф. 545, д. 75, лл. 2–5.

Другой крупный абхазский феодал Кац Маан (Маргания), являвшийся правой рукой владетеля во всех его делах, будучи совершенно неграмотным человеком, достиг чина генерал-майора русской армии, не говоря уже об орденах и других знаках отличия.

Вместе с тем, как писал наместник Кавказа М. Н. Романов в «Записке о положении в Абхазии» (март 1864 г.), царское правительство «не могло в то время отделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну (Абхазию. – Г. Д.) в полное подчинение, для водворения в ней внутреннего порядка ограничивалось только поддержкою владетеля...»[1].

При решении данного вопроса необходимо иметь в виду и соображения международного порядка, которые, несомненно, учитывались царским правительством.

В 60-х годах завершился процесс объединения под властью России всех политических образований Кавказа после того, как в мае 1864 года в урочище Кбаада (ныне Красная поляна) сдалась последняя горсточка абхазов из племени ахчипсаа (ахчипсоу). В связи с этим событием, в целях унификации административного управления Кавказом, становится очевидной необходимость упразднения Абхазского владетельства.

«Управление власти владетеля Абхазии и введение в этой стране прямого русского управления было признано государственной необходимостью, как следствие и дополнение» указанного исторического события, писал кутаисский ренерал-губернатор К. Д. Святополк-Мирский наместнику Кавказа 30 сентября 1864 года[2]. Этот вопрос ставился наместником еще в марте 1864 года, опять-таки, «ввиду предвидевшегося уже тогда скорого» завершения присоединения всего Северо-Западного Кавказа к России[3].

Наместник Кавказа в марте того же 1854 года в «Записке о положении в Абхазии», направленной им в Петербург, писал, что до сих пор «мы могли, хотя сами обманывая себя, говорить, что без пособия власти владетеля не имели бы сил ограждать себя от убыхов; мы представляли Абхазию краем, прикрывающим другие наши земли, более важные. Но теперь уже этого оправдания не существует»[1]. В личном письме Александру II от 23 марта 1864 года наместник подчеркивал, что управление Абхазией М. Шервашидзе «было полезно для России... Независимое положение Абхазии,.имело смысл, покуда восточный берег Черного моря» не был еще присоединен к России, «тем более, что большая часть наших вооруженных сил была отвлечена» на Восточном Кавказе; «но теперь... существовавшие обстоятельства совершенно изменились»[2].

Наместник, давая резко отрицательную характеристику порядку управления в Абхазии, настаивал на быстрейшей ликвидации здесь владетельской власти; причем поспешность в этом деле он связывал, непосредственно, с осуществлением одобренных императором предположений о заселении казачьими станицами восточного берега Черного моря – от устья Кубани до р. Бзыбь, что, после ликвидации Абхазского княжества, могло бы быть продолжено до устья Ингура.

В июне 1864 года было объявлено об упразднении Абхазского княжества и введении, до утверждения положения и штатов, временного «военно-народного управления». Абхазия была переименована в «Сухумский военный отдел», с разделением его на 3 округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и 2 приставства, с подчинением кутаисскому генерал-губернатору. Начальником отдела был назначен командующий войсками в Абхазии генерал Шатилов, которому было приказано вступить «во внутреннее управление» краем с 12 июля 1864 года. В этот день, в Сухум, к кутаисскому генерал-губернатору Святополк-Мирскому, прибывшему «для непосредственных распоряжений по введению русской власти в Абхазии», явились «почетные жители» края, которым было объявлено правительственное решение. Это объявление и данные тут же приказания были «приняты всеми беспрекословно, а многими даже с заметным удовольствием»[3].

Вообще, упразднение феодального княжества и введение непосредственного русского управления в Абхазии не вызвало ника-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 11 об.

[2] Там же, ф. 545, оп. 1. (кн. 1), 1864 г., д. 75, лл. 31–37.

[3] Записка вел. кн. Михаила Николаевича об удалении М. Шервашидзе от владения Абхазией от 11 ноября 1864 г. ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 90.

[1] ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 13 об.

[2] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 608, л. 13.

[3] Отзыв М. Н. Романова Д. А. Милютину от 14 августа 1864 г. ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 177, лл. 78–79.

ких серьезных событий. Еще в 1850 году Иогель и Рябиков писали: «Простой народ крепко желает спокойствия и не принимает живого участия в ссорах и междоусобиях князей, так что теперь, в случае надобности, не встретится препятствий в удалении самых беспокойных князей»[1]. И действительно, «абхазцы, – как отмечал Святополк-Мирский, – не без некоторого опасения и недоверия, но спокойно и безропотно приняли новый порядок управления. Можно верить, что они надеялись отдохнуть и устроиться после долгих бедствий и неурядицы»[2]. Ешерский крестьянин Осман Шамба, в речи на сходе населения Бзыбской Абхазии в с. Лыхны 26 июля 1866 года прямо заявил, что народные массы разочаровались в новом управлении, а они ожидали, что с упразднением владетельства благосостояние их будет возрастать с каждым годом, и правительство будет к ним «милостиво»[3]. Наместник Кавказа в письме Александру 11 от 5 августа 1866 года, говоря об обстоятельствах, обусловивших восстание 1866 года в Абхазии, также подчеркивал, что население было даже довольно введением нового управления в 1864 году, особенно же отменой всевозможных пошлин, которыми владетель облагал его; «происшествий, преимущественно вначале, почти не было»[4].

Что касается М. Шервашидзе, то он, «вопреки всем ожиданиям, – констатировал Святополк-Мирский, – не только не препятствовал введению в Абхазии русского управления, но по первому требованию... созвал абхазцев для объявления им высочайшей воли и просил их ко мне для получения дальнейших указаний»[5].

Однако это не помешало наместнику утверждать о «неблагонадежности» Михаила Шервашидзе и требовать немедленного его удаления из пределов Кавказа. Против него был составлен «обвинительный акт», и он был выслан в г. Воронеж.

Все же, в ознаменование его прежних заслуг перед самодержавием, за ним был сохранен титул «светлейшего князя» и назначена значительная пенсия. М. Шервашидзе умер 16 апреля 1866 года и похоронен в Моквинском храме[6].

[1] ГАКК, ф. 260, он. 1, д. 749, л. 194 об.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 157.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 235.
[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 610, лл. 29–38.
[5] Записка Святополк-Мирского по делам Абхазии от 30 сентября 1864 г. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 75, лл 31–37.
[6] ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, аз. ч,, д. 39, лл. 1, 9.

Надо сказать, что удаление бывшего владетеля из Абхазии прошло также без каких-либо эксцессов. Кавказский наместник в своем отношении военному министру Д. А. Милютину от 15 января 1865 года писал: «Как ваше превосходительство усматриваете из прилагаемых при сем двух выписок из рапортов командующего войсками в Абхазии кутаисскому генерал-губернатору, задержание кн. Шервашидзе и удаление его из Абхазии совершилось без всякого фактического сопротивления со стороны прежде бывшего под властью его населения и почти не имело влияния на состояние общественного спо-койствия в стране»[1]. Святополк-Мирский также сообщал, что из края без всякого «сопротивления и даже волнения» насильственно был удален бывший владетель; окружные начальники без затруднения начали собирать подробные статистические сведения[2].

Наместником Кавказа, в сентябре 1864 года, была образована комиссия под председательством генерала И. А. Бартоломея для составления «Положения об управлении Абхазиею». Это было связано с общими реформами на Кавказе, в частности, с теми изменениями и преобразованиями в области административного управления краем, которые проводились правительством в этот период. Цель этих изменений и преобразований заключалась в том, чтобы лучше приспособить аппарат управления к новым условиям, создававшимся на Кавказе, в результате происшедших здесь к этому времени политических и социально-экономических перемен.

В 1865 году было издано «Положение о Кавказском горском управлении», по которому на Кавказе создавалось высшее центральное учреждение, объединявшее все управление кавказскими горскими народами, основанное на началах особого, так называемого «Военно-народного управления». Правительство стремилось изъять управление горскими народами из военного ведомства, централизовать это управление, сосредоточив его в одном учреждении, подчиненном непосредственно Главному управлению Кавказского наместничества.

В Абхазии проведение мероприятий в области административного управления затянулось. Комиссия генерала Бартоломея свою

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 26, лл. 124–127.
[2] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 157.

работу закончила лишь к апрелю 1866 года. Реализация результатов этой работы была ускорена восстанием, имевшим место в Абхазии в том же году. 11 августа 1866 года император утвердил постановление об «административных преобразованиях» в Абхазии, вынесенное Кавказским комитетом в соответствии с предложениями комиссии генерала Бартоломея. Абхазия (Сухумский отдел) была разделена на управление городом Сухумом и округа: Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. Таким образом, были ликвидированы Цебельдинское и Самурзаканское приставские управления, а Бзыбский, Сухумский и Абжуйский округа переименованы в Пицундский, Цебельдинский и Драндский. Упразднялись также управление командующего войсками в Абхазии и его гражданская канцелярия по управлению г. Сухумом, Сухумская городская ратуша и Сухумское комендантское управление.

Начальник Сухумского военного отдела подчинялся кутаисскому генерал-губернатору. Округа были вверены окружным начальникам. Во главе г. Сухума поставлены городничий и городское полицейское управление. В качестве судебных органов учреждены: в г. Сухуме – главный суд (для всего края), в котором председатель назначался правительством; в округах – словесные суды, в них председательствовали начальники округов. В села были назначены старшины, ведавшие, ко всему прочему, сбором податей.

Учреждена земская стража, состоявшая из пяти урядников и подчиненных им стражников[1].

В 1864 году, в связи с отменой в Восточной Грузии крепостного права, были изданы «Правила об устройстве сельских обществ и их общественного управления» для Тифлисской губернии, а в 1866 году – и для Кутаисской. В 1867 году Кавказским горским управлением было также утверждено «Положение о сельских обществах и их общественном управлении для Сухумского отдела»[2]. Это «Положение» еще больше усиливало царскую власть над крестьянством и упрочивало целый ряд черт феодально-крепостнического режима. Согласно «Положению», сельские общества составлялись «из всех жителей одного селения, без различия, на каких бы землях они не жили». Во главе сельского общества стояло «сельское общественное управление»; его составляли сход, старшина и суд, причем «первое место на сельском сходе и охранение на нем должного порядка» принадлежало старшине.

[1] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, лл. 33–41.
[2] ЦГАА, ф. 58, д. 1, лл. 1–7.

В ведение сельского схода входили: выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельского общества «вредных и порочных членов его», распоряжение общественными земельными угодьями, назначение сборов на общественные расходы, раскладка казенных и земских податей и повинностей, а также общественных повинностей, принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок, разрешение просьб об увольнении из общества для переселения в другие общества.

Должностные лица сельского управления несли ряд полицейских обязанностей. Сельский старшина должен был доносить «начальству о самовольно отлучившихся из общества», выдавать «коренным жителям селения» свидетельства, как для получения билетов и паспортов на отлучки, так и для перехода их в другие сословия. Сельскому старшине предоставлялось право «за маловажные полицейские проступки.... за исключением лиц, принадлежащих к высшим классам, офицеров и их семейств, подвергать виновных: назначению на общественные работы на время до двух дней, или денежному взысканию до одного рубля, или аресту не более двух дней». В примечании разъяснялось, что среди «маловажных поступков» надо иметь в виду «грубость и неповиновение работников своим хозяевам». Сельский суд разбирал и приговаривал к наказанию жителей, принадлежащих к сельскому обществу, за «маловажные поступки». Он был властен приговаривать виновных к общественным работам до 6 дней, или к денежному взысканию до 3 рублей, или к аресту до 7 дней. В примечании, также, еще раз предупреждалось, что «право сельского суда подвергать виновных наказанию не распространяется на лиц высшего сословия, офицеров и их семейств».

Классовая природа нового сельского управления была совершенно очевидна. Подчиненное органам правительственной власти, это управление входило в систему правительственного аппарата, являясь низшей его ячейкой.

В 1868 году было произведено укрупнение округов в целях дальнейшей централизации управления краем. Согласно поста-

новлению об этом, утвержденному императором 27 мая 1868 года, было образовано два округа (Пицундский и Очамчирский) с четырьмя участками (Гудаутский и Гумистинский, Кодорский и Самурзаканский). Для надзора за устройством поселений в Цебельде было учреждено особое попечительство (первым попечителем был капитан Н. А. Дьячков-Тарасов), а для сбора доходов с имений бывшего владетеля Абхазии – должность заведующего оброчными статьями. В том же году были введены общинные и сельские управления. Все села Абхазии были разделены на 41 общину с общинными и сельскими старшинами и общинными судами.

Таким образом, с упразднением Абхазского княжества и учреждением царского управления здесь непосредственно распространялся колониально-политический режим Российской империи.

Тем не менее, факт ликвидации Абхазского владетельства и введение непосредственного русского управления, объективно имел положительное значение. С упразднением владетельной власти – пережиточной формы феодального управления, являющейся помехой на пути социально-экономического развития, Абхазия начинает втягиваться в пореформенную, общероссийскую хозяйственную систему, в частности, в общую экономическую жизнь Грузии и всего Закавказья.

• ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ АБХАЗИИ К РОССИИ

30–50-е годы XIX века в истории России были отмечены подъемом в развитии производительных сил города и деревни. И в сфере промышленности, и в области сельского хозяйства ясно обозначилась ведущая линия такого процесса – систематическое применение машин и новых рациональных методов производства. Это обстоятельство не было совместимо с феодально-крепостническим строем и должно было привести к глубокому перевороту в общественных отношениях. На рубеже 50–60-х годов в России складывалась революционная ситуация, хотя и не приведшая к революции, но вырвавшая у царизма реформу.

Народное хозяйство Грузии и Закавказья постепенно втягивалось в общероссийскую хозяйственную систему. Само собой разумеется, что хозяйственное развитие происходило неравномерно во всех частях края. Но указанное положение, в той или иной степени применимо также к Абхазии, хотя здесь помимо феодально-крепостнических отношений, как и в некоторых других местах, имелись дополнительные преграды для экономического развития, прежде всего, в виде многочисленных дофеодальных пережитков. При этом, необходимо подчеркнуть, что одной из причин отсталости и замедленного развития производительных сил Абхазии была военно-феодальная экспансия султанской Турции.

Наиболее ощутительный перелом в области развития хозяйственной жизни Абхазии был связан с упразднением власти феодального владетеля, проведением крестьянской реформы и уси-

лением благотворного экономического влияния России. Но еще в первой половине указанного столетия, в период политического присоединения Кавказа к России, в связи с возрастающим влиянием России, с 30-х годов и особенно в 40–50-х годах в хозяйственной жизни Абхазии происходили некоторые изменения.

Уже в 30-х годах XIX века делались попытки создать мелкие промышленные предприятия. В августе 1831 года, по договоренности с князем Гасанбеем Шервашидзе, в Абхазию приехали горные инженеры Воскобойников и Гурьев для «обозрения свинцового прииска»[1]. Майор Гурьев на р. Гумиста добыл несколько образцов свинцовой руды, которая оказалась недостаточно богатой, чтобы стоило ее разрабатывать. Однако, говоря об этом прииске, Абрюцкий замечал, что он известен с древних времен и разрабатывается до сих пор. Далее Абрюцкий писал, что такого свойства свинец содержится в горе против деревни Анакуа[2].

В начале 30-х годов на р. Мчишьта (Черная), по другим сведениям – на р. Хыпста (Белая), солдатами Бамборского укрепления был построен лесопильный завод. Он снабжал досками и дранью воинские части, расположенные на территории Абхазии. Вместе с тем, завод служил «одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями»; абхазы мало-помалу «стали приезжать на Мцышу (Мчишьта. – Г. Д.) выменивать и выпрашивать доски у Пацовского (начальника Бамборского укрепления и русских войск в Абхазии. – Г. Д.), которые он им давал под разными условиями...»[3]. Эту лесопильню в 1833 году видел Дюбуа, который к сказанному добавляет, что были сооружены особые повозки с большими колесами для того, чтобы «удобнее было перевозить самый громадный лес»[4]. «На Мычише сделана хорошая с механизмом водяная пильня», писал и М. А. Селезнев. Тот же автор, кроме того, отмечал, что здесь заготавливались кирпич и известь[5].

В феврале 1843 года горный инженер Гурьев был командирован в с. Лыхны, в резиденцию абхазского владетеля, чтобы исследовать месторождение каменного угля-лигнита, а начальник Черноморской береговой линии генерал И. Р. Анреп добился согласия владетеля об уступке «приисков» в пользу казны с тем, однако, чтобы от каждого извлекаемого из «абхазских карьер» пуда каменного угля ему, как владельцу земли, платилось бы по 2 копейки ассигнациями[1]. В «Записке» графа А. Варгас-де-Бедемара, опубликованной в 1867 юду, мы находим сообщение о том, что «на Бзыби найдены пласты каменного угля»[2].

В первой половине 40-х годов были предприняты некоторые шаги и по линии организации производства кирпича. Генерал А. И. Будберг в рапорте на имя наместника Кавказа М. С. Воронцова от 24 ноября 1845 года указывал, что опыты для устройства кирпичных заводов делались в Сухуме, Мрамба и Пицунде. Правда, эти опыты оказались неудовлетворительными, вследствие чего Будберг нанял «вольного мастера», «способного к устройству кирпичного завода, для произведения опытов и указания войскам выделки кирпича». Последующие опыты этого мастера, как писал тот же Будберг, «подали более надежды на возможность устроить удовлетворительные кирпичные заводы в Пицунде и Сухуме». Вместе с тем Будберг «употребил все усилия, чтобы склонить к устройству кирпичных заводов местных владельцев». Некоторые из них, в том числе князья М. и Д. Шервашидзе дали Будбергу «слово сделать опыты...»[3].

В 1849 году из керченского механического завода в Сухум были привезены металлические части для «лесопильной мельницы»[4]. В 1853 году житель Кутаиса Петр Зубалов обратился к М. С. Воронцову с просьбой отвести ему место в Сухуме под кирпичный завод и дозволить добывать под городом камень для извести. Наместник Кавказа, считая, что это предложение может принести Сухуму большую пользу, удовлетворил просьбу Зубалова[5]. Н. А. Шавров, сведения которого относятся 1860 году, отмечал, что в 5 верстах от Сухума, по дороге в Гумское ущелье, имелись каменоломни, где добывал-

[1] «Горный журнал», ч. 3, кн. 9, 1833. – С. 315–316.
[2] Абрюцкий. Указ. соч.
[3] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 36.
[4] Дюбуа. Указ. соч. – С. 115.
[5] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 189.

[1] Рапорт ген. Нейдгарта гр. Чернышеву от 26 августа 1843 г. ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 845, д. 25, л. 2 об.
[2] ЗКОСХ, №№ 3 и 4, 1867. – С. 9.
[3] Арх. Абхазского института языка, литературы и истории им Д. И. Гулиа, ф. 1. д. 7, л. 10.
[4] ГАКК, ф. 260, д. 180. лл. 193–195.
[5] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 5. 1854 г., д. 677, л. 1.

ся известняк[1]. А. В. Пахомов также свидетельствовал о том, что в с. Яштхуа, на горе Царцмал, добывался известковый камень, употреблявшийся на постройки в г. Сухуме[2]. В 1863 и 1864 годах генерал Шатилов приступил к разработке свинцово-серебряной руды на горе Дзышра. В 1867 году инженер Цулукидзе и Сорокин начали обследование рудных месторождений Абхазии[3]. К моменту упразднения владетельства в Абхазии из «фабрично-заводской промышленности» в г. Сухуме и его окрестностях было 6 кирпичных заводов[4].

Происходило распространение примитивных водяных мельниц. А. Н. Введенский свидетельствовал, что таких мельниц помещается иногда десятка полтора на каком-нибудь ручейке, как например, в с. Хуап[5], тогда как в начале 30-х годов во всей Абхазии имелась только одна такая мельница в с. Лыхны[6].

Усиливалась заготовка леса, исключительно на продажу, что В. И. Ленин называл лесопромышленностью[7]. «Лес закупается у землевладельцев предпринимателями «лесопромышленниками», которые нанимают рабочих для рубки, пилки леса, сплава его и пр.»[8]. Все это, в известной мере, имело место в Абхазии, богатой лесами.

Рост спроса на абхазский лес был связан, главным образом, с общим хозяйственным развитием Юга России. Это обстоятельство определяло не только рост вывоза леса из Абхазии, но и рост потребления его на месте.

Надо сказать, что интерес русского правительства к абхазскому лесу имел довольно длительную историю. Еще задолго до присоединения Абхазии к России, 27 ноября 1779 года, как уже отмечалось, лейтенант Иосиф Пери из Таганрога обратился к президенту Военной коллегии графу 3. Г. Чернышеву с письмом, в котором

[1] Шавров Н. А. Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки. «Морской сборник», т. VIII, № 4, апрель. СПб, 1862. – С. 246.

[2] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, 1870 г., д. 14, лл. 1–9.

[3] А. Олонецкий. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. Сухум, 1934. – С. 14–15.

[4] Статистич. огисанне г. Сухума. ЦГИАГ, ф. 216, д. 1083, лл. 1–8.

[5] (Введенский А. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 8.

[6] Абрюцкий. Указ. соч.

[7] Ленин В. И. Соч.. т. 3. – С. 526.

[8] Ленин В. И. Соч., т. 3, изд. 5. – С. 525.

убеждал последнего в выгодности установления непосредственных торговых связей с Абхазским княжеством, обращая внимание Чернышева на богатство края лесом – «древа разного сорта», в том числе «мачтовые деревья». Вместе с тем Пери отмечал, что .лес из Абхазии, поступающий в Россию, стоит «весьма дорого, потому что переходит через разные руки», но если другие народы «коммерцией) пользуются, то и не вижу никакой причины в нашем препятствии, кроме некоторой трудности в начатии. Но и то ежели прилежно поступить, то преодолеть можно. И я довольно уверен – писал он, – что тех деревьев, которые тут покупаются, стоить не будут казне более, нежели четвертой доли против покупаемых в других краях»[1]. Пери выражал готовность в 1780 году отправиться в Абхазию «и там употребить о вымене пальмовых (самшита. – Г. Д.) и о разведании, нет ли у другого какого рода дерев[ьев] старания»[2].

Поэтому не случайно, что в 1806 году абхазский владетель Келешбей Шервашидзе, излагая условия принятия им русского подданства, обещал хороший лес для кораблестроения[3]. Лейтенант Ф. Я. Скирневский, посетивший Келешбея в начале 1807 года, обратил внимание, что окрестности Сухума покрыты лесом, годным для кораблестроения[4]. Один из «просительных пунктов» Георгия (Сафарбея) Шервашидзе также содержал обещание дать «лес для кораблей»[5]. Е. И. Энсгольм в 1817 году сообщал, что вся Абхазия, за малым исключением, покрыта густым строевым лесом, а местами растет «редкой доброты» сосновый и дубовый лес, удобный для кораблестроения, особенно в Пицунде; этот лес и имевшаяся здесь «выгодная бухта» «могут сделаться довольно важными, т, е. в случае буде предпринято бы было строение тут судов либо запасаться нужным для оных лесом»[6].

Главнокомандующий в Грузии А. П. Ермолов в 1817 году писал, что им было сделано представление императору, в котором сообщалось, что при наличии в Абхазии двух батальонов пехоты «мож-

[1] ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 196–197.

[2] Письмо Ф. Клокачева графу 3. Г. Чернышеву от 27 ноября 1779 г. ЦГАВМФ, ф. 172, д. 24, лл. 187–187 об.

[3] АКАК, т. III, стр. 191–192.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, лл. 1–4.

[5] АКАК, т. III, стр. 209.

[6] Энсгольм. Указ. рук.

но будет для Черноморского флота доставлять неистощимые корабельные леса наилучшего качества. В пример поставлены строящиеся при тамошних берегах большие купеческие суда... Предложено в бухте, именуемой Пицунда, лучшей по всему восточному берегу Черного моря, сделать заведение, в котором бы хранились заготовляемые леса для отправления по назначению»[1].

Генуэзский коммерсант и чиновник Министерства иностранных дел России Р. де Скасси пытался организовать здесь торговлю лесом в значительных размерах[2]. В связи с развитием товарно-денежных отношений, когда начался экспорт леса, Михаил Шервашидзе поспешил монополизировать в своих руках право взимания платы за рубку леса в Абхазии для вывоза[3].

А. В. Пахомов подчеркивал, что близость и потребность г. Сухума, а также удобство Сухумского порта для вывоза леса в Россию и за границу обуславливали особенно значительное развитие такой торговли в имении князя Д. Г. Шервашидзе, благодаря чему здесь, более чем в других районах Абхазии, встречались факты продажи леса «частным промышленникам»[4].

Около 1846 года, младший брат владетеля Александр Шервашидзе, получил исключительное право продажи самшита из владетельного леса в ущелье р. Аапста. Средний годовой вывоз самшита из указанного ущелья до 1864 года равнялся около 10.500 пудов[5]. Одним из покупщиков владетельских лесов был сборщик пошлин владетеля дворянин Соломон Лакрба. После Крымской войны владетель отдал последнему на откуп рубку самшита в нескольких местах. В 1848 году Мошин рубил лес в Аджуа для Черноморского флота. В 1851–1852 годах, он же производил рубку в кодорском и киндгском лесах. Лес был вывезен в г. Николаев. По левую сторону р. Пшап сухумский купец Смирнов после Крымской войны рубнл дрова в количестве 100 саж.[6] В конце 50-х годов секретарь владетеля Абхазии Гиго Ходжашвили и сухумский купец Иордан Метакса

[1] «Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868. – С. 70.
[2] АКАК. т. VI, ч. I. – С. 646–658.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 246, лл. 65–90.
[4] Пахомов А. Замечания на записку полк. Краевича о поземельной собственности в Абхазии, 19 марта 1870 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г.. д. 36, лл. 40 –41.
[5] ЦГИАГ. ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., р. 76, лл. 180–198.
[6] Там же, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, лл. 72–74.

организовали «товарищество» для эксплуатации самшита в с. Гума[1].

Как уже подчеркивалось, по мере развития общей экономической жизни края происходил рост потребления леса и на месте, что было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. Еще М. А. Селезнев свидетельствовал, что в с. Дранда стояла «лесная команда», которая заготавливала лес «на здания нового города Сухума»[2]. А. В. Пахомов также писал о том, как в с. Ешера в 50-х годах заготавливался лес, который по морю сплавляли в Сухум[3].

Спрос на лес был связан также с проведением шоссейных, дорог и с другими работами. Так, в 1850 году, во время постройки дороги на линии Илори–Зугдиди, дворянин Мурза Лолуа заготовил 3.000 дубовых брусьев, необходимых для строительства мостов, и к 18 июля доставил 1.800 брусьев[4]. Когда строилась дорога между Сухумом и Редут-Кале, подряд на постройку мостов от Сухума до Кодора взял на себя Д. Шервашидзе, а от Кодора и далее – владетель Абхазии.

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владетельства. Князья и дворяне «начали заключать условия с лесопромышленниками на порубку ими пальмы и строительного леса, приспособив себе права бесконтрольного производства порубок, разрешение которых принадлежало владетелю, перешедшее, с упразднением владельческой власти, к русскому правительству»[5]. Между помещиками начались споры, «ибо выгода, несмотря на ничтожную цену леса, была значительна и потому всякий желал принять в ней участие»[6].

В 60-х годах были заключены договоры между князьями Иналипа и сухумскими купцами В. Буз-оглы и Н. Метакса на рубку дуба для клепок в лесу, прилегавшем к правому берегу нижнего течения р. Бзыбь (Аспа). Князь Анчабадзе заключил договор с теми же лесопромышленниками, а также с купцом Х. Качал-ипа на рубку самшита в Гумском ущелье; дворяне Хварцкия – с купцом Д. Авгерином на

[1] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 458.
[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. 11, стр. 172; ГАКК, ф. 260, д. 480, л. 480, л. 417 об.
[3] Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, лл. 445–518.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г. д. 1017, л. 71 об.
[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 75.
[6] Там же.

рубку строевого леса в с. Киндги; адзюбжинские дворяне Маргания (Маан) – с Ибрагим-оглы на сруб кодорского леса; Григ. Шервашидзе с купцами Метакса и Авездопуло на рубку клепки в Чачал, вблизи скурчского леса[1].

Сухумская сословно-поземельная комиссия собрала и приобщила к своим материалам 11 «контрактов» на вырубку леса, заключенных между некоторыми самурзаканскими феодалами и разными лесоторговцами в 1864–1865 годах[2].

В мае 1866 года на левом берегу р. Бзыбь стоял деревянный сарай, в котором жили лазы из Батума, занимавшиеся вывозом абхазских самшитовых деревьев. У них были довольно большие лодки, которые они поднимали канатом вверх по реке и, нагрузив там самшитом, пускали по быстротечной р. Бзыбь к морскому берегу для погрузки на корабли[3].

Многие указанные леса являлись общинными, насильственно захваченными отдельными феодалами. Усиливаются «в последнее время претензии частных лиц на леса, в особенности на прибрежные, представляющие возможность сбыта»[4].

Хищническое истребление лесных массивов и вывоз леса приняли такие исключительные размеры, что стали грозить гибелью ценным породам деревьев. В 1867 году последовало правительственное распоряжение о запрещении рубки леса для внешнего вывоза.

Лесные работы являлись весьма тяжелыми и наиболее плохо оплачиваемыми. Сухумские купцы Метакса и Буз-оглы, которые в 60–70-х годах являлись основными лесопромышленниками в крае, в начале 70-х годов каждый год имели для рубки леса и поделки его до 100 рабочих, преимущественно приезжих. Но эксплуатировались и местные крестьяне. Эксплуатировались последние, также при ручке и подвозе леса для строительства мостов, во время дорожных работ. Так, дворянин Мурза Лолуа за доставленные им ле-

[1] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. – С. 72–76; ЦГИАГ, ф. 416, 1869 г., д. 1017, лл. 75–76

[2] Ведомость заключенным контрактам о рубке леса. ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 195–197.

[3] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 6.

[4] Письмо Е. Понсэ А Карцеву от 18 ноября 1865 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 117– 119.

том 1850 года дубовые брусья просил уплатить 7.136 руб. сер., указывая при этом, что крестьяне, привлеченные к этой операции, до сих пор еще не получали от него заработанную ими сумму[1]. По свидетельству Р. де Скасси, капитан Жургаки в с. Лыхны для постройки судна «содержал за довольно умеренную плату» наемных рабочих из местных крестьян[2].

* * *

Делались, как говорилось выше, попытки и в направлении дорожного строительства.

Летом 1834 года в Кутаисе был сформирован воинский отряд для продолжения сухопутного сообщения по побережью Абхазии, который начал свое движение во второй половине августа и в начале ноября достиг укрепления Бамборы. Летом следующего года дорога была доведена до Гагр. Однако реальные результаты этой экспедиции были весьма незначительны. Тем не менее, значение дороги было немаловажным.

В дальнейшем, к дорожным работам привлекалось местное население. Так, в 1838 году самурзаканские крестьяне «употребляемы были для разработки дороги в их крае»[3]. Крестьяне, кроме того, подвозили лесоматериал, участвовали в строительстве береговых укреплений и т. д. Летом 1845 года, например, в укрепление Св. Духа (Адлер) приходили джигеты (садзы) «ежедневно на земляные работы в числе от 200 до 300 человек»[4]. Их князья начальнику Черноморской береговой линии «неоднократно жаловались... на простых джигетов, нанимавшихся для работ в укреплении Св. Духа, что по возвращении из укрепления ночью по домам они портят засеянные поля»[5]. Тот же начальник 30 мая 1845 года писал: «Нужды и голод заставили джигетов преодолеть отвращение свое к наемному труду и в день приезда моего в это укрепление нанялось их 18 человек, а несколько спустя, на обратном проезде в Керчь, я увидел, к полному моему удовольствию, что работою занималось уже до 200

[1] ГАКК. ф. 260, д. 480, лл. 117 об, 423 об – 491 об.

[2] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[3] ГАКК, ф. 260, д. 480.

[4] Там же, д. 558.

[5] Там же, д. 560, лл.113-114.

человек»[1]. Работа по осушке болот в Сухуме в 1845 году была временно прекращена, «потому что работавшие мингрельцы не согласились продолжать ее летом и возвратились по домам»[2].

Около 1840 года была построена дорога Илори – Зугдиди, правда, скоро пришедшая з негодность. В 1844 году в Грузию были командированы инженеры путей сообщения для составления общих соображений об укреплении береговых рек у приморских фортов линии и проекта об исправлении дорог в Гурии, Мегрелии и Абхазии. Инженер Ежиков в заключение своего описания дороги от Илори до Ингура указывал, что если главный путь сообщения Абхазии с Мегрелией и другими частями Грузии будет проходить через Редут-Кале, Анаклию и Илори, то эта дорога будет самая выгодная, потому что она – кратчайшая, проходит по твердому грунту, соединяет торговые места Очемчиры и Редут-Кале, район изобилует необходимым строительным материалом[3].

В 1845 году было установлено морское сообщение между Сухумом и Керчью, а в 1846 году и – Одессой. В 1858 году был открыт порт в Поти и установлено постоянное судоходство на Черном море. Морские сообщения между Сухумом, Редут-Кале, Поти и другими приморскими пунктами с 50-х годов становятся почти регулярными.

Еще в 1842 году возникла мысль о постройке дороги через Кавказский хребет в Сухум[4]. Наместник Кавказа распорядился в 1848 году о производстве топографической съемки этой местности. В 1849–1850 годах инженером Иогелем и топографом Рябиковым был произведен осмотр линии через Главный Кавказский хребет, между г. Сухумом и верховьями р. Кубани. Затем, после рекогносцировки указанного района, была составлена обширная «Записка об устройстве части дороги между гг. Сухум-Кале и Пятигорском, по южному склону Главного Кавказского хребта, до Пахарского перевала»[5]. В «Записке» учитывались «коммерческие виды предполагаемой дороги». Этот пункт и другие положения «Записки» ясно говорят об

[1] ГАКК, ф. 260, д. 560, лл. 32–33.
[2] ГАКК, ф. 260, д. 560, лл. 113–114.
[3] Там же, д. 480, л. 27.
[4] Письмо Г. И. Филипсона Д. А. Милютину от 13 мая 1858 г. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 776.
[5] ГАКК, ф. 260, д. 247, лл. .156- 159; 172–194.

экономическом, а не только стратегическом значении, какое придавали ее авторы предполагавшейся перевальной дороге.

Н. Дюкруаси в 1852 году в статье «Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края» отмечал: 1. Сухумский порт – «наилучший из всех портов наших на восточном берегу Черного моря». 2. Протяжение Сухумской дороги (от Неджихевского поста до Сухума) – 132 версты; она служит «почти исключительно для перевозки местных произведений Мингрелии, так как быстрые и довольно глубокие реки затрудняют путь и отстраняют купечество от перевозки товаров»[1].

В 1853 году была открыта почтовая дорога от Сухума до Редут-Кале, на протяжении 110 верст, соединявшая Сухум с другими городами Грузии и Закавказья, в результате чего новый город Сухум «вступил в общий состав, общую семью их, как самый молодой член»[2].

Крымская война, как отмечалось, наглядно показала все ещё тяжелое дорожное положение в крае, как и во всей России. Поручик Махотин в рапорте на имя генерала Багратион-Мухранского от 27 ноября 1854 года о состоянии дорог в Самурзаканской Абхазии писал: здесь «по большей части суть тропинки, которые, изгибаясь по густому лесу, допускают во многих местах движение только по одному»; даже «большая дорога» из Илори в м. Зугдиди «пришла в самое дурное состояние: мосты все погнили, а при объездах лошади во многих местах погружаются в грязь выше колен»[3]. Война еще больше ухудшила состояние дорог в Абхазии.

После войны снова и чаще начали говорить о дорожном строительстве. Командующий войсками в Абхазии генерал М. Т. Лорис-Меликов писал, что после 1845–1856 годов дороги стали важными в военном и административном отношениях, они будут также способствовать развитию торговли. Он находил необходимым разработку от Сухума двух дорог для сообщения с Северным Кавказом и Закавказьем[4]. Посылались всевозможные проекты и записки, подчас, правда, прожектерские, но, во всяком случае, доказывавшие

[1] ЗКОРГО, кн. I, 1852.
[2] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ». 23 декабря 1853 г., № 95.
[3] ЦГИАГ, ф. 956, д. 4, л. 62.
[4] Рапорт ген. Лорис-Меликова кутаисскому генерал-губернатору кн. Эристову от 12 августа 1858 г. АКАК, т. XII, ч. II. – С. 792.

важность дорожного дела в военном, административном и торговом отношениях. Вновь на повестку дня было поставлено изучение перевальной дороги, которая систематически обследовалась в течение 1857–1859 годов.

На основании всего материала, собранного до этого по вопросу перевальной дороги, инженером подполковником Иогелем была составлена новая «Записка»[1], в которой так определялась цель строительства указанной дороги: «Во-первых, случайное движение войск и доставление продовольствия абхазскому отряду; во-вторых, торговое сообщение с Сухум-Кале». Правда, Иогель горный путь в Абхазию находил невыгодным, как сообщение для внешней торговли, но полагал, однако, что эта дорога будет полезна «как внутреннее сообщение. Для размена произведений Абхазии с Правым крылом» (Кавказской линии. – Г. Д.). Так, например, с развитием виноделия абхазское население найдет выгодным привозить сюда свое вино и брать взамен пшеницу, просо и другие хлебные продукты, точно также и жители Кубанской равнины; «но эти виды есть дело будущего»[2]. О необходимости и важности перевальной дороги в стратегическом и в экономическом отношениях усиленно говорилось и в конце 60-х годов.

В 1859 году был поставлен вопрос о проложении Кутаисско-Сухумской дороги, при этом, самой трудной задачей было признано устройство переправ через реки Кодор, Ингур и Цхенис-цкали.

В конце 60-х годов выдвигается даже вопрос о железной дороге между Туапсе и Сухумом. Ю. Проценко в статье «Вопрос о кавказских железных дорогах»[3] писал, что «Сухумская линия была бы незаменима в стратегическом отношении в видах защиты Закавказья...» Вместе с тем, «она открыла бы возможность сбыта на Северный Кавказ произведений южного склона – именно бывшей убыхской земли и Абхазии... С Сухумом связываем в своих мыслях Царицынскую линию и опять поэтому повторяем, что эта линия была бы одной из главнейших железных дорог в государстве». Проценко, отмечая значение железной дороги в деле экономического освоения Кавказа, писал далее: «...Мы вполне надеемся, что счастливое

[1] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 785–790.
[2] АКАК, т. XII, ч. II. – С. 789.
[3] «Кавказ», 13(25) декабря 1868 г., № 146.

положение Кавказского края, прилегающего к двум морям, богатые и обширные земли, самая разнообразная производительность и целая группа климатов, как это обыкновенно в гористой стране, обратят на себя, и весьма скоро, внимание наших капиталистов и сделают из Кавказа не только выгодное приобретение для России, но и положительно неисчерпаемую житницу».

В 1869 году предложение Ю. Проценко обсуждалось в Петербурге в Русском техническом обществе, но было признано нецелесообразным. Начальник Сухумского отдела генерал Кравченко, сменивший Геймана, заинтересовался предложением Проценко и вызвал из Тифлиса специальную комиссию для обсуждения поднятого вопроса. Но эта комиссия признала невозможным вести железнодорожную линию через перевал и предложила произвести изыскания для проведения ветви железной дороги от Сухума к Ново-Сенаки, т. е. на соединение с действующей уже тогда железной дорогой Тифлис – Поти[1].

Однако в Абхазии все еще продолжало царить бездорожье. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в отчете за 1874 год прямо признавал, что в настоящее время дорог в Абхазии буквально не существует, есть только пешеходные тропы, по которым совершаются, и то во многих случаях с трудом и опасностью,верховая езда,всякого рода переправы и доставки, и это «отсутствие дорог в крае» всячески тормозит развитие последнего[2]. В другом материале официального характера подчеркивалось: «Главный путь сообщения в Сухумском отделе составляет также береговая дорога, образовавшаяся из морских наносов. Другие же внутренние немногочисленные горные пути мало доступны...»[3]. Наконец, М. Крыжановский писал: «Что более всего бросается в глаза в Абхазии – это полное отсутствие путей сообщения, несмотря на то, что в Сухумском отделе всегда живали инженеры, но для какой надобности, мы не знаем... Недаром абхазец выходя из своего дома непременно берет с собою маленький топор, который в его путешествиях заменяем

[1] Олонецкий А. А. Из истории строительства Черноморской железной дороги. «Труды» Абхазского института, XXVIII. Сухуми, 1957. – С. 3.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 996, лл. 3–40.
[3] Война 1877–1878 гг., том III. Война в Азиатской Турции. Под редакцией г.-м. Зыкова. Вып. 1. СПб, 1882. – С. 199.

ему шанцевый инструмент и дает возможность хотя медленно, но все же продвигаться вперед»[1].

* * *

Определенное развитие получил Сухум, хотя его росту препятствовали общая отсталость народного хозяйства Абхазии и колониальная политика царизма. Он имел небольшое по численности население и незначительный удельный вес в экономической жизни страны. Первым из дошедших до ллс описаний Сухума в начале XIX века является «Состояние Сухумской крепости», составленное по заданию военного министерства России лейтенантом Ф. Я. Скирневским, из которого видно, что Сухум в то время представлял из себя всего лишь небольшую крепость, около которой были разбросаны абхазские селения[2].

Р. де Скасен, посетивший Сухум в 1818 году, говорил о нем как о запущенном местечке, где было 2 или 3 жалких строения из досок, обмазанных снаружи глиной; эти строения «удостоены названия казармы»; было также несколько домов офицеров и дом коменданта, госпиталь – «самое чистое и лучше всего поддерживаемое здание». Небольшой участок земли был отведен под маленькие садики, которые принадлежали офицерам и маркитантам; в садах разводились огурцы, дыни и арбузы. Маркитанты «пользовались абхазцами для возделывания и окружения изгородью своих садов, платя им по 5 пара (10 коп.) в день». В Сухуме и в Келасури было несколько маленьких лавок. Кроме того, «проходя по стране вполне свободно, они (маркитанты. – Г. Д.) продают абхазцам соль, железо шерсть, котелки, деревянные и стеклянные сосуды..., они ввозят в Россию мед, воск, орехи и шкуры животных...»[3].

Первые признаки некоторого оживления «мирной» жизни Сухума относятся к концу 20-х годов, когда с 1828 года «абхазы начали приходить к сухумскому базару»[4]. В середине 30-х годов Сухум посетил Ф. Ф. Торнау, на которого он произвел «самое неблагоприятное впечатление»[1]. Но как раз в 30-х годах предпринимаются определенные шаги со стороны правительства к развитию Сухума, в качестве города. В 1832 году был официально разрешен приход транспортных судов в Сухум; устраивается таможенная застава. Начато городское строительство, для этой цели делаются попытки организовать производство строительных материалов и пр. В 1840 году по инициативе начальника Черноморской береговой линии генерала П. Н. Раевского было положено начало Сухумскому ботаническому саду, возникшему на базе небольшого сада, созданного лекарем гарнизона В. Багриновским. Сухумский сад был связан с Никитским садом (Крым), откуда присылались семена и растения.

По инициативе же Н. Н. Раевского в 1840 году было приступлено к работам по осушке болот в Сухуме. Работы эти продолжались в течение почти всего последующего десятилетия. Для воинских частей, расположенных здесь и страдавших от злокачественной малярии, было начато строительство казарм и госпиталя на холмах, расположенных вблизи Сухумской крепости. О значении Сухума Н. Н. Раевский писал: «Сухум есть порт Закавказского края и также важен для Закавказья, как Новороссийск для Кавказской области»[2].

В целях усиления экономических и торговых связей в 1845–1846 годах было открыто регулярное морское сообщение между Сухумом, Керчью и Одессой; в 1846 году Сухум был объявлен портом. В 1847 году ему было предоставлено праве транзита товаров в Тифлис и даже в Иран, и вместе с тем, учитывая «важность приморского положения Сухума»[3], он был возведен в степень города. В нем было учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря.

В разделе о развитии торговли в Абхазии мы увидим, что центром ее являлся г. Сухум. В данном же случае отметим тот факт, что с 1845 года приход судов в Сухум заметно увеличился. С 1848 года как заграничные, так и каботажные перевозки товаров приняли еще более обширное развитие. «Важный Сухумский пункт теперь

---

[1] Крыжановский М. Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 года. Рукописн. отд. Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр F IV. 837, лл. 17–17 об.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1–4.

[3] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 646–658.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, 1807 г., д. 18490, лл. 1 –4.

---

[1] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I . – С. 29.

[2] АКАК, т IX, ч. 1. – С. 477.

[3] ЦГИАГ, ф. 231. оп. 2, д. 253, л. 102.

упрочивается», – писал М. А. Селезнев[1]. Еще в начале 1840 года генерал М. М. Ольшевский сообщал с наличии в Сухуме значительного количества лавок и о том, что он «везде видел... русские весы»[2].

В 1851 году в Сухум было переведено управление начальника 3 отделения Черноморской береговой линии, которое до этого находилось в с. Бамбора. В связи с этим, сюда же перевели войска, временно расположенные лагерем на горе (Трапеция), от чего и само это место получило название «Горный лагерь». Под горой офицерами и семейными солдатами было выстроено несколько турлучных домов, образовавших «Подгорную слободку»[3]. Строились дома и в центре города.

Согласно отчету начальника 3 отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 год, в Сухуме было 543 разных строения. В одном только 1851 году было выстроено 63 «здания»[4]. По данным «Кавказского календаря» за 1853 год, в Сухуме было 106 турлучных зданий, 2 кирпичных завода, 26 «питейных домов» и 36 лавок.

При устье р. Басла (Беслетка), на правом берегу, появилась новая слободка, получившая название «Карантинная». Пустое болотистое пространство, заросшее кустами, между крепостью, горным лагерем и двумя отдельно стоявшими слободками – Карантинной и Подгорной – было расчищено, перерыто вдоль и поперек канавами для осушения и та нем проведены две главные улицы: одна – от горного лагеря перпендикулярно к морю (ныне ул. Ленина), другая, перпендикулярно к ней – в Карантинную слободку (ныне ул. Н. Лакоба).

В Сухуме находились полицейские управления, городское и окружное карантинно-таможенные правления, а также городская ратуша, которой были предоставлены права уездного «сословного» и «светского» суда.

Город имел особый выгон для скота, сенокосные места, участки строевого и дровяного леса. Войска стали самовольно распоряжаться землями, окружавшими крепость и принадлежавшими князю Д. Г. Шервашидзе. В связи с этим, последним в 1852 году был

[1] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 178.
[2] ЦГИАГ, ф. 1396, д. 69, л. 11.
[3] Там же, 231, оп. 2, д. 253, л. 102.
[4] Там же, ф., 1396, д. 89, л. 18.

поставлен вопрос об определении границ городской земли, который был решен через некоторое время.

В одном описании, относящемся к 1852 году, о Сухуме сказано следующее: население разделено на три участка, отделенные целыми полями; в первом из них, близ берега, возвышалась каменная ограда крепости, к которой примыкал базар с лавками; в другом громоздились небольшие домики жителей около тйможни и карантина; в третьем, на довольно далеком от берега холме, были выстроены больница и казарма (для воинской части). К этому месту была проведена большая улица. Сухум, заключал автор, «еще не город, но он непременно будет значительным городом»[1].

В 1853 году от Марани до Сухума был открыт почтовый тракт, на котором было учреждено 10 станций, из них на территории Абхазии – 5.

Во время Крымской войны Сухум, как отмечалось, был оккупирован войсками султанской Турции, в результате чего разорен и пришел в полный упадок. Но после войны город стал быстро развиваться. В 1857 году в нем около крепости была открыта морская станция. Из воспоминаний С. Смоленского мы узнаем о существовании в Сухуме в 50-х годах «клубной библиотеки», откуда он летом 1859 года брал журнал «Отечественные записки»[2]. В Сухуме были базары с довольно большим рядом деревянных лавок, между которыми, писал С. Пушкарев, в последнее время выстроены три европейских магазина и еще строятся несколько небольших домиков около таможни и карантина[3].

Ужасным бичом для сухумцев являлась малярия. Одна статья, посвященная описанию Сухума и относящаяся к началу 60-х годов, не случайно называлась «Сухум и его лихорадочность». В ней автор, доктор медицины Н. Торопов[4], подчеркивал: «Самое видное, людное, но вместе с тем и самое лихорадочное (место) во всем абхазском поморье составляет, конечно, город Сухум»[5]. Установив «усло-

[1] «Кавказ», 1852, № 72.
[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 10, 1872. – С. 341.
[3] Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗКОРГО, кн. II, 1853. – С. 160.
[4] Торопов Н. являлся главным лекарем Кутаисского военного госпиталя.
[5] Торопов Н. Сухум и его лихорадочность. ЗКОРГО. кн. XI. 1864. – С. 1.

вия лихорадочности» Сухума, доктор Торопов предлагал ряд мер для их ликвидации[1].

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 году: «Зугдиди и Сухум быстро растут; в окрестностях Сухума леса вырубаются, болота осушаются и проводятся канавы; прямые широкие улицы обстраиваются двухэтажными домами»[2]. В 1860 году Н. А. Лавровым были произведены изыскания для постройки гавани в г. Сухуме, в результате чего появилась его статья «Проект гавани в Сухум-Кале и несколько мыслей о необходимости и возможности ее постройки»[3].

Н. Воронов в 1861 году, будучи в Сухуме, писал: «Широкой прямой улицей или, правильнее, бульваром пошел... от пристани к зеленому холму... Трапеции... Некрасивые домики стоят по бокам бульвара, но их украшает густая темная зелень каштана и ореха...». Роз было очень много – «даже плетни из роз». Имелась деревянная пристань[4].

В мае 1862 года в Сухуме побывал упомянутый выше Н. Торопов, который также рассказывал, что по берегу моря – ряд лавок и частных построек, тянувшихся от пристани влево, шел до крепости, вправо – ряд длинных казарм на песчаном берегу; прямо от пристани начиналась широкая, ведшая вглубь, шоссированная улица, обсаженная по сторонам высокими акациями, из-за них выглядывали обывательские постройки, а по скатам зеленых высот были разбросаны казармы и постройки для войск. «Тут – и лучший порт, и станция морская, и административный центр края и много войск – четыре линейных батальона»[5]. Такое описание, строго говоря, не вполне соответствовало действительному положению вещей. Но оно верно в том отношении, что отражает развитие Сухума.

Население города росло очень медленно, несмотря на то, что еше в 1846 году Сухум, вместе с Новороссийском и Анапой, получил важные льготы для торгового населения. Согласно отчету начальника 3 отделения Черноморской береговой линии по гражданскому управлению за 1851 год, общее число жителей Сухума составляло 700 человек, без воинской части. Ия них «разночинцев» было 508 чел., «дворовых людей» – 150 чел., «помещичьих крестьян» – 20 чел., воинская же часть составляла 2.481 чел.[1] К моменту ликвидации Абхазского владетельства население Сухума выросло до 1.200 чел., из которых «коренные обыватели» составляли 820 чел.; купцов было 24 чел., ремесленников – 13 чел., мещан – 427 чел. Количество же домов, в том числе каменных, в 1865 году достигало 311. Население Сухума в 1865 году возросло до 1.612 чел.[2]

В 1864 году в Сухуме была учреждена комиссия из двух медиков, офицера путей сообщения и члена городского управления под председательством полковника Ф. А. Завадского «для изыскания мер и определения работ по улучшению климата гор. Сухума». Мнение и заключение комиссии были утверждены наместником и было выделено на указанную цель 8.341 руб. из них с 1865 по 1871 год было освоено 5.805 руб.[3]

По административному делению 1866 года, последовавшему после восстания в Абхазии, были ликвидированы гражданская канцелярия командующего войсками в Абхазии по управлению г. Сухумом, городская ратуша и комендантское управление, вместо которых, как указывалось, были учреждены должность городничего и городское полицейское управление.

С 1867 года в Сухуме было приступлено к шоссировке улиц и проведению водосточных канав. «Можно смело сказать, – писал А. Н. Введенский в 1871 году, – что в настоящее время уже не существует трех пятых условий, перечисленных г. Тороповым в своем сочинении, делавших сухумский климат болезненным»[4]. В 1870 году отдельными лицами ставился вопрос и о том, чтобы «одеть берег камнем и тем прекратить морские наезды на город, а также воспрепятствовать дальнейшему обмелению бухты»[5].

---

[1] Его же. Опыт медицинской географии Кавказа. СПб, 1864. – С. 158–163.

[2] «Кавказ» 1860, № 49.

[3] «Морской сборник», т. VIII, № 4, СПб, 1862.

[4] Бороков Н. Плавание у восточных берегов Черного моря. «Русское слово», ноябрь 1861 г., СПб.

[5] Торопов Н. Сухум и его лихорадочность, стр. 1; Опыт медицинской географии Кавказа. – С. 157–159.

[1] ЦГИАГ, ф. 1396, д. 89, лл. 18, 21.

[2] Там же, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8; Ф. Махарадзе. Грузия в XIX столетии. Заккнига, 1933, стр. 68.

[3] ЦГИАГ. ф. 7, оп. 1, д. 1381, лл. 3–6.

[4] (Введенский К. Н.). Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. – С. 3.

[5] Прудков Е. Из Сухума. «Кавказ», 1870, № 96.

В 1869 году начальником Сухумского отдела генералом Гейманом перед кавказской администрацией был поставлен вопрос об укреплении прибрежной части г. Сухума, на протяжении 340 саж., шпунтовыми связями и каменной стеной, так как море «все более и более углубляется в материк». На эти сооружения были составлены проект и смета[1], утвержденные наместником Кавказа 14 февраля 1872 года[2]. Однако, впоследствии, проект и смета были значительно изменены и потребовались дополнительные средства. Но в отпуске средств на продолжение набережной было отказано, и начальник Сухумского отдела П. Аракин в 1883 году снова ставил вопрос об этих средствах, в виду, «произведенных морем новых подмытий»[3].

30 августа 1870 года Александром II были утверждены «Правила о раздаче частным лицам в окрестностях Сухума участков земли для обработки». В них, в частности, говорилось: «2. Окружающие г. Сухум южные склоны гор, служащие в необработанном состоянии главной причиной скопления миазмы, поражающей сухумское население климатическими лихорадками, в видах улучшения климата в Сухуме, распределяются на участки от 2 до 3 десятин каждый и раздаются частным лицам для обработки.

3. Участки эти предлагаются к отводу желающим с тем, чтобы лицо, получившее участок, приняло на себя: в течение года очистить участок от гниющих и загложных растений и осушить почву участка, если в нем есть вредные в гигиеническом отношении сырые места, завести на этом участке какого-либо рода хозяйства...»[4].

Росли и некоторые другие населенные пункты Абхазии. Местечко Очемчиры по своему экономическому значению занимало второе место в Абхазии. М. А. Селезнев, касаясь внутренней торговли, писал, что Очемчиры богаты товарами, имеют постоянные связи с с. Илори, жители которого закупали товары и развозили по Абхазии. Здесь находился рынок в два ряда, по бокам которого были разбросаны дома абхазских крестьян[5]. В 1847 году был открыт Очемчирский порт, а в 1848 году – карантинно-таможенная застава. В 1852 году Очемчиры

[1] ЦГИАГ, ф. 7, оп. 1, д. 891, лл. 1–4.
[2] Там же, лл. 66–67.
[3] Там же, лл. 125–126.
[4] Там же, ф. 231, д. 130, лл. 91–94.
[5] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 155, 157.

уже называли «большим местечком» со «значительным базаром»[1]. Население Очемчир к 1854 году достигло 150 чел.

Население местечка Гудауты к этому времени равнялось 100 чел. С. Смоленский о состоянии Гудаут в 1859 году писал следующее: местечко составляет одна улица, застроенная с обеих сторон рядами дерезянных лавок; позади некоторых из них при-строены жилые дома; на самом видном месте, над берегом, стояла кофейня; торговцы занимались спекуляцией, эксплуатируя крестьян. Здесь находился дистанционный чиновник[2]. Впоследствии в Гудаутах была учреждена карантинно-таможенная застава.

Д. З. Бакрадзе писал в 1860 году, что в Зугдиди, Окуме, Сухуме и Гаграх «в настоящее время заметна особенная деятельность». Далее он сообщал: «В Окуме два года назад был лишь один дом священника; ныне... уже выстроен удобный казенный дом, проведена улица и обстроена лавками; строятся церковь и казармы. В Гаграх тоже: все помещения батальонного командира, офицеров и нижних чинов окончены и снабжены всем нужным; ...маленький садик, вне укрепления, засажен, между прочим, масличными деревьями»[3]. Г. И. Радде в 1865 году в Окуме видел «значительное число домиков русских отставных солдат, навсегда здесь поселившихся, и несколько мелочных лавок, стоявших на равнине»[4].

В конце 60-х годов в Гаграх была организована санаторная стоянка, куда присылались для излечения страдавшие малярией из гарнизонов Сухума и других мест Черноморского побережья. В Гапрах «леса вблизи крепости вырублены и болота осушены. А в прежнее время Гагры считались самым нездоровым местом из всех здешних крепостей и нужно было возобновлять гарнизон через каждые три или четыре года»[5].

Интересно сообщение Бакрадзе о том, что местные помещики приобретали в Сухуме участки и строились; многие из них и в своих поместьях строили дома и старались вести хозяйства на европей-

[1] «Кавказ», 1852, № 76.
[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 10 1872. – С. 332.
[3] «Кавказ», 1852, № 76.
[4] Радде Г. И. Указ. соч. – С. 19.
[5] ЗКОСХ, №№ 3 и 4, 1867. – С. 11.

ский лад[1]. Акапский князь Чаниак Маршания в докладной записке на имя Святополк-Мирского в апреле 1869 года писал, что в 1868 году он начал постройку каменного дома и надеется «построить гораздо лучше противу других жителей»[2].

* * *

Товарность сельского хозяйства в продреформенной Абхазии была еще очень слабо развита. Но было бы ошибкой представлять абхазскую деревню этого периода без наличия определенных элементов товарно-денежных отношений.

Важнейшим предметом торговли была кукуруза. А. В. Пахомов писал, что абхазское население после ликвидации владетельства стало засевать больше кукурузы и, сбывая свои продукты свободно и без затруднений, «начинает понимать значение денег»[3]. В другом месте: «...Одновременно с увеличением запашки под кукурузу увеличиваются размеры и других хозяйственных производств»; «народ обратился к земле»[4]. Любопытно и такое сообщение Пахомова: «Жители начали понимать, что выгодно зарабатывать не один насущный хлеб, но некоторый излишек для продажи. Этот новый взгляд жителей на свое полевое хозяйство, конечно, следует поощрять»[5]. При этом, он ссылался на следующий конкретный пример: Д. Г. Шервашидзе в последние годы своей жизни «начал разводить кукурузу для продажи, что в прежнее время для князей считалось позорным»[6].

Интересно свидетельство Д. З. Бакрадзе о том, что со стороны жителей Абхазии и особенно Мегрелии «уже видно стремление к улучшению: они вырубают леса, стараясь селиться при дорогах, они выказывают много трудолюбия, разводят скот, в обилии сеят гоми и кукурузу, рожь и лен»[7]. В отчете по учебной части Сухумской начальной горской школы за 1868 год отмечалось, что «жизнь домашнюю, свое хозяйство абхазцы по мере возможности улучшают

[1] «Кавказ», 1860, № 49.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, 1865 г., оп. 1, (кн. 1), д. 180, л. 290.
[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 86.
[4] Его же. Записка об имениях кн. Г. Д. Шервашидзе, л. 490.
[5] Там же.
[6] Отношение А. Пахомова пред. Сухумской сословно-поземельной комиссии от 13 февраля 1869 г. ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 29, л. 386.
[7] «Кавказ», 1860, № 49.

мало-помалу. Примером служат для них живущие здесь русские..., устраивают жилища по образцу русских домов, начинают заниматься садоводством и хлебопашеством...»[1].

Газета «Дроэба» 5 марта 1871 года приводила сообщение одной газеты о том, что после утверждения русского управления в Абхазии население начало уделять больше внимания хозяйственной деятельности; абхазы «теперь не только для собственных нужд, но и для продажи производят кукурузу, рис (?), лен и др.».

Комиссия, образованная при Кавказском военно-народном управлении для рассмотрения проектов инструкции по земельному устройству населения Абхазии, на своем заседании 10 марта 1883 года также констатировала: «Со времени русского правления и утверждением в крае относительной безопасности земледелие начало развиваться и многие жители, не заботясь более о скученном расположении своих жилищ, стали переносить усадьбы на новые места, более близкие к их полевым усадьбам»[2].

Вывоз кукурузы только за один 1865 год по сравнению с предыдущим годом увеличился на 57.863 пуда. В 1867 году из Сухума в Поти было вывезено 50 пуд. проса[3].

Отдельные русские гражданские и военные чиновники, заинтересованные в получении большего количества зерна и других продуктов для обеспечения войск, ставили вопрос о «поощрении земледелия» уже в середине XIX века, как задачу практического характера. Так, например, полковник Н. П. Колюбакин 10 ноября 1851 года писал Л. М. Серебрякову, что в районе, подобном Цебельде, «преобразование земледельческой промышленности есть первый и самый естественный вид ее преуспевания... Нужно научить жителей сеять рожь, гречиху и овес или ячмень...» Далее, он считал необходимым «приобщить» к цебельдинцам «опытных земледельцев», например, солдат Небельдинского гарнизона, которые бы нанимались за известную плату; также представлялась возможность покупки земледельческих орудий и семян через цебельдинского пристава[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 531, лл. 3–16.
[2] ЦГИАГ. ф. 231, 1882 г., оп. 2, д. 49, л. 105.
[3] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.
[4] ГАКК, ф. 260, д. 1212, лл. 1–6 об.

Другим важнейшим продуктом, часть которого шла на рынок, было вино. Уже к началу 60-х годов виноделие «значительно увеличилось и улучшилось»[1]. Первый опыт «промышленного виноделия» был сделан еше в 1836 году, когда в местности Бамбора было открыто 2 винных «завода». Опыт имел значительный успех, и с того времени число таких «заводов», возрастая из года в год, достигло в 1851 году 11. «Заводы» устраивались в селах, имевших от 10 до 15 тыс. виноградных кустов каждое, и отдавались ежегодно помещиками на откуп «вольнопромышленникам» по цене от 250 до 600 руб. сер. в год, иногда – за 1/2 или 1/3 выделанного вина. По объявлению помещика крестьяне приступали к сбору винограда и затем доставляли его откупщику. Подрядчик платил крестьянам за сбор винограда и его доставку на место. В начале 50-х годов откупщики производили плату рабочим от 5 до 7 руб. в месяц каждому. Количество вина, выделывавшегося одним «заводом» в год в 1849–1851 годах, равнялось средним числом 4.300 ведрам, а на всех 11 «заводах» выделывалось до 50 тыс. ведер[2].

Вино было одним из основных предметов вывоза. Достаточно сказать, что в 1848–1852 годах, в общем вывозе из Сухумского порта стоимость вина составляла 28,6%. Вино являлось важным предметом и внутренней торговли; основное потребление его происходило в г. Сухуме, а также в укреплениях Черноморской береговой линии. Из 50 тыс. ведер вина, выделывавшегося за год на 11 указанных «заводах», 2/3 потреблялось на месте, а остальное вывозилось[3].

Техника выделки вина на «заводах» была примитивной. Но в 60-х годах в этом деле получает применение пресс. В имении князя Г. Д. Шервашидзе «разводится виноградник по европейскому способу и принимаются меры, чтобы выделка вина производилась по возможности рационально»[4].

Абхазы в большом количестве сбывали на рынке мед и воск. В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год указывалось, что в хозяйственном быту абхазов немалую выгоду приносило пчеловодство; сбор меда и воска «достигает больших размеров». В это время

[1] Свешников В. Из письма о Сухуме. «Кавказ», 23 декабря 1853 г.
[2] Пушкарев С. О виноградниках и виноделии в Абхазии. «Кавказ», 1852, № 28.
[3] Свешников В. Из письма о Сухуме.
[4] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 67.

в одном Очемчирском округе насчитывалось до 11 тыс. ульев[1], а по всей Абхазии к 1872 году имелось около 19 тыс. штук[2].

Товарный характер начинали принимать и некоторые, другие отрасли сельского хозяйства. Одним из важных предметов продажи в именин князя Г. Д. Шервашидзе являлись орехи, которые, как и виноград, продавались в Сухуме за деньги; «орехи с давних пор составляют предмет большого вывоза в Россию»[3]. В начале 60-х годов среднее количество вывоза орехов из Сухума составляло 6 тонн, а хурмы (мелкой) – 2 тонны. В 1867 году из Сухума в российские порты было вывезено 142 пуда мелких орехов и 63 пуда свежих яблок. Кроме того, в Поти было вывезено 9 пуд. инжира[4].

Делались попытки внедрения новых технических культур, которые нужны были в качестве сырья для русской промышленности. Еще в начале 40-х годов Н. Н. Раевский выдвигал проект о развитии в Абхазии ряда технических культур, о поощрении «торгового земледелия». «Край, – писал Раевский, – изобильно производит виноград, шелковицу, оливку, рис и хлопчатую бумагу; некоторые опыты дают надежду, что там будут произрастать: пробочный дуб, апельсинное, чайное, камфарное деревья, индиго и лен Новой Зеландии...[5] Раевский снабжал население Абхазии виноградными лозами из своего имения, находившегося в Южном Крыму, и Гурзуфе. Целью Сухумского ботанического сада стало: «служить рассадником для края лучших виноградных лоз, фруктовых деревьев и многих экзотических растений»[6]. Здесь еще в 1842 году был посажен чайный куст, полученный из Никитского сада.

В 40-х годах в ряде мест Западной Грузии проводился опыт широкого внедрения культуры табака. Табак завоевывает себе крупное место в районах Причерноморья. М. Шервашидзе в переписке с Сафоновым дает подробные сведения об опыте разведения качественного табака в Абхазии. В своем письме от 18 июля 1846 года владетель сообщал, что полученные табачные семена были посеяны «опытнейшими и усерднейшими здешними земледельцами...

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3–40.
[2] Там же, д. 574, лл. 4–10.
[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57.
[4] ЦГИАГ, ф. 416, д. 1083, лл. 1–8; ЦГАА, ф. 3, оп. 1, д. 7, л. 52.
[5] Раевский Н. Записка о торговле с горцами. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 417–474.
[6] Свешников В. Из письма о Сухуме.

в каждом из округов Абхазии». Затем рассада (около 5 тыс. штук) была пересажена на особо устроенные грядки. «Сильная, – писал М. Шервашидзе в указанном письме, – прекрасная вегетация табачных растений позволяет мне надеяться, что растение это будет разведено с успехом в Абхазии и составит со временем одну из глазных отраслей рождающейся промышленности...»[1]. В письме от 28 января 1847 года владетель сообщал тому же Сафонову, что табачные семена были собраны в большом количестве и розданы «с приличными наставлениями опытнейшим и усерднейшим абхазским земледельцам»[2].

Уже в 1866 году табаководство «было развито» около Гудаут, Очемчир и Келасури[3]. В 1867 году из Сухума было вывезено табака (в листах) в Поти – 92 пуда, в другие порты Российской империи – 9 пудов[4]. А. В. Пахомов в 1868 году сообщал, что в Абхазии сеют табак хорошего качества, часть которого продается и режется в Сухуме, а часть (до 300 пудов в год) вывозится в Россию и за границу[5]. Первым русским плантатором был Завадский, который в 1869 году завел плантацию под Сухумом «в больших размерах, которая давала прекрасные табаки и хороший доход в течение 7 лет...»[6].

В Абхазии распространялись турецкие сорта табака. Этому вначале способствовали табаководы-лазы, которые в большом количестве приезжали сюда и устраивались на помещичьих землях в качестве арендаторов-плантаторов, а несколько позже – турецкие греки и армяне[7]. В начале 70-х годов табаководством занимались уже и в Цебельде. Путешествовавший по Абхазии осенью 1873 года Шарер писал, что «по дороге от Сухума в Келасури, которая держится между морем и лесом, склоны близлежащих гор местами заняты были табачными плантациями... сушильнями для табачных листьев. Табаководство здесь считается одной из выгодных отраслей

[1] АКАК, т. X, ч. 1. – С. 161.
[2] Там же. – С. 165.
[3] Щербачев В. С. Обзор табаководства в России, вып. I. Бессарабия, Кубанская область, Закавказье. СПб, 1889. – С. 83.
[4] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7. л. 52.
[5] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 45.
[6] Щербачев В. С. Указ. соч. – С. 83.
[7] Гугушвили П. В. Табаководство в Грузии и Закавказье. 1801–1920 гг. «Труды» Института экономики АН Грузинской ССР, XI. Тбилиси, 1959. – С. 186.

хозяйства...»[1]. Промышленное табаководство постепенно начало широко распространяться среди местного населения. В отчете начальника Сухумского отдела за 1875 год отмечалось, что «в стране многие из абхазцев стали делать посевы табака лучших сортов, и партии табака появились было на рынках в Гудаутах и в особенности в Очемчирах»[2].

Количество ежегодного производства табака для продажи достигало свыше 2 тыс. пудов, по ценам от 6 до 10 руб. за пуд[3]. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в отчете за 1874 год, отмечая, что табаководство усилилось значительно и плантации стали разводить по всем округам Абхазии, писал, что в Сухуме уже около года существует табачная фабрика (речь идет, конечно, о небольшом кустарном предприятии), где приготавливаются изделия из местного табака, называемого «сухумский»[4].

Абхазы, кроме того, разводили хлопок. По словам А. Н. Введенского, хлопок вместе с табаком засевали «в значительных размерах», и обе культуры «в последнее время сделались предметом торговли». Вместе с тем отмечалось, что «в последнее время появление нескольких торгозцев, скупающих льняное семя, заставило жителей селений, окрестных местечку Гудауты, выдерживать лен на корню до полного созревания семян»[5]. Разводилась конопля для получения пеньки на веревки и пакли для чистки оружия, а также для набивки тюфяков и подушек.

А. Н. Введенский писал и о развитии шелководства. Он сообщал, что не более 20 лет тому назад (около 1850 г.) абхазы начали заниматься шелководством, хотя в Абхазии, предполагал Введенский, «в древние времена..., вероятно, шелководство было развито наравне с другими промыслами...». Во всяком случае, в 60–70-х годах «эта отрасль промышленности, благодаря своей легкости и притом доходности..., начала быстро развиваться», и скоро сделала «заметные успехи». Шелк сбывался на базарах[6]. На развитие шелководства и продажи шелка-сырца на базарах Абхазии указывали также С. И.

[1] Цит. по указ. соч. П. В. Гугушвили. – С. 187.
[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79-116.
[3] Прудков Е. О табаководстве. «Кавказ», 12 мая 1874, № 54.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3–40.
[5] ССКГ, в. VI, 1872, отд. III. – С. 8.
[6] ССКГ, в. VI, отд. III, стр. 20–21.

Пушкарев (1854 г.) и А. В. Пахомов (1868 г.). Развитию шелководства в Абхазии способствовало повсеместное распространение шелковичных (тутовых) деревьев, листья которых служили кормом для шелковичных червей.

К началу 1840-х годов относится упоминание о разведении цитрусовых растений в Абхазии. В 1842 году в Сухумском ботаническом саду росли в открытом грунте лимонные и апельсиновые деревья. В 1867 году из Сухума было вывезено 8 тыс. штук свежих апельсинов[1].

Следует отметить также факт развития огородничества и рост его товарности. Еще Ф. Ф. Торнау указывал, что абхазы переняли у русских такие виды овощной культуры, как капуста, картофель и др.[2] После введения в Абхазии русского управления, крестьяне сел, расположенных поблизости к Сухуму, начали широко разводить огурцы и помидоры для продажи их жителям города. В имении Г. Д. Шервашидзе устройство огорода было предпринято в 1867 году, и дело пошло успешно. В особенности хорошо удались картофель, морковь и бураки[3]. Картофель успешно разводили и в Пицунде.

В деле развития и внедрения в Абхазии огородных и других культур определенную роль играл Сухумский ботанический сад. Деятельность этого сада, замершая во время Крымской войны, вновь оживилась в 60-х годах. В начале указанного десятилетия, здесь была развернута интродукционная работа. За короткое время было «акклиматизировано» много растений с целью внедрения их «в обыкновенное абхазское хозяйство». Так был решен «самым удовлетворительным образом вопрос о возможности разведения в Сухуме капусты». Пользуясь этим опытом, капусту начали разводить почти во всех сухумских огородах, а в 1887 году недалеко от города, около р. Гумисты, ею было засажено около 2-х десятин земли. Кроме того, при акклиматизационном саде были устроены виноградник и питомник плодовых деревьев для продажи населению Абхазии[4].

[1] ЦГАА, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 52.

[2] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 61.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 44–45.

[4] А. Пахомов. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении, стр. 30–31, 36.

Товарный характер приобретало скотоводство. Продукты животноводства занимали значительное место в общем вывозе Абхазии. Интересен факт заготовки пастухами в горах во время летней пастьбы сыра для продажи, что ранее не наблюдалось, так как это считалось чуть ли не позорным поступком (не только для продажи, но даже для домашнего потребления). В отчете комиссии по исследованию земель северо-восточного берега Черного моря мы читаем: «В настоящее время абхазские пастухи приготовляемый ими на горах сыр и частью свежее молоко сносят вниз на равнину на плечах, в козьих шкурах»[1].

Сельскохозяйственная техника, как отмечалось, находилась на весьма низком уровне. Тем неменее и здесь наблюдался сдвиг, хотя и очень незначительный. Распространение получает плуг с железным лемехом. Происходило определенное развитие также в технике виноделия. А. В. Пахомов в 1868 году «для опыта и для примера» устроил маслобойню[2]. Несколько усовершенствовались и получали распространение и другие орудия труда.

* * *

Уже в первый период после присоединения, в Абхазии наблюдалось определенное развитие торговли. Правда, царизм рассматривал внешнюю торговлю на Кавказе, как средство для распространения своего политического влияния в районе Черного моря. В 1810 году правительством было утверждено «Положение» о меновой торговле с горцами на Кавказской линии, в котором указывалось, что эти торговые сношения устанавливаются для того, чтобы «посредством оных приобрести доверие горцев»[3].

Кавказский командующий генерал А. П. Тормасов, по проекту которого было приступлено к торговле с горцами в форме «меновых дворов»[4], настойчиво обращался в Министерство внутренних дел с просьбой «о вызове российских купцов.... доставить из Крыма

[1] ЗКОСХ, №№ 5 и 6, 1867. – С. 9.

[2] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57.

[3] Цит. по статье А. В. Фадеев. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в. «Исторические записки», № 54, 1955.– С. 338.

[4] Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», I. М., 1955. – С. 301.

в Мингрелию, Абхазию и Гурию па нескольких судах для вольной продажи» железа, шерсти, рыбы и пр., «что удовлетворит нужды сих народов, сделает при том выгодное для нас в них влияние...»[1].

Присоединение Абхазии, Мингрелии и Имеретии к России, писал Тормасов, «связало здешний край беспрепятственным сообщением с Тавридою и открыло новую отрасль промышленности между Крымом и побережными нашими владениями на Черном море. Правительство, пекущееся о распространении полезной торговли, обратило внимание свое и на сии новоприобретенные наши владения, вследствие чего повелено было градоначальникам в торговых крымских городах Таганроге и Феодосии принять предварительные меры к соглашению торгующих обратить их торговлю с Абхазиею, Мингрелиею и Грузиею...»[2].

8 октябре 1811 года были изданы утвержденные Александром I правила дли торговых отношений «с черкесами и абазинцами» (абхазами. – Г. Д.), в которых говорилось: «Дабы возбудить сколько можно более сношений и посредством деятельности и выгод торговли внушить народам сим пользу ее и приучить к употреблению наших продуктов и изделий, назначаются два пункта для торговли: один в Керчи – для товаров, привозимых морем из Черномории и Абхазии, с полным. торговым карантином и таможнею, другой в Бугазе – меновой двор для товаров, привозимых сухим путем»[3].

Вместе с тем, была сделана попытка расширить торговлю с западнокавказскими горцами при посредстве особых уполномоченных. Одним из них был генуэзский коммерсант, а впоследствии чиновник Министерства иностранных дел России Р. де Скасси. Последний в 1811 году представил херсонесскому военному губернатору дюку де-Ришелье проект о «водворении спокойствия и обеспечении плавания» по берегам Черного моря посредством установления с черкесами и абхазами торговых связей[4]. Скасси было разрешено вступить в переговоры с «владетелями тех народов», после чего он неоднократно посещал берега Черкесии и Абхазии,

[1] Письмо ген. Тормасова ген. Ришелье от 22 января 1811 г. АКАК т. IV, док. 90.

[2] Предписание ген. Тормасова ген. Сталю от 18 мая 1811 г. Там же. – С. 403–404.

[3] Шамрай В. С. Краткий очерк меновых сношений... «Кубанский сборник», т. VIII, 1902. – С. 367.

[4] АВПР. оп. II–3, 1816 г., д. 13. л. 153.

«производил смену и склонял к. дозволению вырубать леса». С 1816 года Скасси получил «некоторые пособия [для] отпуска из крымских озер соли», которую он использовал для обмена с черкесами и абхазами[1].

В 1817 году царское правительство получило заявление греческого купца Георгия Скардена о выдаче свидетельства на право «поднятия российского флага» на двухмачтовом судне, построенном им у берегов Абхазии. Управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде 23 августа 1817 года представил записку в Комитет министров, в которой указал на «ощутительную пользу» развития торговли и кораблестроения на берегах Абхазии[2]. Е. И. Энсгольм, сведения которого относятся к 1817 году, одним из средств «устройства земель» Абхазии, Мегрелии, Имеретин и Гурии считал приглашение из Крыма занимающихся торговлей людей, «кои вскоре бы открыли все источники богатств сих земель». Он призывал к открытию «способа к выгодному сбытию земных произведений» населения[3].

В сентябре 1818 года Скасси был командирован уже в качестве официального лица «для собирания сведений о торговле и ресурсах» Абхазии. Он безуспешно пытался договориться с князем Гасанбеем Шервашидзе о покупке леса. Но все же Скасси сумел погрузить в Скурче (в устье р. Кодор) 200 штук дуба длиной в 2 саж. и фут в диаметре, причем купил его весьма дешево – за 240 рублей. Скасси был проведен абхазскими князьями вдоль побережья. Он вскоре представил графу Нессельроде докладную записку, в которой описывал природные богатства края и выгоды его колониальной эксплуатации. Скасси подчеркивал, что режим военной оккупации не оправдывает себя в Абхазии[4]. Заманчивые предложения Скасси были поддержаны министром финансов Е. Ф. Канкриным.

Граф Канкрин был тем царским министром, который поставил открыто вопрос о Закавказье, как о колонии царской России, изложив подробно свое мнение в проекте, поданном на имя Николая

[1] АВПР. оп. II–3, 1816 г., д. 13. л. 153.

[2] Записка графа К. В. Нессельроде от 23 августа 1817 г. Там же» оп. II–5, 1817г., д. 8, лл. 12–14.

[3] Энсгольм, Указ. рук.

[4] АКАК, т. VI, ч. 1. – С. 646–658.

I в октябре 1827 года. «Закавказские провинции, – писал Канкрин, – принесут государству (России. – Г. Д.) весьма важные выгоды», служа не только рынком сбыта, но и источником сырья[1]. Канкрин внес план Скасси о новой организации торговли с горцами на Кавказском побережье Черного моря в Комитет министров, который в 1819 году утвердил этот план. В 1882 году Скасси был назначен на должность попечителя торговли с черкесами и абхазами, с пребыванием управления предприятия в Керчи.

Русские капиталисты начали проявлять больший, чем прежде, интерес к закавказскому рынку. В начале 30-х годов была создана «Мингрельская торговая компания». В 1832 году официально разрешается «приход торговых судов» в Сухум. Тогда же устраивается здесь таможенная застава.

Однако русская буржуазия была в то время еще слаба для того, чтобы утвердить свое господство на закавказском рынке. Сюда, в частности в Абхазию, товары попадали весьма далеким путем. Деятельность русских купцов на Черноморском побережье Кавказа тормозилась, также, англо-турецкой контрабандной торговлей. Некоторые местные феодалы тайно поддерживали эту торговлю, а слабая береговая охрана не могла еще пресечь ее. В то же время, враждебная по отношению к России политика султанской Турции на Северо-Западном Кавказе создавала напряженную обстановку. Сухопутные и морские коммуникации, связывавшие Россию с Грузией, постоянно находились под угрозой. Коммерческое судоходство в кавказских водах. Черного моря фактически сводилось к нулю. Вместе с тем, политика царизма в Закавказье еще определялась, главным образом, интересами русских крепостников-помещиков. Предложения Канкрина и его единомышленников вызвали крайнее раздражение в высших сферах кавказского командования.

Торговые операции Скасси прекратились еще до 1828 года, а окончательно были ликвидированы в 1835 году. Судьбу проекта Скасси разделили и начинания других коммерсантов. В частности, полную неудачу потерпел французский консул в Тифлисе Гамба, который был вполне солидарен с мнением Скаоси в отношении необходимости развития торговли у берегов Абхазии.

[1] «Обозрение российских владений за Кавказом», ч. I. СПб, 1836. – С. 12.

В 1834 году министр финансов, по просьбе керчь-еникольского градоначальника, возбудил хюдатайство перед Комитетом министров об официальном разрешении русским купцам вести торговлю «с черкесами и абазинцами по восточному берегу Черного моря, от Анапы до Сухум-Кале»[1].

Особо следует сказать о Н. Н. Раевском. Он стоял за план установления прочной экономической связи с Кавказом, и существовавшие на Черноморском побережье укрепления рассматривал не только как военные форпосты, но и как опорные пункты для развития здесь торговли. Раевский заявлял, что «бесполезное кровопролитие» надо заменить «средствами мирными». Он утверждал: «Десятилетнее спокойствие и мирные сношения улучшили состояние края и сблизили жителей с русскими». «Я с торжеством читаю, – писал он в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева от 28 февраля 1841 года, – все, что полковник Астафьев доносит в. с. о развитии торговли с горцами». Раевский указывал на безынициативность русских купцов. Высказывался против «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Он просил правительство, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкесии, представить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы; привлечь частный капитал к установлению торговых сношений с горцами. Раевский призывал к борьбе против английской и турецкой контрабандной торговли, для чего должны были служить и укрепления на Черноморской береговой линии[2].

Критика политики правительства и инициативность Н. Н. Раевского привели к тому, что он вынужден был покинуть Кавказ. Об этом сам Раевский писал так: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край»[3]. Весьма характерно то, что Раевский в заключение этого своего письма Чернышеву просил, чтобы в предполагаемых военных действиях войска не переходили Белой реки, так как «иначе это уничтожит весь успех стараний о мирных сношениях и торговле с горцами»[4].

[1] Покровский М. В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. – С. 89.
[2] Раевский Н. Н. Записка о торговле с горцами. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 471–474.
[3] АКАК, т. IX, ч. I. – С. 505.
[4] Там же.

Но, несмотря на господствующее настроение среди военных деятелей в вопросе о торговле на восточном побережье Черного моря, торговые связи последнего с отдельными местами Российской империи развивались. Росла как внешняя, так и. внутренняя торговля края.

В связи с предположением изменить в Закавказье всю таможенную систему, было признано необходимым торговые пункты Гудава, Очемчиры и Келасури принять в карантиннотаможенное ведомство, что и было сделано с 1 марта 1848 года. Карантинно-таможенная застава была учреждена в Очемчирах, а в других пунктах – карантинно-таможенные посты. Надзор со стороны моря был возложен на крейсирующие военные суда и лодки, по сухопутной границе – на разъездные посты. Для усиления же крейсерства по берегам Абхазии и Мегрелии были назначены особые команды. Черноморская береговая линия расширялась и укреплялась.

Все эти меры были направлены, ко всему прочему, против англо-турецкой контрабандной торговли на побережье. Трапезундская компания английских купцов, основанная в 1830 году и являвшаяся организатором этой торговли, не только наводняла своими товарами восточный берег Черного моря, но и старалась приобрести влияние также на политическое положение края. Вообще в это время враждебные России круги английской буржуазии всемерно старались помешать русским утвердиться на Кавказском побережье. Английское посольство в Константинополе стало центром организации подрывной деятельности среди кавказских горцев. Хорошо известна шпионско-диверсионная деятельность Уркарта, Лайонса, Спенсера, Стюарта, Белла, Логворта, Найта и других английских агентов на Северо-Западном Кавказе.

Положительное значение для населения указанных мероприятий русского правительства будет еще яснее, если иметь, в виду, что они наносили удар по грабительской торговле н торговле рабами, которую вели иностранные купцы.

Однако разбросанные на широком пространстве, изолированные друг от друга форты Черноморской береговой линии и русские сторожевые корабли не могли обеспечить полного пресечения деятельности указанных купцов.

Главной статьей контрабандного вывоза были рабы. Основным потребителем экспорта этого товара являлась султанская Турция, которая на протяжении нескольких веков поддерживала рабство и работорговлю на Кавказе. Торговля рабами была важнейшей экспортной нитью, связывавшей кавказских и, в частности, абхазских феодалов с турецкими. Обе стороны извлекали из этой торговли огромные прибыли. С. М. Броневский писал, что в Сухуме «бывают знатные ярмарки для торга пленниками, равно как и в Искурии»[1].

И. К. Аш, командированный в Абхазию весной 1830 года, доносил графу И. Ф. Паскевичу: «Постыдная торговля пленными русскими и мингрельцами продолжается во всей Абхазии и в особенности жителями сел. Келасур, где находится до 60 домов турецких, в коих торговля сия составляет главнейший и выгоднейший промысел»[2]. Ф. Ф. Торнау, также отмечая факт, что турецкие феодалы и в его время занимались работорговлей в Абхазии, пренебрегая опасностью, угрожавшей им со-стороны русских крейсеров, писал: «В три или четыре рейса турок, при некотором счастии, делался богатым человеком и мог спокойно доживать свой век; зато надо было видеть их жадность на этот живой, красивый товар»[3]. Когда во время Крымской войны турецкие войска оккупировали Абхазию, то они, как отмечалось выше, сразу же принялись за торговлю людьми, причем соучастниками этой торговли были английские шкиперы.

Несмотря на строгое официальное запрещение работорговли, оно в действительности нарушалось отдельными должностными лицами. Известны, например, случаи, когда шкиперы турецких кочерм подкупали служителей Сухумского карантинно-таможенного правления, назначаемых так называемыми гвардионами на эти кочермы.

Рабов продавали и покупали «на меру», т. е. считая рост человека по четвертям – «адза» (аза). Вместе с тем подросток в 5–6 четвертей до введения русского управления был нередко своеобразной денежной единицей, служа разменной монетой.

---

[1] Броневский С. М. Указ. соч., ч. I. – С. 346.

[2] Донесение гр. Паскевича гр. Чернышеву от 8 июня 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 9–10.

[3] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. I. – С. 49.

В 1831 году в Закавказье был упразднен льготный тариф, но в 1846 году краю вновь вернули льготы в области торговли с заграницей. Такое положение длилось до конца 1850 года. С 1 января 1851 года во всей Российской империи был введен новый таможенный тариф, касающийся налагаемых пошлин на ввозимые в Закавказье товары.

В Сухуме с 1845 года начало развиваться торговое мореплавание, и его успехи с этого времени делаются довольно заметными. До этого ежегодный приход судов не превышал в год 20 мелких баркасов; каботажное судоходство также было слабо и не превышало 240 судов малого размера. С 1845 года приход судов из-за границы в первом году превзошел цифру 50 и, постепенно возрастая, достиг в 1850 году до 220 судов разной величины. Вместе с тем оживилось каботажное судоходство, и теперь Сухумский порт посещали от 357 до 420 судов ежегодно[1].

Приведенная ниже таблица дает представление о росте движения судов (с грузом и без груза) в Сухумском порту за 1832–1852 годы[2].

Годы	*По заграничному плаванию*		*По каботажному плаванию*		*Итого*	
	в приходе	*в отходе*	*в приходе*	*в отходе*	*в приходе*	*в отходе*
1832–1836	63	11	298	245	361	256
1837-1841	39	32	804	809	843	841
1842-1846	117	67	1084	1777	1201	1844
1847–1851	841	354	1271	1712	2112	2066
1852	163	72	442	517	605	539
Всего	1223	536	3899	5060	5122	5596

С 1847 года, когда в Сухуме начала свои действия «первоклассная таможня», дальнейшее развитие внешней торговли стало более заметным. Причем среди импортировавшихся товаров удельный вес предметов роскоши все более увеличивался; это были дорогие шелковые ткани, английский фарфор, турецкие глиняные кувшины; лучшие французские вина. Привозились также бумажные и полушерстяные ткани, сахар, табак, сафьян, мыло, соль и др. Из «местных произведений» вывозились самшит, кожи-сырье, воск, мед, кукуруза, рыбий жир, сало и пр.

[1] Пушкарев С. Краткий очерк портов северо-восточного берега Черного моря и торгового на этом берегу мореплавания. ЗКОРГО, кн. II. Тифлис, 1853. – С. 160–161.

[2] Приложения к статье С. И. Пушкарева. «Краткий очерк портов...». Там же. – С. 278–279.

Для характеристики того, как возрастали торговые обороты Сухума по заграничной торговле, приведем следующую таблицу[1].

Годы	*Ввоз (в руб.)*	*Вывоз (в руб.)*	*Общая обор. (в руб.)*
1832–1836	2.377,43	45.705,80	48.083,23
1837-1841	2.741,69	20.082	22.823,69
1842–1846	66.780,55	59.663	126.443,55
1847–1851	939.293.66	109.723	1.049.016,66
1852	184.964,75	38.001,50	222.966,25
Итого	1.196.158,08	273.175,30	1 469.333,38

Из приведенных данных явствует, что вывоз товаров из Сухумского порта имел гораздо меньшее значение, чем ввоз, как и во всем Закавказском крае. В продолжение 18 лет (1832–1850 гг.), в общей сложности из Закавказья было вывезено товаров на 15.095.860 руб., что составляло одну четверть всего импорта[2].

Значительно увеличилась и каботажная перезозка товаров: в 1850 году ценность привезенных на судах в Сухум товаров не превышала 62.890 руб., а в 1852 году она поднялась до 197.576 руб. Вывоз же из Сухума каботажными судами товаров был еще значительнее; он равнялся в 1850 году 243.192 руб., в 1851 году – 326.181 руб. и в 1852 году – 254.985 руб. Эти торговые операции происходили между Сухумом и другими российскими портами и торговыми пунктами, а также и ближайшими заграничными портами[3].

Общий вывоз через Сухумский порт в российские порты характеризуется следующими цифрами[4]:

Годы	На сумму (в рублях)
1848	6.223
1849	10.609
1850	17.711
1851	20.757
1852	16.473
Итого	71.773

[1] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов...». – С. 284–287.

[2] Махарадзе Ф. Грузия в XIX столетии. Заккнига, 1933. – С. 80.

[3] Пушкарев С. Краткий очерк портов..., – С. 162–163.

[4] Приложения к статье С. И. Пушкарева «Краткий очерк портов...». – С. 288–289.

Ассортимент вывоза продукции из Сухумского порта показывает, что во второй четверти первой половины XIX века основную его часть составляли вино, кукуруза, просо, орехи. Что касается отдельных, направлений сбыта абхазских продуктов, то мы имеем сведения о том, что кожи воловьи, бараньи и воск были вывезены, главным образом, в Очемчиры и Редут-Кале, откуда были отправлены, вероятно, за границу; орехи, дрова, вино и мед – в Керчь, Анапу и, частично, в Таганрог и Ростов; кукуруза и просо – в Очемчиры, Бамборы и Редут-Кале.

Относительно ввоза товаров в Абхазию из российских портов в рассматриваемый период, к сожалению, мы не располагаем необходимыми данными. Но несомненно, что этот ввоз все более возрастал.

Показателем постоянного роста экономических связей Сухума с другими российскими портами и прочими пунктами также является нарастание движения русских судов[1].

Годы	Приходы	Отходы
1851	97	90
1852	104	107
1853	191	199
Итого	392	396

Следует остановиться и на положении в других торговых местах Абхазии. Прежде всего возьмем Очемчиры. Здесь приход и отход мелких каботажных судов к 1852 году достиг 175. За границу отходило около 46 судов «с местными произведениями», которые состояли преимущественно из самнпга и орехового дерева, кожи, воска, меда и кукурузы. В 1851 гиду за границу 1было отправлено товаров на 23.990 руб.. в 1852 году – на 15.394 руб. и в российские порты – на 8.220 руб. сер.[2]; в частности, если в 1848 году самшита было вывезено 8.630 пуд., то в 1851 году – 40.000 пудов[3]. Через Бамборы в 1850 году в Керчь, Анапу, Редут-Кале и Новороссийск было вывезено 12.800 ведер вина[4]. Из Гудаут также вывозились самшит,

[1] ЦГИАГ, ф. 1115, д. 11, л. 48 об.
[2] Пушкарев С. Краткий очерк портов..., – С. 159.
[3] АКАК, т. X, ч. I. – С. 208–210.
[4] «Кавказ», 1852, № 28.

ореховое дерево, воск, кожи, сушеные фрукты, орехи, хурма. Кукуруза являлась «главной статьей вывоза»[1].

Крымская война прервала на время развитие торговли в Абхазии, ставшей непосредственной ареной военных действии. Но вскоре после войны, торговля начала расти более быстрыми темпами. Борьбе против контрабанды и дальнейшему развитию торговли способствовала деятельность Русского общества пароходства и торговли (РОП и Т), основанного в 1856 году. Общество ставило себе целью организовать сообщение по Черному морю, обслуживать экспорт за границу и служить судовым резервом для военного флота на случай войны. Наместник Кавказа в своем отношении председателю Кавказского комитета от 17 июля 1868 года так определял задачи этого общества: «Усилить перевозку транзитных грузов с тем, чтобы на Черном море преобладал русский флот, который мог бы успешно конкурировать с иностранными пароходнымн кампаниями»[2].

В 1860–1863 годах из Сухума было вывезено 25.464 пуда орехового дерева, а вывоз самшита из Абхазии в 1861 –1865 годах составлял 556.785 пудов. Вывозились также кукуруза, вино, дрова, кожи, воск, мед, сельди, фрукты, лавровый лист и пр. Из 2.330 рейсов, совершенных в 1860 году каботажными судами в Поти, Николаевск, Редут-Кале и Сухум, на последний падало 769. В 1862 году приход каботажных судов (с грузом и без груза) в Сухум, Очемчиры и Гудауты составлял 499 единиц и отход – 495. Оборот торговли г. Сухума в 60-х годах равнялся; отпускной – 175,5 тыс. рублей, внутренний – около 536 тыс. рублей[3].

Положение особенно изменилось после упразднения Абхазского владетельства. А. В. Пахомов, говоря о первых последствиях этого события, о его «благодетельном влиянии» нз сельское хозяйство страны, приводил, как «более разительный пример», сведения о вывозе кукурузы, который увеличился с 108.457 пудов в 1864 году до 166.320 пудов в 1865 году[4]. О росте товарооборота говорят

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 86, лл. 180- 198.
[2] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 13, д. 99, л. 1.
[3] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – С. 131.
[4] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 87.

и данные о пошлинах, поступивших за указанные годы, – около 19 тыс. руб. и более 27 тыс руб.[1] В 1867 году мы имеем такую картину движения судов через Сухумский порт: всего ушло и пришло 721 судно; из них – 504 в российские порты и обратно, 217 за границу. Таким образом, основная масса судов (70%) приходила из российских портов и направлялась туда же. Еше более интересны данные о вывозе из Сухума. Уже таких предметов, как табак, мелкий орех, пшено, апельсины и инжир в указанном году было вывезено в пределы Российской империи около 420 пудов, причем из них 151 пуд – в Поти[2].

Базары играли немаловажную роль. В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии (1869 г.) подчеркивалось, что произошло увеличение числа береговых базаров в период русской власти[3].

Абхазское население постепенно втягивалось в рыночные отношения. Еще Скасси свидетельствовал, что жители с. Келасури доставляли в Сухумскую крепость «почти все, что там потребляется из съестных припасов; табак и материи для маркитантов»[4]. Гамба также писал, что ежедневно абхазы, часто в большом количестве, приходили в Сухум «производить свои операции обмена»[5]. Другой источник говорит нам о том, что с 1827 года абхазы начали приходить к сухумскому берегу, где покупали соль, железо и другие товары, привозившиеся из Редут-Кале[6].

Ф. Ф. Торнау свидетельствовал, что в Бзыбской Абхазии население вело определенную торговлю «съестными припасами доставлявшую жителям деньги». Главным пунктом этой торговли здесь являлось м. Бамбора[7]. Эдмунд Спенсер, посетив этот пункт, писал, что в нем существовало «несколько базаров кишащих азиатскими торговцами, наполненных грубыми русскими мануфактурами..., вместе с немногими блестящими безделушками для крестьян, а также солью и табаком»[8]. Более подробные сведения о той торговле,

[1] ЦГИАГ, ф. 80, д. 49, лл. 9–14.
[2] ЦГАА. ф. 8, оп. 1, д. 7, лл. 11–21, 23–44, 52.
[3] ЦГИАГ, ф. 466, оп. 3, 1869 г., л. 71.
[4] АКАК. т. VI, ч. 1. – С. 646–658.
[5] Gamba. Указ. соч. – С. 76.
[6] ЦГВИА, ф. ВУА, 1843 г., д. 1083, л. 8.
[7] Там же, д. 45240, л. 52 об.
[8] Spencer E. Указ. соч., письмо XXX.

которую вели крестьяне на бамборском базаре, дает М. А. Селезнев. Жители близлежащих сел, особенно Лыхны, а часто и издалека, приходили и приезжали «продавать на форштате свои произведения, покупать нужное для своего обихода». «Каждодневно, – писал он далее, базар наполняют толпы абхазов: они прохаживаются дружно из лавки в лавку..., торгуют яйцами, сыром и своим тарелочным медом». В Пицунду абхазские крестьяне также «приносили свои разные произведения домашнего хозяйства и продавали...»[1].

Начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии генерал М. М. Ольшевский в рапорте Н. Н. Раевскому 3 сентября 1839 года отмечал, что Сухумский округ мог продать более 2 тыс. четвертей кукурузы и проса, 2–3 тыс. куньих шкурок. Продавались на деньги: кукуруза, просо, вино. Кроме того население Абхазии продавало до 500 пудов шерсти, около 300 пудов меда, столько же воска и 200 пудов грецкого ореха. Продавались также фрукты, а ближайшие к Сухуму жители приносили на продажу кур, каплунов, молоко, огурцы, лук, низкие цены на продукты в Сухуме, по сравнению с Бамборами, Ольшевский объяснял именно тем, что «окрестные жители приносят много на продажу съестных запасов»[2].

Особенно интересно сообщение Ольшевского о том, что «большая часть абхазцев узнала теперь цену деньгам, и потому охотнее продает свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров. Одна только соль исключительно выменивается на гомию, которая необходима горцам для употребления в пищу... Но ежели абхазцу не нужна соль, то он старается продать свои произведения на деньги»[3]. При этом, Ольшевский писал об имевшихся в Сухуме злоупотреблениях: «Вольнопромышленники, желая купить дешевле какие-либо произведения, выходили версты за две от крепости и там покупали таковые у абхазцев, а потом продавали гарнизону гораздо дороже». Ввиду этого было назначено определенное место для торговли и торговцам было запрещено выходить за форштат для покупки продуктов[4].

[1] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 189, 205.
[2] ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 4 об, 9 об, 11 об.
[3] Рапорт М. М. Ольшевского Н. Н. Раевскому от 3 сентября 1839 г. ЦГИАГ, ф. 1396, оп. 1, д. 69, лл. 9-9 об.
[4] То же от 29 февраля 1840 г. Там же, лл. 11-12.

Весьма интересен «Именной список промышленников в крепости Сухум-Кале», приложенный генералом Ольшевским к рапорту на имя Н. Н. Раевского от 3 сентября 1840 года. В этом списке среди «промышленников» и держателей лавок или духанов значится: лыхненский крестьянин Куаташь Лакоба трижды, как продавец и собственник лавок (очевидно, речь идет о трех лавках или духанах), а в одном случае сказано, что он торговал «съестными и питейными припасами»; крестьянин Семен Лабахуа, ведший торговлю в лавке Нико Хоперия; житель с. Река Шукония Пачулия, державший лавку и сам торговавший; лыхненокий дворянин Якуб Лакрба, также державший лавку и сам ведший торговлю «мелочными товарами и съестными припасами»; лыхненский крестьянин Бесирк Кирзма, в лавке которого торговал один келасурский житель[1].

С. Пушкарев видел, как «очемчирский базар каждое воскресенье наполняется женщинами-абхазками, продающими шелк-сырец и другие изделия рук своих и покупающими коленкор и ситец...»[2].

А. Н. Лаврентьев также писал: «В настоящее время все обороты внутренней торговли совершаются на немногих базарах, существующих в Сухум-Кале, Келасурах, Очемчирах и др. пунктах, куда туземцы приносят свежие плоды, домашнюю живность, звериные шкуры, немногие произведения сельских промыслов, пригоняют скот и проч. Предметами же покупки туземцев служат различные привозные товары... особенно соль и железо...»[3].

С. Смоленский, офицер сотни, стоявшей в Бамбора в июне 1859 года, свидетельствовал, что в первый же день их встретила целая толпа жителей соседних деревень, которые несли на продажу сыр, кур и яйца, причем отдавали десяток яиц за 2,5 коп. и курицу не дороже 10 коп. На следующий день посетителей явилось еще больше, тут были жители и других деревень; некоторые из них приходили «для продажи чего-либо»[4]. Причем, крестьяне продавали свои продукты преимущественно за деньги и в свою очередь покупали у русских лошадей, сено и т. д.

[1] Пушкарев С. Еще раз об Абхазии. «Кавказ», 1854, № 99.

[2] Там же.

[3] Лаврентьев А. Н. Указ. соч. – С. 110.

[4] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 9, 1872. – С. 151.

Смоленский подчеркивал при этом факт дружбы между русскими солдатами и абхазскими крестьянами. Последние в Бамборы приходили не только для торговли, «а больше так себе, вроде отдачи визита новым соседям», знакомиться; особенно молодежь привлекало любопытство посмотреть, как русские косят. Некоторые же лыхненские крестьяне говорили Смоленскому, что у них есть дети, крещенные по-русски; восприемниками их были фельдфебели, унтер-офицеры и их жены. Дружба иногда сопровождалась взаимными подарками; в частности, абхазские крестьяне приносили сыр, молоко, кур, яйца и пр.[1]

В начале 50-х годов в Сухуме временно проживало 85 крепостных крестьян (правда, большей частью, подданных мегрельского владетеля), которые занимались торговлей. В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии приводились следующие факты: жители ближайших к Сухуму сел привозили дрова на сухумский базар, а жители с. Лыхны – на гудаутский базар; «вообще сбыт дров в небольшом размере в духаны весьма обыкновенен... в Абхазии»[2]. «После введения в Абхазии непосредственного русского управления, – писал и А. В. Пахомов, – жители окружающих город Сухум селений, крестьяне князя Георгия Шервашидзе начали приносить на своих плечах в город на продажу не дрова, а пучки хвороста и валежника. Занимаются этой мелкой промышленностью преимущественно дети бедных крестьян». По мнению Пахомова, это было определенным «нарушением помещичьих прав»[3]. Еще более интересны сведения Пахомова о том, что в тех же селах после 1864 гота разведение огурцов и помидоров приняло довольно большие размеры, потому что крестьяне «нашли для себя выгодным сбывать эти овощи городским жителям»[4]. С. И. Пушкарев свидетельствовал, что абхазское население приносило на базары в Сухум, Келасури и Очемчиры кур, свежие фрукты, звериные шкуры, мед и воск[5].

[1] Смоленский С. Воспоминание кавказца. «Военный сборник», № 9 18/2. – С. 151, 154, 164–167; № 10. – С. 352.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1017, л. 69 об

[3] Там же, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 44.

[4] Пахомов А. В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 44.

[5] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ», 1854 № 61.

А. П. Введенский писал, что необходимое для продовольствия семейства крестьян количество орехов и каштанов оставлялось в запасе, а остальное сносилось на базары местечек Гудауты и Очемчиры, где эти продукты скупались и отправлялись в Россию[1]. Крестьяне на сухумском базаре сбывали разные фрукты (яблоки, груши, орехи, инжир, черешни, персики, сливы), а также ягоды (ежевику, барбарис, кизил). В больших размерах продавалась и местная мелкая хурма, которая вместе с тем являлась, по словам А. В. Пахомова, предметом огромного вывоза в Россию, где она служила лакомством «для простого народа» и шла на винокурение[2]. Шелк-сырец сбывался так же, «как и все продукты полевого и домашнего абхазского хозяйства», на базарах г, Сухума и местечек Гудауты и Очемчиры[3].

Эти и иные товары сбывались и на ярмарках, расположенных за пределами Абхазии, что является очень важным примером для характеристики факта втягивания края в общий процесс товарооборота. С. Броневский указывал, что абхазский мед сбывался в разных местах Грузии и на Кавказской линии[4]. Подполковник Арцруни в 1836 году в записке об учреждении ярмарок в некоторых местах Закавказья, участие Абхазии в кутаисской ярмарке считал вполне определенным[5]. А Г. В. Розен в своем отношении тайному советнику Блудову от 21 февраля 1837 года сообщал, что в Сенаки ярмарка начиналась в июне и продолжалась целую неделю; на нее съезжались жители из разных мест, в частности, из Абхазии. «Главный торг» производился лошадьми и скотом, а также местными шелковыми, бумажным, шерстяными произведениями и сукном[6]. Г. И. Радде в 1865 году говорил о «возвращавшихся с зугдидского базара» жителях южной части Абхазии, а также о «постоянных торговых сношениях цебельдинцев с карачаевцами»[7].

Выше мы говорили об определенном, хотя и весьма медленном развитии, происходившем в жизни г. Сухума по линии торговли. Из

[1] ССКГ, в. VI. – С. 20.
[2] Пахомов А.В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 57.
[3] ССКГ, в VI, 1872, отд. III. – С. 19.
[4] Броневский С. Указ. соч. – С. 329.
[5] АКАК, т. VIII, ч. 1. – С. 182.
[6] Там же. – С. 183.
[7] Радде Г. И. Указ. соч. – С. 18.

этой последней области в данном случае интересно заметить, что если к моменту упразднения Абхазского владетельства в Сухуме насчитывалось 24 купца, то к исходу 1868 года их было уже 66 чел.; из них «лица, принадлежащие к местному купеческому сословию», составляли 29 чел., мелкие торговцы – 12 чел.[1] Еще М. А. Селезнев сообщал, что среди «вольнопромышленников» Сухума и « абхазцы имеют... свои лавки и убежища»[2]. Д. З. Бакрадзе в 1865 году писал о том, что самурзаканцы по всей Абхазии открывают духаны, «в которых занимаются куплею и продажею»[3]. Акапскнй князь Чапияк Маршания в апреле 1869 года сообщал Святополк-Мирскому, что он начал «заниматься коммерческими делами» с сухумскими жителями[4].

Таковы были ближайшие последствия присоединения Абхазии к России в рассматриваемой области.

Однако необходимо подчеркнуть следующее. Первые зачатки развития капитализма, капиталистические тенденции мелкотоварного производства в Абхазии, проявлявшиеся особенно перед реформой, имели подчиненное значение. Приведенные данные, далеко не опровергают факта господства здесь натурального хозяйства, соединенного с домашней промышленностью, составляющей основу феодального способа производства, а свидетельствуют лишь о некоторых элементах подрыва натуральной экономики. Сфера применения наемного труда была очень ограниченной. Феодалы, не ведя крупного хозяйства, почти не были связаны с рынком и обходились трудом подвластных крестьян и рабов.

Торговля, развивавшаяся в рамках феодального режима, обслуживала этот режим и способствовала усилению эксплуатации крестьян и являлась формой реализации части прибавочного продукта, создававшегося последними. Подобного рода торговля отнюдь не выражала отношений капиталистического производства. Приведенные выше факты указывают лишь на некоторое развитие зачаточной формы товарного производства, как составной части феодального способа производства.

[1] «Кавказский календарь на 1870 год». – С. 415.
[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 205.
[3] ЦГИАГ, ф. 493, оп. 1, д. 96, л. 12 об.
[4] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1. 1866 г., д. 24, л. 25.

* * *

Как мы видели, присоединение Абхазии к России, в которой шел процесс капиталистического развития, втянуло хозяйство в новое русло экономического развития, способствовало развитию социально-экономической жизни, создало почву для более высоких форм общественно-производственных отношений. Однако создание действительных стимулов для дальнейшего развития производительных сил было связано с крестьянской реформой, несмотря на ее ограниченный характер.

Крестьянская реформа в Грузии была проведена разновременно. В октябре 1864 года был издан указ и в начале ноября опубликован закон об отмене крепостного права в Тифлисской губернии. В октябре 1865 года «Местное положение, для Тифлисской губернии с некоторыми изменениями было распространено на Кутаисскую, а на Мегрелию – в декабре 1866 года. В Абхазии крепостное право было ликвидировано в 1870 году, в Сванетии – в 1871 году.

Подготовка к крестьянской реформе в Абхазии, прерванная восстанием 1866 года, официально возобновилась в 1967 году. Была учреждена Сухумская сословно-поземельная комиссия, которая продолжала свою работу до 1876 года, когда она была переименована в «Поземельную комиссию». Однако, в первый период своей деятельности комиссия должна была закончить описание недвижимого имущества бывшего владетеля Абхазии М. Г. Шервашидзе, начатое еще в 1865 году комиссией генерала Е. Понсэ. Лишь после окончания этих работ, которые послужили впоследствии основанием для определения вознаграждения и пенсии наследникам князя М. Г. Шервашидзе. Сухумская сословно-поземельная комиссия приступила к сбору сведений, необходимых для разработки основных положений крестьянской реформы. К этому времени общее положение в Абхазии стало настолько напряженным, что дальнейшая затяжка проведения реформы была признана нецелесообразной. Крестьяне отказывались выполнять лежащие на них повинности в пользу помещиков, были случаи захвата помещичьих земель и т. д.[1]

[1] Олонецкий А. А. Крестьянская реформа 1870 г. в Абхазии. «Труды» Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, XXV. Сухуми, 1954. – С. 154.

Результаты своей работы и свои предложения Сухумская сословно-поземельная комиссия направила в Комитет по освобождению зависимых сословий среди горских племен Кавказа. В комитет для дачи сведений были приглашены представители абхазских князей и дворян.

В процессе обсуждения вопроса в комитете возникли разногласия по поводу определения прав абхазских феодалов, претендовавших на признание за ними полного права собственности на все крестьянские земли и на признание всех крестьян их крепостными. Эта тенденция, свое наиболее яркое и обобщенное отражение нашла в докладной записке депутатов абхазского дворянства от 23 марта 1870 года[1], представленной в комитет, в которой помещики стремились склонить правительство применить здесь те же положения, которые были выработаны для районов Грузии, где крепостнические отношения были значительно сильнее, чем в Абхазии.

Однако стремления представителей дворянства Абхазии не встретили сочувствия у большинства членов комитета. Право собственности на крестьянские земли, а также на земли еще не расчищенные, не было признано за помещиками. Одобрение получила только их претензия на выкуп личных услуг крестьян. Такое решение было продиктовано изменившимся отношением царского управления к высшим сословиям Абхазии, которые не казались более твердой опорой для царизма. Но это нисколько не изменило помещичьего характера подготавливаемой реформы. Решающую роль в непризнании царизмом права собственности помещиков на крестьянские земли, играло стремление правительства получить в свое распоряжение значительный земельный фонд для будущей колонизации Абхазии[2].

Разработанное комитетом «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе»[3] было, по докладу военного министра Н. А. Милютина, утверждено императором Александром II 8 ноября 1870 года и объявлено 19 февраля 1871 года. Как видно из самого названия, «Положение» затрагивало две стороны быта крестьян: личную зависи-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 38–45.
[2] Там же. – С. 155–156.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 12, 1868 г., д. 74, лл. 39–42.

мость и поземельные отношения. Одновременно было объявлено распоряжение императора об отпуске из государственного казначейства 400 тыс. рублей для выдачи «владельцам в виде пособия при настоящем переходном состоянии от старого порядка вещей к новому»[1]. В 1871–1874 годах в развитие «Положения» от 8 ноября был издан ряд инструкций и правил[2].

«Положение» о крестьянской реформе установило для крестьян за их освобождение от крепостной зависимости определенный выкуп в пользу помещиков, до уплаты которого крестьяне оставались на положении «временнообязанной службы». Размеры выкупных платежей и размеры «временных» повинностей определялись объемом тех повинностей, которые лежали ка крестьянах до реформы и которые они должны были выкупить.

Согласно «Положению», все крестьянские категории должны были отбывать своим владельцам в течение четырех лег службу, работу и другие повинности или взамен этого уплачивать владельцам особую выкупную плату. Так, выкупная плата анхаю составляла 54 руб. 60 коп. Крестьяне ахоую были обязаны внести вьжупную плату за полевую работу, в зависимости от количества выставлявшихся работников, от 40 до 126 руб. с дыма, а за повинность приготовления для стола владельца пищи – 40 руб. и 20 руб. в качестве «выкупа от двухлетнего отбывания повинности отдавать мальчика в услужение». Ахашвала уплачивали за освобождение, в зависимости от пола и возраста, от 50 до 120 руб.; амацуразку – от 40 до 120 руб. с дыма. Чтобы яснее себе представить тяжесть выкупных платежей для крестьян достаточно указать, что в то время стоимость коровы в Абхазии не превышала 10 рублей.

За всем населением Абхазии закреплялись усадьбы и полевые наделы. Однако размеры этих наделов были не одинаковы. Земли, передаваемые крестьянам после реформы, были объявлены их собственностью по норме от 2 до 7 десят., в зависимости от количества душ в дыме.

[1] (Краевич П. А.). Освобождение зависимых сословий в Сухумском отделе (Абхазии и Самурзакани). ССКГ, в. V, 1872, отд. III. – С. 53.

[2] Антелава И. Г., Дзидзария Г. А. и Олонецкий А. Л. Из истории крестьянской реформы в Абхазии. «Исторический архив», V. М.–Л., 1950. – С. 397.

Князьям и дворянам наделы отводились в зависимости от числа подвластных им до реформы анхаю – по 2 участка за каждый дым. Таким образом, правительство фактически признавало право собственности абхазских помещиков на принадлежавшие крестьянам земли. Им отводились, кроме того, особые земельные участки от 25 до 250 десятин на каждую семью. Наделы помещиков увеличивались также за счет прибавки определенного количества десятин за каждый чин и орден, полученный на царской службе. Так, князю Манучару Анчабадзе было отведено 201 десят., в том числе: по числу анхаю – 46 десят., по распоряжению кавказского наместника – 125 десят. и за чин подпоручика – 30 десят. Князь Зураб Чхотуа получил 636 десят., сыновья владетеля Абхазии Георгий и Михаил Шервашидзе – по 850 десят., князь Г. Д. Шервашидзе – 6.000 десят., князья Самсон и Прокопий Шервашидзе – 4. 125 десятин[1].

По официальным статистическим данным, из общего количества 308.036 десят. обрабатываемой земли в Абхазии, 58.569 душ крестьян получили 191.783 десят., а 2.245 душ князей и дворян – 100.093. Таки образом, «для надела простого класса, составлявшего 96,3% всего населения, употреблено 62,2% всей культурной полосы, или 3,1 десят. на душу; для надела же привилегированного класса, составляющего 3,6% всего населения, употреблено 32,4% всей культурной полосы, или по 47,2 десятины на душу. Остальные 5,4% культурной полосы остаются свободными»[2]. В приведенных данных в число населения «простого класса» вошли й переселенцы, которые получили значительно большие наделы, чем коренное население. Это подняло средние показатели крестьянских наделов, фактически же абхазские крестьяне получили еще меньше земли.

Следовательно, большая часть земель, которыми пользовались крестьяне, отошла к помещикам, т. е. абхазское дворянство, говоря словами документа, было обеспечено «материально относительно очень широко»[3].

Вот как характеризовали сами крестьяне положение, в которое поставила их реформа. 22 мая 1881 года депутаты крестьян селе-

[1] Олонецкий А. А. Крестьянская реформа в Абхазии. – С. 161.

[2] Из отчетов за время с 1878 по 1881 г. «Кавказский календарь на 1833 год». Тифлис, 1882. – С. 247.

[3] ЦГИАГ, ф. 231, д. 319, лл. 1–5.

ний Бармыш, Звандрипш, Джирхва и Дурипш (Гудаутский участок) писали на имя начальника Пицундокого округа: «При отмежевании поземельных наделов лицам привилегированного сословия, к несчаетиям нашим, обработанные нами и нашими предками места, и также виноградный и фрук-товый сады и все ближайшие к нашим саклям места для посевов кукурузы отошли в надел привилегированным лицам, коими до сего времени обеспечивали себя и свои семейства»[1].

Группа крестьян в заявлении от 7 ноября 1882 года наместнику Кавказа, по уполномочию 1.500 крестьянских дворов селений Гали, Чубурихинджи и Гудава (Самурзаканский участок), жаловалась, что поземельная комиссия «земли и угодья, в продолжение веков занимаемые крестьянами, отвела в собственность князьям, а крестьянам отвела, до которых не касались руки и труд человека. Мало того, что этим несправедливым действием лишила нас труда удобренных пахотей и лугов, но к вящему отягощению нашего положения... в границы участков, отведенных князьям, включила во многих местах: дома, виноградные сады, усадьбы и даже церкви и мельницы наши...»[2].

В жалобе от 4 октября 1882 года указанные крестьяне также говорили: «Мы поставлены от всего этого в такое положение, что не можем уже существовать, потому что усадьбы наши, сады, дома, пастбища и все, чем мы жили и существовали, все это отдано высшему сословию, даже дороги к водопою, доступ к морскому берегу и лучшие пахоты взяты от нас и отданы дворянам, которые начали уже обращаться с нами, как с своими крепостными людьми, требуя с нас нлагы за пастьбу скота и пользование лесом...»[3].

Проведение крестьянской реформы в Абхазии затянулось вплоть до 90-х годов, вследствие чего, как отмечал один царский чиновник, «больше всех страдает... беднейшая часть населения, которая не успела занять земли в размерах, необходимых для пропитания своих семейств»[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 2412, л. 10. Л. М. Дзидзигури. Крестьянская реформа в Абхазии. Автореферат кандидат. диссертации. Тбилиси, 1953. – С. 22.

[2] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, лл. 16 об - 17.

[3] Там же.

[4] Там же, ф. 416, д. 1031, л. 4.

Другая, не менее важная реформа – земская, проведенная в России, вовсе не была введена в Грузии, а судебная реформа была лишена почти всех основных черт, придававших ей в России прогрессивный характер. Мировые судьи не избирались, а назначались правительством из царских чиновников. Еще более узкий и ограниченный характер носили реформы и преобразования, проведенные в области народного образования, городского самоуправления и административного устройства края[1]. Причем, например, городская реформа 1870 года в Кутаисе и Батуме была проведена в 1888 году, в Сухуме лишь в конце 90-х годов, а в некоторых других городах – еще позже[2].

Тем не менее, в Грузии и Закавказье, в том числе и Абхазии, экономическое развитие в пореформенную эпоху пошло довольно быстро.

В. И. Ленин считал крестьянскую реформу 1861 года важным этапом в истории России, ознаменовавшим переход от феодально-крепостнических порядков к капиталистическим. В статье «По поводу юбилея» отмечается, что реформа была «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»[3].

В. И. Ленин в своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» указывал на две стороны развития капитализма в пореформенной России, а именно: «Развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, – и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»[4].

Именно эта вторая сторона развития капитализма в России, внутренне неразрывно связанная с его первой стороной, имела громадное прогрессивное значение для экономического развития окраин России. Следствием этого процесса развития капитализма в России вширь, являлось постепенное включение экономических окраин России в общероссийское общественное разделение тру-

[1] Чхетия Ш. Буржуазные реформы в Грузии. «Документы по истории Грузии (1862 -1917)», т. I, ч. I. Тбилиси, 1954. – С. LI V–LV.

[2] Там же. – XLVIII.

[3] Ленин В. И. Соч., т. 17, изд. 4. – С. 88.

[4] Ленин В. И. Соч., т. 3, изд. 5. – С. 595.

да и в общероссийский рынок, создаваемый развивающимся промышленным капитализмом в России.

Вместе с тем русский капитализм втягивал эти окраины, в том числе и Кавказ, в мировое товарное обращение[1]. В. И. Ленин указывал, что «только благодаря тесной связи с внутренним и внешним рынком могло идти так быстро экономическое развитие этих местностей...»[2].

Происходил рост населения Абхазии, который к 1 января 1876 года составлял уже 78.785 чел.; по сравнению с 1868 годом оно увеличилось на 8.535 чел. или на 13,1 %[3] . Рост населения края происходил в основном за счет возвращения махаджиров, а также переселения крестьян из Мегрелии и других, районов Западной Грузии и колонистов.

Наблюдался дальнейший рост товарности сельского хозяйства. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман в отчете за 1874 год отмечал стремление абхазского населения к развитию сельскохозяйственных производств. «С каждым годом посевы кукурузы и чалы увеличиваются и благосостояние населения улучшается»[4]. В отчете за 1875 год он также писал о том, что поля обрабатывались «в большем размере, чем в предыдущие годы. Последнее указывает на развитие в крае земледельческого труда, проникающего с каждым годом все более и более в среду туземного населения и благодатно действующего на его нравы и обычаи»[5].

«Табаководство в 1874 году усилилось значительно и плантации стали разводить даже по округам Сухумского отдела,, так что теперь в Сухуме около года уже существует табачная фабрика»[6]. Сухумский табак «приобрел известность, не говоря о плантациях под самим Сухумом, возделываемых турками по найму от владельцев санитарных участков; в крае многие из абхазцев стали делать посевы табаку лучших сортов и партии табаку появились было на рынках в Гудаутах и в особенности в Очемчирах. Из сведений 1873 года видно, что производство табаку в том году достигло цифр: в

[1] Ленин В. И. Соч., т. 3. – С. 594.
[2] Ленин В. И. Соч. т. 3. – С. 253–254.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79–116.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 3-40.
[5] Там же, лл. 79–116.
[6] Там же, лл. 3–40.

Очемчирском округе 650, а в Пицундском до 1.000 пуд.» Правда, с открытием действий акцизного управления развитие табаководства временно почти прекратилось[1].

Отчеты говорили о развитии огородничества. Например, дача полковника А. Н. Введенского, который применял «знание дела по ведению хозяйства на пользу практического труда», сделалась «как бы главным рассадником всех садовых и огородных произведении лучшего качества». Жители имели возможность получать всегда свежие и в достаточном количестве овощи с дачи Введенского, в особенности разных сортов капусту, которой «у него было в изобилии». Он еще «в огромном количестве продал таковой торговцам в другие местности»[2].

Были выписаны «улучшенные виноградные лозы», которые «разбирались населением с жадностью». К начальнику Сухумского отдела даже поступили жалобы на то, что начальниками участков лозы были розданы не всем желающим. «Большие размеры» стало принимать (в 1875 г.) добывание водки из лесных фруктов[3].

Были выписаны также «улучшенные плуги» и розданы «выдающимся хозяевам». Лица, получившие их, «были довольны ими». Через садовника Сухумского акклиматизационного сада они были ознакомлены с устройством и употреблением плугов и обязались не только употреблять их, но и «ознакомить с ними рабочих и соседей и снабжать ими последних, если кто того пожелает»[4].

Происходило дальнейшее развитие Сухума. В 1874 году население города дошло до 1.161 чел. К началу 1872 года в Сухуме имелось 2 кирпичных и 1 искусственного льда «заводов» и 2 мельницы[5]. Так описывал состояние Сухума в 1873 году М. Владыкин: «Дома большей частью одноэтажные и турлучные... На пристани на террасе разведен порядочный садик, из которого прекрасный вид на гавань. Дома на пристани многоэтажные и заняты лавками... Самое замечательное в городе – это городской Воронцовский сад. Вообще же город имеет довольно чистенькую наружность. Окрестные горы

[1] Отчет начальника Сухумского отдела за 1875 г.
[2] То же за 1874 г.
[3] Отчет начальника Сухумского отдела за 1875 г.
[4] Там же.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, д. 574, лл. 4–10.

мало-помалу занимаются загородными домами и дачами, около которых разводятся сады и виноградники». Имелась двухэтажная деревянная гостиница «Тифлис»[1].

Усилилось морское сообщение. Пароходы Русского общества пароходства и торговли останавливались на Сухумском рейде 8 раз в месяц. Торговля приняла более обширные размеры. Особенно в больших размерах вывозилась кукуруза, что было обусловлено низкими ценами на нее (в деревнях – 30–35 коп. за пуд, в г. Сухуме – 70–75); турецкие и греческие торговцы получали от сбыта кукурузы громадные барыши. Кукурузы было вывезено из Абхазии в 1872 году через Очемчиры – 336.450 пуд., через Сухум – 109.302 пуд.; в 1873 году через Очемчиры – 260.460 пуд., через Сухум – 167.211 пуд.[2]; в 1875 году– 127.043 пуд. Кроме того, в том же 1875 году было вывезено клепок дубовых – 1.090.000 штук, кож невыделанных – 689 штук и т. д., всего – на сумму 89.278 руб.

Ввоз товаров шел преимущественно из России. Так, в 1875 году в Очемчирский округ из России было завезено товаров на 58.728 руб., а из-за границы – только на 14.841 руб. В 1874 году по Абхазии было выдано 214 свидетельств на право занятия торговлей, в 1875 году – 190[3].

Развитие торговли тормозилось в значительной степени бездорожьем. Но это обстоятельство, а также сохранение в абхазской деревне после реформы докапиталистических отношений, не могли приостановить развития в ней товарно-денежных отношений.

Промышленная продукция в 70-х годах еще почти не выводилась. Но кустарная промышленность была достаточно хорошо развита и ее продукция частично вывозилась из края. В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год отмечалось, что приготовлением бурок «в особенности славятся в Очемчирском округе селения: Гуп и Джгерды». Бурки приготовлялись не только «для домашнего употребления», но и для продажи[4].

В Абхазии имелись табачная «фабрика» и мелкие предприятия лесной промышленности. Возрос интерес и к полезным ископаемым, в частности к каменному углю в Бзыбском ущелье. В поисках этого угля участие принимали местные помещики и крестьяне.

[1] Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874. – С. 482–484.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 3–40, 79–116.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79–116.

[4] Там же, лл. 3–40.

Однако русско-турецкая война 1877–1878 годов не только еще больше затянула проведение крестьянской реформы, но вновь отбросила назад народное хозяйство Абхазии, ставшей ареной ожесточенных военных действий. 29 апреля 1877 года турки высадили десант в количестве 2 тыс. человек вблизи Гудауты, а 2 мая начали бомбардировку Сухума и к вечеру заняли город, который предали огню. Сдача Сухума была вызвана крайней нерешительностью командующего Сухумским отрядом генералом Кравченко. Не приняв в свое время нужных мер, он отдал приказ об отступлении, и турецким войскам удалось с незначительными силами занять почти половину Абхазии, где они продержались 3/2 месяца.

Относительно этой операции Ф. Энгельс замечал, что «высадка в Сухум-Кале (каковы бы ни были ее действительные прямые результаты) вполне, по-видимому, достигла своей цели: удержать почти половину Кавказской армии на самом Кавказе»[1].

Буржуазные военные историки з большинстве случаев стремились свались неудачи русских войск в Абхазии на местное население и тем оправдать действия некоторых бездарных царских генералов. Однако военный министр России Д. А. Милютин справедливо замечал: «...Видно одно – неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем, так и в помощнике его, князе Мирском. Оба они только видят одни затруднения, жалуются на недостаточность сил (теперь на Кавказе всего до 212 тыс. человек) и, как по всему видно, помышляют более о самосохранении, чем о решительных действиях в Азиатской Турции»[2].

Что касается местных жителей, то многие из них принимали активное участие в военных действиях на стороне русских войск. В Самурзакано, в частности, были сформированы целые сотни, и так называемая «Самурзаканская милиция» особо отличилась. Активно действовала сотня милиции дальского князя Алмахсита Маршания. Отличались и отдельные абхазские офицеры и крестьяне. Можно отметить имена начальника кавалерии соединенных отрядов гвардии полковника Георгия Шервашидзе, гвардии полковника Михаи-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXIV. – С. 475.

[2] Дневник Д. А. Милютина. 1876–1877. Том 2. М., 1949. – С. 167.

ла Маршания, поручика Бата Эмухвари, прапорщиков Ивана Шервашидзе и Куджмахана Маргания и других.

Сын псырцхинского крестьянина Алексей Ладария, принимавший участие в рядах русской армии, был награжден георгиевским крестом и медалью «За храбрость», а также представлен в офицеры[1]. Был награжден и лыхнинский крестьянин Хасан Пилия. Активное участие принимал другой лыхнинский крестьянин – Цгу Дзугу-ипа. Он, между прочим, вел агитацию среди населения – призвать на помощь полковника Шелковникова, отряд которого шел со стороны Гагр[2]. Медалью «За войну 1877–1878 гг.» был награжден гупский учитель Виссарион Инал-ипа[3].

Официальные источники и участники событий часто отмечают хорошее отношение абхазского населения к русским войскам. Так, лыхнинские крестьяне навстречу к Шелковникову послали делегацию – Даута Хикуба и Хасана Пилия, которая от имени населения заявила полковнику: «Если ты идешь для (освобождения) народа, то иди быстрее, если же идешь для (ради) земли, то можешь придти и через пять лет». Записка об этом была свернута в трубку и вложена в просверленное древко кнута[4].

Через некоторое время отряд Шелковникова прибыл в с. Лыхны и расположился вдоль поселка Адзлагархуку. Русский отряд был встречен крестьянами весьма радушно; они приносили солдатам вино, мясо и другие продукты[5]. Официальный материал об этом сообщает: «Жители окрестных аулов, абхазцы, выказали самое дружественное отношение к войскам, пригоняя к ним скот, принося целые ведра вина и угощая фруктами»[6]. Генерал Кармалии также отмечал, что «лыхнинское население с восторгом приветствовало возвращение из Гуудаут в лагерь войск наших, очистивших в этот день от турок... всю местность до сел. Аацы...»[7]. Население в ряде

[1] Ладария И. На заре моей жизни. «Исторический вестник», т. XL, VI, октябрь 1891 г. – С. 118.

[2] Арх. Абхазского института им. Д .И. Гулиа, ф. 1, д. 92, лл. 66–67.

[3] «Памятная книга Кавказского учебного округа». Тифлис, 1879. – С. 335.

[4] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, лл. 66–67.

[5] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, лл. 66–67.

[6] «Война 1877 1878 гг., т. III. Война в Азиатской Турции». Под ред г.-м. Зыкова. Вып. I. СПб, 1882. – С. 223.

7 «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг...» VII, ч. 2. Тифлис, 1911, Особое приложение. – С. 300.

случаев помогало русским войскам чинить мосты и дороги, переправляться через реки и труднопроходимые места, снабжаться продовольствием и т. д.

Таким образом, абхазы вместе с братским грузинским народом вносили свою лепту в общее дело победы русского оружия. Надо сказать, что в этой войне грузинский народ сыграл важную роль. Грузинские части в боях с врагом покрыли себя славой. Георгий Церетели отмечал: «Шефкет-паша ясно увидел, что из Сухума не пропускают его дальше те же самые грузины, на которых он рассчитывал. Только что сформированные полки из грузин, дивизионы и милиция не выпускали его из Сухума, и разочарованному Шефкет-паше нечего было делать в Сухуме – он должен был удалиться восвояси»[1]. Народ оказывал материальную и моральную помощь русским войскам. Ему была дорога победа России в деле освобождения угнетенных султанской Турцией Закавказья и Малой Азии[2].

С отступающими русскими войсками уходила часть населения Абхазии, бросая все свое имущество. «Вся эта масса народа, – сообщал кутаисский губернатор в Кавказский комитет, – лишена имущества и осталась при одном носильном платье; долгое скитанье, сопровождающееся всевозможными лишениями, породило между ними болезни»[3].

Турецкие войска превращали в развалины захваченные районы. Начальник Кавказского горского управления генерал Комаров докладывал главнокомандующему Кавказской армией (23 августа 1878 г.): «Минувшая война, разорив и опустошив Сухумский отдел, причинила громадные имущественные убытки и почти все достояние граждан исчезло под огнем и топором неприятеля»[4]. Только по представленным заявлениям частных лиц, потери их недвижимого и движимого имущества оценивались свыше 1.600 тыс. рублей[5].

«Турки жгли русские, болгарские и греческие поселки и аулы непокорявшихся им абхазцев... Обширные поля маиса, засеянные

[1] Церетели Г. Письма с Кавказа. «Голос», 26 октября и 5 декабря 1877 г.

[2] См. Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми, 1955 г.

[3] ЦГИАГ, ф. 5, оп. 2, д. 4148, л. 33.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, д. 818, лл. 5–15.

[5] Там же, л. 13.

еще до войны, прекрасные сады и виноградники были или уничтожены, или не находилось более рук для уборки их»[1].

Вот как описывал очевидец состояние Сухума после изгнания султанских войск: «...Вид Сухума был плачевен. Турки окончательно разрушили его и одни лишь остовы каменных строений торчали как памятники варварства. Они уничтожили в городе все деревья и даже ботанический сад, которым так гордился Сухум и который привлекал к себе немало путешественников. Повсюду валялись обломки домов, разбитая мебель, вьючные седла, арбы, а на самой набережной – несколько трупов абхазцев, связанных по рукам; эти несчастные жертвы турецкой мести лежали навзничь, распухшие, обезображенные, издавали сильное зловонье... Все окрестности города и весь берег моря были покрыты массою трупов рогатого скота, лошадей и овец, с содранными шкурами; множество скота живого, также без шкур, издавало рев и мычание, пока не теряло последние свои силы и не издыхало тут же; многие же из них были с выколотыми глазами. Трупов этих насчитывали до 10.000[2]... Вследствие этой заразы войска наши не входили в Сухум и его посещали одни лишь волки да мародеры. В добычу нам досталось более 50.000 голов рогатого скота, частица которого была роздана между войсками, а остальная львиная часть досталась «львам»[3]. «Во всех речках и родниках, с целью заражения воды, навален убитый скот»[4]. Даже в начале XX века, по свидетельству С. Васюкова, в Сухуме «разрушения и поросшие травой и деревьями стены домов до сих пор производят угрюмое впечатление среди жилых построек и правильных широких улиц города»[5].

Турки сосредоточили свои силы в районе Сухума, «забрали к себе всех абхазцев, скот, словом – все, что только можно было забрать в Сухумском крае, и поспешно старались отправить все это

[1] «Война 1877–1878 гг.», т. III, в. I. – С. 227.

[2] Число остатков трупов в Сухуме и его окрестностях доходило до 1.327, хотя «даже при самом тщательном обозрении местности, естествен¬но, не все они могли быть замечены и сосчитаны» (ЦГИАГ, ф. 416, д. 818, лл. 5–15).

[3] Крыжановский М. Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 г. Рукописи, отд. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Шифр F IV. 837, л. 59 об; см. также «Война 1877– 1878 гг...», т. III, в. I. – С. 227.

[4] «Тифлисский вестник», 1878, № 13.

[5] Васюков С. Край гордой красоты. СПб., 1903. – С. 174.

в Турцию...»[1] 19 августа в Келасури было отобрано у противника до 3 тыс. голов рогатого скота. На море, у устья р. Келасури, «кипела лихорадочная деятельность турок, которые, видимо, спешили окончить нагрузку судов переселенцами и разной добычей, награбленной в Абхазии. С такой добычей суда ежедневно отправлялись в Турцию, и теперь вывозились остатки...»[2].

Территория между реками Кодор и Галидзга «представляет уже значительные следы опустошения: м. Очемчиры уничтожено дотла, в большей части общин, церкви, школы и общинные дома разграблены и уничтожены...»[3]. В официальных современных документах часто встречаются сообщения вроде: «Деревня Меркула была сожжена»[4]. То же самое было и в Бзыбской части Аохазии, побережье которой было обращено в пустыню.

Войска султанской Турции варварски уничтожали памятники материальной и духовной культуры. Они сожгли и разграбили 34 церкви, входящие в Сухумскую епархию. Сожжено было, например, помещение Ешерской церкви, а ризы, богослу. жебные книги и церковные документы разграблены. На восстановление разрушенных церквей в Абхазии в 1884 году правительством было отпущено 34.000 руб. Был разрушен и Пицундский храм – один из древнейших памятников христианской культуры. Стоимость восстановления этого храма была определена в 4.500 руб.[5]

Но самым тяжелым последствием войны для Абхазии было выселение части ее населения в султанскую Турцию (махаджирство), о чем подробно будет сказано ниже. В результате этого, население Абхазии в 1877 году сократилось почти в два раза. Абхазских переселенцев постигла трагическая судьба. Оставшиеся на родине также оказались «в большом затруднении и сетовании. У них ни крова, ни пищи; они совершенно разорены турецкими войсками. Их дома и все жизненные припасы – кукуруза, гоми, просо были преданы огню турецкими войсками; весь скот, домашнюю утварь и одежду они увезли с собой»[6]. В свою очередь, царские войска

[1] «Война 1877–1878 гг.», т. III, в. I. – С. 224.

[2] Там же. – С. 226.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, лл. 40–49.

[4] «Война 1877–1878 гг.», т. III, в. I. – С. 219.

[5] Мегрелидзе Ш. В. Указ. соч. – С. 79–80.

[6] Дроеба, 24 мая 1878 г., № 100.

свой приход ознаменовали рядом жестоких поступков – сжигались целые села (Джгерда и др.), реквизировался скот сотнями и тысячами голов и т. д.

Хотя, как мы увидим дальше, выселение населения в Турцию носило, в основном, насильственный характер, царское правительство, осуществляя колониальную политику, большинство коренных жителей Абхазии объявило «виновными», нелояльными (по отношению к царизму) и свыше 30 лет абхазские крестьяне считались «временными жителями» родной земли[1]. Этим крестьянам было запрещено селиться в приморской зоне – ближе чем за 7 километров от берега моря и решено было их «сгруппировать по усмотрению местной администрации» в предгорье[2].

Одновременно были внесены изменения в «Положение» о крестьянской реформе. Крестьянам земли отводились в гораздо меньшем размере, чем по первоначальным предположениям и не в собственность, а в «пользование». В соответствии с «Инструкцией учреждениям Сухумского округа для окончательного устройства населения оного в поземельном отношении», утвержденной главноначальствующим на Кавказе князем Дондуковым-Корсаковым в 1865 году[3], состав семей крестьян, подлежавших наделению землей, должен был исходить из переписи 1879 года, а «вновь образовавшиеся, с тех пор семейства в расчет не принимаются». Другими словами, махаджиры, вернувшиеся после указанной даты, обрекались на полное безземелье: они должны были арендовать землю. И действительно, «в округе, – писал впоследствии начальник Сухумского округа, – имеется много абхазских семей из числа выселившихся в Турцию, не имеющих вовсе земли и живущих или на арендном праве, или захватным порядком на казенных землях»[4].

Абхазские крестьяне после завершения реформы получили всего лишь 112,1 тыс. десят. или менее 2 десят. на душу, князья и дворяне – более 100 десят. на семью (сюда не входят дополнительные наделы)[1]. К началу лее XX века распределение земли в Абхазии представлялось в следующем виде[2]:

Абхазские князья и дворяне . . .. . 97.394 га
Прочие помещики……. 34.283 га
Церкви и монастыри……. 4.739 га
Крестьянство…….. 71.000 га

Поскольку, землеустройство внутри сел проведено не было и земли по реформе отводились общине в целом, то числившиеся членами общины кулаки и помещики – «наиболее сильные и влиятельные члены общества, а особенно лица привилегированного сословия бесконтрольно воспользовались своею силою и влиянием в явный ущерб остальным»[3].

«Свободный поселянин» в Абхазии был не только отдан в экономическую кабалу помещику (малоземелье, аренда и т. д.), но и оставался лично зависим и так же, как до реформы, подвергался «внеэкономическому принуждению» со стороны своего бывшего владельца.

Кроме того, за пользование лесами и пастбищами, которые были переданы казне, крестьяне должны были уплачивать определенные сборы государству или помещику и кулаку, бравшим эти угодья в аренду у правительства. За пользование данной крестьянину в надел землей он обязан был платить «оброчную подать». По данным казенной палаты, в Абхазии в «общинах и поселянских сельских обществах» было 67.064 десят. земли, за которую крестьяне уплачивали ежегодно нало-гов и сборов 75.116 руб. 20 коп. Крестьянских земель, приобретенных в собственность по частным сделкам, было 3.368 десят., за которые крестьяне уплачивали 589 руб. 64 коп. налогов[4]. Крестьяне обязаны были также выполнять «мирские повинности», т. е. взыскивались средства на содержание церквей, ремонт дорог, постройку церквей, школ и т. д.

---

[1] Басария С. Забытый край. К 100-летию со дня покорения Абхазии (1810–1910). «На Кавказе», т. II, №№ 7–8. Екатеринодар, 1910. – С. 297.

[2] ЦГИАГ, ф. 231, д. 230, лл. 120–154.

[3] ЦГАА, ф. 58, д. 14, л. 1.

[4] ЦГИАГ, ф. 40, д. 899, лл. 50–56.

[1] Олонецкий А. А. Крестьянская реформа в Абхазии. – С. 170–172.

[2] Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932. – С. 38.

[3] Отчет о состоянии Сухумского округа за 1904 г. ЦГИАГ, ф. 229, оп. 2. д. 50, л. 7.

[4] «Кавказский календарь на 1907 год». Тифлис, 1906, II отд. – С. 21.

Чрезвычайно тяжелое положение крестьян, еще более ухудшилось под бременем налогов и податей, которые за 40 лет (1865–1901) гг.) выросли на Кавказе в 15 раз. Особенно обременительными были налоги в Грузии, где они составляли ежегодно 5.570.000 рублей[1]. В Абхазии, в частности, крестьяне ежегодно уплачивали:

а) Сбор взамен отбывания воинской повинности – 24.000 руб.

б) Поземельный общинный налог – 25.000 руб.

в) Земский поземельный сбор – 100.130 руб.

Крестьяне подвергались насилиям и произволу помещиков и царских чиновников, вымогавших у них взятки, «подарки» и т. д. Они были обязаны содержать стражников, солдат, лесных объездчиков, разъезжающих чиновников и т. п.[2].

На основании «Положения о сельских обществах и их общественном управлении» 1867 года[3] в пореформенной Абхазии действовала сельская община, преследовавшая фискальные и административные цели. В Абхазии, как отмечалось, не было земельных переделов, землевладение фактически было участково-подворным и лишь имелись общественные выгоны и леса[4]. Общины создавались по территориальному принципу, им по крестьянской реформе отводились земли, но без наделения отдельных хозяйств.

После проведения крестьянской реформы царское правительство усиленно занялось вопросом колонизации Абхазии. Эта политика царизма имела здесь свою историю. Вопрос о частичной колонизации отдельных районов края возник еще в конце 30-х–начале 40-х годов XIX века. После похода генерала Г. В. Розена в Цебельду в 1837 году был поставлен вопрос об организации там поселения под названием Богоявленское[5]. После похода генерала Н. Н. Муравьева в Дал в 1840 1841 годах, также был поставлен вопрос о поселении в опустошенном Дале с весны 1841 года 500 семейств[6], причем по

[1] Жвания Г. Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции. Тбилиси, 1958. – С. 11.

[2] Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – С. 36–37.

[3] Указанное «Положение» в Абхазии действовало вплоть до 1917 года.

[4] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 9.

[5] Рапорт Е. А. Головина А. И. Чернышеву от 8 сентября 1838 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1838, д. 6349, лл. 15–16.

[6] Рапорт Н. Н. Муравьева Е. А. Головину от 7 января 1841 г. Там же, 1840 г., д. 6392, лл. 43–46.

возможности «привычных к оружию, т. е. донских, линейных или даже черноморских казаков»[1]. Вопрос о колонизации Абхазии снова возник в 1864 году. В марте этого года наместник Кавказа писал; «Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья р. Ингур казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыбь могли бы составить абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела»[2].

Однако в тот период было решено ограничиться территорией между реками Туапсе и Бзыбь. По «Положению о заселении Черноморского округа и управлении оным», утвержденному правительством 10 марта 1866 года, это пространство было предназначено «для сельских гражданских поселений» под названием «Черноморских прибрежных поселений»[3]. С этой точки зрения указанная территория была изучена в мае 1866 года специальной комиссией под начальством генерала Н. Н. Муравьева, отчет которой, написанный И. А. Хатисовым и А. Д. Ротыньянцем, был опубликован в 5 и 6 номерах «Записок Кавказского общества сельского хозяйства» за 1867 год.

По данным этого отчета, во всей указанной местности насчитывалось 457.491 десят., из которых «хлебородные участки» составляли около 80.000, что было достаточно для поселения 3.376 семей: селами, деревнями или колониями – 917 семей (16.400 десят.) и хуторами – 2.459 семей (63.000 десят.); землей должны былн быть наделены, сообразно местности, от 15 до 30 десятин.

Согласно §§ 10 и 35 «Положения» 10 марта 1866 года, земли в Черноморском округе предназначались: собственно для переселенцев и отвода на основании устава о городоком и сельском хозяйстве и продажи в частную собственность[4].

Современный автор А. Варгас-де-Бедемар писал: «Черноморский берег в настоящее время совершенно освобожден от горцев. Последние остатки населения, искавшие убежища в горах, вытеснены оттуда несколькими колоннами наших войск; в 1865 г. аулы их разорены частью самими горцами, частью войском при пресле-

[1] Рапорт И.Р. Анрепа П.А. Клейнмихелю от 6 июля 1842 г. Там же, ё842 г., д. 6470, лл. 55-63.

[2] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, л. 177, л. 16 об.

[3] ЗКОСХ, №№ 1 и 2, 1867. – С. 1.

[4] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу М 1874. – С. 187.

довании горцев. Во многих местах вырублены фруктовые деревья, сорваны и срублены виноградные лозы... Поля, при сильной растительности края, стали зарастать разными кустарниками, и в скором времени, если все оудет идти таким же порядком, не останется никаких следов прежней культуры»[1].

«В обоих бассейнах как Псоу, так и Мзымты уже несколько лет не было никаких признаков жизни», – свидетельствовал и А. В. Верещагин, путешествовавший в 1870 и 1873 голах по Черноморскому округу[2].

В «Отчете за 10 лет» (1862–1872 гг.) Главного управления наместника Кавказа отражалась «правительственная задача» – «вновь заселить этот пограничный, природой богато одаренный, но опустевший край... Вопрос о наилучшем создании в этой местности новой промышленной жизни, – говорится далее в «Отчете», – является весьма сложным: для этого нужны были капитал и рабочие руки; первое можно было ожидать только от частной предприимчивости, второе могло быть создано только заселением края. Заселение это вместе с тем должно было удовлетворять и другой немаловажной государственной потребности–иметь на этой приморской окраине население вполне благонадежное (с точки зрения царизма. – Г. Д.) в политическом отношении»[3].

При составлении комиссией 1866 года соображения о заселении Черноморского округа были выделены, в разных местах, восемь участков для продажи их в частную собственность. Посредством продажи этих участков, «имелось в виду привлечь в край капиталистов и способствовать к образованию в нем обширных хозяйств и ферм, располагающих достаточными для улучшения местной культуры средствами»[4]. Площадь во всех указанных восьми участках равнялась 11.700 десятинам.

Вызов переселенцев последовал, вскоре, после издания «Положения» 10 марта 1866 года. Первоначально был командирован агроном Хатисов в Турцию, чтобы привлечь оттуда греческих и армянских выходцев, а затем переселенцы начали появляться и из других местностей, большей частью с Юга России и из-за границы[1].

[1] ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, стр. 9.

[2] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – С. 66.

[3] Верещагин А. В. Черноморское побережье Кавказа и его колонизация. СПб, 1878. – С. 7.

[4] Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – С. 197–198.

В 1867 году и внутри Абхазии появилось много «свободных земель». В результате махаджирства целые цветущие районы Абхазии превратились в безлюдное дикое пространство: пашни заросли колючкой и папоротником, сады смешивались с лесом, виноградники дичали и вырождались... И уже в 1868 году «освободившаяся» абхазская земля была включена «в состав казенных земель, находящихся в ведении Кавказского горского управления». Не говоря уже об официальной переписке, в печати появляются всевозможные «предложения» и «соображения» по вопросу о заселении указанной территории «надежным элементом». Член Сухумской сословно-поземельной комиссии Н. А. Дьячков-Тарасов в статье «О заселении Цебельды», опубликованной в газете «Кавказ» 10 октября 1868 года, сообщал, что часть этой земли, около 16 тысяч десятин, где преимущественно жили цебельдинцы, «определена под поселение и около 4000 десят. под продажу частным лицам... На всех участках предложено поселить до 150 семейств».

В Цебельде было выделено для заселения 6 пунктов, получившие названия: Михайловское (у р. Амткял), Ольгинское (у истоков восточной р. Мачара), Александровское (на р. Келасури), Анастасьевское и Николаевское (в Науше) и Георгиевское (в урочище Джампал). В 1869 году в Анастасьевском и Николаевском поселилось 62 семьи болгар, а в других перечисленных селах – анатолийские греки[2]. Переселенцы получили по 30 десяг. на семью, освобождение от податей и повинностей на 15 лет и субсидию по 80 рублей. Однако, колонизация эта не имела «ожидаемого успеха»[3].

Одновременно была сделана попытка «посадить на землю» чиновничество. В 1872 году из общей территории Цебельды в 18.372 десят. было роздано, главным образом чиновникам, 12.082 десят. или 65,7%. Однако и в этом случае только на 1 тыс. десят. было устроено «кое-какое еще хозяйство»[4].

[1] Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу – С. 187–188.

[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. ЗКОРГО, т. XX, № 1, 1909. – С. 196–199.

[3] Сухумский отдел (Из отчетов за время с 1878 го 1881 г.). «Кавказский календарь на 1883 год». – С. 246.

[4] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 74.

В 1871 году, как отмечалось, Главное управление наместника Кавказа опубликовало положение о продаже в прибрежной полосе Черноморского округа 65 тыс. десятин «казенной земли» в частные руки, которая к 1874 году была уже раскуплена[1]. Это распространялось на нынешние Гагрский и Адлерский районы. М. Владыкин, посетивший этот край в 1873 году, сообщает такой любопытный факт. В с. Веселое он встретился с известным садзским (джигетским) князем Рашитом Гечба, недавно вернувшимся из турецкой эмиграции. Князь был властями «прекрасно принят», и ему было дозволено выбрать 700 десят. земли в любом месте. Он, разумеется, выбрал бы «свое бывшее пепелище, но оно было уже, к несчастью для него, занято: где был аул его, там было село Веселое, а где был один из главных его хуторов, там теперь строился хутор***...». Хутора строились и в других местах. Рашит Гечба жил в Гаграх и приискивал себе землю для поселения. В Адлер он приехал с целью «поклониться могилам своих предков и увидеть свою бывшую родину»[2].

А. В. Верещагин, в том же 1873 году, путешествовавший по указанному краю, дает некоторые сведения об его освоении. На правом берегу р. Псоу раскинулась деревня Веселая с 297 чел. жителей в 1872 году, а в двух верстах от р. Хашупса появилась деревня Пиленково, в которой жило 88 человек. В Адлерской долине были основаны еще три деревни – Первинка, Молдаванка и Высокая. Эта территория вообще была уже «в значительной степени расчищена и разработана». На левом берегу р. Псоу Сафоновым было «положено основание хозяйству», а в Цандрипше Христофоров приобрел участок и «сделал начатки на нем хозяйства»[3].

Русско-турецкая война 1877–1878 годов нанесла большой удар делу колонизации Черноморского побережья Кавказа. «В Адлере одни развалины, – писал А. В. Верещагин, – уцелела только лачуга, в которой когда-то имели приют покупатели земель. Все заросло сильно, – на берегу пропасть молдаванских разломанных сундуков. Ахштырх сожжен дотла». Таковы сведения, сообщенные нам очевидцем с места катастрофы... Вообще вред нанесен поселянам громадный – все или сожжено, или изуродовано злобным десантом»[1].

[1] Верещагин А. В. Колонизация Черноморского прибоежья Кавказа. СПб, 1878. – С. 7.

[2] Владыкин М. Путеводитель... – С. 496-499.

[3] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. – С. 71–78, 128.

Однако после войны и выселения значительной части абхазского населения с родины, для колонизации края у царизма открылись новые возможности и обширные планы. Мы здесь не будем касаться всех обсуждений и обильных материалов, которые возникли в связи с этим. Укажем лишь на чрезвычайную активность А. В. Верещагина, который на собрании «Императорского вольного экономического общества» сделал ряд докладов и выпустил несколько брошюр о колонизации. Для выяснения же взглядов этого «неутомимого» колонизатора достаточен следующий факт. Предложение одной газеты о том, что возвращающихся горцев надо «колонизировать на местах бывшей их родины», «дать им земли и образование», тогда «черноморский берег воскреснет», Верещагин считал «игнорированием интересов отечества»[2]. Далее он писал: «В ближайшем будущем, ввиду громадного количества покинувших свой край абхазцев, будет предстоять надобность в колонизации и этой, богатейшей природой, местности Черноморского прибрежья. Нельзя не желать искренно, чтобы ошибки, случившиеся в колонизации Черноморского округа, послужили указанием для выработки более серьезных правил и порядков для будущей колонизации»[3].

Начальник Сухумского отдела генерал Гейман писал: «Уход значительной части абхазского народа в Турцию представил в распоряжение правительства значительное количество свободной земли в культурной полосе отдела (более 60 т. дес.), могущей хорошо и правильно обеспечить продовольствием от 2–4 т семейств... Вопрос – какое дать назначение оставшимся свободным землям – есть вопрос не только частный, местный, но и государственный... Нахожу необходимым призыв целых групп, которые соединяясь в общины, составили бы сплошное население, отделив туземный элемент от морского побережья, если он будет сгруппирован в отдельный участок или, расчленив его на небольшие поселки, если это будет признано целесообразным... Но при этом я не исключаю воз-

[1] Его же. Колонизация Черноморского прибрежья Кавказа. – С. 22.

[2] Его же. Черноморское побережье Кавказа и его колонизация. – С. 8.

[3] Его же. Значение путей сообщения в деле колонизации и развития Черноморского прибрежья Кавказа. СПб, 1878. – С. 2.

можности раздачи, посредством продажи, небольших земельных участков для частной предприимчивости и заведения отдельных фермерств...»[1]. Тот же начальник отдела, приглашая колонистов, писал, что будут раздаваться участки в 10–20 десятин, но непременно «в руки людей состоятельных»[2], т. е. ставка делалась на кулака, на зажиточного колониста фермерского типа.

Таким образом, правительство преследовало цель окончательного закрепления политического владычества царизма в крае и одновременно укрепления роста товарно-капиталистического земледелия – поставщика ценного сырья для российской промышленности (табак и др.).

Уже 1 мая 1878 года Пицундское окружное управление объявило, что виноградные и фруктовые сады, находящиеся в с. Анухва и оставшиеся после выселения анухвинских жителей в Турцию, «будут продаваться в настоящем году в арендное содержание на один год». Подобное объявление было сделано и 25 мая 1878 года, в котором территория, предназначенная для сдачи в аренду, указывалась значительно большая – «виноградные и фруктовые сады, находящиеся в пределах Пицундского округа от р. Гумисты до р- Кодора». 5 октября то же года объявление о сдаче в аренду земель «выехавших абхазцев» между реками Мачара и Кодор делается уже от имени управления всего Сухумского отдела[3].

Кроме приглашения арендаторов, было решено привлечь крестьянское население из разных местностей с отводом ему по 15 десят. на семью, предназначая для этой цели 3 участка: один на правом берегу р. Кодор, второй – по левому берегу р. Аапста (с. Аацы) и третий – в с. Абжаква. Однако из прибывших в 1878–1879 годах, 137 семей к началу 1881 года осталось только 99, образовавших три группы: в с. Дранда – 21 семья, с. Допакыт (впоследствии Владимирское) – 23 и с. Аацы (в его юго-зап. части в 1878 г. было заложено с. Баклановка) – 55. Причем эти переселенцы принадлежали «к самому бедному классу сельского населения»[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 190, лл. 6 –9.

[2] Фадеев А. В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – С. 41.

[3] Олонецкий А. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия. «Труды» Абхазского научно-исследовательского института краеведения, вып. II. Сухум, 1934. – С. 79.

[4] «Кавказский календарь на 1883 год». Тифлис, 1882. – С. 247–248.

Таким образом, политика царизма в колонизационном вопросе не увенчалась успехом. В то же время в Абхазию, в 80-х годах, хлынул поток армянских и греческих переселенцев из Турции, бежавших от нужды, малоземелья и ужасов национально-религиозного гнета.

В Абхазии возник целый ряд новых сел: Михайловское, Эстонское, Полтавское, Черниговка, Мцара, Бамбора (1884 г.), Петропавловское (1892 г.) и др.; несколько из них было заселено крестьянами, переселившимися из соседних малоземельных районов Западной Грузии, главным образом Мегрелии.

Широкое развитие получила арендная колонизация. Развитие товарного табаководства в Абхазии все более и более усиливало тягу сюда как армян, греков и лазов – табаководов из Турции, так и крестьян из западногрузинских районов, хотя последним царская администрация всячески препятствовала. Абхазские помещики поощряли эту колонизацию, обеспечивавшую им высокие доходы при сохранении полукрепостнических отношений и беспощадной эксплуатации арендаторов-крестьян.

Проводилась массовая раздача земель российским помещикам, военным и гражданским. В 80-х годах были пожалованы земли: надворному советнику Семенову – 1500 десят., генералу Кравченко – 1.565 десят., полковнику Краевичу – 1.497 десят., князю Витгейштейну – 7.443 десят., графу Бобринскому – 8 тыс. десят. и т. д.[1]

Другой формой колонизации Абхазии была «курортная» колонизация. Начало ее было положено еще в 1872 году, когда Сухумская сословно-поземельная комиссия постановила ближайшие к Сухуму «заросли» выделить из городского надела, нарезать из них участки от одной до 3-х десятин и раздать на льготных условиях чиновникам, офицерам. Это были «санитарные участки» полковника Введенского (впоследствии «Синоп»), Никитина, Дьячкова-Тарасова и др. Однако организация «санитарных участков» в тот период имела, как и все мероприятия по колонизации, небольшой успех[2]. Но с 90-х годов, когда встал вопрос о развитии абхазского курорта, положение резко изменилось.

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 614, лл. 6–180.

[2] Олонецкий А. Колонизация Абхазия во второй половине XIX столетия. – С. 80–81.

Стала налаживаться помещичья колонизация, а вместе с ней и земельная спекуляция. На побережье устремились тысячи всяких дельцов, спекулянтов и т. д. Теперь земельные участки брались чаще всего, «конечно, с целью афер». «Опыт прежних лет показывает, – писал автор статьи «Черноморская авантюра», – что отводимыми участками (на Кавказском побережье. – Г. Д.) пользовались, главным образом, различные аферисты»[1].

По окрестностям Сухума рыскали всевозможные комиссионеры и агенты, раздувая земельную спекуляцию. «Да, Сухум, город древний, исторический, теперь совсем становится современным, спекулятивным...», – с горечью констатировал С. Васюков. И далее он писал: «Нужно бороться с этим злом. Не отдавать же чудную, богатейшую страну в пищу алчным, не знающим удержа аферистам»[2].

Для устройства великокняжеского курорта в Гаграх было отведено 14.500 десят. земли и 3 миллиона рублей. «Вот около этих миллионов рублей, около тысяч десятин драгоценнейшей земли и началась вакханалия! Весь люд, стекающийся на казенные деньги и землю, – здесь и действует, как говорится, во всю!»[3].

Гагринская дача была отдана принцу Ольденбургскому по царскому манифесту, в честь его бракосочетания с сестрой Николая II, великой княгиней Ольгой Александровной. Это дело было разоблачено ленинской «Искрой», в заметке «Коронованный вор или царское приданое»[4].

Одновременно усилилась монастырская колонизация. Еще в 1874 году был основан Ново-Афонский монастырь, а позже – ряд других. Ново-Афонский монастырь получил 3.278 десят. земли, Драндский (основан .в 1885 г.) – 300 десят. и т. д. Монастыри становятся оплотом российского самодержавия и форпостом капиталистического колониального хозяйства на побережье Абхазии. Ново-Афонский пункт имел, «кроме религиозного и экономического, и весьма важнее политическое значение»[5]. Характерно, что в монастыре были: в 1879 году великий князь Константин Николаевич и его сын Константин, в 1882 году – великий князь Александр Александрович, в 1882 и 1884 годах – главно-начальствующий Кавказским краем А. М. Дондуков-Корсаков, в 1884 году – московский губернский предводитель дворянства граф С. Д. Шереметьев и другие, а 24 сентября 1888 года его посетил император Александр III с женой Марией Федоровной и сыновьями – великими князьями Николаем (наследник) и Георгием. Причем император собственноручно заложил Пантелеймоновский собор и пожертвовал на его строительство 5 тыс. руб.[1]

[1] «Сельский хозяин», 12 мая 1906 г., № 28.

[2] Васюков С. Указ. соч. – С. 176–177.

[3] «Сельский хозяин», 21 апреля 1906 г., № 25.

[4] «Искра», 15 августа 1903 г.

[5] И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – С. 245.

О дальнейшем широком плане колонизации Черноморского побережья и о политическом значении этого мероприятия писал наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков следующее: в цифре переселенческих участков Черноморского побережья (вместе с Абхазией) – до 94 тыс. десятин – «каждая площадь удобной земли, каждая пядь», занятая «устойчивыми» переселенцами, «представляют колонизационный оплот русского (царского. – Г. Д.) государственного дела в крае»[2].

Колонизаторские мероприятия не имели ничего общего с трудовой деятельностью самих переселенцев. Развернувшаяся во второй половине, точнее в конце XIX века, колонизация была в значительной мере крестьянской, земледельческой колонизацией. Кроме того, начинается пролетарская колонизация, чему особенно способствавало приморское положение Абхазии. Таким путем крепли связи местных пролетариев с портовыми рабочими Новороссийска, Керчи, Одессы, Поти.

* * *

Выше нами дана характеристика кустарной, домашней промышленности Абхазии в начале XIX века, что почти в основном относится и к последующему периоду в смысле описания этих патриархальных промыслов и простых видов ремесел. К сказанному добавим лишь следующее. Кустарная промышленность получила

[1] Журнал Ново-Афонского Симоно-Кананигского моаастыря о важнейших событиях со дня основания его. Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 208/134, лл. 91–92.

[2] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем гене¬рал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Гостипография, 1907. – С. 81.

известное развитие и в переселенческих селах. Так, в с. Эстонском был мастер Юрий Кордман, который делал плуги, веялки, сеялки, окучники и другие сельскохозяйственные орудия. Много было там и хороших колесников. Они же делали фургоны, тележки и принадлежности к ним, «выгодно сбываемые обывателям в городе». Эстонки в зимнее время занимались тканьем холстов, полотенец, шерстяных материй и одеял. На выставке, бывшей в 1901 году ь Сухуме в присутствии министра земледелия, многие получили за свои изделия награды. Большая часть изделий потреблялась для домашних надобностей, но «многое поступает и в продажу соседним поселениям; одеяла же берутся и местнымм торговцами». Бондарное производство здесь было «настолько выгодно, что есть домохозяева, которые занимаются им постоянно, отдавая землю в аренду»[1].

Однако домашняя кустарная промышленность Абхазии не успела еще оторваться от «патриархального земледелия», как на нее обрушилась конкуренция со стороны русских фабричных изделий. Такое явление наблюдалось на всем Кавказе.

В. И. Ленин писал, что на Кавказе «шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»[2].

Мы находим у А. В. Пахомова, Ф. Х. Эшба и других авторов сообщения, подкрепляющие местным материалом знаменитое ленинское положение. Пахомов, отмечая факт разведении в Абхазии конопли для получения пеньки на веревки и пр., констатировал еще в 1868 году: «Но с тех пор, как начали в Абхазию привозить много русских веревок, промышленность эта совершенно упала»[3]. «Тканье бязи, – писал Эшба, – в настоящее время падает заметно, что объясняется тем, что привозной товар, как-то: ситец, бязь, миткаль и др., превосходит местную бязь по качеству и к тому же приобретают дешевле ее»[4]. В другом месте: «Гончарное производство падает, и число рук, занимающихся им, с каждым годом значительно уменьшается. Падение промысла объясняется привозом в край разного рода стекла, фарфора и др.»[1].

[1] Фон-Дервиз В. Н. Указ. соч. – С. 55–56.

[2] Ленин В.И. Соч. т. 3, изд. 5. – С. 594.

[3] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. – С. 49.

[4] Эшибая Ф. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОМПК, в. XI, 1891. – С. 262.Там же. – С. 263.

У Н. В. Фон-Дервиза также находим такое свидетельство: кузнечная промышленность, «в виду все большего и большего распространения в крае кузнечных и слесарных изделий, привозимых из знаменитых Павлова и Ворсмы, причем стоимость их крайне невысока (добротность тоже), эта промышленность заметно падает, так как дешевле оказывается купить привозное, нежели брать местное, да и внешний вид первого значительно лучший»[2].

Это не значит, что домашняя промышленность исчезла. Она продолжала свое существование, но только не в прежнем масштабе, т. е. домашняя промышленность постепенно теряла свое прежнее значение и уступала место другим видам производства.

Богатые лесные ресурсы Абхазии и в пореформенный период не стали объектом правильной, широко организованной эксплуатации. Отсутствие путей сообщения тормозило развитие в Абхазии лесной промышленности, хотя, с другой стороны, море создавало благоприятные условия.

В 80-х годах в Абхазии возник ряд лесопильных предприятий капиталистического типа. В с. Гульрипш в 1881 году было открыто лесопильное предприятие, принадлежавшее князю Эристави. Оно располагало паровой машиной, число рабочих составляло 6 человек. Лесопильное предприятие, принадлежавшее барону де-Кастексу и расположенное в с. Колдахвара, уже в 1885 году являлось заводом. На нем работало 18 человек, а в лесу – 52 человека. Кроме того, разные другие работы выполняли 30 человек. Таким образом, количество всех рабочих составляло 100 человек. В процессе изготовления лесных материалов завод применял паровую машину мощностью в 8 лошадиных сил. Сумма производства завода составляла 40 тыс. рублей[3].

В 1899 году были образованы в Абхазии лесничества, заведывание одним из них было возложено на Н. В. Фон-Дервиза. До этого

[1] Эшибая Ф. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы. СМОМПК, в. XI, 1891. – С. 262.Там же. – С. 263.

[2] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 53.

[3] ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 12, 1885 г., д. 100. Г. К. Бакрадзе. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1958. – С. 215.

года лесная промышленность заключалась, в основном, в заготовке самшита из частновладельческих лесов (только после 1889 года – из казенных лесных дач), орехового наплыва, тиса, дубовой клепки и изготовлении паркета в прибрежных лесах. После выборки годного для указанных целей материала, заготовляли шпалы и дрова для отправки в Одессу и другие приморские города. Принц А. П. Ольденбургский заготовлял исключительно ясень (около Очемчир)[1].

В 1890 году в Абхазии работало несколько сравнительно крупных лесных предприятий: французской компании А. Бернар и Перике, барона де-Кастекса (на р. Бзыбь), компании «Гарднер и сыновья» (Сухум), Копалейшвпли, анонимного общества (с. Тамыш), принца Ольденбургского (в 4 км. от Очемчир) и др. В процессе производства лесопильные предприятия Бернара и Перике применяли механические станки, в частности, трехсторонний строгальный станок, станки с круглыми пилами и другое оборудование[2].

В 1891 году в Сухумском, Гудаутском, Супском и Потийском районах существовало свыше 20 лесопильных предприятий, некоторые из них имели паровые машины. Так, например, лесопильное предприятие в местности Сотота, принадлежавшее князю Шервашидзе, имело 1 паровую машину в 25 л. с. и 11 станков[3].

Но многие из перечисленных выше предприятий в начале 90-х годов прогорели. В 1893 году явились желающие приобрести остатки лесов, принадлежавших этим фирмам, и окончить их разработку на шпалы и дрова. «Таким образом, с побережья исчезли леса многих владельцев»[4].

В ноябре 1896 года было утверждено положение, по которому открывалась эксплуатация казенных лесов Абхазии, а также и других мест.

Эксплуатация лесов (5 дач) Очемчирского лесничества была отдана крупному ростовскому лесопромышленнику В. Р. Максимову. В местности, до этого «дикой и пустынной», при р. Чхалта, «образовался целый городок». В лесу начали прокладывать деревянные и

[1] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 67–68.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1263, 1890 г., д. 4914, лл. 532–532 об. Г. К. Бакрадзе. Указ. соч. – С. 216.

[3] Бакрадзе Г. К. Указ. соч. – С. 215–216.

[4] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 68.

железные рельсовые пути для подвоза бревен к пристаням, у начала лесоспусков. В первый же год было, заготовлено и спущено около 35 тыс. бревен, во втором – около 40–45 тыс., в 1903 году был предъявлен счет на 55 тыс. бревен. Насколько значительны были сооружения можно судить по тому, что были лесоспуски до двух верст длиною, стоимостью свыше 30 тыс. рублей. Бревна проходили это расстояние в 1 1/2–2 минуты. На берегу р. Кодор, в с. Адзюбжа, были устроены два лесопильных завода, «с громадным количеством служб», больницей, лавкой, столовой и электрическим освещением. На берегу моря, в местности Цкургил, были сооружены «громадные склады и пристань, куда от завода на протяжении 7 верст проходила узкоколейная железная дорога».

Главным предметом производства лесопильных заводов был ящичный материал, предназначенный для укупорки керосиновых жестянок, который отправлялся в Багум для фирм Ротшильда и Манташева. Бревна с трещинами или сучковатые, непригодные для ящичного производства, шли на строевой материал, который отправлялся во все города восточного побережья Черного моря, а попутными пароходами – даже в Ростов[1].

По ведомости 1899 года, на заводе Максимова работало 200 человек, а сумма производства составляла 280 тыс. рублей[2]. О положении рабочих на заводе и лесозаготовках Максимова К. Д. Мачавариани писал следующее: «Надо удивляться потребностям этих рабочих, которые тратят на свою пищу ежедневно приблизительно около 20 копеек. В шалашах вы встретите только несколько бревен, покрытых буркой или какими-нибудь лохмотьями, которые служат постелью..., на многих рабочих не одежда, а какая-то ободранная кацавейка»[3].

Так как для рабочих требовалось большое количество провизии, частные землевладельцы, «забыв о том, что у них есть на р. Кодоре земля, вспомнили о ней и стали сеять кукурузу, каковую в виде муки продавали с выгодою рабочим. Как неизбежное последствие развития всякого рода промышленности, явилось много духанов на всем протяжении от Сухума до Чхалты. Хотя провизия в них не-

[1] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 68–69.

[2] ЦГИАГ, ф. 19, 1899 г., д. 166, лл. 45–46. Бакрадзе К. Г. Указ. соч. – С. 216–217.

[3] Мачавариани К. Д. Методические размышления. «Очерки и расска-зы». Батум, 1909. – С. 105.

мудрая и невысокого качества, но вполне удовлетворяет скромные потребности рабочего люда. Ежедневно можно встретить или обогнать целые караваны, идущие из Сухума с провизией и разными предметами, необходимыми при лесной заготовке и сплаве»[1].

В 1899 году в Сухуме действовали лесопильные предприятия Д. Г. Мачутадзе – с числом рабочих 16 человек и продукцией в 19 тыс. рублей, Б. С. Телия – с числом рабочих 12 человек и продукцией в 21 тыс. рублей[2].

Лесное производство Западной Грузии, в основном, было сконцентрировано в Абхазии, а также в Поти. Из общей суммы производства лесопильных предприятий, достигшей в 1900 году 695 тыс. рублей, на долю абхазских лесопильных предприятий приходилось 370 тыс. рублей, или 53,2%, а из обшего числа рабочих 560 человек – 276 или 49,3%. Из 26 лесопильных предприятий, имевшихся в это время в Кутаисской губернии, 8 находились в Абхазии. Причем из 40 лесопильных предприятий, с суммой производства в 996 тыс. рублей и с числом рабочих 725 человек, на долю Кутаисской губернии, вместе с Сухумским округом (Абхазия) и Батумской областью, приходилось 65% всего числа предприятий, 72% всей суммы производства и 77% всего числа рабочих[3].

В лесную промышленность Абхазии, как было видно частично выше, проникал иностранный капитал. В 80-х годах XIX века в лесном деле Абхазии образовались 3 заграничных акционерных общества с капиталом около 12 млн. франков. Из этих акционерных обществ 2 было французских, а одно – бельгийское. В 1891 году фирма «Гарднер и сыновья», находившаяся в Поти, приобрела в с. Аацы Гудаутского участка 13 тыс. пудов самшита, а в 1892 году фирма «Братья Пилиди», расположенная также в Поти, купила 35 тыс. пудов древесины самшита[4].

Ценные лесные породы хищнически уничтожались. В отчете кутаисского губернатора в 1890 году говорилось: «Нерациональное пользование, лесом до введения в них правильного надзора наблюдалось и в Сухумском округе. В каких размерах производилась рубка пальмы, видно отчасти из того факта, что в 1889 г. одна только лесопромышленная компания «Гарднер и сыновья» забраковала в м. Гудауты свыше 14 т. пудов самшита»[1].

[1] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 71.
[2] Бакрадзе Г. К. Указ. соч. – С. 217.
[3] Там же. – С. 217, 219.
[4] Бакрадзе Г. К. Указ. соч. – С. 225.

К 90-м годам относятся и первые разведки Ткварчельского каменноугольного месторождения. Вокруг этого угля начался форменный ажиотаж. К середине 1899 года было подано до 200 заявок, вокруг прав на которые был начат ряд судебных процессов. В конце 1899 года Ткварчельская дача была закреплена за подольским помещиком Г. В. Бутми де Кацман и горным инженером Л. Г. Рабиновичем, которые в 1900 году объединились, скупив все права у прочих заявщиков. Началось серьезное обследование Ткварчельского углеместонахождения и его рекламирование. Открытие большого каменноугольного бассейна настолько заинтересовало углепромышленников, что в Ткварчели начали приезжать поверенные крупных фирм Англии и Бельгии. Приезжал также профессор геологии Кембриджского университета и подробно обследовал наиболее интересные части дачи. В 1901 году Ткварчели посетил министр земледелия А. С. Ермолов со многими инженерами. Но тогда дело дальше этого не продвинулось[2].

Интерес к полезным ископаемым Абхазии не ограничился только каменным углем. Были проведены разведки серебряно-свинцовой руды на горе Дзышра, где в 1897 году было добыто ее 865 пудов; медной руды – на горе Гвагва. Мы уже не говорим о многочисленных заявках на право разработки естественных богатств[3].

Из других отраслей промышленности, можно назвать рыболовство. Рыба шла не только на удовлетворение местных потребностей (ее улов реализовался в г. Сухуме и в местечках Абхазии, а также частично в Батуме), но и во внутренние города империи. По данным таможни, с 1891 по 1895 год из Сухума и Гудаут вывозилось в среднем ежегодно по 7,5 тыс. пудов разной рыбы (максимум – 11 тыс., минимум – 3 тыс.)[4].

[1] ЦГИАЛ., ф. 1263, 1892 г., д. 4914, л. 494. Цит. по указ. соч Г. К. Бакрадзе. – С. 298.
[2] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 73–74.
[3] Олонецкий А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. – С. 15.
[4] Владимир Родзевич-Белевич. Рыбный промысел на Закавказском побережье Черного моря. «Весь Кавказ». Иллюстративный справочно-литературный сборник. Тифлис, 1903, Торг.-пром. отд. – С. 7.

С 1900 года начали появляться скупщики, которые закупали всю рыбу для отправки ее в Москву, Харьков и другие города. В 1901 году московским купцом Игумновым у устья р. Бзыбь, вместе с окружающей его землей, в количестве 600 десят.[1] была организована «правильная рыбная ловля и устроен завод для приготовления консервов». Но через некоторое время это предприятие было закрыто, оказавшись малорентабельным. Хорошо было поставлено рыболовецкое хозяйство в Ново-Афонском и Драндском монастырях. Рабочие, занятые на рыбных промыслах этих монастырей, за свой тяжелый труд получали 15 руб. в месяц[2].

Немало доходов давала ловля дельфинов. В Абхазии в 1897–1901 годах добывалось дельфиньего жира от 20 до 30 тыс. пудов ежегодно. Только из Гудаут вывозилось каботажем в среднем по 2.025 пудов в год. Дельфиний промысел был сосредоточен в Пицундской бухте, у г. Сухума, вблизи маяка, и у Кодорского мыса. Здесь же были устроены дощатые навесы, где производилось вытапливание дельфиньего жира и хранились рыболовные насты[3]. Жир отправлялся в Одессу и Керчь, где его очищали на специальных заводах, и он продавался под видом рыбьего жира.

В 1887 году в Гудаутах возник устричный промысел, затем – в Сухуме и Пицунде. Более крупная устрица поставлялась через Одесское товарищество устрицеводства на внутренние рынки России[4]. Однако хищническая эксплуатация скоро привела к истощению запасов устриц.

В Абхазии насчитывалось значительное количество мелких предприятий по производству строительных материалов, слесарных, мебельных и других мастерских. Так, в начале 90-х годов в Очемчирах работало 4 артели плотников и каменщиков, числом до 50 человек[5]. Промышленных предприятий (без кустарных) в Абхазии в конце XIX века было всего 34, с общим числом рабочих 420

[1] Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. ЗКОРГО, кн. XXIV, в. I, 1903. – С. 27.

[2] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 52–53.

[3] Владимир Родзевич-Белевич. Бой дельфинов в пределах Сухумского округа. «Весь Кавказ», 1903, Торг.-пром. отд. – С. 13.

[4] Его же. Описание устричного промысла на Кавказском побережье Черного моря. «Весь Кавказ», 1903. Торг-пром. отд. – С. 11.

[5] Эшибая Ф. Указ. соч. – С. 265.

человек[1]. По переписи 1897 года, в Абхазии по группе «устройство, ремонт, содержание жилищ и строительные рабочие» значилось (без иждивенцев) 1.159 человек, большую часть которых составляли рабочие.

Город Сухум постепенно развивался. В 1873 году, вследствие доводов Сухумского санитарного комитета, было признано весьма важным и полезным, для улучшения климата города, воды, низвергавшиеся с окрестных высот в болота, отвести посредством канавы и направить в р. Гнилушку (Адзапш), а сверх канавы, для укрепления и устройства сообщения города с просекой за указанной речкой и Гумистинским участком, устроить шоссе, на протяжении одной версты, с каменной под ним трубой. На эти работы, по составленному проекту и смете, требовалось 5.575 руб. 92 коп.[2]

О состоянии Сухума перед русско-турецкой войной 1877–1878 годов, в одном официальном материале говорится: «В этом чрезвычайно красивом городке было, кроме казенных зданий и казарм, 400 домов, более 40 лавок и прекрасный ботанический сад. Число жителей считалось, кроме войск, до 2.000 чел.»[3].

Во время войны, как уже указывалось, Сухум был стерт с лица земли. Но после войны был принят ряд мер, способствовавших быстрому возрождению города. В частности, для восстановления Сухума и привлечения населения были объявлены льготные условия. Жители города освобождались от платежа государственных налогов на 5 лет; ранее проживавшие граждане и вернувшиеся после войны освобождались от старых неоплаченных налогов[4].

В 1880 году из выгонной земли в Сухуме был выделен особый прибрежный участок в 334 десят., предназначенный под поселение матросов и рыболовов, «с целью развития каботажа и рыболовства». Указанный участок земли в 1898 году был включен в городскую черту[5].

К началу 1881 года в Сухуме насчитывалось 48 лавок, в 1888 году здесь была устроена небольшая пристань для причала мелких

[1] Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века. «Исторический вестник», I. Тбилиси, 1945. – С. 268.

[2] ЦГИАГ, ф. 7, оп. I, д. 1381, лл. 3–6.

[3] Война 1877- 1878 ГГ., т. III, в I. – С. 199.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 23, д. 191, л 9.

[5] ЦГИАГ, ф. 39, д. 2873, лл. 12–15.

судов. В октябре 1889 года домовладельцы города Сухума обратились к главноначальствующему на Кавказе А. М. Дондукову-Корсакову с докладной запиской о введении в Сухуме городского положения 1870 года, что тогда было признано преждевременным[6]. Но в конце 90-х годов в Сухуме было введено городское самоуправление, вместо полицейского управления, во главе с городничим. В первых выборах «гласных» думы в Сухуме участвовало только 175 человек[7].

В 1889 году г. Сухуму принадлежало свыше 3.675 десят. земли, из них 1.590 десят. отдавались в аренду частным, лицам для посевов под кукурузу и для посадки табака, остальная земля находилась под лесом. Население города в 1897 году составляло 7.898 чел.[8]

Развивалась торговая жизнь Сухума. В 1886 году в порт пришло 330 коммерческих судов, с 129.974 тоннами груза. Грузооборот Сухумского порта в 1900 году равнялся 28.921 тонне[9]. В этом же году, было открыто две ежегодных ярмарки – весенняя и осенняя[10]. Сухум становится городом, через который шли основные операции по экспорту табака всей Грузии.

По данным, относящимся к самому концу XIX века, в городе имелись: небольшой бульвар, женская прогимназия, горская школа, церковно-приходская школа, два клуба, книжный магазин, телеграф, типография, аптека, «купальное заведение», пристань для пароходов, совершавших рейсы на юг до Батума, на север до Одессы, маяк, опытная сельскохозяйственная и садовая станции с ботаническим садом[11]; в садах было акклиматизировано множество южноевропейских, американских, китайских, японских, австралийских и других декоративных и плодовых растений[12]. В

[6] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 651, лл. 1–3.

[7] Олонецкий А. А. Революция 1905–1907 гг. в Абхазии. Сб. статей «Революция 1905–1907 годов в национальных окрестностях России». Госполитиздат, 1949. – С. 494.

[8] ЦГИАГ. ф. 12, оп. 7, д. 651, лл. 1–3; оп. 6, д. 1110, л. 1.

[9] Олонецкий А. Очерки… – С. 14, 32.ЦГИАГ, ф. 12, ог. 6, д. 614, лл. 1–3.

[10] ЦГИАГ, ф. 12, ог. 6, д. 614, лл. 1–3.

[11] Сухумский ботанический сад, уничтоженный во время турецкой оккупации был восстановлен в начале 80-х годов; на это дело в 1880–1883 годах было отпущено 6.523 руб. ЦГИАГ, ф. 1114, д. 4, л. 6.

[12] «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXII. СПб, 1901. – С. 147.

1890–1897 годах в городе заканчивается строительство каменной набережной.

Окрестности Сухума «быстро застраиваются... все гостиницы помещаются на набережной, очень красивой, с небольшим бульваром. Гостиниц порядочно – «Россия», «Франция», «Цетральная», «Биржевая» и др. – имеют более или менее сносные комнаты...»[1]. Расширяется круг водопровода; осушаются болота, цементируются или вымащиваются канавы, а бульварная была асфальтирована. Все это в значительной степени оздоровило город. Заболеваемость малярией понизилась на 90%[2].

Обращалось серьезное внимание и на курортное значение Сухума и всего Абхазского побережья. Летом 1898 года была командирована на Черноморское побережье специальная комиссия в составе профессоров А. И. Воейкова и Ф. И, Пастериацкого и горного инженера М. В. Сергеева для иссле-дования Черноморской губернии и западной части Абхазии «в климатическом и бальнеологическом отношении, с целью наметить в этом районе местности, пригодные для устройства осенних, зимних и летних станций (приморских и горных), а также осмотреть минеральные источники и морской берег, для возможного устройства бальнеологических пунктов». Результаты работы комиссии были опубликованы под общим названием «Черноморское побережье» (СПб, 1898) и затем доложены I Всероссийскому съезду деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии.

На XII международном конгрессе врачей, состоявшемся в Москве в том же 1898 году, Сухум был признан лучшей климатической станцией для слабогрудых. Проф. А. А. Остроумов писал: «Сухум отличается равномерным климатом, влажным, теплым и совершенно лишенным ветров, что выгодно отличает его от Ниццы»[3]. Проф. А. И. Воейков отмечал, что Сухум, по числу приезжающих сюда на зиму больных, «стоит впереди всех зимних курортов России, за исключением Ялты и Гурзуфа на южном берегу Крыма»[4].

[1] Васюков С. Указ. соч. – С. 175.

[2] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 10–11.

[3] Цит. по книге К. Д. Мачавариани «Путеводитель по Сухуми...». – С. 12.

[4] Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Черноморское побережье. СПб, 1898. – С. 61.

Почти одновременно с работой комиссии было начато строительство санатория Н. В. Смецкого, в 9 километрах от Сухума. В 1889 году, богатый костромской помещик Смецкой с женой приехал посмотреть на Абхазское побережье и случайно попал в Сухум. Увидев, какие здесь «скрывались большие культурные возможности», он решился «к культурным в крае работам»[1]. Уже в конце 1892 года Смецкой купил несколько, так называемых «санаторных участков», а в 1895 году – имение в Гульрипш. Всего он приобрел 2000 десят. земли и начал строительство легочного санатория в Гульрипш и Агудзера (Абгыдзырра).

Для организации стройки и снабжения стройматериалами, санатории были связаны с московским ремонтным заводом. Большинство необходимых материалов было получено из Москвы и Костромы. Развернув большое вспомогательное строительство (кирпичный завод, дом и магазины для рабочих, молочная ферма), Смецкой сумел подготовить к открытию Гульрипшский санаторий №1 в 1901 году, Агудзерский – в 1905 году и Гульрипшокий № 2 – в 1914 году, число коек в которых достигало 550–600. На постройку санаториев и благоустройство территории было затрачено 5 млн. рублей. Для обеспечения санаториев квалифицированными работниками, Смецкой принял соответствующие меры, выписав несколько хороших специалистов из Москвы и т. д. Гульрипшские здравницы сыграли большую роль в лечении, в частности, населения г. Сухума.

Одним «из самых производительных пунктов» Абхазии «в торгово-промышленном отношении» являлось местечко Очемчиры, в нем была «почти сосредоточена торговля на побережьи Черного моря, начиная от Сухума и вдоль по береговой линии в пределах Сухумской территории»[2]. Если в 1880 году торговые операции по Абхазии составляли: вывоз – 99.515 руб. и привоз – 446.411руб., то по Очемчирскому округу они равнялись 52.160 руб. и 425.411 руб. Всего из 160 лавок по Абхазии на м. Очемчиры приходилось 48[3]. В

[1] Смецкой Н. Н. Описание работ, произведенных мною в Абхазии. ЦГАА, ф. 46, д. 14, лл. 92–94. См. приложение к статье В. И. Карчава «Из истории Гульрипшского санатория имени В. И. Ленина», помещенной в «Трудах» Абхазского Государственного музея, вып. II. Сухуми. – С. 173–186.

[2] Отчет начальника Сухумского отдела за 1874 г. ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3–40.

[3] ЦГИАГ, ф. 545, д. 1674, лл. 332 об. – 336.

1886 году вывоз из Очемчир равнялся 593.8 т. р., а из Сухума – 179.1 т. р. В том же году в Очемчиры пришло коммерческих судов 217 с 68.984 тоннами груза, а в Сухум – 330 с 129.974 тоннами[1].

Во время турецкой оккупации в 1877 году было разорено и местечко Гудауты, но, благодаря своему местоположению, оно скоро оправилось и уже к 1881 году в нем было 17 лавок. Торговля в Бзыбской Абхазии шла, главным образом, через Гудауты. Так, в 1876 году было вывезено товаров на 41.409 руб., в 1879 году – на 31.107 руб., а в 1880 году – на 47.355 руб.[2]

Проф. Ф. И. Пастернацкий, посетивший Гудауты в 1898 году, писал: «Гудауты –приморский порт, центр довольно бойкой торговли, в особенности табаком. В этом селении хорошо расположены широкие улицы, с порядочными домами, есть и гостиница...»[3]. Горный инженер М. В. Сергеев, побывавший в Гудаутах вместе с Пастернацкпм, также отмечал: «Гудауты в настоящее время представляют более торговый центр, чем обыкновенное абхазское селение»[4].

С. Васюков, сведения которого относятся к 1902 году, писал о местечке Гудауты следующее: «Прямые, широкие улицы..., небольшие оригинальные жилые здания, много туземных торговых крохотных помещений и русских две-три просторных лавки с красным товаром, кофейня, небольшая гостиница, сельское правление, почтовая контора и церковь на берегу. ...Винные и распивочные лавки... Растительность богатейшая, все домики и хаты в садах, множество цветов, редкие фруктовые деревья растут, что называется, вовсю...»[5].

В конце 90-х годов проявляется интерес к Гаграм. Осмотрев этот пункт в 1898 году, проф. Ф. И. Пастернацкий писал: «Гагры в будущем, подобно Ницце, будут служить центром, от которого в обе стороны по берегу моря разовьются сады, дачи, санатории...»[6]. Курортным предпринимателем здесь выступил родственник царя принц Ольденбургский, на основании исследований указанной выше комиссии, сделавший заявку на организацию в Гаграх велико-

[1] Олонецкий А. Очерки.., – С. 14.

[2] «Кавказский календарь на 1882 год». Тифлис, 1883, стр. 245.

[3] Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И. Сергеев М. В. Указ. соч. – С. 172.

[4] Там же. – С. 25.

[5] Васюков С. Указ. соч. – С. 148–149.

[6] Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Указ. соч. – С. 166.

княжеского курорта[1]. В 1900 году им была сделана закладка климатической станции, которая была торжественно открыта в 1903 году, в присутствии министров и сановников. Постройкой руководили лучшие архитекторы империи, деревянные части курортной гостиницы были привезены из Канады, основные части дворца принца были заготовлены в Москве, финиковые пальмы для парка были привезены из Барселоны[2].

Развитие городской жизни способствовало углублению экономических связей между различными районами страны. В 1876 году была образована в Тифлисе комиссия под председательством Святополк-Мирского, с участием начальника Черноморского округа генерала Пиленко и др., которая полагала необходимым устроить прибрежную шоссейную дорогу от Туапсе до Гагринского хребта[3].

В том же, 1876 году, «Вольное экономическое общество» ставило вопрос об улучшении морских сообщений на западном побережье Кавказа. Член общества Вальдемар, совершив поездку по Кавказу летом указанного года, представил доклад, в котором доказывал невыгодность имевшегося морского сообщения, в особенности посредством гребной флотилии. Он пришел к выводу, что только «пароходная конкуренция» может уничтожить «замкнутость и неподвижность» Кавказского побережья, а «прибрежная дорога имеет лишь второстепенную важность»[4]. Против такого мнения, считая его ошибочным, выступил член Кавказского общества сельского хозяйства А. В. Верещагин на собрании «Вольного экономического общества» 29 января 1878 года. Он выражал убеждение, что «замкнутость и неподвижность» указанного побережья обуславливались, наоборот, отсутствием сухопутных путей сообщения. Проведите, говорил Верещагин, по Абхазскому побережью хотя бы одно сносное шоссе от Сухума «и тогда, надеюсь, не только пробудится, но и быстро разовьется здесь экономическая деятельность», а Сухумский порт приобретет еще большее значение[5].

[1] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 5.

[2] «Черноморский вестник», 1902, № 122.

[3] Верещагин А. В. Влияние сухопутных и морских сообщений на колонизацию и развитие Черноморского прибрежья Кавказа. СПб, 1885. – С. 9.

[4] Верещагин А. Значение путей сообщения в деле колонизации и развитии Черноморского побережья Кавказа. – С. 2–3.

[5] Там же. – С. 6–7.

Вопрос о сухопутных сообщениях на Черноморском побережье Кавказа всесторонне был разработан комиссией, бывшей в 1879 году в Тифлисе, под председательством главного инспектора гражданских сооружений на Кавказе М. Н. Герсеванова. В этой комиссии обсуждалась записка П. А. Фрейера, который выяснял состояние дорог в Абхазии. Другой член комиссии – Ю. П. Проценко представил в эту комиссию труд «Определение сети главнейших дорог в Черноморском округе и Сухумском отделе», который в том же 1879 году был издан отдельной брошюрой[1]. Комиссия признала необходимым подробно исследовать перевал через Гагринский хребет, для определения «наилучшего соединения» шоссейным путем Черноморского округа с Абхазией. Что касается прибрежной дороги от Зугдиди до р. Бзыбь, то расстояние между Сухумом и Зугдиди было признано государственной дорогой и составляло собой часть Военно-Сухумской дороги ведомства путей сообщения. Город Зугдиди в то время служил конечным пунктом шоссе, устроенного от станции Ново-Сенаки на Поти-Тифлисской железной дороге[2].

Особо важное значение, по-прежнему, придавалось соединению Абхазии с Кубанской областью, откуда через Марухский перевал в 1877 году перешел отряд генерала Бабича для выручки Сухума. Еще в 1872 году начальник Сухумского отдела генерал Кравченко ставил вопрос о необходимости перевальной дороги. Наместник Кавказа считал необходимым включить ее в число государственных дорог. Впоследствии, было определено «удобнейшее ее направление»[3].

Правительство действовало также в направлении установления правильных и дешевых морских сообщений на Черноморском побережье, выдавая значительные субсидии Русскому обществу пароходства и торговли. Пароходы заходили: до войны 1877–1878 годов – в Цандрипш, Гагры и Пицунду; после войны – в Псырцха (Новый Афон) и Очемчиры; до и после войны – в Адлер, Гудауты и Сухум. Другие пункты побережья сообщались, посредством казенных шхун и мелких судов гребной флотилии (баркасы и фелюги). Кроме того, администрация Сухумского отдела выдала субсидию частному

[1] Его же. Влияние сухопутных и морских сообщений. – С. 4.

[2] Там же. – С. 12, 19–20.

[3] Проценко Ю. П. Определение сети главнейших дорог..., – С. 7.

пароходу «Звездочка» за его рейсы от Поти до Гагр, а в Новом Афоне имелись фелюги, принадлежавшие монастырю[1].

Очень остро ставился вопрос о необходимости строительства железной дороги от Сухума до Ново-Сенакской станции Поти-Тифлисской железной дороги[2]. Этот вопрос усиленно разрабатывался в 70-х годах также «Кавказским отделом Русского технического общества». «Пока Кавказ не будет соединен с Россией железным путем, – писал Бентковский в «Записках» указанного общества, – его слияние и объединение с Россией будет подвигаться медленно...»[3]. В «Записках» было высказано Убеждение, что рано или поздно соображения как торговые, так и стратегические приведут к неизбежности связать по железной дороге Сухум, с одной стороны, с Мегрелией, а с другой – с Кубанской областью, и что поэтому «следует достоверно убедиться в степени возможности про- ложения дороги из Кубанской области к Сухуму, нарочно до этого произведенным изысканием»[4].

Неоднократно снова поднимался и обсуждался в 80-х годах вопрос о Черноморской железной дороге. В январе 1882 года на заседании «Кавказского отделения Русско-технического общества» по докладу А. В. Даля «Проект Военно-Сухумской дороги» необходимость строительства Черноморской железной дороги отмечалась рядом выступавших. В 1883 году на совещании в Сухумском городском полицейском управлении было решено просить о проведении железной дороги от Ново-Сенаки до г. Сухума. В июне 1898 года в Сухуме вновь был возбужден вопрос о соединении города железной дорогой с Закавказьем и Северным Кавказом. Постройка этой дороги была утверждена лишь в 1902 году и к ней было приступлено, наконец, лишь в начале первой мировой войны, но, как известно, ее строительство при царизме осталось незаконченным[5].

Необходимость устройства порта в Сухуме, как отмечалось, была признана еще Н. Н. Раевским в 1840 году. Вопрос об организации Сухумского порта в 1874 году поднял министр путей сообщения

[1] Верещагин А. В. Влияние сухопутных и морских сообщений. – С. 26–27, 31, 39.
[2] Там же. Значение путей сообщения..., – С. 15, 38, 46.
[3] Там же. – С. 36.
[4] Там же. – С. 38.
[5] Олонецкий А. Очерки..., – С. 16–17.

Посьета, но он остался «открытым». В 1888 году в Сухуме построили железную пристань. В 1896 году Министерством путей сообщения были произведены портовые изыскания и составлен проект портовых сооружений в Сухуме, но вопрос снова заглох[1].

В 1891–1892 годах под руководством генерала Анненкова построено приморское шоссе Новороссийск – Сухум, на строительство которого было потрачено 4,2 млн. рублей, кроме расходов на постройку мостов и других дорожных сооружений[2]. Эта дорога известна в истории под названием «Голодное шоссе», в память строителей – голодающих крестьян и рабочих. На строительство дороги хлынули крестьяне, гонимые голодом, вызванным неурожаем, из центральных губерний России (Орловской и др.). Сюда в поисках куска хлеба шли и рабочие. Люди тысячами умирали на строительстве Черноморской шоссейной дороги от голода, болезней, изнурительного труда в новых, непривычных климатических условиях.

Об ужасах на стройке, указанной дороги, писал великий русский писатель А. М. Горький, испытавший их лично на себе, в рассказе «Рождение человека». «Это было в 92-м «голодном году», между Сухумом и Очемчирами, на берегу реки Кодор, недалеко от моря... Над кустами, влево от меня, качаются темные головы: в шуме волн моря и ропоте реки чуть слышно звучат человеческие голоса – это «голодающие» идут на работу в Очемчиры из Сухума, где они строили шоссе. Я знаю их – орловские, вместе работал с ними и вместе рассчитался вчера... Я жил в бараке среди этих людей: по доброй русской привычке они толковали о своих несчастьях так много и громко, что, вероятно, их жалобные речи были слышны верст на пять вокруг. Это – скучные люди, раздавленные своим горем, оно сорвало их с родной, усталой, неродимой земли и, как ветер сухие листья осени, занесло сюда, где роскошь незнакомой природы – изумив – ослепила, а тяжкие условия труда окончательно пришибли этих людей»[3].

Была устроена также дорога от Сухума до Цебельды. Сделаны попытки к благоустройству дорог в юго-восточной части Абхазии.

[1] Там же.
[2] Тулумджан А. О. Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905 -1907 гг. Сухуми, 1958. – С. 20.
[3] Горький М. Избран. соч. Л., 1948. – С. 123–124.

Выше приводились данные, свидетельствующие о развитии торговли в пореформенной Абхазии. К этим сведениям, для полноты характеристики указанного явления, добавим следующие факты. Начальник Сухумского отдела в отчете за 1875 год, представленном в Кавказское горское управление, писал: «Что же касается до торговли в крае, то она принимает все более и более обширные размеры и, можно предполагать, что с устройством в крае правильных путей сообщения торговля достигнет цветущего состояния»[1]. В 1874 году по всему краю было выдано 102 свидетельства на право занятия торговлей, в 1875 году – 190. Основным предметом вывоза из Абхазии была кукуруза: в 1875 году ее было вывезено из Очамчирского округа – 60.8 тыс. пудов и из Пицундского округа – 66,2 тыс. пудов[2].

Если общая стоимость товаров, вывезенных за границу в 1886 году через таможенные пункты Абхазии, равнялась 868. 092 руб.[3], то в 1893 году она поднялась до 1.288.818 руб.[4] Стоимость же ввезенных из-за границы товаров в первом случае равнялась 10.210 руб., а во втором снизилась до 3.414 руб. Таким образом, вывоз значительно превышал привоз. Причем усиление торговой связи шло с Россией. Об этом свидетельствует движение коммерческих судов заграничного плавания и каботажа. Например, в 1886 году пришло 703 судна, 130.912 ластов[5], в том числе по заграничному плаванию – 217 судов, 9.393 ласта; отошло 704 судна, 130.922 ласта, в том числе по заграничному плаванию – 220 судов, 9.505 ластов[6].

Росли и обороты внутреннего рынка. По переписи 1897 года в Абхазии «занятых в торговле» было 1.997 человек[7]. Однако емкость абхазского внутреннего рынка была еще незначительна.

Из всего изложенного видно, что общий промышленный подъем нашел свое отражение и в Абхазии. Если же взять в целом Грузию

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79–116.

[2] Там же.

[3] «Кавказский календарь на 1888 год» Тифлис, 1887, отд. I – Краткий экономический очерк Кавказа. – С. 27.

[4] «Кавказский календарь на 1896 год», V – Статистические сведения. – С. 245–246.

[5] Ласт – 2 тонны.

[6] «Кавказский календарь на 1888 год», отд. I–Краткий экономиче¬ский очерк Кавказа. – С. 30.

[7] В 1897 году Гагрский район в перепись не входил.

и Закавказье, то развитие капитализма здесь шло довольно быстро, несмотря на стремление царизма приостановить этот закономерный процесс.

В обрабатывающей промышленности Грузии в 1900 году имелись 51 фабрика и завод[1]. Широко развернулось строительство железных дорог. В 1872 году открылось движение на линии Тифлис–Поти, в 1877 году – Рион–Кутаис. В 1890 году был закончен Сурамский тоннель. Закавказская железнодорожная магистраль соединила Черноморское побережье с Каспийским, а в 1899 году она была присоединена к общероссийской железнодорожной сети.

Приближение железнодорожной линии к Абхазии имело, весьма, важное значение для этого края. Еще более укреплялись его экономические связи с другими частями Грузии и Закавказья.

Строительство железных дорог вызвало развитие горной промышленности в Грузии (марганец, уголь); экспорт бакинской нефти через Батум – строительство крупного порта п мощных заводов по переработке нефти. Развитие промышленности обусловило появление и рост рабочего класса. Капитализм проникал в деревню. Увеличивались торговые обороты. В результате развития капиталистического хозяйства, завершается процесс тесного сближения отдельных частей страны.

«Русский капитализм, – писал В. И. Ленин, – втягивал таким образам Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, – создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирного хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака...»[2].

Однако Закавказье оставалось аграрной, экономически отсталой окраиной Российской империи. Огромное большинство его населения (80 %) было занято в сельском хозяйстве. В частности, в Абхазии в 1897 году 92,5 % населения было отнесено переписью к группе «занятых в сельском хозяйстве» и только 7,5 % составля-

[1] Бакрадзе Г. К. Указ. соч. – С. 74.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 3, изд. 5. – С. 594–596.

ло городское население[1]. Сухум являлся единственным в Абхазии городом. Отражение общего промышленного подъема здесь было еще более ограничено, в силу колониальной специфики края и сохранения глубоких патриархально-родовых и феодально-крепостнических натуральных отношений.

Буржуазная аграрная эволюция пошла пугем медленного перерастания помещичьего хозяйства в хозяйство капиталистическое, обрекая крестьян на мучительную эксплуатацию и кабалу и, являясь залогом «полукрепостной аренды и отработочного, т. е. барщинного, хозяйства, необыкновенно задер-живавшего развпие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии»[2].

Г. А. Рыбинский в 1893 году писал следующее об усилении дифференциации в абхазской деревне и об одной из причин этого явления: «Распределение земель у этих общинников находится в самом хаотическом положении – кто сильнее, тот большим и лучшим участком владеет. Все это порождает крайнюю бедность многих из них»[3].

Г. А. Рыбинский вместе с тем отмечал: «На счастье сухумских помещиков оказалось, что по соседству имелась рабочая сила, поставленная в условия еще худшие, чем китайские кули: за наделением у них привилегированного сословия землей, непривилегированному ничего не осталось, одни камни на горах, огнеупорная глина, да болота»[4]. В другом месте: «В рабочих недостатка не было», и далее приводятся цены на рабочие руки[5].

Наместник Троицко-Сергиевского монастыря архимандрит Леонид, сведения которого относятся к 1884 году, писал: «Я сам был очевидцем тому свидетелем..., абхазцы, соседние с Ново-Афонской. Симоно-Канонитской обителью, ...с охотою работают за поденную плату и сами напрашиваются на работу»[6]. В другом месте: «Абхазцы, которых нельзя нанять работать за деньги, ныне добровольно

[1] «Кавказский календарь на 1908 год», II отд. – С. 140–141.

[2] Ленин В. И. Соч., т. 13, изд. 4. – С. 217.

[3] Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894. – С. 21–22.

[4] Там же. – С. 3–4.

[5] Его же. Абхазские письма. «Кавказ», 19 июня 1893 г.

[6] А. Л. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастрь. М., 1885. – С. 75.

работают на обитель (правильнее сказать: которых прежде нельзя было привлечь к работе ни за какие деньги, – теперь охотно являются на работу в обитель)...»[1]. То же самое наблюдалось в отдельных помещичьих имениях, о чем речь будет идти ниже.

В 90-х, годах в с. Черниговке было 32 двора безлошадных и 24 двора безкоровных; в с. Ольгинском 23 хозяйства, при обработке кукурузных полей применяли наемный труд, в с. Александровском – 19[2].

Руками крестьян, в основном было построено в начале 90-х годов шоссе Новороссийск–Сухум; в работах принимали участие и местные крестьяне.

Выше мы говорили о рабочих, занятых на лесопильных предприятиях Абхазии. Это были главным образом деревенские бедняки, вынужденные прибегать к заработкам. Например, А. И. Агрба (1862–1941 гг.) рассказывал, как он, крестьянский подросток, в начале 80-х годов работал в качестве рабочего у лесопромышленника в с. Калдахвара, трудясь от зари до зари и получая 50 коп. в день[3]. Корреспондент газеты «Квали», говоря о рабочих Кодорского лесопильного завода В. Р. Максимова, писал: «До сих пор помню мою беседу с одним абхазом: «Сидеть на арбе по найму, быть слугой и свинопасом – лучше смерть». Это было твердой верой каждого абхаза, сейчас, думаю, наступает другое время – этот мой знакомый на заводе работает по найму. Думаю, в коротком будущем все абхазы втянутся в это дело»[4].

Главным фактором разложения крестьянства в Абхазии, было наметившееся еще до войны раззитие торгового земледелия.

В Абхазии с 90-х годов стало развиваться виноградное хозяйство капиталистического типа, правда, в небольших размерах. В виноградниках работало по найму местное население. Вино выделывалось, в основном, из сорта «Изабеллы». На рынок оно поступало в незначительном количестве. По вычислению С. Н. Тимофеева, из м. Гудауты вывозилось около 30 тыс. ведер вина; в самой Абхазии продавалось 50–60 тыс. из 500 тыс. ведер всего вина, производив-

[1] Там же. – С. 137.

[2] Розов А. Оригинальные места. «Вестник Европы», сентябрь 1892 г. – С. 255, 257.

[3] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 93, лл. 66–66 об.

[4] Квали. 1898, № 42.

шегося в крае; цены на вина колебались от 60 коп. до 1 руб. 20 коп. за ведро[1].

В имении Арцыбашева в Сухуме, под руководством опытного специалиста В. Германа, в 1889–1901 годах были достигнуты в виноделии значительные результаты. Новые черенки лоз были выписаны из Одессы, Гурзуфа (около Ялты) я других мест. К 1892 году был приобретен ьесь необходимый инвентарь: деревянная посуда (чаны, бочки и пр.) из Феодосии, дроблика из Одессы и пресс из Бессарабии. Был устроен цементный погреб, а над ним – винодельня (она же и бродильня), где вино переливалось в бочки. На выделке и переливании вина было занято 7 рабочих,. В 1893 году цены на вина равнялись от 4 руб. 35 коп. до 10 руб. 85 коп. за ведро. Лучшим вином считалось сотерн, который за свои специфические качества был пущен в продажу под названием «Сухум-сотерна». Вино отправлялось в Москву. Арцыбашевские вина получили похвалы от министра земледелия, художника Верещагина, генерала Анненкова, князя Голицына и других, посетивших Сухум. Кроме того, эти вина были премированы на сухумской выставке золотой медалью[2]. Герман «с успехом» консервирует фрукты и «сбывает эти продукты также в Москву»[3].

В 1893 году В, Герман был приглашен в м. Гудауты, организовать виноделие у Борицкого, из скупленного у абхазского населения винограда лучших сортов – красного качич и белого ауасархуажь. Было устроено временное помещение длч винодельни и бродильни. Вина было сделано до двух тысяч ведер и «опыт можно было считать удавшимся». На юбилейной выставке в Тифлисе, это вино было премировано серебряной медалью. Часть вина была продана в разных русских городах от 4 до 6 руб. за ведро в бутылках, а часть – в Сухуме, где был открыт магазин[4].

Поскольку в Абхазии, как в Имеретин, Мегрелии и Гурии, имелись лишь единичные помещичьи и другие частновладельческие

[1] Тимофеев С. Н. Очерк виноградарства и виноделия в Сухумском округе. «Сб. сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе», вып. IV. Тифлис, 1896. – С. 30–31.

[2] Герман В. Виноградарство и виноделие. «Виноградарство и виноделие в Сухумском округе». Библиотека Абхазского института, шифр Аб. Г–38. – С. 114.

[3] Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйствен¬ном и бытовом отношении. – С. 21.

[4] Герман В. Указ. соч. – С. 18–19.

виноградные хозяйства капиталистического типа, то главная масса сбываемого вина поступала из виноградников, разведенных крестьянами. В 1894 году в Абхазии имелось всего 11 виноградо-водочных заводов[1].

С конца XIX века виноградарство и виноделие приходят в Абхазии в определенный упадок. Акцизные правила 1900 года ограничили выделку крестьянами вина домашним способом из отходов винограда, и фруктов, чем крестьяне лишились значительного дохода.

С виноградарством тесно переплеталось плодоводство. В Гудаутском участке, где эта отрасль, как и виноградарство, развивалась преимущественно, в отдельных селах на хозяйство приходилось от 30 до 100 фруктовых деревьев. Местом сбыта фруктов (яблок, груш, граната, фундука) были г. Сухум и местечки. Значительная часть фруктов продавалась приезжим скупщикам. Огородничество развивалось, главным образом, в селах около г. Сухума, а также Гудаут.

Возьмем, далее, зерновое хозяйство и животноводство. Только заграничный экспорт кукурузы по главнейшим портам Абхазии в 1886 году составлял 1.076 тыс. пудов, на сумму 689 тыс. рублей; в 1893 году – 1.600 тыс. пудов, на сумму 1.040 тыс. рублей[2]. С 90-х годов экспорт абхазской кукурузы падает.

По официальным данным о количестве скота за 1868 год[3], в Абхазии было всего 155.235 голов, из них: лошадей – 5.985, буйволов – 7.529, быков и коров – 49.545, баранов и коз – 80.135, свиней – 12.041. В эти данные не входят сведения по Цебельде и Самурзакано, являвшимся важнейшими скотоводческими районами Абхазии. Кроме того, надо иметь в виду общее сокращение поголовья скота в крае, в связи с переселением части его населения в Турцию, после восстания 1866 года. Особенно, резкое сокращение поголовья скота а Абхазии произошло после русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в связи с более массовым переселением абхазского населения.

[1] «Сб. сведений по виноградарству и виноделию, на Кавказе», вып. IV, 1896. – С. 104.

[2] «Кавказский календарь на 1896 год», V – Статистические сведения. – С. 247–248.

[3] «Кавказский календарь на 1870 г.» . – С. 415.

Но в 1891 году мы имеем уже такую картину: крупного рогатого скота насчитывалось 43.000 голов, лошадей – 13.490, буйволов – 16.000, овец – 55.000, коз – 40.000, свиней– 2.000[1]. Таким образом, в абхазском скотоводческом хозяйстве, особенно в предгорной зоне и горных ущельях, преобладал мелкий рогатый скот. Овцеводство и козоводство носили промышленный характер.

В летнее время мелкий рогатый скот перегонялся в зону альпийских лугов, а на зимовку – в предгорную полосу (ааптра). С 1887 года альпийские горные пастбища сдавались в аренду на основании закона от 29 июня того же года, сроком на 3 года. Арендаторами могли быть сельские общины и частные лица. Обладателями пастбищ фактически оставались помещики. Постоянно происходили стычки из-за этих угодий. Это обстоятельство упрочивало сезонное объединение ското- хозяев, известное под названием «агуп», для совместного выпаса мелкого рогатого скота и найма горных пастбищ, летом; во главе объединения становился обычно самый влиятельный и обладающий большим количеством скота[2].

Одним таким главой «агуп» в конце XIX начале XX века в Бзыбской Абхазии являлся Парча Хашыг (с. Хуап). У него скота было около 300 голов, такое же количество имел каждый из его братьев. П. Хашыг, кроме того, имел хорошую усадьбу, виноградный сад, а также держал наемного пастуха (ачныр), следившего за его стадом в горах, где он постоянно закупал пастбища[3].

В 900-х годах в с. Квитаул, Очемчирского участка, барон-товад Цнария имел до 300 овец и коз; в с. Джгерда крестьянин Ашуба имел до 800 голов баранты, а Б. Амичба занимался эксплуатацией горных пастбищ, снимая их в лесничестве за 80 руб. в год и передавая другим крестьянам в 4–5 раз дороже. В Гудаутском участке в с. Хуап крестьянин В. Барганджия держал около 200 овец и табун лошадей[4].

Еще более промышленный характер носило свиноводство, наиболее развитое в Самурзаканском и Кодорском участках. В Гумистинском участке в селах, расположенных около г. Сухума, были достигнуты определенные сдвиги в развитии молочного хозяйства. У отдельных хозяев были маслобойни и сепараторы. Молоко и его продукты сбывались в Сухум. Однако, в целом, и животноводство имело потребительский характер. Продуктивность скота была очень низка[1].

Птицеводство, также имело некоторое промышленное значение, особенно в пригородных селах. В Гумистинском и Самурзаканском участках, например, в 1890–1900 годах в среднем за один год выращивалось 606.400 голов птицы, или 60–62 головы на дым[2]. Продукцию птицеводства здесь обычно скупали скупщики.

Старинная отрасль сельского хозяйства Абхазии – пчеловодство, хотя и было распространено почти повсеместно, причем в некоторых селах число ульев достигало от 500 до 1600 штук, но было очень отсталым[3]. Хорошо организованная пасека была устроена в Ново-Афонском монастыре, в имении Захаровой, в Цебельде, пчеловодом Горизонтовым и в некоторых других хозяйствах. В других же случаях, пчеловодство было преимущественно любительским, а не промышленным. Тем не менее, продукция пчеловодства занимала важное место в вывозной торговле Абхазии.

Незначителен был удельный вес в экономике Абхазии шелководства, которое наибольшее развитие имело в Самурзаканском и Кодорском участках. К 1904 году в Абхазии было добыто всего 10.000 пуд. коконов[4]. Шелководство было распылено между мелкими производителями, которые были в полной зависимости от скупщиков. В 1897 году в с. Дранды начало функционировать общество шелководов под названием «Шелк». Такие товарищества шелководов возникли также в Сенаки, Кутаиси. Хони и т. д., в целях развития коммерческой деятельности и борьбы со скупщиками[5]. Некоторое развитие имело хлопководство, однако получаемый хлопок почти не продавался и шел, в основном, для собственных нужд крестьянского хозяйства.

[1] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXII–Сухум. СПб, 1901. – С. 150.

[2] Бжания Ц. Н. Коллективная организация абхазских пастухов «агуп». Рукописи, отд. Абхазского института им. Д. И. Гулиа.

[3] Бжания Ц. Н. Коллективная организация абхазских пастухов «агуп» . – С. 11.

[4] Олонецкий А. А. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г. «Труды» Абхазского Государственного музея, вып. II. Сухуми, 1957. – С. 77.

[1] Олонецкий А. А. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г. «Труды» Абхазского Государственного музея, вып. II. Сухуми, 1957. – С. 77.

[2] Мкурнали Н. Птицеводство в Кутаисской губернии. «Кавказское сельское хозяйство», 1902, №№ 15–16. – С. 235.

[3] Олонецкий А. А. Указ. соч. – С. 75, 78.

[4] Бакрадзе Г. К. Указ. соч. – С. 157.

[5] Там же. – С. 148–149.

Таким образом, почти все указанные выше отрасли крестьянского хозяйства были в той или иной мере затронуты процессом капиталистической эволюции. Они все более и более включались в рыночные отношения.

Однако в Абхазии, табак становился ведущей отраслью сельского хозяйства, наиболее выгодным занятием в торговом земледелии. Это было обусловлено благоприятными экономическими и природными условиями, а также связано с растущими потребностями развивающейся российской табачной промышленности, которая стремилась к созданию собственной сырьевой базы. С 80-х годов табаководством начинают заниматься почти во всех селах Абхазии. Этому способствовала иммиграция из Турции опытных табаководов – армян, греков и лазов. Табаководство было распространено, главным образом, в прибрежной зоне и в Цебельде, где естественные условия наиболее благоприятствовали разведению данной культуры.

В 80–90-х годах колонизация в Абхазии принимает сравнительно массовый характер. В этот период усиливается тяга сюда безземельных крестьян из соседних районов Западной Грузии. Земледельцы и колонисты из внутренних губерний России отдавали свои земли в аренду безземельным крестьянам-табаководам. Промышленное табаководство, как уже отмечалось, прививалось и среди местного населения. В 1898 году Л. Гукасян констатировал, что здесь «после кукурузы, культура табака занимает второе место в хозяйстве»[1].

К середине 80-х годов, на Закавказье приходилось свыше 4% всей площади плантаций и всего сбора табака в Российской империи, около 7% всего числа плантаций и свыше 8% всего собираемого в империи турецкого табака. А внутри Закавказья уже со второй половины 80-х годов главным районом промышленного производства высших сортов табака становится Абхазия[2].

На уровень табаководства в Абхазии громадное влияние оказывала связь с центральными табачными рынками – морем с Крымом, Одессой, Ростовом и далее через эти пункты – с Петербургом, Москвой.

[1] Цит. по статье П. В. Гугушвили «Табаководство в Грузик и Закавказье. 1801 –1920 гг.» . – С. 188.

[2] Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958. – С. 412 , 413, 448.

С 1885 по 1895 год в Абхазии площадь земли под табачными плантациями увеличилась в 12 раз (с 125 до 1.612 десят.), а сбор табака – в 15 раз (с 6.000 до 93.476 пуд.). В течение 1895–1900 годов наблюдался дальнейший рост производства табака: площадь табачных плантаций и сбор табака увеличились примерно вдвое.

В 80-х годах в Абхазии имелись табачные плантации размером в 5–6 десят., что подтверждает промышленный характер табаководства. К концу XIX века количество табачных плантаций достигло 3–4 тыс. Из 4.434 плантаций, имевшихся в 1899 году, промышленных было 3.243 и так называемых хозяйственных– 1.191. Общая площадь промышленных плантаций равнялась 2.763 десят., а снимаемый сних урожай табака – 146 тыс. пудов. Табачных плантаций этого рода размером до 1 десят. было 2.071, общей площадью в 331 десят.; число плантаций размером свыше 1 десят. – 1.172, общей площадью в 2432 десят.; под табачными плантациями размером от 2 до 4 десят. насчитывалось 432, общей площадью в 1.026 десят.; под плантациями размером от 4 до 18 десят. – 115, общей площадью в 643,8 десятин[1].

Эти данные говорят не только о процессе концентрации производства табака в руках более зажиточной части табаководов, но и о значительном развитии капиталистического хозяйства, так как для обработки 1 десят. табака, являвшегося весьма трудоемкой культурой, требовалось не менее двух сезонных рабочих[2].

Крупные табаководы в Абхазии применяли наемный труд в довольно широких размерах. В газете «Кавказ» в 1898 году отмечалось: «Значительным подспорьем в хозяйстве бомборцам служат заработки на табачных плантациях у греков, арендующих по соседству, в версте и двух, земли у абхазского помещика Лакербая. Помесячно греки платили 18 руб. на хозяйских харчах, но харчи–кукуруза и подозрительная похлебка – были так плохи, что поселенцы от них отказались и сами продовольствуются. Работая по урокам,

[1] Щербачев В. С. Обзор табаководства в России, вып. 1. – С. 84; «Отчет заведующего акцизными сборами в Закавказском крае и Закаспийской области о ходе акцизного дела в 1899 г. Л. Jl. Першке». СПб, 1900. – С. 97–98; за 1900 г. – С. 109.

[2] Мочалов В. Д. Указ. соч. – С. 416.

непрерывно от зари до зари, зарабатывают дети 30, а взрослые 70 коп. и рубль в сутки»[1]. Для многих крестьян с. Баклановки также «важным подспорьем служат заработки на табачных плантациях, у живущих на соседних, возвышенных здоровых местностях армян»[2].

В материалах к съезду табаководов сообщалось, что в Абхазии (Сухумском округе) «огромное большинство табаководов-переселенцев во всем округе не может обойтись без посторонних рабочих рук»[3].

Рабочих нанимали поденно, помесячно или на год. Рабочим платили в год, в среднем, 120 руб. Некоторые рабочие взамен денежного вознаграждения получали третью часть (редко четвертую) урожая табака. Эксплуатация сельскохозяйственных рабочих на табачных плантациях была особенно жестокой.

В. И. Ленин в 1899 году писал: «В литературе было уже указано, что положение рабочих на табачных плантациях самое тяжелое»[4].

С первых же шагов своего развития табаководство в Абхазии попало в зависимость от крупных табачных торговцев и табачных фабрикантов. На побережье Абхазии приезжали скупщики из Петербурга, Москвы, Одессы, Феодосии, Ялты; Трапезунда, Константинополя. В 1897 году в Сухуме были оптовые табачные склады, принадлежавшие табачным фабрикам Богданова и К°, Лаферм, Бураса, Асмолова и Фунтопуло. Заготовленный абхазский табак почти весь вывозился; никакого табачного производства на месте табачные экспортеры не открывали. Так, за время от 5 декабря 1886 года по 20 августа 1887 года из Абхазии было вывезено всего 17.489 пуд. табака, из них только 8,8% приходилось на долю местного закавказского рынка[5].

Основная масса плантаторов-табаководов подвергалась эксплуатации со стороны скупщиков и деревенских кулаков. Г. А. Рыбинский писал, что выгоды табаководов-крестьян от занятия табаководством «в настоящее время поглощаются всецело скупщиками». Скупщики «дают задатки табаководам и благодаря этому за очень низкие цены скупают будущий урожай этого продукта у производителей... Табаководы-поселенцы, жалуясь на Скупщиков, говорят, что их обвешивают, что умышленно их табак бракуется по привозе в склады сухумских скупщиков и этим путем принуждают производителей табаку брать за него такую цену, какую им захотят предложить скупщики; одним словом, табаководы нашего побережья находятся в какой-то исключительной кабале у скупщиков-капиталистов»[1].

Т. Сахокия в 1903 году писал: «Кто знает, сколько разжирело на сухумской торговле табаком, сколько приобрело целое состояние, большие поместья»[2].

Если крупные табачные плантации в Абхазии принадлежали самостоятельным табаководам-промышленникам капиталистического типа, то владельцы мелких и средних плантаций, составлявшие большинство табаководов, вели хозяйство, главным образом, на арендованной земле. Земли арендовались в основном у абхазских помещиков, а также у крестьян и монастырей. Арендные ставки колебались в год за десятину от 10 до 25 руб.[3]

На примере развития табаководства в Абхазии можно еще раз убедиться в том, что быстрое развитие торгового земледелия неразрывно связано с образованием капиталистических отношений в сельском хозяйстве[4].

Происходили определенные сдвиги и в помещичьем хозяйстве. Были абхазские помещики, которые запахивали арендным способом по нескольку сот десятин. В имениях некоторых из них (Инал-ипа, Шервашидзе) были заведены железные плуги и другие усовершенствованные сельскохозяйственные орудия[5].

Общий денежный доход от имения князя Г. Д. Шервашидзе в 1883 году исчислялся почти в 7 тыс. руб., не считая значительных натуральных, доходов. В хозяйстве этого помещика с каждым годом происходили дальнейшие заметные изменения. Оно было более

[1] Цит. по книге И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – С. 246.

[2] Там же. – С. 249.

[3] «Кавказское сельское хозяйство». 1898, № 3 (210), Приложение - «Материалы по табаководству». – С. 7.

[4] Ленин В. И. Соч., т. 3, изд. 5. – С. 297.

[5] Щербачев В. С. Указ. соч. – С. 90.

[1] Рыбинский Г. А. Указ. соч. – С. 8–9.

[2] Сахокия Т. Путешествие. Тбилиси, 1950. – С. 299.

[3] Щербачев В. С. Указ. соч. – С. 85; Н. В. Фон-Дервиз. Указ. соч. – С. 33.

[4] Мочалов В. Д..Указ. соч. – С. 417.

[5] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 29, 33.

или менее тесно связано с рынком, куда сбывалась определенная часть продуктов. Из имения шли на рынок кукуруза, вино, лес, табак, фрукты, сено. Так, например, в 1883 году турецкому купцу Ахмед-Рейза было продано 1.500 пудов кукурузы по 79 копеек за пуд, а феодосийскому фабриканту Чемберджи – 50 пудов табака[1].

В хозяйстве Г. Д. Шервашидзе применялся наемный труд. Его «Кассовые книги» хорошо свидетельствуют об этом явлении. Так, в книге за 1883 год говорится об уплате 5 рабочим, нанятым для содействия землемеру Моисееву, 6 руб. (по 40 коп. в сутки); «поденному работнику» на плантации Антону Саная – 2 руб. 40 коп. Плотникам Д. и Б. Кварацхелия, работавшим на строительстве мельницы в течение 13 дней, было заплачено 36 руб. 40 коп. Интересны и такие факты. За 1882 год в контору поступили «арендные деньги» от крестьян: Н. Хурция – 88 руб., Дату Чочия и Л. Давитая – 62 руб. и т. д.[2] Такую сумму могли платить лишь кулаки.

В 80–90-х годах, на Абхазском побережье возник ряд «садовых и огородных предприятий». «Большую практическую помощь приносит городу», например, дача Наганского, снабжавшая весь Сухум овощами и фруктами[3]. В 4 километрах от Гудаут, в районе Бамбора, фельдшер В. Иванов[4] организовал «большой фруктовый сад», который до 1893 года представлял собой едва ли «не единственный по своей особенной величине и благоустройству сад, в котором правильными рядами рассажены разнообразные фруктовые деревья»[5]. Имению великого князя Александра Михайловича «Синоп» также придавалось прежде всего «коммерческое значение». Основываются «садовые заведения» Ф. Ноева «с обширной промышленной культурой луковичных растений (гиацинты, тюльпаны), пальм» и сад Беклемишева «с обширной культурой луковичных растений, эвкалиптов и роз для добычи розового масла»[6]. Проф. А. И. Воейков, посетивший Сухум в 1898 году, отмечал, что благодаря садоводу Ноеву «уже наполовину уменьшился ввоз луковиц (цветочных. – Г. Д.) из Голландии, еше недавно снабжавшей ими всю Европу»[1]. «Но самым большим садом нужно признать содержимый в образцовом виде сад Ново- Афонского монастыря»[2].

Вообще монастыри являлись крупнейшими хозяйствами. В газете «Кавказ» в 1898 году сообщалось, что в Ново-Афонском монастыре жило до 300 монашествующих, 400 послушников и несколько сот рабочих[3]. В начале XX века указанный монастырь владел 3.899 десят. земли. Культивированной земли было 99 десят. Под масличным садом было занято 25 десят., на которых росло 13 тыс. деревьев, давших в 1901 году 500 пудов маслин. Лимонный и апельсиновый сад занимал 4 десят., на которых росло 13 тыс. деревьев, давших в 1901 году 64 тыс. плодов. Фруктовый сад и виноградник занимали 33 десят.; в 1901 году было собрано 700 пуд. яблок и 1000 пуд. винограда, из которого было выработано 900 ведер вина. Две десятины были заняты пасеками с 500 ульями, с которых в 1902 году было собрано 200 пудов меда и 23 пуда воска. Под зерновыми культурами было, занято 60 десят., а под клевером – 8,5 десятины. Количество крупного рогатого скота и лошадей превышало 150 голов[4]. Монастырь имел, кроме того, крупное рыбное хозяйство[5], электростанцию, мастерские (чугунолитейная, механическая, столярная и др.), заводы (конский, кожевенный, кирпичный, свечной), мельницу, подворья (в Пицунде, Новороссийске, Петербурге и в других местах) и пр.[6] Еще в 1881 году, для расширения коммерческой деятельности, монахи выпросили у царского правительства разрешение на организацию грузовых рейсов по Черному морю. Для этой цели они в том же году построили пассажирскую и грузовую пристани. В дальнейшем была построена узкоколейная железная дорога.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 15, лл. 15–17 об.

[2] Там же, д. 15/136, лл. 10 об., 13, 27, 30.

[3] Из отчетов за время с 1878 по 1881 г. «Кавказский календарь на 1883 год». – С. 244.

[4] Иванову В. в Бамбора в 1878 году был отведен участок из общинных земель.

[5] Фон-Дервиз Н. В. Указ. .соч., стр. 44–45.

[6] «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И А Ефрона, т. XXXII. – С. 149.

[1] Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Черноморское побережье. – С. 61.

[2] Фон-Дервиз Н. В. Указ. соч. – С. 46.

[3] И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – С. 245.

[4] Васюков С. Указ. соч. – С. 164–170.

[5] Не ограничиваясь Абхазией, в начале 900-х гг. Новый Афон организовал рыбные промыслы в Азербайджане, на Каспийском море, где в Кумбашах работало свыше 30 человек «братии».

[6] Мачавариани К. Д. Путеводитель..., – С. 189–190.

Все работы, свидетельствовал С. Васюков, посетивший Ново-Афонский монастырь в 1902 году, «главным образом производятся нанятыми рабочими, которых круглый год работает 280 человек с платой от 25 к. до 50 к. в день на монастырском содержании летом, а зимой – от 15 до 25 к. в день.» Положим, говорили рабочие, здесь работать трудней, нежели в других местах, очень уж большой надзор – покурить не дают монахи... только и отдых за обедом да ужином... Пища неважная... Нашего брата в больницу не пущают!»[1].

Увеличивался завоз усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, которые находили применение как в хозяйствах более передовых помещиков, так и в некоторых кулацких. Особенно в переселенческие села широко завозились железные плуги различных систем и заводов из Одессы, Риги и других городов. Распашники же делались на месте кузнецами[2].

Г. А. Рыбинский отмечал, что колонисты улучшали технику полевых работ. Если обычным старинным способом крестьянин мог обработать под кукурузу не более 3 десят., то эстонец, например, благодаря плугу завода Г. Ф. Эккерта и некоторых приспособлений к нему, обрабатывал 5 десят. земли. Прополку кукурузы он облегчал для себя на половину с помощью плужка, которым бороздил кукурузу по ее рядам. «В этом и заключается разгадка, почему эстонец снимает двойное количество кукурузы». Данный способ обработки земли «нужно распространить среди всего населения» Абхазии, чем должно заняться, в частности, сельскохозяйственное общество[3].

Один из крупных землевладельцев сделал попытку узнать, «насколько могут быть прибыльны технические усовершенствования», применительные к обработке земли в Абхазии. 40 десятин земли он отдал в аренду (по 10 руб. за десят.) одному галичанину из Австрии, знакомому «с заграничным способом возделывания кукурузы». Он «не пожалел даже денег» на выписку из-за границы кукурузной рядовой сеялки и других машин, вызвавших с его стороны затрату 1500 рублей, и все это передал безвозмездно в пользование арендатора. Правда, эти попытки не увенчались успехом[4].

[1] Васюков С. Указ. соч. – С. 167-168.
[2] Фон-Дервиз Н. В. Указ, соч. – С. 367.
[3] Рыбинский Г. А. Указ соч. – С. 19-21.
[4] Там же. – С. 6–7.

Следует сказать еще о некоторых новых сельскохозяйственных культурах, внедрявшихся в Абхазии переселенцами. Уже в начальном периоде колонизации, русскими переселенцами были произведены опыты разведения гречихи, которая дала «блестящий урожай» (сам 30) и ячменя (сам 18), причем оказалось возможным производить два посева в год. Большое развитие получило огородничество и садоводство, о чем уже частично говорилось. В селах Владимировке и Новой Черниговке Сказенов и Зубенко имели питомник не только фруктовых деревьев, но и декоративных[1]. Это относится и к животноводству. Особо следует отметить факт развития культурного пчеловодства. В некоторых русских поселениях были организованы промышленные пасеки, заведены рамочные ульи, вальцы для выделки искусственной вощины, центробежки и прочее оборудование[2].

Таким образом, переселенцы приносили в Абхазию более высокую агротехнику, способствовали внедрению новых или более рентабельных видов растениеводства и других отраслей сельского хозяйства, в том числе высокотоварных. Все более и более развивалось сотрудничество трудящихся на базе обмена трудовыми навыками, орудиями и приемами труда.

С другой стороны, переселенцы заимствовали от местного населения отдельные сорта сельскохозяйственных культур и породы животных, различные принадлежности конской упряжи, вооружения и т. д.

Абхазская деревня постепенно меняла и свой внешний облик. Профессор Ф. И. Пастернацкий, проезжая по селам северо-западной части Абхазии летом 1898 года, встречал «благоустроенные дома и аулы с опрятными улицами, чистыми дворами, нередко и каменные здания, и все это утопает в зелени прекрасных садов». В другом месте он отмечал: «Мы и ранее видели богатые поселения Абхазии и их жителей, но в Лыхнах мы были поражены благосостоянием их жителей». Далее Лыхны, в глубь района, Пастернацкий и его спутники не ездили, но инженер В. К. Константинов, начальник

[1] Из отчетов за время с 1878 по 1881 г. «Кавказский календарь на 1883 год» . – С. 244.
[2] Агума Я. Состояние и перспективы развития пчеловодства в Абхазии. Сухуми, 1938. – С. 7–8

Гудаутского участка Яковчук и другие лица уверяли их, что вся Абхазия от с. Звандрипш на западе до с. Мцара на востоке и от Гудауты на юге до горы Дыдрипш – «густо населена, поражает на каждом шагу красотою местности и благосостоянием жителей; такие селения как: Арко, Ачандара, Дурипш, Тасраква, Куланурхва, Бакланка, Мцара и Ацы – все эти места, по отзыву тех же лиц, благоприятны и в климатическом отношении...»[1].

Конечно, дело было совсем не так. Жили относительно хорошо лишь кулаки и зажиточные крестьяне. Основная же крестьянская масса в Абхазии жила в нищете и ей не были доступны возможности полностью пользоваться своим краем, «благоприятным и в климатическом отношении».

Рост торгового земледелия, возникновение и развитие капиталистических форм хозяйства и капиталистических отношений, хотя и в слабой степени, но постепенно разрушали остатки патриархально-феодальных отношений в Абхазии, содействовали становлению более прогрессивных общественных отношений в абхазской деревне.

Из всего изложенного становится ясно, каковы были социально-экономические последствия присоединения Абхазии к России. Развитие в России капитализма вширь не могло не оказывать влияние на экономическое развитие Абхазии, которая вместе со всей Грузией являлась частью целого народно-хозяйственного организма России.

[1] Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Указ. соч. – С. 171 – 172.

● ГЛАВА ПЯТАЯ ●

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ АБХАЗИИ ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО И КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

Социально-экономическое развитие Абхазии в рассматриваемый период свидетельствует о прогрессивном значении присоединения ее к России. Учитывая, однако, прогрессивное влияние великого русского народа на все стороны жизни других народов, входивших в состав Российской империи, при этом нельзя закрывать и о другом – о колониальной политике царизма, произволе местной администрации, об отрицательном влиянии на развитие этих народов умышленной консервации культурной и экономической отсталости народов окраин со стороны царского правительства. Академик А. М. Панкратова в своей речи на XX съезде КПСС совершенно справедливо отметила, что «в наших учебниках и книгах по истории отдельных народов почти не уделяется внимания разоблачению национально-колониального гнета царского самодержавия»[1].

Забывать об этом, значит смягчить и приукрасить завоевательную политику царского самодержавия, умолчать о жестокостях, которые проявили военачальники, о неограниченном произволе администраторов, обогащавшихся за счет прямого военного грабежа населения национальных окраин. Известна, например, директива Николая I об «усмирении навсегда горских народов или истреблении непокорных»[2]. Н. Н. Раевский с возмущением писал: «Местное правление на Кавказе недовольно отличало... частные разбои от общих нападений». Он подчеркивал, что царские военачальники

[1] «Правда», 28 февраля 1956 г.
[2] Цит. по указ. статье А. В. Фадеева. – С.74.

«мстили целым племенам за вину нескольких людей». Бичуя «произвол, злоупотребления и беспорядки», царившие в органах царской администрации на Кавказе, Раевский указывал: «В областях Кавказского края, где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»[1]. Русский революционер-демократ Н. А. Добролюбов отмечал, что царское управление на Кавказе «не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»[2].

Принявшие подданство России, кавказские народы ка протяжении многих десятилетий управлялись военными чиновниками. Еще генерал А. П. Ермолов, вскоре после своего назначения на Кавказ в 1816 году, дал такой отзыв о царских чиновниках в Грузии в донесении начальнику Главного штаба: «Если и приезжают в Грузию чиновники, то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и другому поведению нигде уже в России не могли найти себе места. Вся цель их состоит только в том, чтобы, воспользовавшись определенным пособием, иметь возможность удовлетворить своим наклонностям»[3]. Граф И. Ф. Паскевич в 1829 году также писал: «Народ страдал, правосудия не было... Злоупотребления низших местных начальств доходили до высшей степени»[4].

Сенаторы Кутаисов и Мечников, производившие ревизию управления Грузией в 1830–1831 годах, сообщали, что приставы управляют не как чиновники от правительства, но как помещики своими поместьями[5]. Генерал Г. И. Филипсон, вспоминая о периоде своей службы на Кавказе, писал, что последний в это время являлся «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или из неловкого положения»[6]. В Абхазии, в частности, в этом отношении положение особенно обострилось после введения в ней непосредственного российского управления.

Царизм старался постепенно ограничить права Абхазского и других княжеств Западной Грузии и при помощи владетелей влиять на их внутреннюю жизнь. Он практиковал использование сил одного княжества против другого. Однако существование автономных единиц, в известной мере, тормозило развитие колониальной политики царизма. Лишь во второй половине XIX века – в эпоху развития капитализма – Абхазия, как и вся Грузия и Закавказье, становится настоящей колонией царской России[1].

Колониальная политика царизма проявлялась и в идеологической сфере. Например, российская официальная церковь здесь, как и повсюду, выступала как верное орудие колониальной политики царизма. При этом, однако, последний изображал себя «защитником» и «покровителем» христианского населения. Царское правительство с помощью грузинских церковных деятелей восстанавливало христианство в Абхазии, Сванетии и других местах.

Еще в 1809 году, протоиерей Иоанн Иоселиани, «желая оказать услуги е. и. в.», поехал в Абхазию, чтобы «вселить» в абхазское население «верноподданническую преданность» императору[2]. В 1831 году здесь была учреждена архиепископская кафедра, состоявшая в ведении русского Синода через посредство Кавказского экзархата[3]. Кавказский наместник М. С. Воронцов, настаивая на немедленной организации Абхазской архиерейской кафедры, писал А. И. Чернышеву 26 марта 1851 года: «Отлагательство, однако, будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для христианства вообще, и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих... горах и плоскостях всегда должны получать от распространения нашей веры...»[4].

Однако методы и цель достижения этих «великих успехов», вопреки официальным утверждениям, не могли, конечно, обеспечить их. С другой стороны, эти методы и задачи церкви, как и вся система действий и цели царизма, препятствовали действительному великому прогрессивному делу тесного сближения местного населения

[1] Цит. по указ. статье А. В. Фадеева. – С.74.
[2] Добролюбов Н. А. Полное собр. соч., т. IV. М., 1937. – С.155
[3] АКАК, т. VI. ч. 1. – С.45.
[4] Там же, т. VII, ч. I. – С.18.
[5] Там же, т. VIII, ч. I. – С.41.
[6] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», кн. 6, 1883. – С.285.

[1] Думбадзе М. Западная Грузия в первой половине XIX века. Тбилиси, 1957, гл. IV.
[2] Письмо И. Иоселиани ген. Тормасову от 23 декабря 1809 г. АКАК, т. IV. – С.416.
[3] АКАК, т. X, ч. II. – С.899.
[4] Там же, ч. I. – С.231.

с русским народом, жизненная необходимость которого была продиктована самой историей.

Святополк-Мирский так характеризовал деятельность миссионеров и результаты этой деятельности: «По недостатку у нас нравственных элементов для такой деятельности все наши попытки в этом деле имеют какой-то характер, смею сказать, недостойный такой высокой и священной цели, и поэтому вместо успеха возбуждают часто лишь справедливые нарекания и ненависть. В Абхазии поэтому случалось и существует то же, что и везде»[1]. Генерал Гейман также писал, что в Абхазии начали «чуть не насильственно вводить христианство»[2].

Верными помощниками миссионеров являлись абхазские князья и дворяне. Епископ Имеретии и временно управляющий Абхазской епархией Гаврил (Г. Кикодзе) в «Обозрении абхазских и самурзаканских приходов за 1869 г.»[3] по поводу своей проповеди в с. Ешера писал: «Убеждал простой народ последовать примеру своих помещикоз, говоря, что, верно, они лучше их понимают это дело». За помощь «миссионерскому делу» многие князья и дворяне Абхазии были награждены знаками и крестом «Общества восстановления христианства»[4].

Колониальная политика царизма имела сугубо классовый характер. Она, как мы частично видели, вообще опиралась на союз с местными феодалами и обостряла эксплуатацию трудящихся масс.

Все это вызывало стихийное недовольство масс местного населения. Крестьянство в этом движении выступало против царской России, против которой неустанно боролся и сам русский народ; против того правительства, которое А. И. Герцен в «Колоколе» назвал «шайкой разбойников и негодяев».

Именно поэтому, лучшие представители русского народа – Чернышевский и Герцен поддерживали освободительную борьбу народов Российской империи против царизма. Они предсказывали будущее освобождение этих народов, их объединение в братской семье. В 1853 году Герцен писал: «Из-за насильственного единства

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 2784, л. 160.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, л. 326 об.
[3] «Кавказ», 1870. №№ 133 и 139.
[4] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 16, 1871 г., д. III, л. 4.

виднеется единство свободное..., единство, основанное на признании равенства и самобытности...»[1].

В Абхазии, в частности, эта борьба к тому же была в сущности неотделима от борьбы против местных княжеско-дворянских реакционных элементов, «всей системы феодально-помещичьей эксплуатации. Неразрывная связь борьбы крестьян против местных помещиков с борьбой против колониального гнета была вообще характерным явлением классовой борьбы в крае почти на протяжении всего XIX века.

Борьба против царского гнета нередко принимала общенародный характер, где временами выступали различные классы и социальные группы, которые вели одновременно борьбу также и между собой. Причем характер участия представителей феодального класса в этом движении менялся по мере того, как царизм упрочивал свои позиции в Абхазии. Это относилось прежде всего к той части местной феодальной знати, которая выступала против присоединения к России, так как в системе русского централизованного государства она должна была поступиться своими политическими привилегиями и лишиться некоторых источников обогащения. Кроме того, многие из представителей этой знати, и в некоторых других местах Кавказского края, давно придерживались протурецкой ориентации, вследствие религиозной общности и материальной заинтересованности в торговых сношениях с султанской Турцией и особенно в сбыте, обращенных в рабство пленных.

Но всюду, где «общенациональная» борьба принимала широкий размах, основную массу борцов и решающую силу составляло крестьянство. Поэтому главным вопросом, который возникает при разработке истории подобного характера движения, является вопрос о его социальном характере. Необходимо четко разграничить борьбу крестьянских масс от временного участия в движении представителей феодалов, оценить по существу классовые устремления и политические цели тех и других.

Уже впервые годы после подписания владетелем Абхазии «просительных пунктов» о принятии им российского подданства, во всей Грузии «бродило сильное волнение в умах», и крестьяне

[1] Герцен А. Полное собран, соч. и писем, т. 7. Пгр, 1919. – С.257.

Ксанского ущелья в Картли открыто восстали, «Абхазия бунтовала»[1]. Сухумский гарнизон жил в постоянной блокаде, за стены крепости «нельзя было сделать шагу»[2].

В 1813 году в Самурзаканской Абхазии имело место убийство тамошнего князя Манучара Шервашидзе, отличавшегося жестокостью и развратным характером. Он обесчестил жену окумского крестьянина Маджи Кварацхелия, что привело к убийству князя названным крестьянином. Феодалы решили наказать последнего руками самих крестьян. С этой-целью они в с. Окум соззали народное собрание, которое должно было вынести решение о строгом наказании М. Кварацхелия. Однако крестьяне взяли Маджи под свою защиту. Составляя подавляющее большинство собрания, они добились освобождения его[3], и он бежал затем в с. Дурипш[4].

В 20-х годах положение царизма во всем Закавказье стало напряженным. В этот период часты были антиколониальные крестьянские выступления. Они проявлялись отдельными вспышками, иногда же разгорались в огромный пожар, охватывающий крупные районы и заставляющий царские власти напрягать все свои силы. Главнокомандующий в Грузни генерал А. П. Ермолов вынужден был признать, что хотя «владения России раздвинулись в Закавказье, но для умиротворения края, для внушения туземному населению доверия к русскому правительству сделано было мало»[5].

О положении в Абхазии А. П. Ермолов в 1820 году писал управляющему Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде: «Карты всей Абхазии не имеется и снять оную не иначе возможно, как войдя в землю довольно с сильным отрядом войск...»[6]. Владетель Абхазии вынужден был постоянно обращаться к царскому коман-

[1] Михайловский-Данилевский А. Н. Собран, соч., т. III, СПб, 1849. – С. 170.

[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С.181.

[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1869 г., д. 1019. л. 13 об; ССКГ, в. III. – С.24; Предание об убийстве Манучара Шервашидзе, рукопись. Кабинет истории СССР Сухумского Госпединститута им. А. М. Горького.

[4] Инал-ипа Ш. Дурипш (Опыт историко-этнографического изучения колхозного быта абхазской деревни). «Труды» Абхазского института им. Д. И. Гулиа, XXIX. Сухуми, 1958. – С.96, прим. 36.

[5] Потто В. Утверждение русского владычества па Кавказе, т. III, ч. II. Тифлис, 1904. – С. 445, 475.

[6] ЦГАДА. ф. Ермоловых, д. 256. – С.9–12.

дованию на Кавказе с просьбой о помощи. И военная администрация не раз посылала войска в Абхазию, чтобы «силой оружия унять» население. Генерал Курчатовский в ответ на одно из таких обращений владетеля откровенно говорил: «Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться»[1].

Крупнейшим событием этого периода было восстание в Имеретин и Гурии в 1819–1820 годах. Выступление, начавшееся сперва в Имеретин, послужило толчком к гурийскому восстанию; затем то и другое оказали влияние на Мегрелию, Абхазию и т. д. «Дух мятежа всеобщий, – доносил командующий царскими войсками в Имеретин генерал Горчаков, – Гурия и Мингрелия готовятся действовать заодно с имеретинами, а имеретинцы под рукою спокойно сносятся с Абхазией...»[2]. Крестьяне Абхазии настолько сочувствовали восстанию в Имеретин, что «абхазцев остается им (имеретинским повстанцам. – Г. Д.) только пригласить» для совместной борьбы, доносил генерал Курнатовский[3].

В Абхазии вооруженная борьба вспыхнула в начале 1821 года, вслед за смертью владетеля Георгия (Сафарбея) Шервашидзе. последовавшей 7 февраля. Восстание началось нападением ешерских крестьян (около 200 человек) на отряд Сухумского гарнизона, а на зторой день был совершен налег на передовой форпост крепости з Сухуме. В средних числах апреля сюда прибыл генерал Горчаков. Многие жители сделали ему заявление о намерении сжечь свои жилища и удалиться в неприступные горы, в случае появления в пределах Абхазии дополнительных войск. Горчаков, сознавая, что его поездка в Абхазию «не имела успеха», ограничился лишь сменой сухумского коменданта майора Могилянского, пользовавшегося, по характеристике самого Горчакова, «всенародной ненавистью», майором Ф. Михиным, который незадолго до этого отличился при «усмирении» Гурии. Однако не успел Горчаков выехать из Абхазии, как «вспыхнул открытый мятеж»[4].

[1] Рап. ген. Курнатовского ген. Сталю от 9 мая 1818 г. АКАК, т. VI, ч. I, док. 443.

[2] Потто В. Указ. соч. – С.505.

[3] Рапорт Курнатовского Вельяминову от 8 нюня 1819 г. АКАК, т. IV, ч. I. – С.536.

[4] Потго В. Указ. соч. – С.553–557.

Положение осложнялось тем, что Гасанбеи Шервашидзе (родной брат умершего владетеля), которого многие абхазские тавады желали провозгласить владетелем Абхазии, был арестован и сослан в Сибирь, а «правительницей» Абхазии, по совету владетеля Мегрелии Левана Дадиани, была провозглашена вдова Георгия Шервашидзе княгиня Тамара, тетка Левана. Такое грубое вмешательство военной администрации в внутренние дела Абхазии вызвало возмущение среди абхазских феодалов, многие из которых в знак протеста отказались признавать княгиню Тамару Шервашидзе правительницей. С другой стороны, волнением в Абхазии стремились воспользоваться сторонники турецкого агента Асланбея Шервашидзе, усилившие агитацию за признание его владетелем.

Один из повстанческих отрядов напал на очемчирский дом владетеля, где были убиты «княжеские люди», а из илорского имения – угнан табун лошадей в 200 голов. Кроме того, в с. Кодор повстанцами была окружена «правительница» Абхазии Тамара Шервашидзе. Однако майору Михину удалось вывезти из окружения княгиню на военном судне. Затем он это судно направил в сторону Гагр для обстрела картечью повстанческих «скопиц» на побережье[1].

В это время в Абхазии появился Асланбей Шарвашидзе, пытавшийся использовать развернувшееся в крае народное движение. Ему в известной мере удалось оказать на это восстание свое влияние. Живучесть патриархально-родовых пережитков обусловливала известную доверчивость крестьян к части феодалов, примкнувшей к движению и преследующей свои цели. В народном движении 1821–1824 годов это было одной из слабых сторон, наряду с другими – отсутствием организованности, твердого руководства и т. д. Тем неменее Асланбей не был и не мог быть подлинным руководителем восстания: цель крестьянских масс и цель Асланбея и других феодалов были различны.

Как уже отмечалось, в Абхазии, как и повсюду на Кавказе стихийные выступления крестьянских масс, имевшие антиколониальный характер, пытались возглавить и использовать в своих целях враждебные России феодально-клерикальные элементы, среди которых преобладали сторонники протурецкой ориентации. Со своей стороны правящие круги Турции готовы были поддержать

[1] Потго В. Указ. соч. – С.558–559.

любое выступление на Кавказе, направленное против России, посылая в то же время сюда вооруженные банды для организации всевозможных диверсий и мятежей в тылу русских войск.

Из Петербурга поспешно был отправлен на Кавказ наследник абхазского престола полковник Дмитрий (Омарбей) Шервашидзе, с 1810 года воспитывавшийся в Пажеском корпусе. Горчаков во главе экспедиционного отряда и с новым владетелем двинулся в Абхазию. Отряд 1 ноября подошел к р. Ингур, где стало известно, что повстанцы, до 3 тысяч человек, стоят «на крепкой позиции» между р. Кодор и с. Келасури[1].

Первое столкновение с повстанцами произошло недалеко от р. Кодор. Свидетель событий историк Николай Дадиани в своем сочинении «Картвелта цховреба»[2] довольно подробно говорит о том, исключительно упорном сопротивлении, которое было оказано населением. «Здесь сражение продолжалось без перерыва шестнадцать часов; в этот день «абхазцы сражались так сильно, что никогда не было слыхано ничего подобного со стороны их...», – отмечал он. Но благодаря беспрерывному действию пушек и дальнобойных винтовок экспедиционный отряд продвинулся вперед и 13 ноября достиг Сухума.

Генерал Горчаков действовал типичными для царского администратора военно-феодальными методами. По свидетельству Дадиани, войска «совершенно сожгли и опустошили город и окрестные его деревни, а равно и дворец Шервашидзевых...»[3]. Отсюда был послан особый отряд в Цебельду (Цабал) «для наказания главнейших виновников»[4]. С основной же массой войск Горчаков направился в с. Лыхны. Он послал в разные концы Бзыбской Абхазии отряды, которые, «опустошив многие места и взяв добычу, вернулись и пригнали много скота»[5]. Асланбей снова бежал из Абхазии, а многие его сторонники-феодалы, примкнувшие к движению по определенным соображениям, явились к генералу Горчакову с повинной[6].

[1] АКАК, т. VI, ч. 11. – С.658–660.

[2] Рукопись этого источника хранится в Зугдидском музее. Мы пользовались русским переводом Е. С. Такайшвили, помещенным в СМОМПК, Т. 31, 1902.

[3] Дадиани Н. Указ. соч. – С.101.

[4] Эсадзе Б. С. Летопись Грузии, в. I. Тифлис, 1913. – С.285.

[5] Дадиани Н. Указ. соч. – С.101.

[6] Потто В. Указ. соч. – С.556.

Крестьянские же массы, особенно озлобленные жестокостью царского генерала, продолжали восстание. Приезд нового владетеля не только не изменил обстановки в крае, но еще больше осложнил ее.

Движение крестьян заметно усилилось с весны 1822 года. И когда «духовная комиссия» решила в 1822 году перенести свой действия в Абхазию, то это предложение не было одобрено А. П. Ермоловым, поскольку, как объяснял архиепископ Евгений, «внутренние волнения беспрестанно обуревали их (абхазов. – Г. Д.), и неповиновение народа и явное сопротивление военным силам нашим, с большим ожесточением имс овладевшее, лишило всякой возможности действовать на умы их просвещением духовным»[1].

Гамба свидетельствовал, что владетельский дом в с. Лыхны был окружен рвами, частоколами и валом, защищен пушками и отрядом солдат[2]. Этому отряду не раз приходилось отбивать нападения на княжеский дворец. В ночь с 15 на 16 октября 1822 года князь Дмитрий внезапно умер. Есть предположение, что владетель был отравлен одним из прислуживавших ему крестьян Урысом Лакоба[3].

Владетелем Абхазии, по ходатайству А. П. Ермолова, Александр I утвердил. младшего брата Дмитрия–Михаила (Хамуд-бея). Однако власть малолетнего владетельного князя оказалась еще более слабой, чем власть умершего его брата. Абхазские владетели могли держаться у власти лишь потому, что они «охранялись русским гарнизоном, занимавшим владетельскую усадьбу в Лыхнах»[4].

В течение всего 1823 года в Абхазии происходило «глухое брожение», а в 1824 году пламя восстания вспыхнуло вдруг по всей Абхазии. Генерал Горчаков в мае месяце снова приехал в Сухум. Он решил направить в отдельные села, служившие очагами движения, карательные отряды. В частности, подполковнику Михину дал задание: 22 мая, ночью, напасть на деревню Акапа, «взявши врасплох главных жителей, сжечь ее з страх прочим»[5]. На обратном пути жи-

[1] АКАК, т. VIII, ч. I, стр. 252.
[2] Gamba. Указ. соч., стр. 81.
[3] АКАК, т. VI, ч. 1, стр. 473.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 186–198.
[5] Рап. Харамдани Быченскому от 21 июня 1824 г. ЦГВИА, ф. 36 оп. 3/847, 1824 г., д. 35, лл. 3–4.

тели сожженного села напали на карательный отряд и разгромили его, при этом Михин был убит.

Весть о поражении отряда генерала Горчакоза быстро облетела весь край. «Вскоре засим, – писал А. П. Ермолов, – возгорелся общий мятеж, и неудовольствия на фамилию владетельного князя вооружили против них и самих соседей»[1]. Снова появился Асланбей.

Повстанцы, число которых достигало нескольких тысяч человек, осадили Лыхненское укрепление. Осада длилась в течение полутора месяцев. Скоро был осажден и Сухумский гарнизон. Генерал Горчаков с отрядом 1 июля 1824 года снова направился в Абхазию. Вместе с тем, Ермолов требовал от мегрельского владетеля и других феодалов сформировать ополчения и двинуться «немедленно в мятежную Абхазию, действуя огнем и мечом..., щадя лишь дом владетеля»[2]. Одновременно на Абхазское побережье были двинуты корабли Черноморского военного флота. Ермолов писал: «Абхазию во власти нашей удержать необходимо»; в противном случае, «если не само турецкое правительство воспользуется оставлением нами Абхазии, то своевольные паши ближайших провинций не упустят оного...»[3].

Уже переправу через Ингур отряд Горчакова (около 2 тыс. человек при 4 орудиях) должен был совершить с боем. И чем. дальше в глубь страны продвигался генерал Горчаков, тем «повстанцы дрались упорнее»; «войска встречали завал за завалом», и лишь 8 июля достигли р. Кодор. Но дальше можно было двигаться только берегом моря, по глубокому песку. Здесь повстанцы снова преградили путь карательным отрядам, устроив ряд «завалов». Военные суда медленно продвигались вдоль берега, пушечными выстрелами разрушали повстанческие укрепления, расчищая таким образом путь пехоте. Только 10 июля войска Горчакова подошли к Сухуму, имея значительные потери. Затем началась переброска войск, сухопутным и морским путями, в с. Лыхны. А. П. Ермолов сообщал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу о «сопротивлении трехты-

[1] Записки А. П. Ермолова, ч. II. 1816–1827 гг. М., 1868. – С.159.
[2] Письмо ген. Ермолова кн. Левану Дадиани от 21 июня 1824 г. АКА.К, т. VI, ч. I. – С. 635.
[3] Цит. по книге Н. Дубровин. История войны и владычества русских а Кавказе, т. VI. СПб. 1888. – С.514.

сячного неприятеля» в этом районе[1]. Горчаков приказал срыть Лыхненское укрепление, а гарнизон отвести в Сухум.

От крестьянской блокады были освобождены и другие абхазские феодалы, в частности, абжуйский князь Алибей Шервашидзе, который, по словам М. А. Селезнева, за время этих событий «потерпел очень много: главная резиденция его Катаулы (Квитаул. – Г. Д.) была неоднократно сжигаема мятежниками»[2]. «Владетельский дом вынужден был искать убежище в Сухуме, а потом, согласно распоряжению начальства, переехать в Редут-Кале»[3]. Владетель не решался жить в пределах своего княжества, по одним данным, в течение 3 лет, а по другим – 6 лет, находясь «на иждивении правительства»[4]. Что же касается Асланбея, то он, как отмечал современный автор, «проклинаемый всеми и всюду преследуемый, бежал в Турцию»[5].

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л. М. Серебряков впоследствии, в 1852 году, восстанию 20-х годов в Абхазии давал такую оценку: «Оно не только было направлено против русского владычества, но имело вместе с тем преимущественно характер революции низших сословий против господствующего класса в Абхазии»[6].

Преемник А. П. Ермолова на Кавказе граф И. Ф. Паскевич 30 апреля 1827 года торжественно писал барону И. И. Дибичу, что «Абхазия... свернула наконец знамя бунта...»[7]. Но это мало соответствовало действительности. «Глухое брожение мало-помалу охватывало весь Кавказ»[8], и в 1828 году население Абхазии, вместе с «закубанскими племенами», «приготовилось... ко всеобщему восстанию»[9].

[1] Рап. А. П. Ермолова И. И. Дибичу от 7 августа 1824 г. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. III.: СПб, 1869. – С.405.

[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С.165.

[3] Рап. Г. В. Розена А. И. Чернышеву от 5 июля 1834 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1834 г., д. 6312, лл. 13–24.

[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 180–189; ССКГ, в. III, 1870. – С.21.

[5] Восточный берег Черного моря. Историческое описание, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1–49.

[6] ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 745, лл. 14–22.

[7] АВПР, оп. 1–7, 1827, д. 2, лл. 1–2.

[8] Потто В. История 44-го Драгунского нижегородского полка, т. III. СПб. 1894. – С. 2.

[9] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С.180.

В 20-х годах калдахварский князь Нарчоу Инал-ипа пытался обложить натуральной податью всех крестьян, которые признавали его патронат. Но где бы его сборщики кукурузы ни появлялись, «их выпроваживали, а кошолки ломали»[1].

В начале апреля 1830 года в с. Мерхеул собралось свыше 4 тыс. вооруженных крестьян, которые поклялись не подчиняться власти владетельного князя. Затем они пытались напасть на имение другого крупного абхазского феодала – Гасан-бея Шервашидзе в с. Келасури. Был сожжен дом владетеля Абхазии в с. Илори, а также совершены нападения на Млорский и Пицундский храмы[2]. Командир Отдельного кавказского корпуса И. Ф. Паскевич, ссылаясь на полученные им сведения из Абхазии, в мае 1830 года писал графу А. И. Чернышеву, что владетель Абхазии М. Шервашидзе, «полагая опасным свое местопребывание» в с. Лыхны, «намерен перейти на жительство в Самурзакани»[3]. В 1832 году был сожжен дом со всем имуществом известного феодала Кац Маргания (Маан)[4].

В июне 1830 года была организована, так называемая, «Абхазская экспедиция». Целью этой экспедиции было, по определению И. Ф. Паскевича, овладение побережьем Абхазии и установление прямого сухопутного сообщения между Сухумом и Анапой. Экспедиция была проведена с помощью владетеля Абхазии М. Шервашидзе и его дяди Гасанбея Шервашидзе. Ей способствовали пицундские князья Инал-ипа и другие абхазские феодалы. Высадка десанта в пункте Гагры вызвала особенно ожесточенное сопротивление со стороны «собравшихся во множестве» садзов и убыхов, хорошо понимавших цель данной операции: отрезать их от Абхазии, ибо Гагринские теснины, говоря словами Паскевича, служили «единственным ключом к сношениям между абхазцами и обитателями западного склона гор, сопредельного берегу Черного моря...»[5]. Гагринское укрепление систематически атаковалось в те-

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1038, лл. 1–46.

[2] Отношение И. Ф Паскевича А. М Чернышеву от 17 апреля и 15 мая 1830 г ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 1–7, 110–111.

[3] Отношение И. Ф. Паскевича А. И. Чернышеву от 16 мая 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, лл. 1–7.

[4] ЦГИАГ, ф. ОВД, 1813 г., д. 34, л. 2.

[5] Рап. И. Ф. Паскевича А. И. Чернышеву от 15 сентября 1830 г. ЦГВИА, ф. ВУА. 1830 г., д. 6339, л. 20.

чение полутора месяцев. Этими действиями временами руководил непосредственно Хаджи-Берзек Догамуко – известный предводитель убыхов. Лишь преимущество в артиллерии дало возможность царским войскам удержать Гагринское укрепление. 16 августа, при нападении повстанцев в количестве около 2 тыс. человек, только орудия судовой артиллерии трех кораблей произвели 455 выстрелов по атакующим[1].

Хотя повстанцам не удалось выбить царские войска из Гагр, но все же их активная борьба заставила кавказское командование отказаться от продолжения «Абхазской экспедиции» дальше на север[2].

Следующий сильный штурм Гагринского укрепления произошел в июне 1835 года. Садзы и убыхи, в количестве около 3 тыс. человек, утром 10 июня подкрались к самому укреплению: одна часть со стороны моря, а другая – через ущелье, и бросились на штурм; «одни рубили палисад, другие лезли на туры и в амбразуры». Но по осаждавшим, стремившимся «с отчаянием вторгнуться в укрепление», был открыт «сильный картечный и ружейный огонь». Они, отступив на некоторое расстояние, «прилегли к земле, потом опять с ужасным криком бросались на укрепление и таким образом возобновляли свои нападения». В конце концов повстанцы на рассвете отступили, «будучи пораженными из укрепления огнем артиллерии и ружейным». В ночь с 11 на 12 июня было возобновлено нападение на укрепление, но уже гораздо слабее, тем более, что к тому времени гарнизон был усилен[3].

В то же время, начало активизироваться пратизанское движение (абречество) в Гумской и Абжуйской Абхазии. Выдвигаются и отдельные вожаки крестьянских выступлений, как, например, члоуский крестьянин Исмаил Джапуа. С абреками- партизанами он в 1835 году совершил нападение на Илорское и Драндское укрепления; налетал на команды, следовавшие по дороге из Мегрелии в Сухум. Летом 1836 года Исмаил попал в плен. Генерал Розен приказал отравить его в Тифлис. В ночь на 23 июня его вывели из Драндского

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 38.

[2] Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. «Исторический сборник», 4. Изд. АН СССР. Л. 1935. – С.142–143.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6312, л. 14? ЦГИАЛ, ф. 1087, д. 346, лл. 254–255.

укрепления под охраной конвоя. Однако в 3 километрах от устья р. Кодор, вооруженные крестьяне из Атара, Дранца и других сел (до 300 человек) открыли «сильную перестрелку и, неоднократно бросаясь на команду», отбили Исмаила Джапуа[1]. Он бежал с отрядом партизан в Цебельду. Это «подняло дух» повстанцев, «а также взволновало всю Абхазию»[2]. И Михаил Шервашидзе, и царское командование были бессильны, чтобы принять «решительные меры к розыску и поимке» Джапуа, ибо за ним стояло крестьянство. Имя крестьянского вожака Исмаила Джапуа еще долго слышалось в Абхазии.

Князья и дворяне, беря в долг друг у друга, часто своими поручителями выставляли крестьян, что нередко для последних кончалось полным разорением и даже продажей в рабство. Наши источники сохранили немало данных, свидетельствующих о выступлениях крестьян против подобной практики феодалов. Когда в конце 1836 года абжуйский князь Григорий Шервашидзе явился в с. Джгерда. чтобы забрать человека, обещанного умершему его отцу Алибею в поруку за долг, то крестьяне организовали нападение, в результате которого со стороны князя был ранен один человек и убита лошадь. Владетель Абхазии поспешно выехал в названное село, «чтобы прекратить беспорядки»[3]. Около 1838 года чхортольский князь Бату Эмухвари захватил крестьянина с. Окум Д. Булискерия, являвшегося поручителем Росто Эмухвари, должника Бату. Родственники Булискерия, узнав о поступке князя Эмухвари, начали преследовать Росто и его сына Сасрыкву, которых заставили уплатить долг и таким образом освободить Булискерия[4]. Балхуму Эмухвари, будучи должен, выставил своим поручителем крестьянина Шаматава. С последним случилось то же самое, что и с Д. Булискерия. Но его родственники также заставили князя Эмухвари выкупить поручителя[5]. Темурква Эмухвари задолжал бзыбск-им дворянам Маргания, жившим в с. Апцхва и поручителем дал окумского крестьянина М. Колбая. Не получив своего долга, Маргания

[1] Справка канцелярии Военного министерства от 3 сентября 1836 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1836г., д. 42–602, л. 3.

[2] Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кагназе. 1819–1906. Батум, 1906. – С.163–164.

[3] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 177, л. 3.

[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2. 1870 г., д. 5, лл. 30–40.

[5] Там же.

схватили поручителя и целый год держали его на цепи. Колбая дал знать своим родственникам о том, что его мучают. Те «взбунтовали всех анхаю и стали требовать возвращения поручателя», и Эмухвари вынужден был освободить Колбая[1].

В этот период, почти массовым становится бегство крестьян в Цебельду, Дал. Псху и другие горные районы, которые оставались еще вне пределов власти царской военной администрации, а также фактически не признавали владетеля Абхазии. Здесь, как уже отмечалось, феодальные отношения были менее развиты, основная масса крестьянства не была еще закрепощена; сохранились в сильной степени пережитки институтов родового строя с его «демократическими» чертами и вольнолюбивыми стремлениями населения. Знать в этих районах была представлена различными ветвями фамилии Маршания (Маршьан), являвшихся лишь номинально вассалами владетельных князей Шервашидзе. Население горных обществ долго и упорно защищало свою «вольность» от посягательств на нее со стороны феодальных владетелей Абхазии. В 1810 году цебельднские князья отказались «быть покорными России и не признали над собой владельцем» Сафарбея Шервашидзе[2]. В то же время, указанные горные районы Абхазии (Цебельда, Дал, Псху и др.), отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, были надежным убежищем для бежавших с побережья крестьян, которые отсюда совершали смелые набеги на владения прежних своих господ. Еще в 1824 году генерал Горчаков требовал: «Всем абхазским князьям делать на них (цебельдинцев. – Г. Д.) нападения, отбивать скот и вообще действовать против них оружием»[3]. Барон Розен в 1834 году также требовал от цебельдинских князей Маршания вести решительную борьбу против набегов крестьян со стороны Цебельды на владения феодалов, а также «не принимать и не держать у себя мингрельцев и абхазцев, а выдавать оных всякий раз владетелям их»[4].

Кроме того, в горные районы Абхазии с береговых укреплений бежали, как уже отмечалось, русские солдаты. Причинами массового бегства русских солдат были: 25-летняя невероятно тяжелая армейская служба, ненависть к самодержавию, чувство общности их интересов с интересами местного крестьянского населения. Обстановка службы солдата на Кавказе имела свои особенности, она была во много раз тяжелее обычной. Писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, сосланный на Кавказ и здесь в 1836 году, получивший назначение в Гагры, в письме от 19 июня 1836 года из Керчи писал: «Есть на берегу моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. В этом ущелье устроена крепостишка, которую враги бьют со всех сторон в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как смертоносными... Одним словом, имя Гагры... однозначуще со смертным приговором... Мне опять хуже; лихорадки с разными вариациями возвращаются вновь и вновь. Я похож на тень и только по боли чувствую, что я – тело...» В письме от 6 августа того же года Марлинский писал: «О Гаграх писал Вам подробно; это просто гроб»[1]. В личном письме графа М. С. Воронцова, с ходатайством Бестужева-Марлинского Николаю I, о переводе Бестужева из Гагр в более здоровое место говорилось: «У него не проходит лихорадка, и очень скверная лихорадка уже с давних пор; климат Гагр, в котором находится его гарнизон, возможно, прикончит его в короткое время»[2].

Г. И. Филипсон, говоря о Сухумской крепости, также писал, что она «казалась каменным гробом, нельзя было встретить свежего, здорового лица... В Сухум мы ежегодно посылали 16 % штатного числа нижних чинов (солдат. – Г. Д.) на укомплектование, т. е. средняя жизнь считалась там почти в шесть лет»[3].

Р. де Скасси, посетивший Абхазию в 1818 году, передает, что число русских солдат-дезертиров и пленных здесь достигало около трех тысяч человек, «значительная часть» которых были «женаты на местных женщинах»[4]. Скасси сильно преувеличивал эту цифру. Но несомненными являются данные генерала Розена, который в рапорте от 20 мая 1837 года на имя военного министра графа А. И.

---

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2. 1870 г., д. 5, лл. 30–40.

[2] Предписание ген. Тормасова ген. Симоновичу от 9 января 1811 г.. АКАК, т. IV. – С. 426–427.

[3] АКАК, т. VI, ч. I. – С. 665–666.

[4] Там же, т. VIII, ч. I. – С.455.

---

[1] «Русский вестник», 1901, апрель.

[2] Бестужев-Марлинский А. А. Соч., т. 2. М. 1958. – С.719.

[3] «Русский архив», кн. 1, 1884. – С. 204, 211.

[4] АКАК, т. VI, ч. I. – С.646–658.

Чернышева сообщал, что в Цебельде их было 129 русских солдат, а в рапорте от 8 мая того же года писал, что между беглыми солдатами и матросами, «разновременно увлеченными в плен и бежавшими к горцам», есть несколько человек, находящихся здесь более 15 лет, два человека – 25 и один – до 30 лет; они большей частью имеют «семейства и оседлость и даже по здешним понятиям некоторый достаток». При этом Розен подчеркивал, что многие из этих солдат, когда их вели в лагерь, «бежали с дороги», не желая явиться к царскому командованию[1]. Летом 1859 года один такой солдат рассказывал С. Смоленскому, что в Абхазии много беглых русских солдат[2].

Характерно, что «беглые солдаты», находившие себе приют и братское сочувствие у местного крестьянства, встречали инее отношение со стороны представителей феодального класса. Очень часто, стараясь выслужиться, абхазские феодалы вылавливали их и приводили обратно к царскому командованию, предававшему солдат военному суду 129 русских солдат, о которых говорилось выше, были доставлены царскому командованию цебельдинскими и дальскими князьями Маршания.

Но через голову царских генералов и местных феодалов крепли и развивались братские узы народных масс России и всего Закавказского края. Поэтому как царское командование, так и абхазские владетели были крайне заинтересованы в подчинении горных районов Абхазии, ставших очагами «беспокойства», партизанского движения. Однако этот процесс затянулся ка несколько десятилетий и фактически был завершен лишь в 60-х годах XIX века, хотя сюда было направлено несколько крупных военных экспедиций, в которых активное участие принимали и абхазские феодалы во главе с владетелем. Уже вслед за официальным присоединением Абхазии к России ставился вопрос об организации экспедиции в Цебельду, чтобы привести «в покорность строптивые цебельдинекие народы и дабы заставить их признать над собою власть законного их владельца Сефер-Али-бея»[3]. Но тогда это было признано «весьма трудным» делом[4].

[1] АКАК, т. VIII, ч. I. – С.459.

[2] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 9, 1872. – С.164.

[3] Письмо ген. Тормосова кн. Манучару Шервашидзе от 9 января 1811 г. АКАК, т. IV. – С.426.

[4] Рапорт ген. Симоновича ген. Тормасову от 8 февраля 1811 г. Там же. – С.430.

Только в 1837 году состоялась первая экспедиция в этот район, под непосредственным начальством главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена. Войска (7 тыс. штыков) действовали чрезвычайно жестоко, огнем артиллерии уничтожая целые села и еще сильнее возбуждая тем самым ненависть к царизму и абхазскому владетелю со стороны населения, которое оказывало упорное сопротивление.

Розену удалось добиться «присяги на верность» от некоторых представителей рода князей Маршания, которые согласились на пребывание в Цебельде русского пристава. Но не сложили оружия крестьянские массы, а за Цебельдой находился еще неприступный и воинственный Дал. Опора же, которая царским командованием была приобретена в лице представителей князей Маршания, была слишком ничтожна и ненадежна. Таким образом, подчинение горной Абхазии оставалось для царского командования и абхазского владетельного князя еще не разрешенной проблемой. Подчинить «их (цебельдинцев. – Г. Д.) весьма трудно» было еще и потому, что, как писал еще в феврале 1811 года генерал Симонович, «имеют они сообщение с Большой Кабардою», владетель которой – Бесяслан Мисоустов – советовал им защищать свою вольность[1].

Вслед за Цебельдинской экспедицией войска немедленно были переброшены на территорию прибрежных садзов. «После сильной канонады горной артиллерии против завалов и окопов прибрежных горцев, под ее прикрытием», Розен высадил на берег войска, которые, «после довольно значительного сопротивления», заняли мыс Адлер. Здесь, у устья р. Мзымта, 38 июня было заложено укрепление Св. Духа (Адлер)[2].

В результате массового падежа скота и полного истощения хлебных запасов зимой 1839–1840 годов крестьяне северо-западных районов Черноморского побережья Кавказа, которые особенно сильно пострадали, пригнали к русским укреплениям остаток скота, чтобы выменять его на хлеб. Но царское командование категорически запретило выменивать горцам хлеб, несмотря на наличие больших его запасов здесь в это время. Более того, оно считало это обстоятельство длп себя весьма благоприятным. «Они

[1] АКАК, т. IV, стр. 430.

[2] Там же, т. VIII, ч. II. – С.870–877.

(горцы. – Г. Д.), без сомнения, вынуждены будут на все согласиться, потому что голод и хищных зверей делает ручными», – писал контр-адмирал Серебряков[1].

Но эта жестокая мера лишь еще больше усилила ненависть горцев к царизму, и скоро Черноморское побережье запылало в огне всеобщего восстания. В течение февраля и марта 1840 года один за другим пали важнейшие береговые укрепления: Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и, таким образом, была прорвана Черноморская береговая линия. Известен, например, такой случай. Однажды в крепость Адлер явились несколько горцев и сообщили, что они отбили у соседей стадо баранов, которое желали бы продать гарнизону, но так как днем пригнать его нельзя, то они просили позволения сделать это ночью и пропустить баранов в крепость. Комендант соблазнился иметь баранину. В наступившую ночь стадо начали впускать в отворенные крепостные ворота. Но как только бараны вошли в крепость, среди них поднялись люди, покрытые бараньими шкурами и прошедшие на четвереньках под видом этих мирных животных. Началась жаркая схватка. Крепость все же спаслась, потеряв, однако, значительную часть гарнизона[2].

Надо сказать, что в указанном выступлении горцев на Черноморском побережье имела влияние также деятельность турецких и английских агентов, которые в этот период вели подрывную работу среди кавказских горцев, стараясь использовать в своих целях любое антирусское выступление на Кавказе. На Западный Кавказ английские агенты направлялись при посредстве британского посольства в Константинополе и турецкого правительства.

Восстание, начатое убыхами и шапсугами, грозило охватить и Абхазию. Через примкнувших к восстанию садзов, весть с разгроме береговых укреплений быстро распространилась по всему Абхазскому побережью. Убыхи обратились с призывом к жителям Цебельды и Дала, озлобленным бесчеловечными действиями карательного отряда барона Розена в 1837 году. Последние, призвав на помощь псхузцев и сванов, решили изгнать пристава Лисовского и

[1] Рап. Л. М. Серебрякова Н. Н. Раевскому от 31 января 1841 г АКАК, т. IX. ч. I. – С.500.

[2] Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874. – С. 491

заставить князей Маршания отречься от своей присяги на верность царизму.

Борьбу возглавил дальский князь Шабат Маршания, непокорность которого царизму и преданным последнему абхазским феодалам, в том числе и родным его братьям, хорошо была известна крестьянству. Еще в марте 1837 года Шабат, по приказанию Розена был схвачен и выслан из пределов Абхазии. Он просидел более года в Метехском замке в Тифлисе, а затем был отправлен на фронт в Дагестан. В ноябре 1838 года Шабат вернулся на родину в чине прапорщика и с тех пор тайно готовил восстание.

Вокруг Шабата и Эшсоу Маршания группировались те, кто хотел продолжать борьбу против гнета царского самодержавия. На стороне же Хинкураса, Баталбея и Зосхана Маршания стояла знать, предпочитавшая сделку с царизмом.

В ночь на 9 июня 1840 года отряд крестьян, руководимый Шабатом, напал в Цебельде на дом Баталбея и арестовал последнего, затем осадил укрепленный замок Хинкураса. Этс послужило сигналом. В ту же ночь 60 дальских крестьян под предводительством Халылбея Маршания, вслед за этим расстрелянного в Сухуме, атаковали Мрамбское укрепление и сожгли дом пристава, а его ранили. Но скоро на помощь к приставу пришли князья Мсоуст и Зосхан Маршания. Дальцы отступили, уничтожив мост через р. Кодор, чтобы затруднить доступ в Багадское ущелье, по которому шла тропа в Дал.

Тем временем в Сухуме, совместно с преданными царизму представителями цебельдинеких и дальских князей Маршания, был разработан план новой экспедиции, которая вскоре выступила под командой подполковника Козловского. В ней активное участие приняли многие абхазские феодалы во главе с владетелем Абхазии, которые выставили ополчение в 2.280 человек. Семеро Маршания всячески старались облегчить продвижение карательного отряда вглубь района. В Цебельде «порядок» снова был «восстановлен». Но в Дал отряд двигаться не решался. В Мрамбе были оставлены две роты[1].

Тем не менее, Мрамбский гарнизон не мог гарантировать «покорность» Цебельды. Все лето 1840 года продолжались набеги на

[1] Рап. Е. А. Головина от 20 июня и Н. Н. Раевского от 15 июля 1840 г. А. И. Чернышеву. ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6417, лл. 1–5, 7–17.

побережье, на помещичьи владения. На всей границе Дала были сделаны «за,валы», расставлены отряды, караулы и т. д. Укрепляя «завалами все тропы своего ущелья», – как писал генерал Н. Н. Раевский, – дальцы ожидали «на помощь 1000 горцев, которых Хаджи-Берзек обещал им прислать на всю зиму»[1]. Помимо убыхов, дальцы старались также установить связи с Карачаем и Кабардой. Они послали гонца с целью разведать «со всей подробностью о действиях Шамиля»[2]. Тем временем и в Абжуйской Абхазии происходило крестьянское движение.

Поспешно были усилены гарнизоны в Сухуме, Бамбора, Гаграх и других укреплениях. Вместе с тем в ноябре и декабре 1840 года начальник 3 отделения Черноморской береговой линии полковник Н. Н. Муравьев, при полном одобрения и поддержке абхазской феодальной знати, приступил к формированию экспедиционного отряда для «усмирения» Дала. Отряд был составлен из 6 рот пехоты при 2-х орудиях и 4 мортирах. К нему присоединилась собранная местными феодалами милиция, обшая численность которой достигала 1300 человек. Ею командовали Дмитрий Шервашидзе, Хинкурас Маршания, Куджмахан Эмухвари, Тада Анчабадзе и другие.

Муравьев спешил покончить с Далом раньше, чем ему могла быть оказана помощь со стороны убыхов и других соседей. Экспедиционный отряд, пушечным огнем прокладывая себе путь к Далу, в конце декабря штурмом завладел «Багадскими воротами», перешел на правый берег р. Кодор и ворвался в горный район, каждую пядь которого отстаивали его обитатели. 31 декабря войска, в авангарде которых шел отряд Д. Шервашидзе, заняли центр Дала – села Лата и Варда. «Жители, отступая, сами жгли свои жилища, упорство казалось неукротимо...», а что оставалось несожженным, уничтожалось войсками, движение которых вообще «сопровождается совершенным истреблением всех жилищ и имуществ»[3]. В этом, особенно, усердствовал Хинкурас Маршания.

[1] Рап. Н Н. Раевского Е. А. Головину от 2 ноября 1840 г. ЦГВИА, ф. ВУА. 1840 г., д. 6392, лл. 7–8.

[2] Рап. Н. Н. Раевского А. И. Чернышеву от 17 октября 1840 г. Там же. лл. 1–4.

[3] Рап. Н. Н. Муравьева Е. А. Головину от 1 января 1841 г. ЦГВИА. ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл 37–42.

Муравьев в рапорте на имя командира Отдельного кавказского корпуса Е. А. Головина 7 января 1841 года писал[1], что пространство от с. Амзара до верховьев р. Кодор, на протяжении около 60 верст, где жило 500 семейств (около 6000 чел), он решил «оставить совершенно пустым». «Стечение обстоятельств благоприятствовало этому намерению: Дал, кроме природных жителей оного, был населен бежавшими из различных соседственных владений, а все князья цебельдинские, двух абхазских округов и самурзаканские находились в отряде, им принадлежали беглецы, а остальные по всей справедливости принадлежат прап. кн. Хинкоросу Маршания, который из всех сыновей Даруковых оставался один постоянно верным правительству. Этого князя с 500 чел. абжавской (абжуйской. – Г. Д.) милиции послал я в Верхний Дал и туда же всех князей, которым принадлежали беглецы, с цебельдинским приставом. Всем строго приказано было, пользуясь присутствием отряда и общим в Дале страхом, немедленно вывести отсюда всех жителей со всеми их имуществами, а жилища предать пламени. Князьям взять в свои владения всех им принадлежащих [людей]; все русские семейства (бывших солдат. – Г. Д.) предоставить ко мне, а кн. Хинкорос со своими людьми по изъявленному им желанию намерен поселиться в Абхазии».

Абхазские феодалы, интересы которых тесно совпадали с интересами царского самодержавия, ревностно осуществляли приказания полковника Муравьева. Последний доносил: «С 3 уже числа распоряжение это приводится в исполнение, мимо отряда проходят дальские семейства толпами со всеми их имуществами, а с ними и семейства бежавших, князей. Не позже как 9 числа Дал будет совершенно пуст, прап. кн. Хинкорос, выведя жителей, предал пламени их жилища от самых верховьев Кодора... Последняя мера совершенно необходима для того, чтобы здесь не оставалось и крова для людей Неспокойных, которые бы хотели опять сюда бежать». Сам Муравьев признавал свои репрессии «мерой самой решительной и едва ли не беспримерной на Кавказе». «На страже этого опустошенного ущелья» был поставлен Хинкурас Маршания, «дабы никто не дерзал возвращаться сюда»[2]. Хинкурас был одним из близких к владетелю людей и был женат на его сестре.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 43–44 об.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392. лл. 43–44 об.

Причина поражения дальцев заключалась не только в численном и техническом превосходстве противника. Их слабость была в отсутствии необходимой организации и руководства. Шабат и Эшсоу не могли быть руководителями крестьянской массы. Еще до этого наблюдалась, что в решительные моменты они проявляли склонность к соглашению, а в данном случае они вообще не проявили себя и бежали из края.

Однако, «беспримерная» жестокость только еще больше усилила ненависть дальских крестьян к царизму и местным феодалам. Укрывшись в дремучих лесах, они обошли отряд Муравьева и спустились к Багадской теснине. Отряд начал панически отступать, с помощью местных феодалов, по другой, окружной дороге – через с. Наа, где было расположено имение Хинкураса Маршания. Преследуемый дальцами, по тяжелой горной тропе карательный отряд едва пробился к названному селу, бросив всю сзою добычу.

Тем не менее, Муравьев получил генеральский чин; награждены были и абхазские феодалы, проявившие усердие в расправе над мирным населением горного Дала. В частности, Кац Маргания получил чин полковника.

Михаил Шервашидзе и его князья и дворяне, как уже отмечалось, были верными проводниками колониальной политики царизма и в соседних районах Северо-Западного Кавказа. Примером может служить «приведение к покорности» садзов (джигетов), представители феодальной верхушки которых (Гечба. Цанба, Хамышь и др.) в мае 1841 года дали клятвенное обещание на «верность» императору. По поводу этого акта начальник Черноморской береговой линии Анреп в рапорте па имя генерала Головина 25 мая 1841 года писал: «...Спешу доложить вашему высоко-пр-ву, что главным виновником покорения джигетов был владетель Абхазии генерал-майор кн. Михаил Шервашидзе, которого ревность к пользам нашего правительства превосходит всякую похвалу»[1]. Такую же роль играл М. Шервашидзе и в Убыхии, где среди представителей племенной знати также проявлялось стремление к соглашению с царизмом. За такие усердие владетель в 1841 году был награжден орденом св. Анны.

Между тем в Абхазии борьба крестьянства становилась особенно активной. Этот новый подъем освободительного движения

[1] ЦВИА, ф. ВУА, 1841, д. 6435, л. 11.

абхазского народа был обусловлен восстанием в Гурии, в котором участвовало большинство населения и которое было направлено, главным образом, против царско-колониального режима. Восстание 1841 года в Гурии оказало сильное влияние на Имеретию, Мегрелию. Абхазию и т. д. Генерал Анреп писал: «Невольный свидетель, я видел, как быстро развивалась весть о восстании в Гурии по всему восточному берегу (Черного моря), какие симпатии и надежды она возбудила не только в непокорных народах, но даже в тех, которые издавна пользовались всеми выгодами гражданства под сенью нашего правительства»[1]. Когда М. Шервашидзе и другие абхазские феодалы, по распоряжению царского командования приступили к сбору ополчения для участия в подавлении гурийского восстания, то даже их подвластные крестьяне отказались от участия в этом феодальном ополчении. Вместо 600 милиционеров в Самурзаканской Абхазии, с трудом удалось собрать 336 человек. В Абжуйской же Абхазии М. Шервашидзе вообще отказался от всякого сбора, так как «иначе, – говорил он Анрепу, – абживцы (абжуйцы. – Г. Д.) .явно ослушались бы меня»[2]. Муравьев в рапорте на имя Анрепа 1 сентября 1841 года писал: «Из представленного мною рапорта самурзаканского пристава о малоуспешном сборе милиции ваше превосходительство уже изволили усмотреть, сколь вредное имеет влияние на умы туземцев гурийское возмущение...»[3].

Кавказское командование, учитывая, что «если первые пушечные выстрелы раздадутся в Гурии, то последние могут кончиться в Анапе и на берегах Каспийского моря», – как писал генерал Анреп, спешило как можно скорее ликвидировать восстание 1841 года[4]. Именно «сознание необходимости для всего восточного берега скорейшего усмирения Гурии» заставило генерала Аирепа отправиться в Гурию лично, а также посетить Мегрелию, куда он собирал-

[1] Цит. по книге Г. В. Хачапуридзе. Гурийское восстание в 1841 году. Заккнига. 1931. – С.62.

[2] Волконский Н. А. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе. «Кавказский сборник:», т. XIII. – С. 421.

[3] Цит. по сб. документов, сост. П. В. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения», т. I. Тбилиси, 1938. – С.617.

[4] Хачапуридзе Г. В. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. Ф. Е. Махарадзе и Г. В. Хачапуридзе «Очерки рабочего и крестьянского движения в Грузии» (сб.). М, 1932. – С.25.

ся перебросить крупные военные силы. Анреп был твердо уверен, что немедленное «усмирение» Гурии «не только могло поправить все дела, но дать нм еще лучше прежнего оборот»[1].

Царское командование вынуждено было временно приостановить свое наступление против горцев Западного Кавказа. Крестьянское движение в Гурни было жестоко подавлено. «Но, – писал генерал Раевский, – как и должно было ожидать, весть об этом не могла нисколько вознаградить того зла, которое сделало для нас в расположении горцев известие об этом несчастном смятении»[2].

В южных районах Абхазии начались серьезные крестьянские волнения. В то же время, снова спустились с гор конные отряды дальцев, совершавшие набеги на береговые укрепления и феодальные поместья. В ответ в Цебельду и Дал вновь направлялись карательные войска, в том числе отряды, сформированные абхазскими феодалами.

В ноябре 1841 года экспедицию снова возглавил генерал Муравьев. Он выступил к «Багадским воротам», но не решился углубиться в Дал, направив туда лишь конный отряд Д. Шервашидзе (120 всадников), который сжег несколько поселков и вернулся обратно. Муравьев отвел сзои войска в Цебельду. Здесь он арестовал пять «наиболее неблагонамеренных» человек и порядке контрибуции конфисковал 150 голов рогатогг скота, после чего со своим отрядом вернулся в Сухум[3].

Таким обрезом, Дал по-прежнему оставался непокорным, являясь одним из важнейших очагов освободительной борьбы в Абхазии против царизма и его опоры в лице местной феодальной знати. Уже летом 1842 года в Цебельде и Дале снова усилилось партизанское движение. Снова формируется, карательный отряд. При этом примечательно, что самурзаканские крестьяне категорически отказались от выступления в составе феодальнсго ополчения[4]. 22 августа 1842 года было устроено нападение на Мрамбское укрепление, отбитое с большими потерями. В кровопролитной схватке был убит Шабат Маршания[1]. Шабата сменил его младший брат Эшсоу. О «неуловимом абреке Эшсоу» гозорят наши источники в течение многих лет.

[1] Волконский Н. А. Указ. соч. – С.423–424.

[2] Рап. Н. Н. Раевского А. И. Чернышеву от 16 октября 1841 г. АКАК. т. IX, ч. I. – С. 513.

[3] Рап. И. Р. Анрепа А. И. Чернышеву от 15 ноября 1841 г. АКАК, т. IX, ч. I. – С. 519-523.

[4] Рап. И. Р. Анрепа П. А. Клейнмихелю от 14 июля 1842 г ЦГВИА, ф. ВУА, 1842 г., д. 6470, лл 76–77.

Начальник Черноморской береговой линии генерал И. Р. Анреп в рапорте на имя военного министра П. А. Клейнмихеля 6 июня 1842 года сообщал, что Гума, Джгерда и Члоу «мало признают над собою власть удельных князей и самого владетеля Абхазии»; «Псху есть горное общество абхазского племени, живущее по верховьям р. Бзыбь. Оно имеет от 400 до 500 дворов и служило прежде убежищем всех беглецов из Абхазии»[2]. В этот горный район в конце декабря 1843 года была направлена карательная экспедиция, под руководством владетеля Абхазии, который вместе с другими абхазскими феодалами собрал ополчение из 3.700 человек. М. Шервашидзе цинично заявлял, что он мог бы «истребить Псху и не оставить в нем камня на камне...»[3]. Населению Псху были продиктованы «условия покорности».

Однако в № 15 газеты «Кавказ» за 1859 год отмечалось, что «абхазского племени общество Псху, населяющее высокую горную долину в верховьях р. Бзыбь..., надеясь на неприступность своей местности, окруженной со всех сторон горными хребтами, и на союз убыхов, оно до такой степени мало изменило свои отношения к нам, что мы даже не причислили псхувцев к числу покорных племен».

Активной была борьба горцев за сбою независимость и во второй половине 40-х годов. Достаточно сказать, что только за 1846 год на Черноморской береговой линии было 88 сражений. 15 января 1846 года абхазские партизаны напали на Пицундский гарнизон, а 4 февраля произошла стычка между абреками и отрядом Сухумского гарнизона. Абреческое движение по-прежнему особенно сильно было в районах Цебельды и Дала. В 1850 году, например, наблюдались набеги на владения феодалов в Гуп, Члоу и других селах.

В полной мере относится к освободительному движению в Абхазии высказывание Ф. Энгельса о том, что сила кавказских горцев

[1] Колюбакин Н. Указ. рук.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, 1842 г., д. 6470, лл. 51–61.

[3] Рап. М. Шервашидзе А. И. Будбергу от 8 января 1844 г. ЦГВИА, ф. ВУА. 1844 г., д. 6540, лл. 2–8.

заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на царские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл передовых линий противника, в засадах на пути его колонн[1]. Все это, как уже отмечалось, наблюдалось в выступлениях 20–40-х годов. К этому добавим следующую характеристику современника событий, этнографа и офицера С. Т. Званба о «боевых качествах абхазцев»: «Убыхи хорошо действуют массами в открытом поле, и в этом отношении имеют преимущество над абхазцами; абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками; дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой смелостью местоположением; и в местах лесистых, перерезанных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами»[2]. Генерал Филипсон писал, что 15 тысяч пеших абхазов прошли от него в 15-и саженях, а он этого не подозревал: вековой навык к похождениям «заставил горцев приспособить так свою одежду, обувь и оружие, что при ночных движениях никакой шум или бряцание им не изменяют»[3]. «Абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями», – отмечал и корреспондент газеты «Кавказ» 8 сентября 1866 года, описывая ход восстания в Абхазии.

Участились факты захвата крестьянами помещичьих земель и лесов. Когда в 40-х годах умер дворянин Чахмат Эшба, то на его земле в Ткварчели «произвольно» поселилось 60 семейств[4]. Гальский крестьянин Бадгу Тарба захватил часть леса дворянина Мурзакана и расчистил себе землю для посева и пастьбы[5]. Крестьянин Джогория Лаблаа поселился в имении князя Тлапса Маршания в с. Гуп. Маршания прогнал названного крестьянина, а занятый им участок продал[6].

На бесчинства феодалов крестьяне часто отвечали их убийством. В этом отношении, кроме уже приведенных, известны следующие факты, хотя некоторые из них и относятся к более раннему периоду, по-видимому, к XVIII веку. В с. Эхмы и Апцхва за попытку

[1] Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь. Избран. военные произведения, т. 1. Госвоениздат. М., 1940. – С.322.

[2] Званба С. Т. Этнографические этюды. – С.51.

[3] Воспоминания Г. И Филипсона. «Русский архив», № 1, 1884. – С.215.

[4] ЦГИАГ, ф. 416, оп 3, д. 1014, л. 35.

[5] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 139–156.

[6] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 35.

воспользоваться правом первой ночи «были умерщвлены владельцы этих родов мужьями жертв» – крестьянами Дбар и Чанба. Дбар (с. Эхмы) по совершении убийства прибег под покровительство Лыхненской церкви и этим избавился от мести, а крестьяне Чанба (с. Апцхва) жили в разных местах и только в третьем поколении, в 50-х или 60-х годах XIX века, возвратились на свое старое место[1].

А. Н. Введенский, возражая Н. Ф. Дубровину, утверждавшему, что князья в Абхазии считались лицами неприкосновенными, писал в 1872 году: «Не приводя примеров позднейшего времени, когда, по словам некоторых, под влиянием деспотического, управления кн. Михаила Шервашидзе значение высших сословий намного пало, я укажу на убийство тавада Цанба, бывшего четыре поколения тому назад»[2]. Гагрипшский князь Состынгаз Анчабадзе в 1865 году рассказывал, что на его памяти один из крестьян феодала Инал-ипа Куата Джакония убил садзского князя Джамлета Цанба[3]. Вскоре после этого случая один из пастухов убил князя Инал-ипа, «и убил не случайно, а подкарауливши»[4].

Около 1840 года крестьянин Дахюква Тарба участвовал в убийстве одного из дурипшских дворян Лакрба, за что владетель Абхазии подарил его Кацу Маргания, а тот перевел Тарба в свое с. Хуап[5]. В с. Чхортоли крестьяне Читаная убили своего помещика и бежали (6 дымов) во владение Д. Г. Шервашидзе, где они были поселены в с. Бгажиашта[6]. Князь с. Капшкыт Хаджилобей Эмухвари, проезжая через с. Окум, увидел быка, который яростно ревел и рыл землю копытами. Так как это считалось дурным предзнаменованием, Эмухвари застрелил быка. Хозяином убитого животного оказался крестьянин Багыр Аджинджал (Джинджолия). Он потребовал от Эмухвари уплаты стоимости быка, на что князь ответил пренебрежительным отказом. Возмущенный поступком князя, Аджинджал крикнул: «Ты убил моего быка, а я за это убью тебя», – с этими словами выхватил

[1] Черепов А. И. Указ. рук.

[2] (Введенский А. Н.). Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина... – С. 24.

[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89–96.

[4] Введенский А. Н. Указ. соч. – С. 24–25.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 36.

[6] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

из чехла ружье и убил Х. Эмухвари. Аджинджал бежал в с. Маркула[1]. Согласно одному историческому преданию, крестьянин с. Джирхва Кансоу Инарба выстрелом же из ружья убил князя Гечба за оскорбление, которое нанес ему тот, когда он собирал виноград[2]. В с. Гуп крестьянин Адлейба убил поквешского князя Кягуса Ачба при попытке последнего ограбить его и бежал на Северный Кавказ; в с. Мухури крестьянин Гогуа убил князя Манчу Ачба[3] и т. д.

Как было сказано, крестьяне большими массами уходили в горные районы Абхазии. Так, крестьяне с. Джгерда, отказавшись платить владетелю штраф, в начале 1848 года бежали в Цебельду в количестве 60 семейств. После требования владетеля выдать заложников в качестве гарантии уплаты штрафа, еще около 100 семейств приготовились перейти в ту же Цебельду[4]. Крестьяне согласились вернуться обратно лишь тогда, когда владетель дал им обещание отложить взыскание с них штрафов до следующей зимы[5]. В Цебельду бежали и два крепостных Хубутия из с. Гудава, в знак протеста против требования служить братьям Маргания. Они вернулись и пошли жаловаться к начальнику войск в Абхазии генералу Шатилову, но безуспешно[6].

А. Н. Введенский и некоторые другие авторы указывала на следующий факт, имевший место, по всей вероятности, в первой половине XIX века. Между крестьянами с. Эмхы и их князьями Эмхаа (Эмухвари) возник спор о повинностях: помещики требовали 1 козу, 1 козленка и 9 корзин (акалат; кукурузы; крестьяне же соглашались лишь на 1 козу и 4 корзины кукурузы. Эмухвари повинности с анхаю тайно передал владетелю Абхазии, а последний, в свою очередь, передал их Кацу Маан (Маргания). Это вызвало «общий ропот неудовольствия» крестьян, которые направились за р. Бзыбь. Владетель послал за ними почетных стариков, чтобы уговорить их вернуться домой. Крестьяне возвратились, но только тогда, когда Маргания в присутствии всех стариков на поляне Бгарданы дал торжественное

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г, д. 5, лл. 4–5, 165–179; ССКГ, в. III, 1870. – С. 25.
[2] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, л. 47.
[3] Там же, д. 175/103, л. 6; «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.
[4] Рап. нач. 4 отд. Черномор, берег, линии Гогенбаха и. д. нач. Черномор, берег, линии Л.М. Серебрякову от 30 марта 1848 г. ГАКК, ф 260. оп. 1, д. 761, л. 1.
[5] То же, от 30 апреля 1848 г. Там же, л. 5.
[6] ЦГАА, ф 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 17–19.

обещание, что права жителей ни в чем не будут нарушены, и в этом обязательстве заставил своего сына присягнуть на горе Дыдрыпш[1].

Тот же Кац Маан, от трех братьев анхаю Цейба, живших в с. Хуап, потребовал платить ему систематически подати. Но старший из них, Мсруква, «не согласился платить, и при первом насильственном поступке Каца ушел в абреки...» Кац убил младшего Цейба Мсруква с отрядом крестьян начал постоянно тревожить Каца и искать случая убить его. Кац вынужден был изъявить желание «мириться» с братьями Цейба, с целью чего он вернул крестьянам Цейба их семейства и дал землю для поселения. С этого времени Цейба ничего не платили Кацу Маан[2].

Крестьяне нередко дружно отказывались участвовать в уплате штрафов (айбар) и всяких долгов своих помещиков, которые очень часто обязывали их к этому. Так, крестьяне сел. Окум и Куланурхва, всегда платившие много всевозможных штрафов за своих помещиков, наконец, категорически «отказались от дальнейшего участия в расчетах» последних. Вследствие этого окумские князья Эмухвари и куланурхвинские дворяне Лакрба дошли до того, что вынуждены были продать своих детей[3]. Мгудзырхвинские анхаю Жиба также отказались от всякого участия в уплате долгов князей Инал-ипа[4].

Имеются, факты о выступлении крестьян против помещиков, которые на поставках лесоматериалов, во время дорожных работ и пр., получали крупные денежные суммы за счет эксплуатации крестьян, заготавливавших и доставлявших материал на место назначения. Так, в 1850 году крестьяне неоднократно покушались на жизнь дворянина Мурзы Лолуа, занимавшегося лееопоставками в районе Кодор–Ингур. Крестьяне «выходят из терпения, – писал Лолуа генералу Кобецу 8 июня 1850 года, – и даже неоднократно вооружались лишить меня самой жизни, но в этом случае я обязан высокой милости его светлости владетеля Абхазии, ибо он строго приказал им, чтобы отнюдь не стеснять меня об уплате им денег, покамест я не получу таковых от правительства»[5].

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, л. 34; ССКГ, в. VI, 1872. – С.11.
[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 125.
[3] ССКГ, в. VI., 1872, стр. 34, прим. 41.
[4] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 126, 129.
[5] ГАКК, ф. 260. д. 480, л. 423 об.

Известны примеры выступления крестьян против скупщиков сельскохозяйственных продуктов. Скупщики винограда иногда вынуждены были закрывать свои «заводы» из-за отказа крестьян продавать виноград. «Случается также, – писал С. И. Пушкарев в 1852 году, – что собиратели винограда, туземцы, обеспечив себя в необходимых нуждах продажею части винограда, прекращают работу...»[1].

Когда калдахварские князья Георгий и Даруква Инал-ипа «стали очень требовательны» по отношению к крестьянам Барцыц, жившим в с. Блабурхва. то эти крестьяне в 1853 году бежали из своего села, но попали к дворянину Кацу Маргания, который передал их Соулаху Инал-ипа. Однако нести повинности князьям Инал-ипа крестьяне все же отказались, и члены Сухумской сословно-поземельной комиссии в 1868 году застали Барцыц, неплатившими повинности указанным феодалам в течение 15 лет[2]. В с. Мазихва жил Аджгири Гыцба, предки которого переходили из Эбырныха в Куланурхва и оттуда в Мазихва. Причиной такого перехода было «требование повинностей наравне с другими анхаю»[3]. В с. Дурипш дворянин Соломон Лакрба убил крестьянина Чача Тванба Родственники покойного потребовали от убийцы удовлетворения. Не получив его, крестьяне отказались платить повинности феодалам Лакрба. Сухумская сословно-поземельная комиссия в 1868 году застала 12 дымов крестьян Тванба неплатившими никаких повинностей, за исключением одного вида[4].

Цхирский дворянин Леван Лакербая был должен Шханукве и Чачагу Кучберия (с. Бедия) 200 руб. и выставил своим поручителем Гвада Накопия. Во время Крымской войны Лакербая вынудил Кучберия организовать нападение на Накопия и захватить его в плен. Однофамильцы Гвада Накопия пытались отнять его силой и, оставив дворян Лакербая, разошлись по разным селам. Но скоро русский пристав вмешался в это дело, и Г. Накопия был возвращен в с. Цхири; возвратились и все его однофамильцы. Лакербая точно так же хотели поступить и с крестьянином Ригуа, у которого

[1] «Кавказ», 1852, № 28.
[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870, д. 5, л. 136.
[3] Там же, л, 126,
[4] Там же.

украли семейство, но тот сжег дом Куджмахана Лакербая и ушел в с. Тагилони[1].

Современник, побывавший в Абхазии в 1852 году, писал, что он встретился с князем Д. Шервашидзе, который объявил, что 300 абреков спустились с гор «с намерением ограбить его имение, что он их отыскивает и спешит к милиции, находящейся под его начальством»[2]. Около 1855 года в с. Папцва крестьянин Хазгери Жепш-ипа убил дворянина Званба и бежал в Мегрелию[3].

Надо сказать, что вообще бегство крестьян Абхазии в соседнюю Мегрелию было довольно частым явлением. Таким образом, наблюдался уход крестьян из Абхазии в Мегрелию, а не только наоборот, что было более массовым явлением вследствие, главным образом, существования там крепостничества в более сильной форме, а также малоземелья[4]. В 1852 году между абхазским и мегрельским владетелями даже возник спор «о крестьянах, перебежчиках из одного владения в другое». Владетель Абхазии М. Шервашидзе в своем объяснении кутаисскому генерал-губернатору указывал, что у владетеля Мегрелии также «много находится подвластных ему (Шервашидзе. – Г. Д.) людей»[5].

С 1848 года на Западном Кавказе, в частности на территории убыхов и садзов, действовал известный наиб Шамиля Мухамед-Эмин. В эти годы усилился натиск горцев на царские войска, что нашло свое отражение и в Абхазии. Еть указание, что предводитель цебельдинских и далъских абреков Эшсоу Маршания «вошел в сношение с названным наибом»[6].

Царское командование предприняло ряд мер, чтобы предотвратить движение на Абхазию убыхсв и садзов, которые часто прорывались сюда. Накануне Крымской войны командование, опасаясь всеобщего восстания в Абхазии, спешно укрепляло свои гарнизоны на всей территории края. «Положение наше в Абхазии в военном отношении весьма неудовлетворительно», – писал адмирал

[1] Там же, лл. 134 об., 137–138.
[2] «Кавказ», 19 ноября 1852 г.
[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 89–96.
[4] ЦГИАГ, ф. 4, оп. 5, 1853 г., д. 652, лл. 7–14.
[5] Там же, оп. 1, д. 1473, лл. 1–2.
[6] Рап. Серебрякова Воронцову от 8 июля 1852 года. ЦГВИА, ф. ВУА, 1852 г., д. 35–692, лл. 89-98.

Серебряков в 1852 году[1]. Таков был итог колониальной политики царизма в Абхазии за четыре десятилетия.

Тем не менее, в период Крымской войны, когда в 1854 году русские войска с помощью владетеля были выведены из Абхазии и турецкие войска оккупировали край, все стремления англо-турецкой агентуры восстановить абхазский народ против России, как сказано выше, оказались тщетными, хотя Абхазия, оставленная войсками, могла быть полностью разорена противником. Более того, население Абхазии приняло активное участие в борьбе с последним.

Но оно не мирилось с колониальной политикой царизма. Эта борьба возобновилась вскоре после Крымской войны. Генерал Гагарин, доказывая необходимость сосредоточения 1.300 чел. пехоты на мысе Пицунда, писал: «В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии»[2].

В высокогорном Псху снова усилилось партизанское движение, создавая угрозу в тылу царских сил в Абхазии. Сюда в январе 1859 года был двинут экспедиционный отряд, под командованием начальника войск в Абхазии генерала Лорис-Меликова, в котором участвовало и ополчение абхазских феодалов – около 1700 человек. Псхувцы, делегаты которых явились к Лорис Меликову в с. Аацы, вынуждены были заявить о признании царского правительства и в залог выдали аманатов (заложников). При этом кутаисский генерал-губернатор Эристов свидетельствовал «об особом содействии, оказанном владетелем Абхазии кн. Шервашидзе...»[3].

Однако, псхувцы «опять отложились» в обстановке подъема народно-освободительного движения по всему краю. «Все комбинации, – писал новый командующий войсками в Абхазии генерал Корганов, – обстоятельств и настроение умов в Абхазии и Цебельде

[1] Рап. Серебрякова Воронцову от 8 июля 1852 года. ЦГВИА, ф. ВУА, 1852 г., д. 35–692, л. 165.

[2] Журналы происшествий в Кутаисском генерал-губернаторстве по- 15 июля 1857 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6668, л. 33.

[3] АКАК, т., XII, ч. II. – С. 805–806.

представляли, как уже не раз мною было писано, глубокие замыслы противодействия нашему государству...»[1].

Желая разрушить одним ударом все эти «тайные приготовления», генерал Корганов в августе 1860 года объявил «поход в Псху», указав «ополчившимся на приобретение добычи». Количество этих «ополчившихся» – милиции абхазских феодалов достигало 3 тыс. человек; регулярные войска состояли из 6 стрелковых и 4 линейных рот, взвода горной артиллерии, полсотни казаков и т. д.[2]

На помощь к псхувцам пришли убыхи и побережные садзы, а также ахчипсоувцы и аибговцы. Повстанцы создали целую систему обороны: в долине реки Грыбза было устроено пять завалов; позиция, занятая ими по отрогам правого гребня, «от природы составляла неодолимую преграду». Здесь 17 августа завязалась ожесточенная борьба. Горцев, решившихся «на отчаянный бой», беспрерывно осыпали картечью. Но и войскам приходилось плохо от «града пуль и туч камней», бросаемых горцами вниз с занятых ими высот. Наконец, «завязался отчаянный рукопашный бой». Псхувцы вынуждены были отступить, по «отважнейшие из горцев», перейдя вновь на левый берег р. Грыбза. «бросились на арьергард». Однако и этот натиск был отбит. Тогда псхувцы обратили все свои действия на обоз отряда, следовавший по узкой тропе ущелья. Но в конце концов, все войска вышли в долину и расположились бивуаками. В этом бою со стороны повстанцев было убито 60 человек; почти все они были крестьяне.

Псхувцам был предъявлен ультиматум – признать царское правительство, в противном случае им угрожали уничтожением жилищ и посевов. Вопрос был поставлен на народном собрании. Многие не согласились «принести покорность», чего добивались князья и старшины во главе с Батой Маршания, и дело дошло даже до перестрелки. Но князья в конце концов достигли согласия, и 18 августа ими была принесена присяга на «верность службы» царю с выдачей заложников. Одновременно с походом на Псху были предприняты «поиски» к берегам садзов и убыхов, где в течение 6 дней, «разоряя прибрежные аулы» около Сочи и Адлера, было причинено «такое

[1] Письмо ген. Корганова начальнику главного штаба Кавказской армии ген. Милютину от 15 августа 1860 г. АКАК, т. XII, ч. II. – С.859.

[2] Там же.

разрушение, что все подвластные кн. Аридбаевых, бросив свои вековые жилища, переселились с семействами и имуществом в глубину гор»[1].

Народно-освободительная борьба в Абхазии в XIX веке – одна из важнейших тем абхазской героической песни. В «Песне героев», например, имеются такие куплеты:[2]

Его голова бездыханна лежала,
А тело сраженье вести продолжало.
От жаркой стрельбы пистолет был расплавлен,
А белый скакун был в бою окровавлен.
То был Чизмаа Едиг.

Ружейное пламя бушует кругом,
Так ринемся в пламя с победным мечом,–
Сказал Сахаткери.

Хотя и лежал он, в сраженье убитый,
Он был для детей и для женщин защитой.
То был Башнух Сит.

Явился он утром, как день молодой,
Погиб он в сраженье с вечерней звездой.
То был несчастный Чкок Манча.

В другой песне говорится:

У дворянских сыновей есть оружие дорогое,
У крестьянских сыновей – допотопное, плохое.
Сыновья дворян в ночи крали лошадей.

В «Песне о Кучуке, сыне Аджгирие» повествуется о том, как герой Кучук скрывался в горах от царских пуль и виселицы, в то же время он был страшным абреком для противника. Кучук совершал

[1] Отношение кн. Эрнстова кн. Барятинскому от 20 августа 1860 г. АКАК, т. XII, ч. II. – С.861–865.

[2] Перевод дается по книге «Антология абхазской поэзии». М., 1958. – С. 60–61.

налеты на гарнизоны, беспокоил воинские части набегами, но был неуловим – трудовое крестьянство поддерживало его, видя в нем борца за крестьянское дело[1].

60-е годы характеризовались усилением и чисто антифеодальных выступлений крестьянства. Около 1860 года в с. Гали К. Маргания решил построить себе дом на территории, занятой под сад и кукурузное поле крестьянами М. и К. Захария. Он привез туда строительный материал и посеял лобио. Но крестьяне Захария изрубили плетень, выдернули все лобио и заставили Маргания уйти оттуда. Другой помещик, того же, селения Ростом Маргания, также захватил поле, принадлежавшее крестьянам Ханашву, Гвату и Давиду Габлая, чтобы на нем устроить усадьбу. Но Габлая изрубили весь лесоматериал, переброшенный туда Маргания для строительства дома. Спор дошел до пристава. Последний распорядился выделить землю крестьянам Габлая в другом месте[2]. В с. Анухва, дворянин Беслан Мканба, на земле анхаю Трапш построил кош. Названные крестьяне уничтожили постройку Мканба[3].

Когда в начале 1860-х годов Кизилбех Маргания в с. Звандрипш, задолжав владетелю, передал ему 3 дыма анхаю Хынтба, то 8 других дымов данной фамилии, будучи недовольными этим поступком, ушли от своего помещика[4]. Анхаю с. Шлара Согум Пкин, «по неудовольствию» на дворян Лакрба, ушел в с. Чаабалурхва[5]. Четыре дыма анхаю с. Мгудзырхва Жиба, «по неудовольствию» на князей Тлапса и Зосхана Инал-ипа, которые всячески притесняли их, заставляли платить свои долги, переселились в селения Абжаква и Бгажиашта[6]. В с. Саберио крестьянин Георгий Малазония поссорился с князем Манучаром Чхотуа и бежал в Мегрелию[7]. Когда князь Балхуху Анчабадзе схватил царченского анхаю Тукву Малания и отдал некоему Учардия Чхчлария (с. Мухури) в уплату долга, крестьяне с. Царча решительно выступили и вынудили князя выкупить их односельчанина, а также дать подписку в том, что он никогда больше не будет

[1] Ковач К. Песни кодорских абхазцев. М., 1930. – С.23.

[2] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5. лл. 139–156.

[3] Там же.

[4] Там же, л. 129.

[5] Там же, л. 186.

[6] Там же, лл. 126, 129.

[7] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 10–13.

притеснять Малания[1]. Аналогичный случай имел место и в с. Гудава, где крестьяне также «взбунтовались и заставили» дворянина Мсоуста Маргания выкупить анхаю Акшба и Ачая, насильственно отданных им царченскому князю Алибею Шервашидзе[2]. В июне 1863 года племянник владетеля Абхазии князь Харита Дзапш-ипа был убит одним крестьянином[3].

В материалах Сухумской сословно-поземельной комиссии имеется много сообщений о выступлениях крестьян против попыток феодалов захватить общинные земли и леса, а также против хищнического истребления лесных массивов. Население Самурзаканской Абхазии «недружелюбно отнеслось к противообычным порубкам лесов высшим сословием, имевшим вредное влияние на хозяйство по важному значению лесов для этого последнего». Когда в с. Отобайа князь Квач Анчабадзе в 1866 году дозволил рубку дубового леса одному лесопромышленнику, то против этого восстало все население названного села[4].

Учащались случаи захвата крестьянами помещичьих земель. Так, в 60-х годах беглые крестьяне, преимущественно из Бзыбской Абхазии, поселились в с. Ачадара, вблизи ущелья р. Гумиста. Эти крестьяне «занимали земли, принадлежавшие князю Георгию Дмитриевичу (Шервашидзе. – Г. Д.). ничего не платя настоящему помещику». К югу от них, также образовалась довольно большая деревня из беглых же крестьян Бзыбской Абхазии, захвативших и вырубивших лес «без разрешения помещика», т. е. Г. Д. Шервашидзе[5]. На Маджарке (Мачара) были захвачены целые «полосы» крестьянами, которые начинали продавать траву на скос войскам, хотя при жизни Д. Шервашидзе эти луга составляли «полную собственность его и приносили ему доход»[6].

Источники отражают борьбу крестьян против стремления помещиков присвоить себе хозяйства умерших крестьян, что имело место даже в тех случаях, когда были налицо неоспоримые наследники умершего, из числа его близких родственников. Когда в с.

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 17, 20. 30–40.
[2] Там же, лл. 18, 22. 30–40.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, д. XXVI, лл. 6–20.
[4] Там же, оп. 3. 1869 г., д. 1017, л. 76 об
[5] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1868 г., д. 29 лл. 482–483.
[6] Там же, лл. 511–512.

Члоу умер крестьянин Назруква Джелия без прямых наследников и Беслан Ачба (Анчабадзе) решил завладеть всем его имуществом, но родственники Назруквы не дали Ачба движимого имущества покойного[1].

А. Н. Введенский писал, что вообще, князья и дворяне с помощью владетеля Абхазии старались расширить свои права за счет прав крестьян, «но здесь они встречали более еди-нодушия, нежели в своей среде, и иногда коллективный протест нескольких многочисленных фимилий зависимых сословий заставлял их отказаться от своих попыток»[2].

На протяжении почти всего XIX века, вплоть до крестьянской реформы, шла непрерывная борьба между анхаю с. Звандрипш Чкок и дворянами Званба, которые стремились подчинить себе названных крестьян. В 1869 году словесный суд, наконец, определил: крестьян Чкок освободить от дальнейшего притязания со стороны дворян Званба и последним отказать в их домогательстве[3].

Старики Абхазии часто сообщают интересные сведения о классовой борьбе в предреформенной деревне. Так, житель с. Атара, Очамчирского района, Ч. Б. Квициния рассказывает, что князь Григорий Шервашидзе (ум. в 1875 г.) начал требовать от крестьян Квициния по 1 корове, вместо 1 козленка, на что последние ответили категорическим отказом. Однако помещик был упрям. Но непримиримы были и крестьяне, которые однажды сбросили помещика с лошади и избили. Еще плачевнее была участь управляющего имением Григория Шервашидзе, которого князь послал к крестьянам Адлейба, пасшим свой скот в местности Наа, с приказанием взять у них ягненка; если не отдадут его добровольно, то силой отнять. Как рассказывает старик того же с. Атара П. Е. Адлейба, пастухи на княжеского управляющего напустили собак, а потом сами нагнали его и избили до смерти[4].

Рассказывают и о таком факте Мать Григория Шервашидзе через своего акяхя потребовала от пастуха Куанача Чагуаа одну жирную корову. Крестьянин отказался. Тогда княгиня приказала силой

[1] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, л. 158.
[2] (Введенский А. Н.). Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина. – С.11.
[3] ЦГАА, ф. 57, оп. 2, 1870 г., д. 5, лл. 180–182.
[4] Арх. Абхазского института им. Д, И. Гулиа, ф. 1, д. 92, лл. 27–29.

забрать животное. Но хозяин коровы выстрелом убил акяхя и бежал в Мегрелию, где скрывался несколько лет[1].

Согласно рассказам современников, к крестьянину Салмакве Аквсба однажды пришли 4 княжеских сборщика. Последние потребовали от Салмаквы зарезать корову и угостить их. Крестьянин вынужден был уступить силе. Но, сварив целиком корову, Салмаква навел кремневое ружье на непрошенных гостей и приказал съесть все мясо, чего, конечно, те не в силах были сделать. Тогда Салмаква нагрузил на них остаток мяса и, не опуская взведенного ружья, отвел их во двор владетеля. Но владетель велел убить Аквсба[2].

Последующий период характеризовался усилением бегства крестьян от своих владельцев, чему в известной мере благоприятствовало асасство. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии П. Д. Краевич подчеркивал, что нарушения феодалами прав крестьян приводили последних к протесту, который явился «одним из главных мотивов к переселению»[3].

Интересны объяснения причин массового переселения крестьян Абхазии А. В. Пахомова. Он сводил их к преследованию крестьян врагами, в частности помещиками, а также к увеличению численности душ в крестьянском дыме и, вследствие этого, к недостатку в земле[4]. Командующий войсками в Абхазии генерал Шатилов в рапорте кутаисскому генерал-губернатору 24 сентября 1865 года сообщал, что обыкновенно главной причиной освобождения из сословия крепостных крестьян – ахоую, «кроме обыкновенных случаев, служила трудность (удержать их. – Г. Д.) при свободе употребления оружия и возможности переселений и побегов...» Далее он указывал, что такие люди, если и не имели права на освобождение, всегда могли вынуждать к тому своего владельца, поставить его в такое положение, что он не мог колебаться при выборе одного из двух: или получить все имущество освобождаемых и «приобрести на оное выгодных во всех отношениях рабов, или лишиться и людей и имущества»[5]. Даже депутаты дворянства Абхазии в докладной

[1] Там же Отчет научной экспедиции Абхазского института им. Д. И. Гулиа, 1955 г., д. 175/163, л. 26.

[2] «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.

[3] ЦГИАГ, ф 416, оп. 3, 1869 г., д. 1018, л. 21 об.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. 1, 1870 г., д. 36, л. 56 об.

[5] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 3.

записке от 23 марта 1870 года признавали: «Были, правда, нередки случаи побегов, совершавшихся всегда скрытно и по большей части ночью»[1]. Д. З. Бакрадзе отмечал факты бегства крестьян Абхазии от своих владельцев, порой «со всем своим добром и семейством, пожалуй, даже родством», вызванные оскорблением и требованием повышенных повинностей[2]. С. Л. Авалиани, право переселения, также рассматривал, как решительное средство, к которому прибегали крестьяне, если им не удавалось уладить отношения со своими владельцами. Недовольный крестьянин переселялся с семьей или целой фамилией в другое село-общину, которая охотно принимала его[3].

Помимо приведенных, мы сошлемся еще на следующие данные. А. В. Пахомов свидетельствовал, что в с. Акапа беглые крестьяне в количественном отношении «превышают настоящих коренных акапских анхаю». По поводу других соседних сел (Бгажиашта, Парнаут, Пшап, Бабышь-ира, Дранда) Пахомов замечал: «Все остальные жители, здесь не поименованные, суть асасы, беглые из разных мест Абхазии и поэтому должны быть возвращены на свои места». Вблизи ущелья р. Гумиста образовалось довольно большое поселение из таких беглых крестьян из Бзыбской Абхазии (подвластных князьям Инал-нпа и Шервашидзе, дворянам Маргания и другим феодалам), которые считались асасами ашнакума Кягуса Чрыгба – они избирали его своим «покровителем». Дворянин Джамлет Маргания к своим подвластным крестьянам, также прибавил «множество асасов из разных крестьян, ушедших от своих помещиков»[4].

Пахомов приводил и более конкретные факты. После смерти Д. Г. Шервашидзе часть крестьян из фамилий Циба и Шаламберия «без позволения помещика» перешла на жительство в с. Пшап; другая часть переселилась в села Париаут и Абжаква. В с. Бгажиашта 2 дыма анхаю Харазия были выходцами из с. Абжаква, 3 дыма анхаю Капба из с. Акапа, а остальные крестьяне – «беглые из разных мест

[1] Там же, 1866 г., д. 1014, л, 42.

[2] Госмузей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа, рукописн. отд., ф. М. Туманова, д. 376, лл. 1–4.

[3] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. II. – С.67.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1087, оп. I, д. 29, лл. 478–483.

Абхазии». Многие жители с. Яштхуа – также «пришедшие в более или менее недавнее время»[1].

В молитве, произносившейся при свадебном обряде абхазов, имелось такое место: «Переверни вверх ногами всех тех, которые лишают нас собственности и нарушают у нас тишину и спокойствие и тем самым отбивают нас от занятия хозяйством»[2]. А. Н. Введенский писал, что здесь под словами, «всех тех», подразумевались именно владельцы. Из этой молитвы видно, писал он далее, «какими чувствами дарили вообще зависимые своих владельцев»[3].

Указанные и другие факты борьбы абхазского крестьянства на фоне крупных волнений, ставших перед реформой обычным явлением во всей Грузии и в Закавказье, говорят, насколько была напряжена обстановка и каково значение этой обстановки в деле отмены крепостного права в крае.

Наиболее выдающимся из этих крупных крестьянских выступлений, непосредственно, перед реформой в Грузии было вооруженное восстание в Мегрелии в 1856–1857 годах. Именно учитывая, что в это время повсюду происходили волнения крестьянства, чтобы не дать восстанию в Мегрелии переброситься в соседние районы – Гурию, Имеретию, Абхазию – «царское правительство и местные феодалы мобилизовали крупные силы и действовали чрезвычайно решительно. Восстание было жестоко подавлено. В ноябре 1857 года произошло вооруженное выступление крепостных крестьян в деревнях Амаглебского участка Кутаисской губернии, перекинувшееся и на соседний Багдадский участок. Выступление крестьян против помещиков имело место в Гурии в 1861 – 1862 годах. В мае 1863 года в Сенакском округе также произошло вооруженное столкновение между крестьянами и помещиками.

Наместник Кавказа М. Н. Романов в письме императору Александру II в июне 1863 года, так характеризовал положение в Закавказье: «Решение оного (крестьянского вопроса – Г. Д.) необходимо безотлагательно, ибо отношения крестьян к помещикам весьма натянуты во всем Закавказском крае, в особенности это проявилось в

[1] ЦГИА, ф. 1110, оп. 1, д. 15.

[2] Званба С. Этнографические этюды. – С.62.

[3] (Введенский А. Н.). Абхазцы (Азега). По поводу сочинения г. Дубровина... – С.10. прим. 9.

здешнем и Горийском уездах, так что во многие селения были принуждены послать экзекуции»[1].

Значительным явлением этого периода было восстание 1866 года в Абхазии[2], правда, вспыхнувшее после осуществления крестьянской реформы в Восточной Грузии, а также в Имеретии и Гурии (Западная Грузия), но до проведения реформы и в непосредственной связи с подготовкой ее в Абхазии.

Восстание 1866 года, кроме предпосылок общего характера, имело ряд непосредственных конкретных причин. Упразднение владычества и введение непосредственного русского управления хотя и не вызвали никаких серьезных событий, но неудовлетворительная организация нового управления и невыносимо грубый произвол возглавлявших его царских офицеров и чиновников, со временем явились серьезной причиной недовольства населения. В том же духе была направлена и к тем же результатам приводила и деятельность представителей российской официальной церкви. Общему возбуждению крестьянства способствовали стихийные бедствия (неурожаи, эпидемические заболевания) и другие факты.

Однако, решающей причиной восстания 1866 года, определившей и время возникновения, и характер, и масштабы его, была крепостническая природа крестьянской реформы, к подготовке которой здесь было приступлено летом 1866 года. Крестьяне достаточно хорошо представляли сущность реформы из практики ее проведения как в самой России, так и в Восточной Грузии и Имеретии. Крестьян Абхазии особенно волновали стремления правительства заставить их выкупить свои собственные земли у помещиков.

В июле 1866 года комиссия по сбору материалов для проведения крестьянской реформы в Абхазии приступила к работе. В Бзыбском округе крестьяне категорически отказались давать какие-либо сведения комиссии, заявив, что они не намерены получать свободу выкупом за свой счет. 25 июля в с. Лыхны был созван сход крестьян. На сход прибыл начальник Сухумского отдела полковник Коньяр, в сопровождении князей Георгия и Александра Шервашидзе – сына и брата последнего владетеля Абхазии. Крестьянские депутаты передали полковнику народные требования. Крестьяне заявляли о

[1] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 607, лл. 26 об–27.

[2] См. Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии, Сухуми, 1955.

невозможности для них выкупа от помещиков собственными средствами. Они жаловались также на притеснения со стороны царских офицеров и чиновников и т. д.

К движению крестьян присоединилось и немалое число феодалов, возражавших против всякой крестьянской реформы. Мечтая о восстановлении феодального княжества, часть из них, ориентировалась на султанскую Турцию. Грубое выступление Коньяра было встречено общим возмущением. Несмотря на уговоры некоторых князей и дворян, толпа ворвалась во владетельский дом, где укрывались начальник отдела и сопровождавшие его лица. Схватка кончилась убийством полковника Коньяра и других офицеров и чиновников, а также истреблением значительной части казачьего отряда.

Выступление в Лыхнах послужило сигналом к восстанию, почти во всей Абхазии. Отряды царских войск, находившиеся в Пицунде и Цебельде, спаслись лишь при помощи абхазских князей и дворян. 27 июля повстанцы, числом около 2 тыс. человек, подошли к Сухуму и вынудили сухумский гарнизон отступить к крепости. Несколько дней бои шли в самом городе. Крестьяне, сражаясь с царскими войсками, разоряли при этом и дома крупных абхазских феодалов. В то же время, князья и дворяне, примкнувшие к восстанию, поспешили развернуть свое феодальное знамя, а 29 июля провозгласили Георгия Шервашидзе владетелем Абхазии.

Царское правительство было весьма обеспокоено событиями в Абхазии. Сюда были двинуты крупные вооруженные силы. Повстанцам был предъявлен ультиматум о прекращении сопротивления, угрожая, в противном случае жестокими наказаниями и всеобщим разорением.

Хотя сопротивление крестьян царским войскам было вполне возможно и царские генералы боялись его, но тем не менее вооруженное восстание прекратилось. Значительная часть абхазского населения была разоружена без каких-либо серьезных инцидентов. Не вызвали серьезных протестов также расстрел и удаление из Абхазии активных участников восстания.

Такой исход восстания 1866 года в Абхазии был обусловлен рядом обстоятельств. Среди восставших не было единства. Основная масса крестьянства проявила классовую ограниченность и политическую отсталость. Крестьяне боролись с «плохими чиновниками», но надеялись на «милость» русского царя. Выступая против крепостнических условий крестьянской реформы и колониального гнета, они не проявляли твердости и последовательности в отношении своих князей и дворян.

В восстание 1866 года в Абхазии было вплетено реакционное, феодально-националистического характера, выступление части абхазских феодалов, возлагавшей надежды на помощь султанской Турции и других иностранных государств, стремившихся использовать восстание в своих интересах, в целях восстановления владетельской власти и всех старых привилегий князей и дворян. Эти домогательства феодалов, были совершенно неприемлемы для крестьян.

Вследствие этих обстоятельств восстание не пошло вглубь и вширь. Оно оказалось локализованным, силы крестьян были раздроблены и распылены.

Всякое крестьянское восстание, не соединенное с рабочим восстанием и лишенное рабочего руководства, обречено на неуспех. Среди участников абхазского восстания 1866 года, кроме того, с первых же дней возникли серьезные классовые противоречия. Это было главной причиной того, что восстание так скоро погасло.

Выступление абхазского крестьянства в 1866 году было выражением протеста масс против насилия и эксплуатации и поэтому являлось прогрессивным, освободительным.

Еще не закончилось разоружение населения, как царское правительство поспешно принялось за административное «устройство» Абхазии, т.е. за усиление административно-полицейского аппарата; одновременно происходило переселение части абхазского населения в Турцию, о чем будет сказано в дальнейшем.

Восстание 1866 года сыграло большую роль в росте классового самосознания абхазского крестьянства. Крестьянские выступления, имевшие место после событий 1866 года, носили резко выраженный антифеодальный характер. Все чаще встречаются факты отказа от выполнения крепостнических повинностей, бегства крестьян от своих помещиков и т. д. Кроме того, восстание 1866 года сыграло определенную роль в дальнейшем усилении борьбы крестьянства, в особенности в тех районах Кавказского края, где крестьянская реформа не была еще проведена. Царское правительство вынуждено было еще больше спешить с проведением этой реформы.

Подготовка к реформе в Абхазии, прерванная восстанием 1866 года, официально была возобновлена в 1867 году. Это еще больше усугубляло классовые противоречия между крестьянами и феодалами. Абхазское дворянство вначале было чрезвычайно встревожено вестью о крестьянской реформе, но впоследствии, когда оно убедилось в неизбежности проведения этой реформы и в Абхазии, активно втянулось в подготовительную работу для того, чтобы при проведении реформы максимально защитить свои сословные интересы.

Как писал С. Л. Авалиани, «против притязаний владельцев, конечно, восставали зависимые разряды населения»[1]. А. Н. Дьячков-Тарасов сообщал, что крестьяне знали уже от своих тифлисских депутатов о тенденции помещиков «и были в оппозиции к дворянам»; они заявили: «Тавадам перестали верить»[2]. В архивах сохранились интересные документы, сообщающие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами в Абхазии, непосредственно накануне реформы.

Борьба эта развертывалась главным образом вокруг земельного вопроса. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский констатировал, что с 1866 года, предвидя скорое проведение реформы в крае, жители старались захватить как можно больше земли. «Это движение» очень сильно развивалось в Самурзаканском участке. Например, в бывший охотничий коджельский лес в 1868 году «вторглись» жители Цхири, Чубурисхинджи, Гудава, Репи и Шешелети, а жители Набакеви и Баргеби начали рубить набакевский лес. Сухумская сословно-поземельная комиссия, рассмотрев результаты обследования положения дел в указанных селах, в ноябре того же 1868 года постановила возвратить на прежнее место жительства 7 семейств, поселившихся в 1866 году на р. Сида, «вопреки запрещению начальства»; 15 семейств,, поселившихся в 1867 году на р. Хумушкур, и всех «произвольно поселившихся» в коджельском лесу жителей Гали, Цхири и Чубурисхинджи. Это постановление комиссии было приведено в исполнение начальником Сухумского отдела, но «в полной силе оно продолжалось недолго»[3].

[1] Авалиани С. Л. Указ. соч., т. 11. – С.74.
[2] Дьячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С.204.
[3] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, лл. 63–65.

Абхазские крестьяне, по-прежнему, не мирились и с колониальной политикой самодержавия. Из ведомости о числе местных жителей, содержавшихся в 1868 году под арестом «за разные преступления», видно, что за «дерзость против начальства и неповиновение» было арестовано 8 чел., из которых крестьян было 6 чел.[1]

К. Маркс в статье «Об освобождении крестьян в России» указывал, что крестьянская реформа неизбежно послужит сигналом для массового восстания среди сельского населения[2].

Действительно, грабительский характер реформы вызвал массовые выступления крестьян уже впервые годы после отмены крепостного права. Это относится и к крестьянству Абхазии. Усиливаются «произвольные захваты» земель крестьянами, которые в конце 70-х годов, по словам самих крестьян, в Самурзаканской Абхазии носили характер «сильного расселения» жителей[3]. В Абжуйской Абхазии известно смелое выступление крестьянина с. Джгерда Кублуха Агумаа против крепостнического характера крестьянской реформы. Он говорил, что князья и дворяне всегда ходили без дела, а работали крестьяне. «Мы землю обрабатываем, значит она принадлежит нам» – крестьянам. Помещики затаили злобу против К. Агумаа и погубили его, добившнсь ссылки в Сибирь[4].

В период русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в связи с ухудшением положения крестьян, почти по всей Абхазии происходили крестьянские выступления. 15 апреля 1877 года крестьяне с. Лыхны устроили нападение на м. Гудауты[5]. А о дальнейших событиях начальник Сухумского отдела генерал Кравченко 5 мая 1877 года телеграфировал потийскому коменданту: «Вся Абхазия восстала до Келасури и волнуется до Кодора»[6]. Выступления имели место и в Самурзакано.

Царские власти, квалифицируя выступления крестьян как «измену», подавляли их с исключительной жестокостью. Крестьянские выступления были направлены как против колониальной политики

[1] «Кавказский календарь на 1870 г.» . – С.420.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, изд. 2. – С.701.
[3] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, лл. 63–65.
[4] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 94, л. 10, д. 11,7 л. 22.
[5] ЦГИАГ, ф. 545, д. 3103, л. 213.
[6] Там же, ф. 4, д. 517, лл. 2–103.

царизма, так в значительной степени и против абхазских князей и дворян.

Генерал Кравченко, «в видах предупреждения разбоев, поджогов и грабежей и ограждения личной безопасности и имущества преданных лиц туземного населения», признавал необходимым образовать «особый летучий отряд»[1].

Корреспондент газеты «Голос» писал, что у крестьян «были отрезаны лучшие земли, которые перешли к фамилиям (привилегированным. – Г Д.), ненавидимым в Абхазии. Уже в то время, несколько лет назад, абхазцы готовы были взяться за оружие... и, обиженные, взялись за него при первом удобном случае»[2].

Когда генерал Алхазов с войсками 15 мая 1877 года прибыл в с. Джгерда, то получил известие, что с правого берега р. Кодор переправился партизанский отряд, человек в двести, на левый берег и напал на дом князя Шервашидзе в с. Атара. Генерал отправился в указанное село с двумя батальонами. Но партизан оказалось 70 человек, которые по прибытии войск, ушли обратно[3].

Царизм в стремлении к подавлению народного движения и к окончательному укреплению своего положения в Абхазии шел на поощрение провокации англо-турецких правящих кругов и их агентов в крае, стремившихся к выселению населения в султанскую Турцию (махаджирство). Это было трагическим явлением в истории абхазского, адыгского и некоторых других народов Кавказа в XIX веке.

В Абхазии можно насчитать пять крупных волн указанного движения: после карательных экспедиций генерала Муравьева 1840–1841 гг., после Крымской войны 1853–1856 гг., в 1864 году, после восстания 1866 года, в период и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За время с 1858 по 1864 год одних садзов (джигетов) было выселеко 19.515 чел.[4]

Но самые крупные выселения были в 60–70 годах XIX столетия. На этих событиях следует остановиться более подробно.

[1] ЦГИАГ, ф. 4, д. 517, лл. 2–103.
[2] «Кавказ», 1877, № 182.
[3] «Война 1877–1878 гг...», т. III, в. I. – С. 213–214.
[4] Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. ЗКОРГО, кн. XXIV, в. 3, 1903. – С. 82.

Султанские правители мечтали о получении новых источников для своего обогащения – живом товаре, дополнительном «пушечном мясе» для использования как з будущей войне с. Россией, так и против постоянно восстававших угнетенных народов лоскутной Османской империи. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев в письме от 3 января 1867 года прямо указывал, что впоследствии султанскому правительству, быть может, придет мысль направить выходцев из Абхазии в Кандию или же в другую область, чтобы противопоставить такое подкрепление «силам волнующихся христиан»[1].

Вот почему, правительство султанской Турции всячески старалось вызвать через своих агентов широкое движение махаджирства. Такие агенты среди населения усиленно вели агитацию против России и вместе с тем не жалели красок для изображения «райской жизни» в Турции. Еще Ф. Ф. Торнау отмечал, что «турки, распространившиеся по округам Сухумскому и Абживскому, старались всячески восстановить народ против русских..., продолжая вопреки военным крейсерам, закупать в ней (в Абхазии. – Г. Д.) пленных мужчин и женщин»[2]. М. А. Селезнев, внимательно следивший за действиями турецких агентов в Абхазии, свидетельствовал, что в Очемчирах жило несколько турецких купцов, среди которых имелись «фанатики, служащие агентами турецкого правительства... из Ошенчур (Очемчиры. – Г. Д.) против России в горцах разливается яд ненависти»[3].

Русский офицер С. Смоленский, в 1859 году находившийся вместе с сотней солдат в Бзыбской Абхазии около р. Хыпста (Белая), писал, что абхазы «стали делать предположения, что, вероятно, сотня поставлена здесь не без цели, что недаром говорят, будто их (абазинов) хотят сделать русскими, брать в солдаты, принуждать брить бороду, а волоса на голове стричь и, наконец, заставить их марушек ходить без шальвар, что для женщин, конечно, последнее дело... Рассуждения эти... были последствием распространения между абазинами (абхазами. – Г. Д.) нелепых толков турками, которые постоянно старались поддерживать между ними неприязь к русским

[1] ЦГВИА, ф. 400. оп. 258/908, аз. ч. 1866 г., д. 54, лл. 156–159.
[2] Там же, ф. ВУА, д. 45240, л. 55.
[3] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С.155.

и усилить расположение к Турции». Муллы обещали каждому в загробной жизни – за одну поездку в Турцию оставить «наполовину отверстыми двери магометова рая. О России же они имели понятие, как о крае бедном, неудобном и даже не вознаграждающем труда земледельцев. Иначе они и не объясняли занятие края, как желанием русского правительства утвердить свою власть в земле их, ввиду крайней бедности нашего отечества, или теснотой населения»[1].

Наместник Кавказа в своем отношении русскому послу в Константинополе от 20 сентября 1867 года, т. е. в тот период, когда он, по-видимому, уяснил себе действительные цели султанской Турции и воочию увидел коварные приемы, к которым последняя прибегала, желая осуществить свои цели, указывал на всяческое стремление турецкого правительства продолжать переселение горцев и категорически опровергал утверждение, что горцы, мол, сами заинтересованы и добиваются переселения в пределы турецкой империи, «будто заявленном Порте мнимыми депутатами. Из приложенных же при этом для вашего сведения копий с объяснениями по этому делу ближайших начальников края генерал-адъютанта Сумарокова-Эльстона и генерал-майора Геймана, – писал наместник далее, – ваше превосходительство усмотрите, что вряд ли и существует то движение в народе и те сборы, о которых турецкое правительство сообщает вам в своих нотах»[2].

Отношение Англии и Франции к рассматриваемому вопросу было вполне определенным. Англия вообще на Черноморском побережье всемерно провоцировала переселение. Это вытекало из ее захватнических интересов здесь, что необходимо рассматривать в плане английской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, в плане борьбы против интересов России. Английские и турецкие агенты делали все, чтобы заставить население указанного края переселиться в Турцию с целью использовать его в борьбе против России[3].

Исключительно предательскую роль играли многие местные феодалы-изменники, которые, будучи безразличны к судьбе родины, всячески старались увезти с собой в пределы султанской Турции своих крестьян. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Мошнин в письме Старосельскому от 3 августа 1866 года указывал, что целью, например, дворянина Хасана Маргания в восстании, было переселение его подданных крестьян в Турцию[1], чтобы за счет них строить свое благополучие и на чужбине, где он скитался давно. Х. Маргания, будучи активным работорговцем, немало людей успел отправить в Турцию в качестве живого товара. Тот же Мошнин сообщал в русское посольство (26 июля 1867 г.), что некоторые из «влиятельных абхазов старались переселить сюда (в Трапезунд. – Г. Д.) еще других своих соотечественников, преимущественно рабов»[2].

За выселение значительной части абхазского населения в 60-х годах, со стороны царизма, ответственные были прежде всего кавказский наместник М. Н. Романов и кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский. Не случайно, что русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев о выселении абхазов говорил как «о решении кавказского начальства»[3]. Еще в марте 1864 года, т. е. до окончания Кавказской войны, наместник в личном письме Александру II писал: «...Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани... Дело окончательного покорения восточ. берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев на указанные им места или в Турцию. Для облегчения сего последнего я предполагаю разрешить употребить казенные транспортные суда и компанейские пароходы»[4].

Но в 1864 году по отношению к абхазам дело ограничилось выселением садзов (джигетов) и незначительной части населения бывшего Абхазского княжества. Таким образом, широкий план выселения населения Абхазии в тот период отпал. В этом, по-видимому, известную роль сыграло общественное мнение России. И в самом правительстве некоторые лица не разделяли этого плана. Во вся-

[1] Смоленский С. Воспоминания кавказца. «Военный сборник», № 10, 1872. – С.357.

[2] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 527, лл. 2–5.

[3] Фадеев А. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии. «Вопросы истории», № 9, 1951. – С.76, 96

[1] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784. лл. 92–93.

[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 252.

[3] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 156–159.

[4] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, д. 608, лл. 13–16.

ком случае, в газете «Московские ведомости» читаем: «В то время не было признано полезным привести в исполнение эту мысль»[1] (о переселении. – Г. Д.); в газете «Кавказ»: «Против этого (переселения абхазов. – Г. Д.) было говорено много и абхазцы остались»[2].

Однако после восстания 1866 года, вернее, в ходе этого события, снова возник вопрос о переселении населения Абхазии в Турцию. Осенью того же года наместник, излагая военному министру «личный взгляд» на события в Абхазии, высказал соображения, на основании которых он считал необходимым принятие самых энергичных мер к прочному водворению царской власти в Абхазии. Наместник указывал на «коренную в этом отношении меру» – переселение в Турцию части населения Абхазии[3]. В конце 1866 года Н. П. Игнатьев начал переговоры с турецким правительством.

Так, царские власти, угнетавшие и предававшие интересы самого русского народа, вместе с абхазскими помещиками-предателями играли на руку внешним врагам. Предполагалось выселить 4 тыс. семейств. Такая участь ожидала все население Цебельды и Дала, а также 900 семейств из Драндско го округа и 300 – из Пицундского.

Выселение носило, в основном, насильственный характер. Об этом говорят многочисленные факты. Корреспондент газеты «Кавказ» свидетельствовал о фактах отказа населения уезжать в султанскую Турцию и об его попытках задержать и других. Так, писал этот автор, «нередко случается, что один брат идет выселяться, а другой остается; старик-отец... забирает с собой ценные вещи и уходит, а детей убеждает остаться»[4].

Не менее интересно сообщение корреспондента газеты «Дроэба», по-видимому, Г. Чарая. Он подчеркивал, что население согласно было принять любые наказания, лишь бы его не переселили: Например, ушли цебельдинцы, дальцы и гупцы, а члоувцев и джгердинцев просто «выгнали из своих домов». Ушли люди и из других сел Абжуйской Абхазии. Но все «они никак не хотели уходить отсюда». Причем, «когда их выгоняли из своих домов», многие старики и старухи разбили себе головы о стены домов и стволы

[1] «Московские ведомости», 15 июня 1867 г., № 130.
[2] «Кавказ», 25 мая 1867 г., № 40.
[3] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 77, д. 76, лл. 111–114.
[4] «Кавказ», 25 мая 1867 г., № 40.

деревьев. Были «везде слышны плач и рыдание»; мычали коровы, ревели ослы. Когда люди вошли в судно и тронулись в неизвестный им путь, у одной молодой женщины родился ребенок, которого она выбросила в море. Пароход остановился, чтобы спасти ребенка, но отчаявшаяся и обреченная на гибель мать отказалась от этого[1].

Наши исторические документы нередко сообщают о случаях, когда крестьяне скрывались, избегая переселения в Турцию[2]. Насколько неохотно крестьяне становились махаджирами, эмигрировали в Турцию – видно также из их стремления принять христианство, что было вызвано, разумеется, желанием остаться в своей стране. Наместник Кавказа в письме Александру II констатировал: «Жители Пицундского округа (быв. Бзыбский) не желают идти в Турцию и все принимают добровольно христианство»[3]. А в письме от 16 июня того же года также читаем: «Весь итог выселившихся семейств – менее 4 тыс. Оставшиеся довольны, особенно покорны и послушны»[4]. В течение 1869 года в Абхазии приняло крещение 7.894 чел. обоего пола.

Вместе с тем, крестьяне в крайнем случае соглашались ехать даже в Сибирь, но только не в султанскую Турцию. Жители сел Бзыбской Абхазии в заявлении начальнику Сухумского отдела писали, что начальник Бзыбского округа майор Д. Чавчавадзе, сообщив о ходе переселения из Цебельды, Дала и Драндского округа, советовал охваченному тревогой населению, чтобы оно уклонилось от переселения. Услышав такой совет, люди обрадовались и начали жить мирной жизнью. «Мы спокойно пахали, сеяли и занимались всякой работой, почему каждый из нас доволен своим состоянием». За это так благодарны князю Чавчавадзе, читаем в указанном заявлении, что и «выразить не можем»[5]. Новый начальник отдела генерал Гейман в отчете о поездке по Абхазии от 16 октября 1867 года также писал о желании населения остаться на родине[6].

Однако, несмотря на все это, население не избегло трагедии махаджирства. Наместник Кавказа в письме Александру II от 1–6

[1] Дроеба, 9 (21) июня 1867 г., № 23.
[2] См., например, ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, 1867 г., д. 253, л. 173.
[3] ЦГИА, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 611, л. 10.
[4] Там же, л. 21.
[5] ЦГИАГ, ф. 80, д. 238, лл. 5–10.
[6] Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1867 г., д. 257, л. 1.

июня 1867 года сообщал об этом уже, как с совершившемся факте[1]. В цифровом отношении этот факт выражался в следующем: из Цебельды и Дала было выселено почти все население, т. е. 2.503 двора или 14.740 чел.; из Пнцундского и Драндского округов – 855 дворов или 4.602 чел.; итого – 3.358 дворов или 19.342 чел.[2], вместо 4 тыс. семейств, ввиду «ограничения нормою» числа переселенцев[3].

Наместник Кавказа с течением времени начал выражать мнение о необходимости приостановить переселение горцев в Турцию ввиду того, что отпала военная и политическая необходимость и абхазское население стремилось «приучаться к русскому управлению»[4]. Надо полагать, что наместник хорошо понял весь коварный замысел и приемы султанской Турции и свою роль в этом деле. Наместник писал доволью прямолинейно Н. П. Игнатьеву: «Вследствие этих соображений, в ответ на письмо вашего превосходительства от 12 сентября, сообщаю, что я не желаю содействовать Порте в дальнейшем переселении абхазцев и абадзехов»[5].

О том, что положение переселенцев в Турцию было катастрофическим, мы находим в источниках достаточное количество сведений. Уже во время переселения от голода, морской болезни, дизентерии и т. д. погибла масса людей. Шкипер турецкого баркаса Юнус Ахмед сделал пометку на патенте № 288/49, что отправлено из одного пункта Абхазского побережья 140 чел., а прибыло на место, в Трапезунд, всего лишь 35. «Вся же разница» на 72 каботажных трапезундских баркасах за время с 18 апреля по 18 мая 1867 года составляла 1.105 чел. Высадили же в Трапезунде 10.865 чел.[6] Консул Мошнин систематически доносил русскому посланнику в Константинополе о том, что турецкое правительство не выполнило своих обещаний по поводу оказания помощи горцам (речь идет о выселившихся в 1864 г.) и что последние, лишившись средств существования, охвачены недовольством и всячески стремятся обратно на родину[7].

[1] ЦГИА, ф. 678, д. 611, 1867 г., л. 21.
[2] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 253–257.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1872 г., д. 615, л. 70 об.
[4] ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 527, л. 2.
[5] Там же.
[6] Донесение ген. консула в Трапезунде ст. сов. А. Мошнина в императорскую миссию от 22 мая 1867 г. ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч, 1866 г.. д. 54, л. 243.
[7] ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/289, СР. 880, 1865 г., д. 16, лл. 4 об–16.

В 1866 году Ив. Аверкиев опубликовал отрывок из письма некоего Смела Абича из турецкой эмиграции на имя одного князя. «Скажите всем встречным и знавшим меня, – писал он слезно на родину, – о моей гибели; не поезжайте! Наказание божие продолжается над нами и жертв искупления еще много будет принесено, – ты знаешь, как много уже принесли мы жертв. Бог восстал на нас...»[1]. Так писал человек, по-видимому, принадлежавший к феодальному классу, уехавший в 1864 году в Турцию добровольно и, разумеется, материально более обеспеченный. Из этого можно себе представить моральное и материальное состояние крестьян, насильственно выселенных и бедных. Иеромонах Ион в рапорте в Общество по восстановлению православного христианства на Кавказе от 11 сентября 1868 года писал о том, что ему население постоянно говорило: «Турки обманули наших абхазцев, и которые переселились в Турцию, там страдают, тогда как мы... живем спокойно»[2].

Кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский еще в 1864 году отмечал, что в Турции «торг людьми от беспомощного положения переселенцев с Кавказа вызвал повсеместное и значительное понижение на них цен...»[3]. В № 134 газеты «Кавказ» за 1877 год, в статье «Черкесы в Турции», читаем: «В «Киевлянине», кажется за 64 или 65 г., было напечатано письмо с трогательными сценами на одной константинопольской площади, где расположились эмигранты с семействами... Одна из женщин узнав, что возле стоит русский офицер, обращается к нему, с плачем отрезает косу и просит его бросить ее на родине, когда он возвратится туда, говоря: «Ведь мы дышали одним воздухом, земляки!» Вероятно, – заключал автор заметки, – русский вырос нравственно в глазах несчастного выселенца, узнавшего бессердечность и бесчестность турецкого правительства».

Красноречивым доказательством тяжелой участи в султанской Турции кавказских переселенцев является, также их бегство обратно на родину, при всей трудности этого дела, а кое-где имели место

[1] Ив. Аверкиев. С сгверо-восточного прибрежья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 70.
[2] ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 7 об.
[3] ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1864 г., д. 622, л 1 об.

даже «беспорядки» и угрозы «поднять бунт»[1]. Н. П. Игнатьев еще 25 мая 1865 года писал директору Азиатского департамента: «По полученным мною сведениям (через горцев, сюда прибывших), несмотря на объявленное нами запрещение возвращаться на Кавказ вышедшим горцам, не¦смотря на негодование турецких властей и на принимаемые ими крутые меры против беглецов, – они тысячами бегут охотно в наши пределы»[2].

В 1877 году к общим причинам переселения абхазского населения в Турцию прибавились и некоторые другие конкретные моменты, которые в известной мере определили вообще обстановку в Абхазии в этот период. Одним из них было то, что турецкое правительство на территории Абхазии высадило войска, состоявшие, в основном, из бывших кавказских, преимущественно абхазских, переселенцев-махаджиров[3], соответствующим образом «обработанных» и подготовленных. А бездарность и трусливость царского командования, на произвол судьбы оставившего край, с одной стороны, «грозный» и жестокий характер турецких сил и их оккупации, с другой, углубляли обстоятельства до крайних пределов. Усиление национального и социального гнета также создавало почву для недовольства населения. Этот гнет со времени восстания 1866 года все более и более усиливался; царские администраторы не сделали нужных выводов из указанного события.

Мы уже не говорим, о той активной антирусской агитации, которую вели турки, в Абхазии, расценивая край как выгодный плацдарм для действия против России, а также деятельности протурецких элементов среди абхазских феодалов, особенно тех из них. которые не: уживались с царскими администраторами или непосредственно провинились перед последними и избегали неизбежного наказания, удаляясь в Турцию. Многие из них, в частности, не считали «Положение» о крестьянской реформе справедливым по отношению к ним, «и нужна была только ис-

[1] Донесения консула в Трапезунде Мошнина посланнику в Константинополе от 22 февраля, 29 марта и 17 мая 1865 г. ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 880, д. 16, л. 4 об, 19. 25.

[2] Письмо ген. Игнатьева директору Азиатского департамента от 25 мая 1865 г. Там же, л. 23.

[3] По официальным данным, их было до 1500 чел. («Война 1877–1878 гг.», т. III, в. I. – С. 206).

кра», чтобы выступить[1]. Если эти помещики рассуждали так, то каково должно было быть настроение крестьян, у которых «были отрезаны лучшие земли»[2]. Кроме того, религия играла определенную роль в этих событиях: некоторая часть населения исповедовала мусульманство.

Для выяснения непосредственных причин, обусловивших сложившуюся в Абхазии обстановку в период и в связи с русско-турецкой войной, представляется весьма существенным следующее сообщение современника событий: «В рядах турок могли оказаться абхазские переселенцы, между которыми были самые знаменитые и влиятельные абхазские представители, пропитанные упорной ненавистью к России; да и среди оставшихся в Абхазии князей дело не могло обойтись без интриг. В этом случае несомненно было, что оставь наши войска абхазцев на произвол судьбы, предай их, так сказать, в руки турок, и они непременно станут на сторону их, так как турки обыкновенно не церемонятся в этих случаях, если не убеждениями и обещаниями, то угрозами и отобранием заложников, жен и детей – заставят идти против русских. С другой стороны, беззащитность Абхазского берега с моря, близость грозных турецких броненосцев, беспрепятственные высадки турецкого десанта и беззащитность наших отрядов, без сопротивления и немедленно покидающих этот край, не могли также не оказать сильного влияния на весьма еще воинственное и крайне впечатлительное население Абхазии. Доказательством этого может служить уже то обстоятельство, что до того пункта, до которого наши войска отступали впоследствии, восстание было полное, распространявшееся по мере нашего отступления; за линией же: наших войск восстания никакого не было и многие из абхазцев даже добровольно переходили к нам, прося защиты. Таким образом, будь у нас прочные укрепленные пункты на берегу моря или близ него, не оставляй наши войска берега, или, отступая от него, возьми жителей под свою защиту, – турки не имели бы большого здесь успеха, и жители, видя, что их не покидают, не изменили бы нам. К сожалению, все случилось как раз наоборот»[3].

[1] Дьячков-Тарасов А. И. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С.201–206.

[2] «Кавказ», 1877, № 182.

[3] «Война 1877–1878 гг.», т. III, в. I. – С. 203.

Когда во время событий 1877 года представители царского командования начали упрекать абхазов в измене, то многие из них заявили: «Вы нас оставляете, ружей нам не даете, махаджиры объявляют нам, что если мы к ним не присоединимся, то они нас разорят. Мы видим, что турки сильнее вас...»[1] Очевидец событий И. Ладария в своих воспоминаниях рассказывал, что турецкий паша принуждал абхазов присягать султану на верноподданство и приказал им воевать с русскими войсками. Затем он гнал людей на фронт, в том числе и отца И. Ладария Василия (Уасил). Последний, старший сын которого сражался в рядах русской армии, не стрелял в русских, говоря: «Разве я могу стрелять в своего собственного сына». Когда же турки, заметив это, пригрозили ему смертью, он начал стрелять в сторону...»[2]. Известный туркофил Уазбек Маргания, высадившийся около Гудаут в составе первого турецкого десантного отряда, собрал местных жителей, раздал им оружие и призвал к восстанию[3]. В таком духе действовали также Камбулат Маргания, Хирипс Маршания, Рашит Гечба и другие феодалы, прибывшие в Абхазию. Махаджиры уверяли население, что «русские больше никогда не вернутся и все Черноморское побережье будет навсегда турецким»[4].

Начальник Сухумского отдела особо отмечал роль «привилегированного класса», действовавшего «уговором и даже принятием некоторых насильственных мер к понуждению поголовного выселения (населения) в Турцию... народ остался на своих местах только там, где или не было привилегированного класса или он удалился в Турцию. Самый резкий пример в этом отношении представляют сел. Лдзаа и Лыхны: в первом, за отсутствием привилегированных фамилий, все жители, несмотря на затруднительное положение среди возмутившегося населения, остались на своих местах; во втором, составленном из бывших подвластных князя Михаила Шервашидзе и аамста Маргани, лии Драх-ипа, выселились только последние со своим бывшим владельцем...»[1].

[1] «Война 1877-1878 гг.», т. III, в. I. – С.214-215.

[2] Ладария И. На заре моей жизни. «Исторический вестник», т.46, 1871. – С. 100-118.

[3] «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре», т.6. Тифлис, 1910, Прилож. – С. 264.

[4] Образцов Л.О. Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина). «Сотрудник Закавказской миссии», 1 января 1913 г., №1. – С. 13-16.

Корреспондент газеты «Кавказ» пытался, следующим образом, объяснить причины такого поведения князей и дворян: «Что при настоящем выселении абхазцев привилегированные сословия играли значительную роль в этом не может быть сомнения. Привыкшие к интригам, имеющим большое применение при владетеле, они постоянно тайно интриговали против нашего управления и поддерживали сношения со своими родственниками в Турции, из которых многие успели добиться там хорошего положения. Эти последние всегда доказывали сравнительно лучшее положение высших классов в Турции, где они сохранили свои права на подвластных. Надежда на восстановление в России своих утраченных прав с переселением в Турцию вместе с бывшими своими подвластными была одной из главных причин, заставляющих высшие сословия желать переселения в Турцию... Что виновники восстания и выселения абхазцев – высшие классы, это подтверждается тем, что большинство выселившихся из числа бывших зависимых принадлежит тавадам и амиста, ушедшим в Турцию, и, наоборот, бывшие зависимые от лиц, оставшихся верными правительству, не покинули Абхазию»[2].

Турецкие захватчики в Абхазии уничтожали или забирали не только имущество, но и, как уже частично отмечалось, людей. В ночь на 9 августа 1877 года начальник Сочинского отряда, расположенного в с. Калдахвара, полковник Шелковников получил известие о том, что неприятель занял Пицунду, где «грабят знаменитый храм и угоняют жителей и принадлежащий им скот к Гудаутам». Чтобы оттеснить неприятеля и защитить население, «изъявившее через депутатов свою покорность» русским, полковник Шелковников направил в Пицунду отряд. Здесь произошло сражение, и противник был разгромлен. «Результаты Пицундского дела заключались в том, что нами были отбиты до ста семейств абхазцев, которых насильно забирали на пароходы, а также до 1.000 голов скота»[3].

Корреспондет газеты «Кавказ» сообщал и о таком факте: в Сухуме, «по словам очевидцев, трупы нескольких десятков абхазцев, не

[1] ЦГИАГ, ф. 416, оп.3, д. 190, лл. 1-5.

[2] «Кавказ», 1877, № 222.

[3] «Война 1877–1878 гг.», т. III, в. I. – С. 222–223.

желавших выселиться и Защищавших честь своих семейств, страшным образом обезображенные валяются тут же, на набережной, вместе с трупами убитых во время перестрелок турок. Около маяка сложено в кучу до тридцати тел абхазцев со связанными руками и с перерезанными горлами: эти несчастные, как видно, в последний момент оказали сопротивление. По всему видно, что с. абхазцами турки так же мало церемонились, как и с беззащитными болгарами...» Далее автор писал: «Обвиняют турок в насильственном выселении абхазцев. Что насилие было – это доказывают уничтоженные абхазские жилища и имущества, на всем пространстве от реки Кодор а до реки Гумисты...»[1].

Группа абхазских переселенцев в Батуме обратилась к великому князю Константину Николаевичу с заявлением, в котором говорилось: «Нас насильно угнали турецкие войска. Мы, христиане, никогда ничего против русской власти не задумывали и поэтому просим разрешить нам вернуться на родину»[2]. Грузинская газета «Дроэба», в которой вообще систематически печатались материалы, из которых было видно «как, в каких условиях и в результате какого насилия произошло выселение абхазцев в эту войну», писала: «Значительная часть абхазцев, приведенных на фелюги для отправки в Турцию, плакала, ревела, руки протягивала: передайте русскому правительству, что мы едем против своей воли, насильно угоняют нас и поэтому пусть оно считает нас военнопленными»[3]. Корреспондент той же газеты из Поти сообщал: «Я встретил одного из этих несчастных людей... Он рассказал мне все, что перенесли (абхазы), их жены и дети. Только человек с каменным сердцем мог не прослезиться, слушая его рассказ. Я поражен физической и духовной силой этого народа – из каждых пяти человек один все же жив, несмотря на все перенесенные ужасы. Этот человек, насильно увезенный из родины в Турцию, потерял там то, что есть самое дорогое в жизни – семью. Но все же стремился на родину»[4].

24 мая 1878 года псырцхинский псаломщик Иессей Шелия дал следующее показание протоиерею Д. Мачаварнани: «Во время

[1] «Кавказ», 1877, № 220.
[2] Дроеба, 1879, № 123.
[3] Там же, 1878, № 158.
[4] Там же, 1880, № 209.

вторжения турецких войск в Абхазию в апреле месяце прошлого 1877 года, я находился при Псиртской церкви. Несмотря на всевозможные старания мои я никак не мог бежать из Абхазии и через то спастись ог турок, так как турки за каждым шагом всех следили. 10 числа августа того же 1877 г. объявили абхазцам, что хотят их взять в Турцию... Абхазцы, встревоженные от такого неожиданного объявления, долго колебались и ни на что не решались. Наконец приказано было им собраться к берегу моря и оттуда взяли их, одних добровольно, а других против воли, в числе которых и я попался. Нас отправили прямо в Трапезунд, оттуда в Самсун, а из Самсуна в Константинополь. В Константинополе мне позволено было свободно ходить, так как я говорил по-абхазски и на спрос турок всегда отзывался, что я абхазец и держусь магометанского вероисповедания, отзывался же так потому, что боялся, чтобы не убили меня, так как они христианского духовенства не терпели и жестоко их гнали и даже при удобном случае убивали»[1].

Другой современник событий И. Ладария писал, что его мать тоже «ни за что не хотела покинуть свою родину», а для этого ей нужно было бежать с детьми в лес и укрываться до возвращения русских. Но к ним был приставлен караул, и они уже не могли бежать. «С неделю мы сидели под караулом, а затем нам было приказано немедленно отправиться на берег моря, куда собрались все абхазцы из трех селений для выезда в Турцию... Дорогой мать плакала и другие были скучны..»[2].

Жители с. Лыхны Игнатий Загович Джергения и Алексей Аджгириевич Дзария (Дзидзария) в заявлении на имя директора канцелярии наместника Кавказа от, 4 августа 1910 года подчеркивали: «(Наши отцы, истратив на улучшение своего хозяйства последние свои сбережения и дорожа теми местами, где лежат прахи умерших сестер, братьев и отцов, отказались от добровольного оставления своих мест»[3].

Грузинский писатель и публицист, современник событий Георгий Церетели также подчеркивал, что турки «увели наших сорок восемь тысяч абхазцев...»[4].

[1] ЦГАА, ф. 1, д. 391, л. 3.
[2] Ладария И. На заре моей жизни. – С.112.
[3] ЦГИАГ, ф. 231, д. 166, л. 5.
[4] Церетели Г. Письмо с Кавказа. «Голос», 26 октября и 5 декабоя 1877 г.

К. Д. Мачаварнани писал: «Любили ли абхазцы свою землю, свою родину? Да, они любили, коли многие из них при переселении в Турцию брали в мешки горсть родной земли, что-бы с ней лечь в могилу на чужой земле»[1].

Вот что рассказывал очевидец Тарас Анчабадзе (Ачба) о выселении абхазов из Псху, где к весне 1879 года «все было готово»: «Ужасно было видеть, с какой нежностью псхувцы прощались со своей родиной. С утра до вечера были слышны душераздирающий плач женщин и детей, их крики; грустные прощальные обеды и помиики по умершим продолжались неделями в домах и на кладбищах. Со всех краев приходили гости и друзья, чтобы попрощаться с выселяемыми... Грустные седые старики с неспокойными лицами бродили среди могил предков, прощались с ними, навсегда оставляя землю отцов и дедов... Строгие всадники, которые не желали продовать своих коней, неоднократно спасавших хозяев от смертельной опасности, выводили их к лесу и выстрелом под ухом убивали своих любимых существ. Особенный крик и плач были слышны, когда группа махаджироз направилась к Сухуму. Кричали и плакали как уходящие, так и провожающие. ...В середине мая (1879 года) в Псху не оставалось ни одного абхаза, перед уходом абхазы подожгли все дома и строения...»[2].

Турки и махаджиры всячески пытались спровоцировать население на переселение в Турцию, которую они, по словам крестьянина Антона Гуатас-ипа, рисовали так: «Там много золота, ослов даже кормят исключительно рисом и украшают их золотом, там тыква растет таких громадных размеров, что буйвол может свободно помещаться в ней, там рай... Нас ждет довольство, а если останемся здесь, нас перережут русские за измену»[3].

Те, которые остались на родине, «одну только просьбу решились предъявить мне, – писал начальник Сухумского отдела полковник Аракин, – «что хотите делайте, только не выселяйте нас в Турцию»[4]. Многие же жители, как мы видели, принимали активное участие в военных действиях на стороне русских войск, и вообще к последним абхазское население относилось лояльно.

[1] Мачавариани К. Д. Путеводитель... – С. 309.
[2] Марков Е. Воспоминания охотника. Тбилиси, 1959. – С.13-14.
[3] Образцов П. Из отголосков прошлого.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, лл. 40–49.

Надо сказать, что такая участь постигла и население Южной Грузии, главным образом Кобулети и Верхней Аджарии. Из этих вновь приобретенных Россией по Сан-Стефанскому договору 1878 года земель было выселено в Турцию 20.192 человека[1].

В результате войны на территории Абхазии, «на громадных пространствах, еще так недавно заселенных и полных жизни, встречались только развалины и ни одной живой души на всей этой обширной местности! Турки увезли в Турцию почти половину населения, остальные разбежались кто куда»[2]. «За уходом в Турцию всего населения пространство от р. Кодора вплоть до Гудаутского участка вместе с Цебельдой представляет почти совершенную пустыню», – писал начальник Сухумского отдела полковник Аракин[3]. «Одни только стаи собак и шакалов бродили по лесам и опустошенным деревням, кусая проезжих»[4]. Акад. Н. Я. Марр отмечал, что Абхазия «обездолена в своей даже центральной этнографической части, так от всего Гумистинского района остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского...»[5].

В Самурзаканском участке население с 26.915 чел., считавшихся в 1876 году, уменьшилось в 1878 году до 26.514, в Кодорском – с 17.707 до 12.464, в Пицундском – с 32.492 до 6.834, в Цебельде из 863 жителей не осталось никого. Совершенно опустел и Сухум. В Гагринской общине (между реками Гагрипш и Бзыбь) жило 191 семейство абхазов (815 человек), «бесследно исчезнувших после войны 1877 г.»[6]. Всего же население Абхазии с 77.977 чел. уменьшилось до 45.812[7].

Положение переселенцев было трагическим. Вот что писал об этом ужасе И. Ладария: «Пароход был переполнен людьми, которые страдали от недостатка пищи, а больше от недостатка воды. Воды абхазцам, после трех дней пути, совсем не стали давать. Взрослые пили морскую соленую воду... Все страдали от желудочных болей, и всего более дети; они плакали, кричали, просили пить... Вода была

[1] Чичинадзе З. Великое переселение грузин в Турцию. Тифлис, 1912. – С.209.
[2] «Война 1877–1878 гг...», т. III, в. I. – С.227.
[3] ЦГИАГ, ф. 545, д. 3297, лл. 40–49.
[4] «Война 1877–1878 гг...», т. III, в I. – С.227.
[5] Акад. Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.–Л., 1938. – С.177.
[6] Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. – С.83.
[7] Из отчетов за время с 1878 по 1881 г. «Кавказский календарь на 1883 год». Тифлис, 1882. – С.243.

кругом, дети видели ее и от этого еще больше кричали. Болезни делались смертельными; преимущественно гибли дети... Над умирающими плакали не одни родители, но и все женщины и родственники; матери кричали, рвали на себе волосы... Трупы малюток бросали в море, не взирая на отчаянное сопротивление матерей... Я помню, как одна мать ни за что не хотела, чтобы ее ребенка выбросили в море и долго скрывала его смерть. Абхазцы знали об этом, но молчали. Она держала мертвого ребенка на руках, прижав его к груди, и когда кто-нибудь из турок проходил мимо, начинала разговаривать с ним, как с живым. Так скрывала она его до тех пор, пока на пароходе начал распространяться трупный запах. Тогда сделали обыск и нашли мертвого ребенка; но мать и тут не хотела отдать его, и когда ребенка все-таки вырвали из ее рук и бросили в море, она сама пыталась броситься за ним. Ее с трудом удержали. Крик этой матери и до сих пор раздается в ушах.

Пароход пристал к турецкому городу Самсуну, где нас высадили, и, оставив на жгучем песчаном берегу моря, под палящим солнцем, велели не расходиться до особого приказания. Болезни среди абхазцев все усиливались; они умирали каждый день десятками. Только и слышались похоронные вопли по умершим.

Наконец явился паша, чтобы определить число прибывших абхазцев и при этом спросил их: по доброй ли воле они приехали и все ли магометанского вероисповедания? Тогда моя мать, двое зятей, я с братом и сестры выступили вперед, и мать сказала, что мы приехали не по своей воле, но нас взяли силой и мы не магометане, а христиане. Тогда паша с бешенством крикнул на нас и пригрозил, что всех нас перережет... Раз паша позвал нас к себе и с угрозами принуждал принять их веру, но мать сказала за всех нас: «Мы ни за что не переменим своей веры»[1].

Корреспондент «Тифлисских известий» сообщал такой факт: среди абхазских переселенцев «распространились, оказывается, слухи о том, что будто бы правительство разрешило им вернуться на родину. Они сели на фелюги, с женами, детьми и вещами, и поехали из Трапезунда в Сухум. Но тамошние (сухумские. – Г. Д.) правители схватили всех их и обратно возвратили. Жутко было смотреть на них в Батуме. Несколько мужчин и женщин умерло от голода, а

[1] Ладария И. На заре моей жизни. – С.113–114

большинство совершенно ободранное и голое скиталось по улицам, прося милостыню. Батумский губернатор собрал 400 рублей и роздал им, но эта ничтожная сумма разве могла удовлетворить их»[1].

Корреспондент «Дроэба», видевший момент подачи переселенцами заявления великому князю Константину Николаевичу в Батуме, писал: «Только в человеке с каменным сердцем могли не вызвать сострадания абхазские женщины, когда они, одетые в лохмотья, похудевшие и пожелтевшие от голода, со своими малышами, стоя на коленях, приближались к великому князю для подачи прошения»[2].

В Батум из Турции прибыл пароход «Агиос-Петрос», в котором, как рыбы в бочке, лежали абхазские переселенцы, лишенные пищи, воды, одежды и права выхода на берег[3]. Их было 1.200 чел. Они просили разрешения вернуться на родину. Но в этой просьбе им было отказано. Капитан указанного парохода возвратил их обратно и «выбросил этот голодный, больной и голый народ на скалистом берегу моря, откуда он не мог двигаться... Таким образом оказался похороненным заживо». Узназ об этом случае, батумские власти задержали пароход, тем временем вернувшийся сюда, и дослали другой для спасения погибающих с голоду абхазов. Из 1200 чел. в Батуме умерло от голода 178 и бежало 200[4].

Эмиграция в Турцию оставила глубокий след в устном творчестве абхазского народа. Об этом переселении было сложено много сказаний и песен, говорящих об определенных фактах и лицах, о тяжелом горе и страданиях народа.

В «Песне страдания», относящейся к моменту эмиграции абхазов в Турцию в 1877 году, говорится: как и всех махаджиров, семью старого крестьянина Чахмата высадили на пустынном берегу. Семья долго шла вглубь страны и держалась до тех пор, пока не опустел кувшин, утолявший их жажду. В поисках воды умерли сын и дочь, а затем и сам Чахмат. Живыми остались только маленький Хаджмат и его мать. Они изнемогли от жажды. Пришел момент, когда мать и сын, лежа на горячем песке, готовились умеррть. Хаджмат

[1] Дроеба, 12 января 1879 г., № 122
[2] Там же, 1879, № 123.
[3] Там же, 1880, № 199.
[4] Там же, № 207.

запел о переносимых страданиях и близости смерти, а мать, обняв его, вторила ему. В этот момент над ними появился орел, который указал им путь к воде. Хаджамат пополз туда, где опустился орел, утолил свою жажду и в войлочной шляпе принес воду матери. Они были спасены и вернулись на родину[1].

Песня «Котел цабалцев» (цебельдинцев) заканчивается так:

В степях турецких голых, Кудинат,
Как мухи, мрем от голода теперь...
Ты обманул нас, подлый Кудинат,
Лишил нас рая и привел нас в ад[2].

Трагическая судьба абхазских крестьян в султанской Турции запечатлена народным поэтом Абхазии Д. И. Гулиа, непосредственно испытавшим в детстзе участь махаджиров[3]. В стихотворении «Песня об Апсны» (Абхазии)[4] он писал[5]:

Высаженные на берег моря, на произвол судьбы,
Они гибли от голода и холода.
Повсюду на том побережье,
Живые и мертвые лежали вповалку...
И зловещие вороны
Каркали над ними.

Началось бегство абхазских переселенцев на родину, несмотря на невероятные трудности. «Поговорили – погоревали и решили вернуться на родину, – рассказывал старый Антон Гуатас-ипа. – Турки не пускали нас, приходилось бежать от них тайком. Но в России нас не принимали и, задерживая в Батуме, отправляли обратно в Турцию. Мы снова бежали оттуда. И наконец русская власть сжалилась над нами и стала беспрепятственно принимать нас и расселять по абхазским деревням»[1]. К 1881 году в Абхазию возвратилось 13.258 чел. Причем эти переселенцы, составлявшие 21% всего населения края, также оказались в «крайнем затруднении», тем более, что у них не имелось ни земледельческих орудий, ни скота, ни всего другого необходимого для ведения хозяйства[2]. В пути и впервые годы жизни в Турции переселенцев из Абхазии погибло около двух третей[3].

Прогрессивные люди России и Грузии не раз выступали против трагедии махаджирства, привлекая внимание общественности к этому факту, чтобы предотвратить гибель абхазского населения. Так, в грузинской газете «Дроэба», которая в то время являлась самым прогрессивным печатным органом в Грузии, начиная с 1867 года часто писалось о махаджирстве[4], с глубоким сочувствием к участи выселенцев. Она, в частности, выдвигала требование перед правительством, по крайней мере, не препятствовать абхазам-изгнанникам вернуться на родину. Сергей Месхи, в течение многих лет редактировавший указанную газету, сам непосредственно писал о горькой участи абхазов в султанской Турции; указывал на их стремление вернуться на родину и всячески приветствовал это; категорически высказывался против опустошения новых районов на Черноморском побережье Кавказа для колонизационной цели[5].

С. Месхи, выражая негодование грузинского народа по поводу, выселения населения из Южной Грузии, писал: «Их в Турции ждет голод, смерть и все те бедствия, что испытали черкесы и абхазы, которые просят у русского правительства разрешения о возвращении обратно»[6]. Махаджирства касались также Григорий Орбелиани, Яков Гогебавшвили, Георгий Церетели и другие выдающиеся деятели грузинской культуры.

---

[1] Ковач К. В. 101 абхазская народная песня. М., 1929. – С.20.

[2] Антология абхазской поэзии. М., 1958. – С.70.

[3] В 1877 г. дом отца писателя, Урыса (Иосифа) Гулиа, был сожжен; его семья оказалась в Трапезунде. В 1878 г. У. Гулиа, похоронив на чужбине двух своих детей, с семьей бежал через Маркал в Батум, откуда тайно перебрался в родную Абхазию.

[4] Гулиа Д. Иҽымҭаҟаа, т. I. Сухуми, 1956. – С.309–315.

[5] Построчный перевод.

[1] Образцов П. Из отголосков прошлого.

[2] Из отчета за время с 1878 по 1881 г. «Кавказский календарь на 1883 год». – С. 246.

[3] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922 (1925). – С.184.

[4] См., например, 1867 г. – № 23; 1878 г. – №№ 100 и 158; 1879г. – 122 и 123; 1880 г. – № 199, 207 и 209.

[5] Дроеба, Тифлис, 1903, стр. 493–494.

[6] Записки Сергея Месхи. Т.1. С фотографией и авографом автора И. Пирцхалава.. Указ. соч. – С. 404.

Выступления крестьян происходили и после войны. В конце 1882 года крестьяне селений Адзюбжа. Гудава и других отказались выполнять распоряжения Сухумской поземельной комиссии. Руководители крестьянского волнения были высланы из Абхазии. Они обвинялись в том, что «позволили себе возбудить с членами комиссии довольно крупную ссору, причем сильно упорствовали на приведение в исполнение распоряжения комиссии»[1].

Помощник начальника Кавказского военно-народного управления полковник Фрейер в донесении командующему войсками Кавказского округа Дундукову-Корсахову 3 апреля 1883;года писал, что полковник А. Введенский и князь Г. Шервашидзе, «как очевидцы, могут засвидетельствовать о крайне напряженном состоянии поземельных отношений в Сухумском отделе и о причинах такового»[2].

29 апреля 1883 года начальник Сухумского отдела генерал Аракин направил начальнику Кавказского военно-народного управления телепрамму, в которой говорилось: «Поземельные отношения обостряются, появляются случаи самоуправства. В Гальской общине, на участке Дзвадзва Маргани, толпа уничтожила межевые знаки, заборы, угрожая не допускать пользования. Для прекращения беспорядков может потребоваться поставка войск. Прошу испросить разрешения (по) моему усмотрению передвинуть роту, приняв меры...»[3].

Выступление гальских крестьян[4] заключалось в том, что в ночь с 24 на 25 апреля к дому дворянина Д. Маргания подошла толпа крестьян и потребовала от него, чтобы он отказался от той части отводимой ему по реформе земли, которая ранее находилась в крестьянском пользовании. Испуганный Маргания просил крестьян «пощадить его жизнь, а с землей делать, что им угодно». Но затем Маргания подал жалобу, обвиняя крестьян в нападении на него и самоуправстве[5]. Интересно заметить, что не только участники происшествия, но рабочие и прислуга самого дворянина Маргания отказались быть свидетелями против крестьян, ссылаясь на то, что «они спали и ничего не слышали». Отказались признать себя виновными в нападении на дом и все его участники, вызванные в Сухум и арестованные там.

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 2742, л. 21.

[2] Там же, л. 2.

[3] Там же, л. 1.

[4] Подробности о выступлениях гальских крестьян в 1883 и 1884 гг. см. И. Г. Антелава. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. X, № 4. Тбилиси, 1949.

[5] ЦГИАГ, ф. 545, д. 2742, лл. 1-5.

В том же 1883 году, 14 июня, в селах Багреби, Отобаиа и Набакеви крестьяне силой приостановили межевые работы, производившиеся здесь землемером Песковым. Эти работы были возобновлены лишь на следующий день, после вмешательства начальника Очемчирского округа подполковника Малиновского[1].

При этом, происходили массовые захваты пахотных земель и лесов особенно «очищенных в прежние годы по распоряжению администрации и впоследствии по распоряжению мировых посредников». Так, например, на р. Тхумуршкур, откуда было выселено 15 семейств, к концу 1882 года образовалось целое селение в 105 семейств; между реками Сиди и Тхумуршкур поселилось 45 семейств. Каджельский лес был «почти уничтожен» и на этом месте поселилось до 150 семейств[2].

Сухумская поземельная комиссия вынуждена была решить: «Оставить на своих местах произвольно захвативших земли в том случае, если на занятых местах уже образовались значительные поселки или селения»; в противном случае поселки «уничтожить и земли эти предназначить в надел привилегированым лицам»[3].

Комиссия в апреле 1883 года спрашивала начальника Сухумского отдела: «Ввиду беспрерывных жалоб, возбуждаемых лицами привилегированных сословий об уничтожении «а обмежеванных ими землях жителями близлежащих селений леса, виноградных лоз и фруктовых деревьев, а также потравы сена и произвольной пастьбы скота и лошадей... должна ли она входить через мировых посредников в разбирательство означенных жалоб или же это будет возложено на администрацию»[4].

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 2742, лл. 29–32.

[2] Рапорт председателя Сухумской поземельной комиссии Введенского; начальнику Кавказского военно-народного управления от 30 декабря 3882 г. ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, лл. 62–69.

[3] Там же, л. 65 об.

[4] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2, д. 49, лл. 13–14.

Абхазский дворянин Шмаф Маги в 1891 году жаловался, что он в 1886 году «потерпел большие убытки: два раза поджигали (крестьяне. – Г. Д.) мой дом и лавку»[1].

На одном большом народном собрании, когда князья и дворяне были на конях и играли в атарчей, а крестьяне большой массой стояли под деревьями, державший атарчей дворянин из с. Звандрипш нарочно начал врезываться в пешую толпу крестьян, топча их конскими копытами. Крестьянин Кумач Папба из с. Джирхва вскочил на коня, выхватил у дворянина атарчей и, несмотря на погоню лучших княжеских и дворянских наездников, сделав круг по рвам и зарослям, прискакал на прежнее место. Князья и дворяне встретили смельчака руганью, а звандрипшекий дворянин Квадж, закричав на наездника: «как ты смел, дерзкий крестьянин, на наших глазах сесть на лошадь и вырвать атарчей из дворянских рук», ударил его плетью. Кумач Папба взмахом шашки зарубил дворянина и скрылся. Такой же рассказ существует и о лыхнинском крестьянине Петре Мчич-ипа[2].

В 90-х годах наблюдается движение среди табачных плантаторов-крестьян, значительная часть которых были арендаторами помещичьих и кулацких земель. Эти крестьяне выступали, как против собственников арендуемых ими земель, так и против табачных монополистов. Так, в 1898 году сто плантаторов-крестьян Гумистинского участка обратились к правительству с просьбой оградить их от эксплуатации со стороны скупщиков и фабрикантов. В 1900 году в Сухуме была образована комиссия под председательством помощника кутаисского военного губернатора генерала Драгина, которая должна была заниматься урегулированием отношений между скупщиками и плантаторами-крестьянами, а также между плантаторами и рабочими, когда речь шла о применении наемного труда на плантациях[3].

В 1898 году в местечке Гудауты был подожжен склад табака, принадлежавшего торговцу Микеладзе, в результате чего погибло 600 пудов табака, предназначенного к отправке в Керчь[4].

[1] ЦГАА, ф. Сухумской епархии, д. 273, лл. 1–27.

[2] Басария С. Седая старина. «Советская Абхазия», 2 января 1935 г.

[3] Олонецкий А. А. Крестьянское движение в Абхазии в 1905–1907 гг Сб. «Из истории революционных событий в Абхазии в 1905–1907 гг » Сухуми, 1955. – С.102.

[4] «Кавказ», 19 марта 1898 г., №. 74.

В 80–90-х годах крестьян десятками высылали в Сибирь «на вечное поселение», за «беспорядки» и «дурное поведение»[1].

В народных сказаниях, преданиях и песнях нашли отражение яркие факты классовой борьбы в Абхазии, датирозать которые, правда, не всегда возможно.

Возьмем, например, «Песню Шигу». Шигу Шакрыл был абреком. Он главным образом нападал на князей и дворян и тревожил правительственные войска. После убийства им одного лз дворян Маан (Маргания), войска, преследовавшие его, застали Шигу танцующим на скале и в этот момент ранили его. Шигу успел все же убить начальника отряда и, получив вторую рану, лежа на земле, до последнего вздоха пел ту же песню, под которую он танцевал, причем прибавил к ней первую часть, в которой сожалел о своей матери[2].

Примерно, в середине 90-х годов крестьянин с. Ткварчели Якуп Бгажба был убит князем Астамыром Ачба. У Якупа был брат Салуман, который в это время учился в Ново-Сенаки. Узнав о случившемся, Салуман оставил учебу, раздобыл себе ружье и при первой встрече убил князя Астамыра, хотя тот находился в окружении вооруженных людей. Падая с лошади, князь потребовал от одного из бывших с ним крестьян отомстить. Услышав это, Салуман крикнул: «Не стреляй, ибо ты мой брат». Салуман Бгажба скрылся и абречествовал в течение пяти лет. Попавшись в руки царских властей, Салуман был сослан в Сибирь. Но в 1912 году он бежал из ссылки. Крестьяне сложили о нем песню[3].

Это было в конце 90-х годов. На левом берегу р. Бзыбь жили крестьяне Ктпап и Марчиг Барцыц, а на правом – князья Инал-ипа, среди которых своей жестокостью отличался Караман. У Барцыц была хорошая лошадь. Тамшугу и Караман Инал-ипа потребовали от Барцыц «подарить» им эту лошадь. Братья Барцыц вынуждены были отдать лошадь Тамшугу, на что кровно обиделся Караман. Последний начал всячески оскорблять и преследовать крестьян Барцыц. У Ктпапа и Марчига иссякло терпение. Они призвали на помощь блабурхвинских Барцыц; на это отозвались и крестьяне Жиба.

[1] Дзидзигури Л. М. Крестьянская реформа в Абхазии. Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1953. – С.25.

[2] Ковач К. В. 101 абхазская народная песня., М., 1929. – С. 25.

[3] Его же. Песни кодорских абхазцев. М., 1930. – С.40-41, 60.

Крестьяне обдумали способ убийства жестокого феодала. Однажды ночью, они из скотного двора Инал-ипа вывели буйволов и об этом дали знать хозяину. Помещик со своими гостями и прислугой погнался за «ворами» и скоро наткнулся на засаду. Началась перестрелка, в результате чего со стороны князя было убито 3 человека, а сам он был ранен в руку.

Братья Барцыц ушли в абреки, а их дома и хозяйство были уничтожены. Скоро Ктпап попал в плен и умер в Сухумской тюрьме, Марчиг же целый год скрывался в Батуме. Однажды он тайно пришел в родное село. Одна женщина, бывшая соседка Барцыц. донесла об этом. Марчиг был окружен войсками и погиб в неравной схватке[1].

Крестьянин с. Члоу, Кодорского участка, Хуршид Адлейба всегда активно выступал против князей и дворян, за что последними был прозван «Хуршид ахага» (Хуршид сумасшедший). Он встречал крестьян, идущих с «подарками» – угощениями к князю Хабугу Ачба и заставлял их кушать самих эти продукты (хачапури, сыр, курятину и пр.). Однажды Адлейба поджег у Ачба сарай и винный погреб, угнал быка, которого зарезал и мясо роздал бедным вдовам. Вместе с тем, он высмеивал князей и дворян, сочинял против них сатирические стихи и т. д. Х. Адлейба много раз высылали из Абхазии, но каждый раз он возвращался на родину. Умер он, примерно, в 1913 году[2].

Когда в июле 1901 года после манифеста о бракосочетании сестры Николая II с принцем Ольденбургским, последнему была предоставлена «целая Гагринская дача... площадью в 14 тысяч десятин», – то этот «захват Гагринской дачи вызвал целую бурю недовольства у абхазцев, аборигенов края, – и для них в Гагры приглашены две пехотные роты... Знает, очевидно, кошка, чье мясо съела! Санаторий на штыках царских опричников! Совсем идиллия!», – писала ленинская «Искра»[3].

В Абхазию проникают сведения о той борьбе, которую вели рабочие Петрограда, Москвы, Баку, Тифлиса и других центров.

Среди трудящихся Абхазии распространяются идеи марксизма-ленинизма. В 1903 году здесь создается социал-демократическая организация. Возникновение ее было связано с подъемом в Закавказье революционного движения трудящихся, в особенности после известной батумской демонстрации 1902 года.

[1] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 92, лл. 13–16.
[2] Там же, д. 175/103, л. 34.
[3] «Искра», 15 августа 1903 г.

Борьбой за дружбу народов, за их социальное, политическое и национальное освобождение руководит партия, созданная великим Лениным.

Историческое значение борьбы трудящихся Абхазии против социального и национального гнета заключалось в том, что она, будучи одним из звеньев в цепи аналогичного движения в Грузии и Закавказье в целом, смыкалась с широким народным движением, происходившим во всей империи и расшатывавшим основы социально-политического строя царской России.

● ГЛАВА ШЕСТАЯ ●

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Прогрессивное влияние русского народа проявлялось также в сфере культуры и просвещения, несмотря на реакционную политику царизма и в этой области.

В. И. Ленин подчеркивал, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»[1].

Укрепление связи с Россией в области духовной культуры началось уже вскоре после присоединения Абхазии к России. Прежде всего, в Абхазии, как вообще на Кавказе, бывали передовые русские люди, чему немало способствовало то обстоятельство, что Кавказский край в XIX столетии служил местом ссылки «беспокойных» вольнодумцев.

Так, сюда были сосланы декабристы братья А. А. и П. А. Бестужевы. Писатель А. А. Бестужев-Марлинский 23 апреля 1836 года писал своему брату Павлу, между прочим, изобретателю артиллерийского прицела («бестужевский прицел»): «Любезный Поль. Несколько дней тому назад, прогуливаясь в Сухуме по окрестностям, я любовался развалинами какой-то башни – и что же? Я не верил глазам своим: на одном камне читаю твоей рукой написанную подпись П. Б. Уголь не стерся в течение 8 лет, и вот судьба привела другого брата завидовать тому месту, где ты был в изгнании!»[2]. А. А. Бестужев-Марлинский в 30-х годах служил в частях Черноморской береговой

[1] Ленин В. И. Соч., т. 20, изд. 4. – С.16.

[2] См. «Отечественные записки», т. CXXXI. СПб, I860.

линии. В 1837 году в Абхазии находился также декабрист и друг А. С. Пушкина генерал В. Д. Вольховский, при котором в качестве адъютанта состоял А. А. Бестужев-Марлинский, убитый 1 июня 1837 года при взятий мыса Адлер русскими войсками[1]. С 1837 по 1841 год в Черноморской береговой линии служил другой друг А. С. Пушкина и близкий к декабристам генерал Н. Н. Раевский. В отряд генерала Раевского были направлены декабристы: известный поэт А. И. Одоевский[2], Н. И. Лорер, А. И. Черкасов. М. М. Нарышкин, В. Н. Лихарев и др. В лагере у Тамани в 1838 году декабристов посетил выдающийся революционный демократ Н. П. Огарев, посвятивший им свои стихотворения «О, если б мне пришлось прожить еще года» и «Я видел вас, пришельцы дальних стран».

Особого внимания заслуживает личность Владислава Багриновского. Он в 30-х годах, также был отдан в солдаты и сослан на Кавказ, где, обосновавшись в Сухуме, служил в местном гарнизоне, в качестве лекаря. Багриновский усердно занялся выращиванием фруктовых и декоративных деревьев; на базе его сада позже возник Сухумский ботанический сад, заведующим которого он был назначен Н. П. Раевским и сыграл существенную роль в его развитии. Багриновский, по свидетельству генерала Г. И. Филипсона, проявлял интерес, к научным занятиям[3]. М. А. Селезнев, посетивший Сухумский ботанический сад в 1841 году, писал, что он находился под надзором «умного ботаника, абхазского доктора» В. Багриновский в 1832 году окончил Волынский лицей и поступил в Виленскую медико-хирургическую академию, но в 1838 году, «по обвинению до окончательного экзамена в участии в тайном обществе ученей степени не получил»[4]. Багриновский, писал генерал А. И. Будберг, «приобрел уже известность и доверие между жителями...» Абхазии[5]. Его

[1] Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», II. М., 1958. – С.180–181.

[2] Одоевский А. И. умер от лихорадки в Псезуапе (Лазаревка) 15 августа 1839 г.

[3] Воспоминания Г. И. Филипсона. «Русский архив», кн. 6, 1883. – С.347.

[4] Рапорт ген. Будберга ген. Нейдгарту от 11 марта 1844 г. ЦГИАГ, ф. 518, оп. 3, д. 518, лл. 14–16.

Впоследствии В. Багриновский успешно выдержал экзамен на степень лекаря при Харьковском университете. Это, отмечал Филипсон, «вероятно был единственный экзаменующийся в солдатской шинели». Затем Багриновский готовился держать экзамен на доктора (Г. И. Филипсон. Воспоминания. – С.348).

[5] ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, л. 4.

возили за несколько десятков верст, «даже к непокорным горцам», для оказания медицинской помощи; ему содействовало население в деле устройства Сухумского ботанического сада[1].

Унтер-офицер Черноморского линейного № 6 батальона В. Багриновский 12 октября 1843 года подал докладную записку начальнику 3 отделения Черноморской береговой линии генералу Н. Н. Муравьеву, в которой писал: «Занимаясь довольно часто в течение двух последних лет лечением абхазцев, я нашел, что болезненность между ними вообще очень велика и что они с большим доверием прибегают к помощи медицины. За всяким моим приездом в какую-нибудь абхазскую деревню всегда окружает меня толпа несчастных страдальцев, просящих пособия; а как Сухум-Кальская аптека едва достаточна для батальонного лазарета, наполненного постоянно больными, то я будучи не в состоянии отказать в помощи больным, вполне уверенным, что пособить им от моего только желания зависит – принужден был выписывать лекарства на свой счет из вольных аптек. Но это, делая мне больше известности между туземцами, привлекло ко мне такое число больных, что наконец я нахожусь в совершенной невозможности давать им нужное пособие»[2].

Багриновский просил доставить ему средства для оказания медицинской помощи абхазскому населению. Он считал, что эта мера будет иметь и важное политическое значение, «а мне, – писал он, – доставит случай собирать важные сведения о целом крае в отношениях естественной истории и географии, а больше всего может довести до полезных открытий в медицине потому, что сравнивая болезни туземцев с болезнями наших войск можно будет различать с точностью, какие именно свойственны климату и какие происходят от других обстоятельств, а тем самым поставить себя в возможности предпринять против них более действенные меры». На первый раз он просил снабдить его аптекой и назначить ему,, по крайней мере на один год, хорошего переводчика, который «в это время мог бы мне пособить к изучению абхазского языка»[3].

Генерал Муравьев, находя мнение Багриновского «основательным», полагал «полезным» учредить в Сухуме – центре Абхазии аптеку с окружным лекарем. «Заслуги и знания в медицине Багриновского, – писал Муравьев генералу Будбергу 14 октября 1843 года, – и особенно доверие, приобретенное им между жителями, дает ему полное право на эту обязанность...»[1].

1 Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С.178.

2 ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 518, лл. 2–3.

3 Там же.

После присоединения кавказских областей к России, о Кавказе и об Абхазии .стали писать политические и дипломатические деятели, чиновники и офицеры, ученые и духовные лица, литераторы и просто путешественники[2]. Среди русских авторов этого периода особое место занимает П. К. Услар – известный кавказовед-лингвист. В 1862 году Услар литографским способом издал грамматику абхазского языка, а также на основе русской графики составил абхазский алфавит и готовил абхазский букварь, который, однако, ему не удалось закончить. Монография П. К. Услара «Абхазский язык» типографским способом была издана в 1887 году М. Р. Завадским[3]. Причем последний снабдил книгу предисловием и, главное, внес изменения в начертание усларовских букв и придал им печатную форму. Работа П. К. Услара по составлению абхазской грамматики и алфавита имеет большую научную ценность. Со времени П. К. Услара абхазский язык, являющийся одним из самобытных и древнейших языков кавказского копня, стал все больше привлекать к себе внимание ученых.

В 1862 году комиссией в составе И. А. Бартоломея (председатель), Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Трирогова, по заданию Общества по восстановлению православного христианства на Кавказе, на основе буквенных начертаний П. К. Услара, с небольшими изменениями, был составлен абхазский букварь, вышедший в Тифлисе в 1865 году. Этот букварь, по сообщению Бартоломея, был создан «при содействии природных абхазцев» – священника Иоанна Гегия, прапорщика Георгия Курцикидзе и Симеона Эшба. Кроме того, абхазский текст был просмотрен и исправлен в 1863 году К. Г. Шервашидзе, а в 1864 году Г. А. Шервашидзе, по предложению которых бзыб-

1 Там же, л. 1.

2 См. Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в., раздел – Источники и литература.

3 Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, I. – Абхазский язык. Тифлис, 1887.

Монография П. К. Услара «Абхазский язык» (вместе с его трудом «Чеченский язык») была удостоена Демидовской премии Российской Академии наук.

ское произношение, сначала принятое в букваре, было заменено общеабхазским. К букварю были приложены словарь и пословицы, с переводом на русский и грузинский языки. Пословицы (89) были записаны Г. Курцикидзе[1].

Вместе с тем Кавказ становится темой русской литературы. «Странное дело! – писал В. Г. Белинский, – Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтическою их родиною!» (А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов)[2]. Поэт-моряк Е. П. Зайцевский в стихотворении «Абазия» (Абхазия), написанном в Сухуме в 1823 году, восторженно воспевал природу Абхазии[3].

А. А. Бестужев-Марлинский в обоих письмах из Абхазии к матери и брату П. А. Бестужеву дает ряд коротеньких описаний природы края, рассказывает о тяжелой жизни солдат, находившихся здесь на побережье[4]. Бестужев критиковал иностранных авторов, которые неверно писали о Казказе; критиковал ученых, не уделявших внимания изучению жизни народов Кавказа. «Слов нет, – писал он, – чрезвычайно любопытно читать о новооткрытой на Кавказе божьей коровке, о невиданном доселе репейнике..., все это необходимо в области наук; но для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек, и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними меланхленами спорить происходят либжедухи от страбоновых скептухов...»[5].

В 1837 году была напечатана повесть П. П. Каменского «Келешбей»[6], рассказывающая о жестокой борьбе различных политических ориентаций в Абхазии в начале XIX века, о стремлении абхазского народа к сближению с Россией.

Абхазия находит свое отражение и в русском изобразительном искусстве. В 1839 году известный художник И. К. Айвазовский, совершая поездку по Кавказскому побережью, сделал много зарисовок. Под впечатлением увиденного здесь он написал одну из своих лучших картин – «Высадка в Субаши». Его поразила красота абхазской природы. Эти впечатления послужили и для создания картины «Буря у берегов Абхазии», показанной в Париже, на выставке в Лувре, в 1843 году. Во время своего второго путешествия по Кавказу в 1868 году Айвазовский, среди других картин на кавказские темы, создал «Восточный берег близ Сухума»[1].

Отметим также, что с 30-х годов в русской печати все чаще появляются сведения о климате, физико-географических условиях и полезных ископаемых Абхазии (проф. А. Д. Нордман – 1838 г., И. Т. Радожицкий и И. Иенш – 1842 г., Гурьев –1843 г., Абрюцкий – 1852 г., акад. Ф. И. Рупрехт – 1861 г., Г. И. Радде – 1865 г., А. Сорокин – 1877 г.).

Говоря о развитии культуры и просвещения абхазского народа в рассматриваемый период, следует подчеркнуть роль представителей грузинской интеллигенции. Историк Нико Дадиани в сочинении «История Грузии» дает интересные сведения по истории Абхазии, особенно – о восстании 1821 года, непосредственным свидетелем которого он был[2]. Как уже отмечалось, Д. Пурцеладзе участвовал в составлении абхазского букваря 1862 года, а также занимался собиранием абхазских сказок. Открытие первой школы в Абхазии связано с именем Д. Мачаварнани. Некоторые грузинские педагоги еще в те годы принимали активное участие в обучении абхазских детей.

Историк Д. З. Бакрадзе своими трудами и практической деятельностью старался содействовать развитию культуры и просвещения абхазского народа. Его перу принадлежит несколько научных статей и обзоров по Абхазии; в них, несмотря на наличие ошибочных положений, содержатся ценные сведения по географии, истории и народному образованию. В работе «Кавказ в древних памятниках христианства»[3] Бакрадзе дает описание наиболее важных памятников старины Абхазии (Пицунда, Лыхны, Анакопия, Илори, Моква, Бедия и др.), которые он обозрел в 1860 году. В статье «Очерк

---

[1] Аԥсуа анбан. Абхазский букварь. Составлен под руководством И. Бартоломея. Тифлис, 1865.

[2] Цит. по книге В. Шадури. Русские писатели о Грузии, т. I Тбилиси. – С. XIV–XV.

[3] Стихотворение Е. П. Зайцевскго «Абазия» (Абхазия) было напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1825 год.

[4] См. «Отечественные записки», т. CXXXI, 1860; «Русский вестник», т. 88, 1880.

[5] Марлинский. Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев. «Русские повести и рассказы», ч. 8. М., 1834. – С. 183.

[6] «Литературное прибавление» к «Русскому инвалиду» 20 и 28 января 1837 г.

[1] Вагнер Л. Повесть о художнике Айвазовском. М., 1958. – С. 178–180, 229.

[2] См. СМОМПК, вып. 31. 1902.

[3] «Записки Общества любителей кавказской археологии», кн. I. Тифлис, 1875. – С. 19–177.

Мингрелии, Самурзакани и Абхазии» автор делает экскурс в область истории края с древнейших времен. Критикуя иностранных авторов, неверно писавших о населении Абхазии и Мингрелии, он говорил: «Дайте им толчок и хозяйство у них разовьется в широких размерах, страна их сделается другою Швейцариею»[1]. Далее он писал о тех сдвигах, которые наметились в жизни этого края, в связи с усилением экономической и культурной связи его с Россией. На основании докладов и практических предложений Д. З. Бакрадзе, являвшегося инспектором Общества восстановления православного христианства на Кавказе, последнее провело ряд мероприятий для улучшения школьного дела в Абхазии. В дальнейшем представители передовой грузинской интеллигенции еще более заинтересовались судьбой Абхазии.

Григорий Орбелиани, как известно, будучи типичным романтиком в поэзии, являлся трезвым реалистом в своей административной деятельности, рассуждая – «зачем нужна жизнь, когда народ под тяжким игом стонет»[2]. В сентябре 1866 года в письме Левану Меликишвили, в котором довольно подробно говорится об абхазском восстании, Орбелиани подчеркивал, что до такого состояния народ был доведен местными администраторами «своим безумным обращением, руганью, всякого рода притеснениями, несправедливостями... Мы сами причина! Мы не прислушиваемся к нуждам народа...»[3]. По поводу переселения части населения Кавказа и Крыма в Турцию Орбелиани писал Святополк-Мирскому в 1879 году: «Из Аджарии и Карса продолжается переселение жителей во внутрь Турции... Крым опустел; черкесы, более 200 тыс., выселились из Кубани; Абхазия осталась без населения... По моему убеждению, где правители пекутся о благосостоянии населения, там не проявляется фанатическое чувство против правительства...»[4].

Историк Сулхан Германович Баратов (Бараташвили) летом 1866 года, как председатель специальной комиссии, обследовал ряд сел Кодорского участка и составил обстоятельную докладную записку,

[1] Бакрадзе Дм. Очерк Мингрелии, Сванетии и Абхазии. «Кавказ», 1860. №№ 48–49.

[2] Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинскай литературы. Краткий очерк. Тбилиси, 1958. – С. 146.

[3] Летопись литературы, кн. 1–2. Тбилиси, 1940. – С. 301–302.

[4] Там же. – С. 300–301.

представляющую интерес с точки зрения выяснения социальных отношений в предреформенной Абхазии[1]. В 1879 году в газете «Тифлисский вестник» (№№ 110, 121–123) был опубликован его дневник о восстании 1866 года в Абхазии, в котором имеются весьма ценные сведения об этом событии.

Широкое развитие культуры абхазского народа могло произойти только в результате создания разветвленной сети школ. Царское правительство не хотело, конечно, об этом заботиться. Тем не менее меры, принятые в школьном вопросе Абхазии, объективно способствовали прогрессивному делу приобщения абхазов к передовой русской культуре.

Еще в 1810 году священник Иоселиани в с. Лыхны пытался открыть школу на 12 мальчиков и просил экзарха Грузии прислать учителя русского языка[2]. В 1846 году также была сделана попытка открыть в Пицунде при Абхазском архимандритстве духовную школу для просвещения абхазских детей. В 1851 году в с. Окум была открыта приходская школа, которую в 1860 году передали в ведение Общества восстановления православного христианства на Кавказе[3]. В 1852 году в с. Лыхны «было учреждено духовное училище и на содержание в нем воспитанников... положено было отпустить из сумм распоряжения наместника кавказского по 1.525 рублей в год». Но во время Крымской войны, когда Абхазия была оккупирована турецкими войсками, указанное училище было закрыто[4]. С. Пушкарев в 1854 году писал о том, что в Сухуме и Лыхнах учреждены за счет правительства две школы, в которых «обучаются с успехом до 40 мальчиков-абхазцев, предназначенных к поступлению в духовное звание или для должностей переводчиков»[5]. Судьба этих школ не известна, хотя сообщение Пушкарева почти дословно повторяет А. И. Лаврентьев (1858 г.)[6]. В 1856 году были открыты министерская

[1] Баратов. Сведения об отношениях в Абживском округе подвластных крестьян к своим помещикам. ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 181, лл. 132–140.

[2] АКАК, Т. VI, ч. II. – С. 851.

[3] Дудко А. П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.). Сухуми, 1956. – С. 16–18.

[4] ЦГИАГ. ф. 493, д. 160, л. 2.

[5] Пушкарев С. Абхазия и абхазцы. «Кавказ», 1854, № 61.

[6] Лаврентьев. Статистическое описание Кутаисского генерал-губернаторства. «Военно-статистическое описание губерний и областей Российской империи», т. XVI, ч. 5. СПб, 1858. – С. 264.

школа в г. Сухуме и миссионерская в с. Дихазурга[1]; в 1863 году в Сухуме – начальная горская школа с пансионом на 40 мальчиков-абхазов, за счет государства, а в 1864 году – и в с. Илори. В 1865 году число всех учащихся в Абхазии доходило до 362[2].

В 1866 году в Сухуме на благотворительные средства были открыты женское училище и мужская ремесленная школа[3]. Несколько школ было открыто и в других местах Абхазии; в частности, в Самурзаканском участке в 1867 году обучение производилось уже в 6 штатных школах и на дому у священников – в 5 селах[4]. Но в остальной Абхазии, где в 1865 году обучение шло в 5 селах, произошло сокращение числа учащихся после восстания 1866 года[5]. Вследствие этого в 1867 году в Абхазии обучение детей производилось только в 11 населенных пунктах (в 5 штатных школах и в 6 селениях на дому у священников) с общим числом учащихся 312 человек[6]. В 1870 году функционировало всего лишь 5 школ, а количество учащихся сократилось до 194 чел.[7] Однако эти школы отличались от прежнего состояния: они имели свои здания, некоторое учебное оборудование и учителей, получивших педагогическое образование. В том же 1870 году, в Сухуме была открыта вторая министерская школа – женская прогимназия. В дальнейшем школьная сеть опять начала расти[8].

Большую пользу приносила деятельность многих русских и грузинских учителей и отдельных офицеров, преданных делу народного просвещения и благожелательно расположенных к абхазскому народу. М. А. Селезнев писал (1847 г.), что многие пишут по-турецки и по-грузински, а «теперь некоторые, образовываясь в Бамборах и в Сухуме, даже по-русски»[9]. В 1864 году в Пицунде один из унтер-офицеров занимался с абхазскими мальчиками, учил их русской грамоте[10]. Заслуживает внимания также учитель Лыхнемской школы

[1] АКАК, т. XI, ф. II. – С. 746–747.
[2] Дудко А. П. Указ. соч. – С. 27, 33.
[3] «Кавказ», 19 июня 1866 г., № 47.
[4] «Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1867 г.». Тифлис, 1868. – С. 61.
[5] ЦГИАГ, ф. 493, д. 161, л. 7.
[6] Дудко А. П. Указ. соч. – С. 36.
[7] Прудков Е. Из Сухума. «Кавказ», 1870, № 82.
[8] Дудко А. П. Указ. соч. – С. 35–40.
[9] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 207.
[10] ЦГИАГ, ф. 493, д. 77, л. 48.

Евстафий Сакварелидзе, который, между прочим, в качестве «годового сочинения» написал работу на тему: «Предрассудки и поверия абхазцев, жителей Пицундского округа»[1].

Д. З. Бакрадзе в качестве инспектора школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе в 1864–1867 годах, обревизовав школы Абхазии, в своих отчетах доказывал, что абхазы особенно нуждаются в просвещении и считал необходимым ликвидировать влияние мулл. При этом Бакрадзе подчеркивал стремление народа к просвещению и способности детей к учебе. Он ставил вопрос о подборе учителей со специальным образованием, при этом резко критиковал священников, которые «сами мало подготовлены к делу преподавания»[2]. Инспектор особо отмечал успешное изучение абхазскими детьми русского языка, а также родного – «по новому абхазскому букварю»[3].

Надо сказать, что допущение преподавания родных языков, в частности абхазского, и некоторые сдвиги в этом направлении были связаны с либеральным характером школьной реформы 60-х, годов в России. Еще в 1865 году, перед выездом из Тифлиса, Д. З. Бакрадзе было предложено «ознакомить предварительно с новым абхазским букварем священников из природных абхазцев, предложить им собрать несколько приходских мальчиков и обучать их местному языку». Таких в Абхазии в то время нашлось 4 человека (лыхненский священник И. Гегиа и др.). Бакрадзе просил окумского благочинного обратить особое внимание на абхазских детей и «занимать их абхазским языком». Несколько из них, наиболее способных и выделенных инспектором Бакрадзе для подготовки в дальнейшем к преподавательской деятельности, за короткое время «совершенно усвоили абхазский букварь»[4].

По поводу интереса к изучению русского языка и первых успехов в этом деле П. К. Услар в 1861 году писал: «Большая часть горских народов... живо чувствует потребность учиться русскому языку и русской грамоте... Притом встречаются сванеты, абхазцы, адыги, кабардинцы, осетины, чеченцы, лезгины, которые весьма хо-

[1] Там же, ф. 433, д. 18, лл. 39–42.
[2] Там же, ф. 493, д. 77, л. 43.
[3] Там же, ф. 161, л. 8.
[4] Там же, ф. 493, д. 96, лл. 13 об. – 15.

рошо уже говорят и пишут по-русски. На долю этих лиц выпадает роль быть просветителями своих единоземцев созданием для них грамотности»[1].

Еще М. А. Селезнев отмечал, что абхазы имеют стремление вообще «к благодетельному образованию»[2]. Д. З. Бакрадзе в отчете за 1864 год писал, что когда он в абхазских селах объявил о скором открытии школ, население ответило, что если школы будут организованы, то они своих детей отдадут в них[3]. В 1868 году священник Моквинской церкви сообщал Д. Мачавариани, что «из разных ближайших деревень многие абхазцы привели к нему детей своих обоего пола для обучения грамоте»[4]. Население очень интересовалось успехами своих детей. Тот же Бакрадзе в 1865 году писал: «Многие из родителей и родственников, желая видеть успех детей, явились на испытания... Как они понимают пользу грамотности и как сильно в них желание, чтобы дети их учились, видно из того, что из бывших в 1864 году в школах никто их не покинул, напротив, число их значительно возросло»[5].

В отчете по учебной части Сухумской начальной горской школы за 1868 год отмечалось, что «абхазцы заметно начинают сознавать важность и необходимость воспитания своих детей... просят о зачислении детей своих на казенный счет в школу и даже на свой счет...»[6]. По сообщению епископа Гавриила (Г. Кикодзе), в 1868 году Жители Самурзаканской Абхазии изъявили горячее желание открыть в с. Окум женскую школу и вместо двухклассной школы – четырехклассное мужское училище, на каковое дело они согласились собрать средства[7]. Начальник Сухумского отдела в отчете за 1875 год писал, что на народных сходах нередко заявляют: «Дайте нам умереть такими, как мы есть, но сделайте (через школу. – Г. Д.), чтобы наши дети были другими людьми». И «в подтверждение искренности такого заявления служит факт, что школы не могут вмещать всех детей, желающих учиться»[1].

[1] Услар П. К. О составлении азбук кавказских языков. См. приложение к его работе «Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык». – С. 50, 56.

[2] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 207.

[3] ЦГИАГ, ф. 433, д. 71, лл. 48–49-

[4] Там же, ф. 15, д. 2, л. 7.

[5] Там же, ф. 493, д. 96, лл. 16–17.

[6] Там же, ф. 545 д. 531, лл. 3–16.

[7] ЦГАА, ф. 15, д. 2, лл. 2–3.

Школы сыграли положительную роль в деле развития народного образования в Абхазии, хотя царизм, давая согласие на открытие их, преследовал определенную цель: утверждение самодержавия и его опоры – православного христианства. Школы являлись источником просвещения, способствовали повышению грамотности среди населения, приобщению к культуре русского народа, сближению русского, грузинского и абхазского народов. Школы также способствовали появлению абхазских культурных кадров.

Некоторые абхазские мальчики, окончив школу, шли учиться дальше. В 1871/72 учебном году, например, из числа абхазских детей обучались в Магарачском училище виноделия – 1 человек, Никитском саду – 3, Ставропольской гимназии – 5, Ставропольской семинарии – 3, Тифлисском фельдшерском училище – 2, Тифлисском александровском педагогическом училище – 4. Кроме того, готовились: в сельскохозяйственную школу в Лачино – 2 человека (один «для обучения ветеринарному искусству», а другой «для приготовления в агрономы»), двое «при докторах готовятся в фельдшера» и т. д.[2]. В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год также отмечалось, что из Абхазии несколько мальчиков было отправлено во Владикавказскую школу и Никитский сад «для обучения сельскому хозяйству»[3]. Вместе с тем, практиковалась посылка сыновей местных дворян в военные учебные заведения, а также университеты. Получив специальность, абхазские дети возвращались в родной край, многие из них несли знания своему народу.

Так, благодаря благотворному влиянию русской и грузинской культуры во взаимодействии с местными древними культурными традициями, происходило образование абхазской интеллигенции.

Одним из первых видных абхазских интеллигентов был С. Т. Званба (1809–1855 гг.). К. А. Бороздин, как видно, хорошо знавший Званба, писал, что он был «очень начитанным и развитым человеком»[4]. В формулярном (послужном) списке Званба было от-

[1] ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79–116.

[2] ЦГИАГ, ф. 545, д. 574, лл. 4–10.

[3] Там же, д. 996, лл. 3–40.

[4] Бороздин К. Омер-паша в Мегрелии (Рассказ очевидца). «Военный сборник», 1873, № 5. – С. 28.

мечено: «Российской и французской грамоте читать и писать умеет; математику, тригонометрию, алгебру, историю, географию, фортификацию, ситуацию и закон божий знает»[1].

На развитие общественно-политических взглядов С. Т. Званба, примыкавшего, по-видимому, к группе офицеров русской армии типа генерала Н. Н. Раевского, и возникновение у него интереса к изучению абхазской этнографии, решающее влияние оказало его тесное общение с представителями передовой русской общественности. В 1828 году Званба поступил в Дворянский полк (вообще в Петербурге он находился с 1826 года), т. е. спустя два с половиной года после восстания декабристов, и был здесь до 1832. Затем, он все время находился в составе Кавказской армии, в которой имел возможность встречаться с отдельными передовыми русскими людьми, в частности, с декабристами и их единомышленниками, сосланными сюда. Например, с декабристом-писателем А. А. Бестужевым-Марлинским он служил в одной части, командуемой декабристом В. Д. Вольховским, а его начальником по Черноморской береговой линии с 1837 года по 1841 год был Н. Н. Раевский.

С. Т. Званба, сотрудничая в тифлисской газете «Кавказ», в первой половине пятидесятых годов опубликовал несколько ценных статей[2], сыгравших важную роль в деле изучения этнографического быта абхазского народа и знакомства русского читателя с этим бытом, несмотря на классовую ограниченность взглядов автора на вопросы общественной жизни. Таким образом, вполне справедливо утверждение профессора М. О. Косвена о том, что этнографические сведения С. Т. Званба составили значительный вклад в абхазоведение[3]. Вместе с тем, имя подполковника С. Т. Званба вошло в историю русской армии как человека, проявившего себя храбрым и талантливым командиром в период Крымской войны[4].

Вместе с С. Т. Званба, начал военную службу Н. Н. Шакрыл. Скоро из них вышли «прекрасные офицеры, ничем не отстававшие

[1] См. Т. Т. Стефанов. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1908. Юбилейный выпуск. Батум, 1906, Приложение XVII. – С. 24.

[2] См. С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955.

[3] Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», II. – С. 356.

[4] Подробности о С. Т. Званба см. Г. А. Дзидзария. Соломон Теймуркович Званба (предисловие к работе С. Т. Званба «Этнографические этюды»).

от своих русских товарищей»[1]. Затем они вместе находились при дворе владетеля Абхазии в качестве переводчиков и проводников. Шакрыл владел несколькими языками (абхазским, русским, черкесским, турецким); «зная основательно свою родину», много помог, как и С. Т. Званба, русскому офицеру Ф. Ф. Торнау в сборе физико-географических, историко-этнографических и статистических сведений об Абхазии[2], а также в деле знакомства его «с языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью»[3]. Когда Н. Н. Шакрыл в 1835 году утонул в р. Бзыбь, во время переправы на пароме, то «это известие, – писал Торнау, – меня чрезвычайно огорчило, потому что я привык и любил его за добрый нрав и за качества ума, которыми он отличался перед всеми знакомыми мне молодыми абхазцами»[4].

Следует также назвать имя Д. Г. Шервашидзе (ум. в 1858 г.) – героя Крымской войны, человека «с хорошими способностями»[5]; он прекрасно писал по-русски и по-грузински[6], занимался литературой[7]. По свидетельству современников, Д. Г. Шервашидзе – «один из умнейших людей Абхазии»[8].

Появляются и первые абхазские учителя. В этом деле большую роль играла Александровская учительская школа в Тифлисе, открытая в 1866 году. Одним из учителей был Григорий Эмухвари (Емхаа), о котором директор указанной школы в отчете за 1872 год писал, что Очемчирская школа «замечательна по своим блестящим успехам, которых она достигла благодаря энергичной деятельности учителя природного абхазца Эмухвари»[9]. Воспитанник той же школы Виссарион Инал-ипа с 1874 года работал учителем в Окумской школе, а с 1876 года – в Гупской. Успешно работал также учитель Бедийской школы Шервашидзе, получивший в 1874 году денежную

[1] Торнау Ф. Ф. Указ. соч., ч. 1. – С. 72, 112.

[2] Сведения эти вошли в докладные записки Ф. Ф. Торнау, хранящиеся в ЦГВИА (ф. ВУА), а также в его книгу «Воспоминания кавказского офицера» (ч. 1).

[3] Торнау Ф. Ф. Указ. соч.. – С. 72, 112.

[4] Там же. – С. 75.

[5] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 174.

[6] ЦГВИА, ф. 395, ИГ отд., 1 стол, оп. 455, св. 1100, ч. II. д. 546, лл. 159–162.

[7] Селезнев М. Указ. соч., кн. II. – С. 174.

[8] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I. – С. 151.

[9] ЦГИАГ, ф. 433, д. 20, л .12.

награду. Эта школа считалась тогда одним из лучших учебных заведений в Абхазии[1].

В 1870 году, по инициативе Ю. П. Проценко, был открыт «небольшой, но очень интересный музей, наполнявший уже одну большую комнату» при Сухумской горской школе. Но этот музей перед войной был вывезен в Кутаис, и дальнейшая его судьба неизвестна[2]. В августе 1871 года на деньги, пожертвованные Ф. Завадским и В. Гейманом, в Сухуме была открыта метеорологическая станция, но вскоре работа станции замерла ввиду отсутствия необходимых средств[3].

Был основан Сухумский статистический комитет. В 1874 году предпринято образование Сухумского отдела Кавказского общества сельского хозяйства, а также внесено предложение об учреждении в Сухуме метеорологической станции и санитарного комитета. Но все эти мероприятия, за неимением средств, по признанию начальника Сухумского отдела, «оказались мертворожденными»[4].

В 1875 году в Абхазии было 2 врача и 2 фельдшера, которые обслуживали до 7.885 больных[5].

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов большинство учебных заведений Абхазии было сожжено турецкими войсками, а в современных Гудаутском и Очамчирском районах уничтожены все школы[6]. Но после войны снова были открыты школы, и число учащихся постепенно росло. К 1901 году, например, школ в Абхазии стало 100, учащихся – 3.951 человек, учащих – 152[7]. При этом росло количество школ с сельскохозяйственным уклоном. Только в 1893/94 учебном году были созданы три сельскохозяйственных училища для младшего возраста в Лыхнах, Очемчирах и Окуме. В 1893 году Тифлисскую школу садоводства окончило три человека из с. Лыхны[8].

Автор работы «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь» об абхазских учащихся школы этого монастыря писал: «Если же по детям можно справедливо судить и о родителях, то я имею неоспоримые основания вывести за-ключение об абхазцах как о народе, необыкновенно способном и обладающем прекрасными душевными качествами. В числе двадцати воспитанников почти половина таких, которых я без преувеличения могу назвать идеальными... Многим детям, поступающим из самых глухих местностей, в четырехлетнее пребывание в школе не приходится делать даже ни одного серьезного замечания, так безусловно хорошо они ведут себя, проявляя при этом и необыкновенное прилежание» (стр. 297–298).

Происходил «дальнейший рост интеллигенции Абхазии. Выше говорилось о содействии некоторых образованных абхазов в составлении первой абхазской азбуки. Среди них «особенно важную услугу в этом деле оказал князь Константин Георгиевич Шервашидзе, служивший в Тифлисе... Содействие в подобном деле вполне просвещенного и развитого абхазца, знающего, кроме природного, и другие языки, было драгоценно. Князь с охотой принял участие в деле комиссии, просмотрел и исправил все статьи, вошедшие в букварь, введя в них много оборотов, исключительно свойственных духу абхазского языка»[1].

Далее следует назвать поэта и общественного деятеля Г. М. Шервашидзе (Чачба) – старшего сына последнего абхазского владетеля. По своим социально-политическим взглядам он примыкал к либерально-дворянской интеллигенции, возглавлявшейся в Грузии писателем И. Чавчавадзе. Г. Шервашидзе был другом А. Церетели и близко знаком с И. Чавчавадзе.

Г. М. Шервашидзе стал сотрудничать в газете «Дроэба». Он проявил себя одинаково успешно во всех жанрах поэзии. Вместе с тем Г. М. Шервашидзе писал и пьесы. Его комедия «Уходящие тени» впервые была поставлена на тифлисской сцене в 1881 году и издана в Кутаисе в 1882 году. Другая драматическая картинка автора – «Дым без огня» – ставилась К. Месхи в кутаисском театре в 1893 году, а затем – в Тифлисе. В кутаисском же театре впервые была поставлена

[1] Там же, лл. 66–67, 86.
[2] Там же, ф. 12, оп. 7. д. 2376, лл. 3–4.
[3] Там же, ф. 5, д. 2511, лл. 1–4, 7–8.
[4] ЦГИАГ, ф. 545, д. 996, лл. 3–40.
[5] Там же.
[6] ЦГАА, ф. 15, д. 537.
[7] Там же, ф. 8, д. 157, л. 57.
[8] «Новое обозрение», 9 января 1893 г., № 3108, Тифлис.

[1] Введение письменности у кавказских горских народов. «Кавказ», № 70, 1862. Цит. по статье Х. С. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. «Труды» Абхазского института языка, литературы и истории АН Грузинской ССР, XXX. Сухуми, 1959. – С. 274.

пьеса «Георгий III» – самое значительное драматическое произведение Г. М. Шервашидзе.

Г. М. Шервашидзе превосходно владел абхазским, грузинским, русским и французским языками. Свои произведения он писал на грузинском языке, но его перу принадлежат несколько стихотворении и статей, написанных на русском языке.

Г. М. Шервашидзе любил поэзию А. С. Пушкина, о чем свидетельствует сделанный им перевод стихотворения великого поэта «Цветок» на грузинский язык. Увлекаясь поэзией В. Гюго, он также делал переводы из произведений знаменитого французского поэта-романтика.

Горячую любовь к родной Абхазии Г. М. Шервашидзе выразил в стихотворении «Абхазская песня «Варада»». «Только на почве глубокого чувства и понимания своеобразия родной среды мог зародиться такой шедевр...», – писал акад. Н. С. Джанашиа об этом стихотворении[1].

Представителем того же общественно-культурного круга, к которому принадлежал Г. М. Шервашидзе, являлся Д. З. Чхотуа (1849–1928 гг.), один из первых среди абхазов, учившихся в университете[2] (естественный факультет Петербургского университета). Ложно обвиненный в убийстве[3], он в 1878 году был присужден к лишению всех прав, каторжным работам на 20 лет и пожизненной ссылке, откуда вернулся на родину в 1906 году глубоким стариком. Кстати, по делу Д. З. Чхотуа в качестве свидетеля проходил присяжный поверенный г. Петербурга Давид Анчабадзе.

Д. З. Чхотуа был одаренным публицистом. В газете «Дроэба» им был напечатан ряд статей, в частности, «Два обычая в Абхазии» (о воспитании и гостеприимстве абхазов)[4]. Но самой значительной работой Д. З. Чхотуа является исследование «Герои поэмы Руставели и их мировоззрение», большая часть которого, к сожалению, утеря-

[1] Джанашия С. Георгий Шервашидзе. Очерки из истории культуры Абхазии и Мингрелии // Материалы к истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1939. – С. 24.

[2] Между прочим, в 1865–1869 годах в Московском университете учился Г. Д. Шервашидзе, по-видимому, автор реферата о Макиавелли, хранящегося в ЦГИА (ф. 1110, оп. 1, д. 10, лл. 1–59).

[3] См. В. Д. Спасевич. Дело Давида и Николая Чхотуа и др. (Тифлисское дело). «Судебные речи известных русских юристов». М., 1957. – С. 586–652.

[4] Дроеба, 4 августа 1872 г., № 30.

на[1]. У Д. З. Чхотуа были труды и из области естествознания. Есть указания, что «абхазский князь Чхотуа» материально помогал кружку грузинского народника Эгн. Иоселиани в организации библиотеки (1866 г.)[2].

К этому периоду относится начало расцвета творчества популярного поэта-сатирика, слепого певца Жана Ачба (1846–1916 гг.). Творчество Ж. Ачба, его песни и сатирические частушки, направленные против князей и дворян, царских прислужников и богачей, воспевавшие народных героев и клеймившие его предателей, отличались выразительностью формы и насыщенностью образов. Произведения Жана Ачба в художественном отношении представляют высшие образцы абхазской народной поэзии. Его творчество стало неисчерпаемым источником для развития многих видов народного искусства Абхазии. Песни Ачба сопровождались аккомпанементом на национальном инструменте апхярца. Причем, он стремился расширить музыкальные возможности апхярца и ввел ряд усовершенствований в эту абхазскую скрипку, которая всегда была спутником во всех проявлениях народного творчества[3].

В 1880 году свою деятельность начал выдающийся педагог Ф. Х. Эшба (1855–1928 гг.)[4] – «дед абхазской школы». Эшба является автором историко-этнографического очерка «Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы» (СМОМПК, вып. XI, 1891) и первого задачника на абхазском языке – «Аҳасабшәҟә Аԥсны ашколқәа рзы. Сборник арифметических задач для абхазских начальных училищ» (Тифлис, 1907). Задачник Эшба долго обслуживал абхазские школы, а очерк его, посвященный описанию домашней промышленности и ремесел Абхазии, не потерял своей ценности и в настоящее время. Ф. Х. Эшба, кроме того, принимал деятельное участие в комиссии по

[1] Сохранившаяся часть указанного труда Д. Чхотуа опубликована академиком С. Н. Джанашиа в «Сборнике Руставели. К 750-летию «Вепхисткаосани». Тбилиси, 1938.

[2] Джанашиа С. Н. Давид Чхотуа и его очерки о поэме Руставели. «Сб. Руставели». – С. 203.

[3] Лакербай М. Очерки истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1957. – С. 14–19.

[4] Подробности о Ф. Х. Эшба см. в работах А. П. Дудко. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.); Фома (Омар) Христофор-ипа Ешба («Алашара», № 2, 1955).

переводу на абхазский язык книг и учебников. Между прочим, он является автором популярной абхазской застольной песни «Шьарда аамта» («Долгие лета»).

Другим видным абхазским педагогом и общественным деятелем был Виктор (Тархуна) Халылович Гарцкия. Он родился и похоронен в с. Моква, Кодорского участка. В. Х. Гарцкия вместе с Ф. Х. Эшба окончил Горийскую учительскую семинарию. Он работал учителем Очемчирского училища, директором Сухумской горской школы. В. Х. Гарцкия был связан с писателем Г. М. Шервашидзе и часто ездил к нему. Его несколько раз арестовывали и в общей сложности, около двух лет находился в тюрьме; причем преследовался «из-за какой-то рукописи», составленной им. После себя Гарцкия оставил «огромную связку» (рукописей)[1]. Перу его принадлежит работа «Из абхазских народных предании и поверий: 1. Озеро Папанцкур. 2. Абрскил (Абхазский Прометей). 3. Ач-кы тызго», опубликованная в 1892 году[2].

С 1883 года начинается деятельность П. Г. Чарая (1861–1919 гг.). Он родился в с. Ешкыт Гупской общины, Кодорского участка, в семье священника, жившего здесь с 1856 года. П. Г. Чарая всю жизнь посвятил делу народного просвещения, служа «учителем в Гупском обществе в среде же абхазов»[3]. В лице П. Г. Чарая, мы имеем и значительного краеведа. Его статьи и сообщения печатались, начиная с 80-х годов, в «Иверии», «Моамбе» и других органах[4]. Заслуживает большого внимания обстоятельная работа Чарая «Об абхазах и Абхазии», посвященная изучению этнографии абхазского народа[5]. Самым же значительным его трудом является исследование «Об отношении абхазского языка к яфетическим». Эта работа была опубликована по решению Историко-филологического отделения Российской Академии наук и вышла в 1912 году в Петербурге под редакцией и с предисловием П. Я. Марра. Акад. Марр назвал П. Г. Чарая «самородным лингвистом»[6].

[1] Арх. Абхазского института им. Д. И. Гулиа, ф. 1, д. 1/5/103, л. 36.
[2] СМОМПК, т. XIII, 1892, отд. II. – С. 32–33.
[3] ЦГИАГ, ф. 231, оп. 2. д. 42, лл. 5–6.
[4] См. Цицишвили С. Петре Чарая. Сухуми, 1953.
[5] Иверия, 1888 г., №№ 165, 167, 169, 173, 175, 176, 180, 183.
[6] Марр Н. Я. Об языке и истории абхазов. – С. 130.

Известный педагог, краевед и общественный деятель Н. С. Джанашиа (1872–1918 гг.) родился в с. Адзюбжа, Кодорского участка. Педагогическую работу Джанашиа начал в 1891 году в Сухумской горской школе, питомцем которой он был; с 1894 года заведовал Гудаутской министерской школой. Прекрасно владея абхазским и грузинским языками, Н. С. Джанашиа облегчал детям изучение, преподаваемого им русского языка. Наряду с работой в школе Н. С. Джанашиа уделял большое внимание общественным вопросам, не выпуская из поля зрения бедственное положение трудящихся, о которых с горячим сочувствием выступал в прессе.

Вместо с тем, Н. С. Джанашиа уже в этот период проявлял живой интерес к абхазской этнографии. Его работы в этой области с 1897 года регулярно печатались в грузинских журналах и газетах – «Моамбе», «Иверии», «Акакис кребули». Например, крупное исследование Н. С. Джанашиа «Абхазы (Этнографические материалы)» было опубликовано в «Моамбе» в 1897–1899 годах. Впоследствии, Н. С. Джанашиа свои статьи по этнографии абхазов перевел на русский язык и они были опубликованы акад. Н. Я. Марром в журнале «Христианский Восток», под названиями: «Религиозные верования абхазов» (т. IV, в. I, 1915) и «Абхазский культ и быт» (т. V, в. III, 19,17). Много фольклорного материала включено в этнографические исследования Н. С Джанашиа. В его работах содержатся также ценные сведения по абхазскому языку, социальным отношениям и топонимике Абхазии[1].

Выдающийся художник Александр Шервашидзе родился в 1868 году в семье Константина (Хуршидбея) Шервашидзе – младшего брата последнего абхазского владетеля. А. К. Шервашидзе специальное образование получил в Московском училище живописи, скульптуры и ваяния. В 1895–1899 годах он находился в Париже и учился у проф. Фернанда Кормонса. Творчество А. К. Шервашидзе формировалось и развивалось под влиянием передовой русской культуры.

А. К. Шервашидзе внес значительный вклад в развитие русского театрального декорационного искусства. «Та реформа, – отмечалось в 1909 году в журнале «Аполлон», – которую произвели

[1] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сост. и предисл. Х. С. Бгажба. Сухуми, 1960.

в русском театральном декорационном искусстве лучшие декораторы нашего времени – Головин, Коровин и Шервашидзе, со всей справедливостью ставит вопрос о вывозе их произведений в провинции России»[1]. А. К. Шервашидзе в течение многих лет работал в Мариинском театре в Петербурге и постановщиком-художником «Старинного театра», в которых оформил спектакли «Фауст», «Гамлет», «Талисман», «Завтрак у предводителя» и др. Художником оформлялись спектакли также в крупнейших театрах Парижа, Лондона и Мадрида.

А. К. Шервашидзе известен также как критик-искусствовед и историк искусства. Его перу принадлежат многие интересные статьи и исследования. К ним относятся, например, «Осенний салон», статья о французском художнике Жорже Суре, большое исследование «Французская живопись на протяжении 100 лет». Плодотворна была деятельность А. К. Шервашидзе и в дальнейшем[2]. В 1959 году в возрасте 91 года А. К. Шервашидзе, проживающий в Париже, прислал в дар Государственному музею искусств Грузии свои произведения и личный архив[3].

В 1892 году в Тифлисе вышел абхазский букварь, составленный К. Д. Мачавариани и Д. И. Гулиа. В предисловии к нему авторы писали: «Цель нашей азбуки заинтересовать детей абхазцев их грамотой». Эта азбука стала основным пособием при изучении абхазского языка. «Эту азбуку, – писал Д. И. Гулиа, – впервые увидели абхазские школы, и по ней стали обучаться дети абхазцев на родном языке. Открылась возможность говорить с народом на его родном языке»[4].

Именно при помощи этой азбуки были написаны Д. И. Гулиа первые произведения абхазской литературы. Гулиа преподавал абхазский язык в начальных школах, работал по созданию учебной литературы на родном языке, переводил популярные брошюры с практическим уклоном для крестьян.

Глубокое влияние на духовное формирование основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа оказали, как творчество вы-

[1] Цит. по статье О. Пиралишвили. О художнике Ал. Шервашидзе. «Литературная газета», 1 августа 1958 г.

[2] Пирамишвили Отар. Художник Александр Шервашидзе. «Дроша», 1956, № 1. – С. 10–11.

[3] «Апсны Капшь» , 12 июля 1959 г., № 136.

[4] Гулиа Д. История Абхазии, т. I. Тифлис, 1920. – С. 21.

дающихся грузинских поэтов революционно-демократического направления И. Чавчавадзе и А. Церетели, так и классическая русская литература. Бессмертные творения великого поэта А. С. Пушкина с самых юных лет пленяли и привлекали к себе Д. И. Гулиа.

Среди первых абхазских интеллигентов следует упомянуть и А. И. Агрба, сына бедного крестьянина с. Калдахвара, Гудаутского участка, поступившего в школу на 21 году своей жизни. Окончив Сухумскую городскую школу (1886 г.), Туапсинскую Варваринскую сельскохозяйственную школу (1890 г.) и Тифлисскую духовную семинарию (1899 г.), он поступил в Юрьевский (Дерптский) ветеринарный институт, который также успешно окончил в 1907 году.

В течение всего периода учебы в институте, а до этого 6 месяцев в семинарии, А. И. Агрба сотрудничал с профессором филологии Леонгардом Мазнингом, который по просьбе Венской Академии наук изучал абхазский язык[1]. Для сбора лингвистического материала студент Агрба ежегодно направлялся в Абхазию, где им было собрано свыше 1000 текстов и передано затем профессору Мазнингу[2].

Из следующего поколения, выступившего в начале XX века надо отметить А. М. Чочуа, который много сделал в области народного просвещения, в деле создания литературы для начальной школы и самообразования. А. М. Чочуа родился в 1878 году в с. Адзюбжа, Кодорского участка, в семье крестьянина. В 1897 году он окончил Сухумскую городскую школу, в 1901 году – Тифлисскую школу садоводства, а в 1905 году – Тифлисский учительский институт. С этого года А. М. Чочуа вступает на поприще активной педагогической и общественной деятельности. С 1909 года абхазские школы обучали детей грамоте по составленному им букварю[3].

Разумеется, забота об обучении абхазов грамоте, открытие в Абхазии школ, подготовка первых деятелей просвещения и культуры – все это чаще диктовалось целями недемократического характера. Трудящиеся Абхазии по-прежнему прозябали в темноте и невежестве, испытывая социальио-классовый и национальный

[1] Между прочим, с помощью проф. Л. Мазнинга в 1906 г. в г. Юрьеве М. Ашхацава был составлен алфавит для записи бзыбской речи (77 знаков).

[2] Арх. Абхазского института им. Д. И, Гулиа, ф. 1, д. 93.

[3] Грузинский текст (А. М. Чочуа). Алашара.

гнет. По переписи 1897 года грамотных в Абхазии было всего 9,8%, причем грамотные встречались только в городах, среди привилегированных и богатых слоев населения.

Однако, «поскольку, всякая политика проводится живыми людьми, даже царские чиновники нередко служили делу культурного подъема и подлинного просвещения абхазского народа»[1]. Многие русские ученые, литераторы, представители искусства в пореформенный период более обстоятельно изучали историю, археологию, этнографию, природные богатства, хозяйственный и социальный строй Абхазии. Среди русских деятелей нарастает интерес к культуре абхазского народа. Часть этого разнохарактерного материала, как и до этого, издавалась отдельными книгами и брошюрами, часть печаталась в журналах и газетах[2].

А. Н. Дьячков-Тарасов, автор ряда очерков и статей, посвященных Абхазии, писал: «Много сделано русскими для Абхазии за столетие, и сделавшие – живые и мертвые – деятели в Абхазии, конечно, ждут, что современные русские и природные абхазцы дальше продвинут вперед культуру доброго простодушного народа и его прекрасной природы»[3].

В 1887 году г. Сухум посетил великий русский художник И. Е. Репин, на которого пейзажи и жители Абхазии произвели глубокое впечатление. Репин писал В. В. Стасову в 1889 году: «Сухум мне так понравился, что я даже хотел купить там кусок земли с разрушенными стенами, в последнюю войну, дома, но одумался – далеко, не всегда будешь иметь возможность съездить туда»[4].

Неоднократно бывали в Абхазии и другие выдающиеся деятели русской культуры и науки – художники В. В. Верещагин и В. М. Васнецов, терапевт проф. А. А. Остроумов По некоторым данным, в Ново-Афонском монастыре иконостас, находящийся на левом клиросе, был расписан В. М. Васнецовым, а часть росписей (например, Мария Магдалина) исполнена известным русским художником М. В. Нестеровым[1]. Еще в 1870 году художник Л. Ф. Лагорио сделал эскиз холма с постройками на нем князя Рашита Гечба[2].

Однако, наиболее глубокое влияние на духовное формирование передовых представителей народов Кавказа оказала классическая русская литература. Илья Чавчавадзе писал: «Бесспорно, что русская литература оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала большое воздействие на то, что составляет нашу духовную силу. Она наложила свою печать на наш разум, нашу мысль и наше чувство и вообще на все направление нашей жизни»[3].

Многие классики русской литературы живо интересовались Грузией и Кавказом, в частности Абхазией. О некоторых авторах первой половины XIX века уже было сказано.

Г. И. Успенский в 1883 году совершил поездку на Кавказ, творческим результатом которой, явились его «Путевые заметки». В этом произведении говорится о том, как у трудового абхазского населения Батумской области отнимали землю. «В № 15 газеты «Батумский листок» редакция рассказывает, – писал Успенский, – факт претензии г. Я. И. и абхазцев на один и тот же участок; г. Я. И. купил его у помещика бека, а абхазцы явились и заявили свои права. В качестве собственников они стали рубить на этой земле дрова, а управляющий г. Я. И. стал эти дрова отнимать. Результат подобного положения дел может быть кровопролитным, – говорит редакция и взывает: – Почему не выяснены до сего времени права абхазских поселенцев в Батумской области когда для этого имеются все данные? Если г. Я. И. признан законным собственником, то почему не принимают меры для защиты его прав? Если же абхазы обижены и права собственности их нарушены, то почему же не приступить к улажению дела? Для кого же может быть выгодно настоящее положение дел?»[4].

А. П. Чехов был в Новом Афоне и Сухуме в 1888 году. В письме А. С. Суворину 25 июня 1888 году Чехов писал: «Я в Абхазии. Ночь

---

[1] Бгажба Х., Зелинский К. Указ. соч. – С. 23.

[2] См. Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в., раздел – Источники и литература и научно-справочный аппарат настоящей работы. Заслуживают большого внимания также труды следующих крупных русских ученых – исследователей Абхазии: А. И. Воейков (климатолог и географ), Н. М. Альбов (флорист-систематик, ботанико-географ), И. В. Мушкетов (геолог и физико-географ), В. Сизов (археолог) и др.

[3] Дьячков-Тарасов Н. А. Абхазия и Сухум в XIX столетии. – С. 195.

[4] Репин И. Е. Письма, т. II. М.–Л., 1949. – С. 134.

---

[1] Пачулиа В. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1958. – С. 137.

[2] Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874. – С. 73.

[3] Цит. по сб. В. К. Имедадзе. Деятели грузинской культуры о России. Тбилиси, 1958. – С. 37.

[4] Успенский Г. И. Собр. соч., т. 8. М., 1957. – С. 182.

ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно... и поэтично. Эвкалипты чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы сизые журавли, а главное – горы, горы и горы без конца и краю... Сижу я сейчас на балконе, а мимо... прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темносинее море.

...Если бы я пожил в Абхазии хоть месяц, то, думаю написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...»[1].

Об этом своем кратковременном посещении Абхазии А. П. Чехов писал также Н. А. Лейкину 12 августа 1888 года: «Из Феодосии на пароходе махнул в Батум. По дороге заезжал на полдня в Сухум – прекраснейший городок с тропической жарой, весь тонущий в густой нерусской зелени, – и на сутки в Новый Афон, монастырь. Здесь на Афоне так хорошо, что и описать нельзя: водопады, маслины, а главное – море и горы, горы и горы... Из Афона и Сухума приехал в Поти»[2].

В конце XIX века Д. Л. Мордовцев опубликовал «Прометеево потомство. Роман из истории последних дней независимости Абхазии», посвященный политическим событиям в Абхазии в начале XIX столетия[3].

Позднее А. П. Чехов пользовался каждой возможностью, чтобы посетить Абхазию. Две последние поездки в Абхазию и на Кавказ Чехов совершил в 1896 и 1900 годах в обществе А. М. Горького и живописца В. М. Васнецова. Под впечатлением своего пребывания на абхазской земле Чехов написал повесть «Дуэль».

В 90-е годы на побережье Абхазии побывал А. М. Горький, посвятивший своим абхазским впечатлениям рассказ «Рождение человека», действие которого происходит недалеко от Сухума, на приморской дороге, ведущей к р. Кодор. В годы своих пешеходных странствований великий писатель работал некоторое время (1891 г.) каменщиком на строительстве шоссейной дороги Новороссийск–Сухум. Свои впечатления о Гудаутах и Новом Афоне, Горький описал

[1] Чехов А. П. Полн. собр. соч., т. XIV. Письма. II. 1888-1889. М., 1949. – С. 140.
[2] Чехов А. П. Полн. собр. соч., т. XIV. – С. 145–146.
[3] Мордовцев Д. Л. Сбор, соч., т. XXXII. СПб., 1902.

в произведении «Калинин». В нем приведено крылатое горьковское изречение: «Превосходная должность – быть на земле человеком».

А. М. Горький хорошо был знаком с богатым устным творчеством абхазского народа. Вновь Абхазию Горький посетил спустя почти 40 лет – в 1929 году. По свидетельству композитора К. В. Ковача, великий русский писатель с глубочайшим интересом отнесся положительно ко всем вопросам собирания и записи абхазского народного творчества. Между прочим, слушая абхазские песни, Горький сказал: «Хорошие песни, чудесные песни! Такие мелодии мог создать только коллектив, только трудовой народ. Как надо любить и чтить своих героев, чтобы так трогательно, мужественно и горячо петь о них!»[1]. Обращаясь к молодым писателям Абхазии, А. М. Горький писал в 1933 году: «...Займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды..., переводите с абхазского языка на русский. И это может много дать не только вам персонально, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии»[2].

Один из сосланных в Закавказье русских марксистов, которые в 90-х и начале 900-х годов вели здесь революционную работу, В. К. Родзевич-Белевич, интересуясь вопросами экономического развития края сообщает интересные сведения о рыболовстве, дельфиньем и устричном промысле в Абхазии. Эти данные содержатся в его заметках «Рыбный промысел «а Закавказском побережье Черного моря», «Бой дельфинов в пределах Сухумского округа» и «Описание устричного промысла на Закавказском побережье Черного моря», которые были опубликованы в №1 журнала «Весь Кавказ» за 1903 год.

В Абхазии бывал и этим краем живо интересовался И. Чавчавадзе. Он имел ясное представление о положении дел в Абхазии по тем материалам, которые почти систематически печатались на страницах «Иверии», «Дроэба», «Моамбе», «Квали», «Кавказа» и других газет. В частности, «Иверия», которую основал и редактировал Чавчавадзе в течение 1877–1903 годов, со всех районов Абхазии получала корреспонденции.

[1] Ковач К. А. М. Горький об абхазском народном творчестве (1929 г.). «Советская Абхазия», 9 декабря 1956 г.
[2] Цит. по статье Х. С. Бгажба. Об абхазском героическом эпосе. «Труды» Абхазского института языка, литературы и истории, XXVI. Сухуми,. 1955. – С. 237.

Когда в 1898 году происходили выборы в Сухумскую городскую думу, группа сухумцев обратилась к И. Чавчавадзе с просьбой рекомендовать подходящего кандидата на должность сухумского городского головы. И. Чавчавадзе охотно отозвался на эту просьбу и рекомендовал поставить во главе городского самоуправления видного общественного деятеля А. Сараджишвили[1]. Последний был избран на указанную должность, но не был утвержден кутаисским губернатором[2].

В мае 1903 года И. Чавчавадзе был в Гаграх и Сухуме. Сухумское общество во главе с М. Анчабадзе устроило теплую встречу великому писателю. 24 мая в саду А. Шервашидзе (по нынеш. ул. Чавчавадзе, 10) был дан торжественный обед. На обед была приглашена и тифлисская драматическая труппа, которая в то время гастролировала в Сухуме (в составе В. Абашидзе, Н. Габуния-Цагарели и др). И. Чавчавадзе на обеде выступил с речью. Он сказал, что земля Абхазии в прошлом защищалась саблей, и так или иначе она сохранилась. Но сегодня ей угрожает другой враг – деньги, который идет не прямо с честной саблей, а тайно, воровски, коварно. Речь идет, как не трудно догадаться, о расхищении и разбазаривании земель[3].

Другой классик грузинской литературы, Акакий Церетели, на абхазском материале построил свою известную поэму «Гамзрдели» («Воспитатель»), превосходно переведенную впоследствии (1918 г.) Д. И. Гулиа на абхазский язык. Великий писатель питал глубокое уважение к абхазскому народу.

В телеграмме абхазской интеллигенции, посланной в Тифлис в связи со смертью А. Церетели, говорилось: «Абхазцы в лице нас выражают своим братьям-грузинам, с которыми, в продолжение нескольких тысячелетий делили радость и горе, самое сердечное соболезнование по поводу кончины великого печальника и певца родной земли Акакия, так чудно воспевшего и наш уголок»[4].

Великий грузинский педагог и просветитель Я. С. Гогебашвили хорошо знал Абхазию, изучал ее и бывал в ней. Так, осень и зиму 1875 года Гогебашвили провел в Сухуме[5]. В своем сочинении «Бунебис кари», вышедшем в 1868 году, он значительное место отвел Абхазии. Касаясь прошлого абхазского народа, Гогебашвили писал: «Абхазы по происхождению составляют отдельное племя, но они все же ближе к нам из всех остальных нородов Кавказа. В средних веках Грузия и Абхазия были вместе объединены и составляли одно царство; особенно во время царицы Тамары между «ими существовала тесная связь... Влияние Грузии было полезно для Абхазии. Здесь распространялось христианство...» Далее Гогебашвили дает сведения о географическом положении, климате и природных богатствах Абхазии; хозяйственных занятиях ее населения; «национальном управлении абхазов», в частности, народных собраниях, «имевших большие права». Автор касается также восстания 1866 года и последовавшего за ним махаджирства и т. д.[1].

Известный писатель и публицист Геогрий Церетели, будучи редактором «Дроэба» (1866–1869 гг.) и «Квали» (1893–1897 гг.), так же как и И. Чавчавадзе в «Иверии», на страницах этих газет помещал корреспонденции об Абхазии. В романе «Гулькан» Г. Е. Церетели, наряду с другими явлениями, показано, на примере Петриелы, зарождение и становление в Грузии торгового капитализма. Действие романа автор переносит и в Абхазию. В один прекрасный день (это было в 60-х годах) Петриела на пароходе Русского пароходного агентства высаживается в порту Адлер. Здесь он скоро нашел себе «подходящее занятие». На этом побережье властвовал феодал Маргания, содержавший целый отряд контрабандистов и тесно связанный с турецкими барочниками. Контрабандисты тайно разгружали турецкие баркасы и сдавали товар людям Маргания, которые продавали его горным жителям.

Петриела близко сошелся с купцами, торговавшими в портах Кулеви, Анаклии, Сухума и Адлера, и начал заниматься посредничеством. Скоро он стал человеком со средствами. Но под преследованием русских властей отряд контрабандистов распался. Петриела же, записавшись в купцы, открыл лавку в Адлере и начал торговать свежей и вяленой рыбой и солью. Но узнав, что в Квиани бойко идет торговля, он поспешил туда[2].

В статье «Письма с Кавказа», напечатанной в газете «Голос» от 26 октября и 5 декабря 1877 года, Г. Е. Церетели, как отмечалось

[1] Чавчавадзе И. Письма. Сухуми, 1949. – С. 91–92
[2] Джанашия Н. Письмо из Сухума. Иверия, № 95, 1899.
[3] Иверия, 4 июня 1903 г.
[4] Сб. «Акакий и его время». Тифлис. 1915. – С. 178.
[5] Тавзишвили Г. Якоб Гогебашвили. Тбилиси, 1952. – С. 19.

[1] Гогебашвили Я. Сочинения. Тбилиси, 1958. – С. 213–216.
[2] Георгий Церетели. Избранное. Тбилиси, 1957. – С. 383–384.

выше, с горечью писал о том, как турки «увели наших сорок восемь тысяч абхазцев...», а также указывал на тот факт, что грузинские части, в боевом содружестве с русскими войсками, не пустили турецкие полчища дальше Сухума.

Другой грузинский публицист и общественный деятель Сергей Месхи, который с 1869 года более 10 лет был редактором «Дроэба», напечатал в ней большой разнообразный материал об абхазах и Абхазии. Месхи писал непосредственно, глубоко сочувственно об абхазских и черкесских махаджирах – переселенцах; приветствовал возвращение их на родину; остро выступал против политики царизма по опустошению новых районов на Черноморском побережье для колонизации[1].

В 1896 году некоторые общественные деятели Сухума обратились к талантливому литератору и публицисту И. Мачабели с просьбой согласиться на должность сухумского городского головы. В ответ на это Мачабели писал: «...Могу дать слово, что все свои силы использую, чтобы оправдать доверенное дело, тем более, что нам, грузинам, надлежит в таких окраинах, как Сухуми, показать себя добросовестными»[2].

Должны быть также названы М. Джанашвили и К. Мачавариани. Перу Джанашвили принадлежит этнографический очерк «Абхазия и абхазцы» (ЗКОРГО, кн. XVI, 1894), а К. Мачавариани – ряд работ, главным образом, по этнографии абхазского народа, опубликованных в 80–900-х годах в различных журналах и газетах. К. Д. Мачавариани вместе с Д. И. Гулиа является автором абхазского букваря, вышедшего в 1892 году.

Наблюдаются сдвиги в области развития сельскохозяйственных и культурно-просветительных учреждений и общественных организаций Абхазии.

В 1893 году снова был поставлен вопрос об учреждении в Сухуме Историко-археологического музея. Переписка по этому вопросу затянулась вплоть до 1900 года, когда было официально признано организовать его на «частные средства, а не на казенные или городские»[3]. В 1894 году была открыта Сухумская садовая и сельскохозяйственная организация, в ведение которой перешел и Сухумский ботанический сад. Министерством земледелия и государственных имуществ в Сухуме была устроена опытная станция «для высших культур» и опытное поле, преимущественно для злаковых культур. С 1895 года на станции в целях содействия развитию культуры табака проводились кое-какие опыты. Сухумская опытная станция в 1897 году отпустила саженцев 2.040 штук, а в 1908 году – 28.109[1]. В 1898 году эту станцию, которой тогда заведовал тайный советник П. Е. Татаринов, посетили профессора А. И. Воейков и Ф. И. Пастернацкий и инженер М. С. Сергеев. Она находилась в верхней части города и имела полный комплект инструментов метеорологической станции[2]. В 1898 году было организовано Сухумское общество сельского хозяйства, в которое вступили крупные землевладельцы, чиновники, отдельные крестьяне-кулаки и представители либеральной интеллигенции. Это общество с 1903 года начало издавать журнал «Черноморское сельское хозяйство» с приложением листка «Черноморский селянин».

С 80-х годов в Абхазии началось развитие театральной жизни. Любительскими труппами осуществлялись постановки ряда русских и грузинских пьес. Сухумский грузинский драматический коллектив, в 1885 году показавший зрителю свою первую постановку, в 1889 году поставил пьесу И. Чавчавадзе «Мать и сын». В 1886 году в Сухуме гастролировали тифлисские артисты во главе с выдающимся актером Ладо Месхишвили. Есть сведения, что им же в 1891 году была поставлена пьеса В. Гуния «Сестра и брат»[3]. В начале 1893 года в Сухуме по инициативе княгини М. Шервашидзе были поставлены спектакли «Чашка чаю» (на русском языке) и «Чудак» (на грузинском языке) А. Цагарели[4]. В дальнейшем, в 1895–1900 годах, грузинский драмколлектив показал спектакли «Арсен» (А. Казбеги), «Скупой» (Г. Эристави), «Ханума» (А. Цагарели), «Охотник» (В. Гуния) и другие. Активную роль в постановке этих спектаклей играли А. Джугели, Гаянэ, Агати и Терезия Шервашидзе[5].

---

[1] Письма С. Месхи. Т. I. – С. 493-494.

[2] Челидзе В. Жизнь Иванэ Мачабели. Тбилиси, 1955. – С. 354, 356, 357.

[3] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 2326, лл. 1,5.

[1] «Запиека депутации от Черноморского побережья о проведении Черноморской железной дороги». СПб, 1912. – С. 14.

[2] Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Черноморское побережье. СПб, 1898. – С.60, 177.

[3] Герсалия С. Сухумский театр. Сухуми, 1951– С. 16–19.

[4] «Новое обозрение», 13 февраля 1893 г.

[5] Герсалия С. Сухумский театр. – С. 23–32.

В 1895 году в Сухуме начала функционировать первая в Абхазии типография, а спустя год по инициативе местной интеллигенции в здании типографии была открыта библиотека. В 1899 году общественностью г. Сухума был поставлен вопрос «об открытии действия» музыкально-драматического кружка, но тогда он был отклонен – до утверждения его устава министерством[1].

В 90-х годах началось некоторое оживление и в вопросе организации медицинской помощи населению Абхазии, особенно в связи с появлением угрозы занесения чумы через Персию и Турцию из Индии, где в это время возникла сильная эпидемия этого страшного заболевания. Была создана специальная окружная санитарно-исполнительная комиссия. В сентябре 1900 года Драндский сельский приемный покой был переведен в Гудауты, он имел 6 коек и вплоть до 1903 года обслуживал территорию от Гагр до Зугдиди. Первым заведующим и единственным врачом Гудаутского покоя был А. И. Мостков[2].

С конца 90-х годов общественность Сухума стала настоятельно требовать открытия в городе больницы. Главным инициатором этого дела был профессор А. А. Остроумов. После организации сбора средств, в 1901 году началось строительство. Одним из активных участников этого строительства был Н. Н. Смецкой. В 1902 году открылась Сухумская городская больница на 30 коек, которой было присвоено имя профессора А. А. Остроумова и, согласно уставу, утвержденному в августе 1903 года, он считался ее «пожизненным попечителем»[3].

Так, чем ближе к началу XX столетия, тем ощутительнее происходили в Абхазии рост, а во всей Грузии и Закавказье в целом – подъем и дальнейшее развитие культуры, несмотря на жестокую колониальную политику царизма. Вместе с тем это был новый этап в развитии дружбы между народами данного края, с одной стороны, между ними и великим русским народом, с другой.

---

[1] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 7, д. 3767.

[2] Чургулия Т. Н. История развития санитарного просвещения в Абхазии. Сухуми, 1958. – С. 14–21.

[3] ЦГИАГ, ф. 12, оп. 8, д. 1682, лл. 6–8.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение Абхазии к России, изменившее все стороны жизни абхазского народа, безусловно, имело прогрессивное значение, несмотря на жестокую колониальную политику царизма.

Присоединение к России, в которой в XIX веке шел процесс капиталистического развития, втянуло хозяйство края в новое экономическое русло, разрушило замкнутость натурального хозяйства. Феодальные отношения, отягощенные целым рядом патриархальных пережитков и тормозившие развитие производительных сил, были подорваны крестьянской реформой. Прогрессивное влияние русского народа проявлялось в области культуры и просвещения. Абхазия, как и вся Грузия, стала на новый путь хозяйственно-культурной жизни.

Двойной гнет, которому подвергались трудящиеся Абхазии, обострял классовую борьбу, в которой социальная борьба переплеталась с национально-освободительной. Эта борьба объективно смыкалась с широким народным движением, происходившим по всей Российской империи и расшатывавшим основы социально-экономического строя царской России.

В противовес союзу русского царизма с местной феодальной верхушкой все больше укреплялся союз трудящихся России и Грузии, в том числе и Абхазии. В основе этого союза лежала общность их коренных интересов.

Новый период в развитии дружбы и сотрудничества между народами нашей страны начинается, когда главной силой революционной борьбы становится пролетариат. Русский рабочий класс под руководством Коммунистической партии возглавил героическую

борьбу этих народов за свое социальное и национальное освобождение и привел их к всемирно-исторической победе над самодержавием, а затем также над помещиками и капиталистами.

Прогрессивность влияния России ярко отразилась в участии трудящихся Абхазии в буржуазно-демократической революции и в Великой Октябрьской социалистической революции.

Во время первой русской революции 1905 1907 годов в Абхазии широко развернулось революционное движение. В октябре–ноябре 1905 года власть в Абхазии фактически переходит в руки трудящихся масс. В ряде мест создаются народная милиция и суды, в деревнях возникают революционные крестьянские комитеты. Налоги и подати крестьянами по существу не вносились. Наибольшего подъема революционная борьба достигла в декабре 1905 года. Однако революционное движение было подавлено.

Начинавшийся с 1910 года подъем революционного движения нашел отклик и в Абхазии. Положение трудящихся края ухудшается в годы первой мировой войны. Оно оказалось не лучшим и после Февральской революции.

После апрели 1917 года в Абхазии был организован Окружной комитет РСДРП (б) во главе с Е. А. Эшба. Большевики Абхазии вели борьбу за победу социалистической революции. Трудящиеся Абхазии горячо приветствовали Октябрьскую революцию. Весной 1918 года почти во всех районах Абхазии победила Советская власть, существовавшая до осени. Военно-революционный комитет Абхазии, пользуясь опытом Правительства РСФСР, проводит широкую работу по строительству и укреплению нового советского района.

Контрреволюционный Закавказский сейм при поддержке иностранных интервентов направил в Абхазию крупные военные силы. Трудящиеся Абхазии самоотверженно отстаивали власть Советов. Но контрреволюция, имея превосходство, сломила героическое сопротивление рабочих и крестьян.

Еще два года с помощью иностранных интервентов буржуазно-меньшевистские диктаторы творили свое черное дело. Но не угасло в трудовых массах пламя борьбы, ни на минуту не прекращали свою работу большевистские организации. В феврале 1921 года в Грузии началось всеобщее восстание. На помощь пришли части

Красной Армии. 25 февраля Тифлис стал советским, а 4 марта – Сухум. В истории страны открылась самая светлая страница.

В марте 1921 года Ревком Абхазии, за подписью Е. Эшба, Н. Лакоба и Н. Акиртава, сообщил по радио В. И. Ленину, что «волей трудящихся родилась новая Социалистическая Советская республика – Абхазия». 16 декабря 1921 года Абхазия вошла в состав Грузинской ССР на договорных началах, затем в состав ЗСФСР, как часть Грузинской ССР. 30 декабря 1922 года Абхазия в составе ЗСФСР вошла в СССР. В феврале 1931 года Абхазия вошла в состав Грузинской ССР на правах автономной республики. В августе 1937 года па VIII съезде Советов Абхазии была утверждена конституция Абхазской АССР.

Абхазия под руководством Коммунистической партии, за годы Советской власти, добилась замечательных успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Уже в 1926 году трудящиеся республики восстановили, в основном, народное хозяйство края до военного уровня. Основной задачей последующего этапа развитая экономики Абхазии была реконструкция народного хозяйства на основе новой техники и широкое социалистическое строительство в деревне.

В годы довоенных пятилеток происходит расцвет социалистической экономики Абхазии. Возник крупный индустриальный центр – г. Ткварчели, где введены в эксплуатацию несколько угольных шахт, мощная тепловая электростанция. Широкое развитие получила в Абхазии пищевая промышленность; построены чайные и табачная фабрики, консервный и ферментационный заводы и многие другие промышленные предприятия. Черноморская железная дорога доведена до Сухуми, выстроено много шоссейных дорог. Большую роль в экономике Абхазии начинает играть морской и автомобильный транспорт. Изменяется облик Сухуми и других городов. Коллективизация крестьянского хозяйства к 1940 году достигла около 94 %. Особенно большое внимание было уделено расширению чайных, цитрусовьих, тунговых и гераневых плантаций.

Бурно развивалось и культурное строительство в Абхазии. Ушли в прошлое бытовавшие ранее здесь феодальные и даже дофеодальные пережитки. Были созданы музей и институт краеведения, педагогический институт, национальные театры, библиотеки, клубы и другие научные и культурно-просветительные учреждения

Было налажено издательство на абхазском языке. В 1928 году была создана писательская организация Абхазии. Первые нотные сборники абхазских народных песен были опубликованы в 1929–1930 годах. Абхазия покрылась широкой сетью школ; в 1940 году обучалось свыше 60 тыс. человек. Неграмотность в Абхазии, в основном, была ликвидирована. Расширилась сеть здавоохранения; количество санаториев и домов отдыха выросло к 1939 году до 35. Выросли новые квалифицированные кадры, успешно работающие во всех областях народного хозяйства и культурного строительства. В 1936 году Абхазская АССР и глава Абхазского правительства Н. А. Лакоба были награждены орденами Ленина, за выдающиеся успехи, в течение ряда лет в области сельского хозяйства, равно как и в области промышленности.

С первых дней Великой Отечественной войны вся жизнь трудящихся Абхазии, как всего советского народа, была подчинена обслуживанию нужд фронта. Многие тысячи сынов Абхазии ушли на фронт, оставшиеся в тылу самоотверженно трудились. Летом 1942 года немецким захватчикам удалось прорваться на Северный Кавказ и отдельным их отрядам через перевалы вклиниться на территорию Абхазии. Они овладели с. Псху и бомбили г. Сухуми. В результате успешного наступления советских войск, в конце сентября 1942 года фашисты были отброшены. Вскоре враг бежал с Кавказа.

Трудящиеся Абхазии регулярно направляли пополнение в Советскую Армию. Они уделяли большое внимание организации производства вооружения, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, всемерному укреплению тыла. Трудящиеся создавали истребительные батальоны, уничтожая воздушные десанты врага и активно участвуя в борьбе на перевалах. За самоотверженный труд многие были награждены орденами и медалями. По Абхазской АССР было награждено только медалями «За оборону Кавказа» 8.766 чел., «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 32.102 человека. 18 сынов Абхазии удостоились звания Героя Советского Союза.

В послевоенный период быстро был возмещен ущерб народному хозяйству Абхазии. К 1951 году выпуск продукции по сравнению с 1940 годом увеличился на 63,4%. В 1946 году введена в действие вторая очередь Ткварчельской ГРЭС, а в 1948 году – Сухумская ГЭС.

Начали работать новые шахты и предприятия пищевой промышленности: чайные фабрики, молочный, консервный, пивоваренный заводы и другие. Дальнейшее развитие получает автодорожное строительство, укрепляется железнодорожное хозяйство (строительство дороги было закончено еще во время войны).

Серьезных успехов добились труженики колхозной деревни. В корне изменилась структура сельского хозяйства, характеризующаяся многогранностью, неизмеримо выросла его техническая вооруженность.

Большая работа проведена по реконструкции и благоустройству Сухуми и других городов и населенных пунктов республики.

Значительны достижения в области развития культуры и народного образования. В Абхазии работают сотни начальных и средних школ; функционируют педагогические, музыкальное и культурно-просветительное училища, музыкальные, фельдшерская и художественная школы. Успешно работают педагогический институт имени А. М. Горького и институт субтропического хозяйства. Республика покрылась густой сетью культурно-просветительных учреждений: музей, библиотеки, клубы, дома культуры, киноустановки и т. д. В 1957 году в Сухуми сдана в эксплуатацию радиовещательная станция.

Абхазское искусство и литература идут по пути дальнейшего развития и усовершенствования. Плодотворно работал основоположник абхазской литературы народный поэт Абхазии Д. И. Гулиа, скончавшийся в 1960 году. Из недр абхазского народа выросли новые творческие силы. В Абхазии ежегодно издаются десятки книг на абхазском, грузинском и русском языках. На абхазский язык переводятся труды классиков марксизма-ленинизма, произведения лучших писателей СССР и зарубежных стран. Вместе с тем, издание произведений абхазских авторов на русском и грузинском языках содействует выходу абхазской литературы на широкую читательскую арену. Выходят дитературно-художестзенный и общественно-политический журнал «Алашара» (на абхазском языке), детский журнал «Амцабз» (на абхазском языке), областные газеты: «Апсны Капш», «Сабчота Апхазети» и «Советская Абхазия». Большая научная работа ведется в ряде научно-исследовательских учреждений, в том числе в Абхазском институте языка, литературы и истории

им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, Институте экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР, Абхазском филиале Института курортологии и физиотерапии Грузинской ССР, Сухумском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур и других.

Достигнуты новые серьезные успехи в области здравоохранения. В республике имеются сотни лечебно-профилактических и курортных учреждений. Абхазию по праву называют всесоюзной здравницей. Непрерывно повышается благосостояние трудящихся.

О больших масштабах хозяйственного и культурного строительства свидетельствует рост бюджета Абхазии, который в 1940 году составлял 83,7 миллиона рублей, а в 1960 году – 254.543 тыс. рублей.

Замечательны перспективы хозяйственного и культурного строительства и нового подъема материального благосостояния трудящихся Абхазии в семилетием плане развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Объем капиталовложений в народное хозяйство Абхазии за семилетие составит около миллиарда рублей. Выпуск промышленной продукции в 1965 году достигнет 1.530 млн. рублей. Значительно возрастет техническая вооруженность сельского хозяйства, повысятся урожайность субтропических культур и продуктивность животноводства. Большие работы намечены по развитию жилищного строительства и коммунального хозяйства. Огромные средства направляются на развитие курортов Абхазии, в частности на строительство нового курорта «Пицунда». Будут проведены крупные меры по дальнейшему подъему культурного уровня населения. Предусмотрено расширение сети просвещения, здравоохранения и культурно-просветительных учреждений. Намного повысится материальное благосостояние трудящихся.

Замечательные успехи трудящихся Абхазии – яркий пример результатов осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Исторические решения XX и XXI съездов КПСС вновь подтвердили незыблемый принцип ленинской национальной политики о том, что только социализм может обеспечить подлинное всестороннее развитие хозяйства и культуры всех народов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПР – Архив внешней политики России.
АКАК – Акты, собранные Кавказской археологической комиссией.
ВУА – Военно-ученый архив.
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества.
ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ИРГО – Известия Русского географического общества.
КС – Кавказский сборник.
КСХ – Кавказское сельское хозяйство.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ССК – Сборник сведений о Кавказе.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
ТКОСХ – Труды Кавказского общества сельского хозяйства.
ЦГАА – Центральный Государственный архив Абхазской АССР.
ЦГАВМФ – Центральный Государственный архив военно-морского флота.
ЦГАДА – Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив.

СОДЕРЖАНИЕ

Салакая С. Ш. Георгий Алексеевич Дзидзария 3
Завоевание Абхазии Царской Россией 23
Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века 101
Присоединение Абхазии к России и его историческое значение 133

Предисловие 133

Введение.
Естественно-географические условия.
Демографические сведения 136

Глава первая.
Общая характеристика народного хозяйства и социального строя
Абхазии в первой половине XIX века 141

Глава вторая.
Присоединение абхазии к россии 171

Глава третья.
Упразднение владетельской власти и введение Русского управле-
ния 203

Глава четвертая.
Социально-экономические последствия присоединения Абхазии
к России 219

Глава пятая.
Борьба трудящихся абхазии против феодального и
колониального гнета 323

Глава шестая.
Развитие культуры и просвещения 396

Заключение 427

Принятые сокращения 433

Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

ТРУДЫ

I том

ГЬ. А. ЗИЗАРИА

АУСУМҬАҚӘА ???

I атом

Редактор **Дбар А.Я.**
Корректор **Чкок Л.М.**
Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**
Компьютерная верстка **Гунба Н.Г.**

Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Тираж .... Физ. печ. л. 27,25
Заказ № ....

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.